

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2022

№ 78

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus
и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

*Редакционная коллегия журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) –
главный редактор
И.А. Айзикова (Томск, Россия) –
зам. главного редактора
Ю.М. Ершов (Севастополь, Россия) –
зам. главного редактора
М.М. Угрюмова (Томск, Россия) –
отв. секретарь
П.П. Каминский (Томск, Россия) –
зам. отв. секретаря
К.В. Анисимов (Красноярск, Россия)
Н.В. Жилиякова (Томск, Россия)
Е.В. Иванцова (Томск, Россия)
И.Е. Ким (Новосибирск, Россия)
В.С. Киселев (Томск, Россия)
А.В. Колмогорова (Красноярск, Россия)
Н.А. Мишанкина (Томск, Россия)
Н.Е. Никонова (Томск, Россия)
Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)
В.А. Суханов (Томск, Россия)
И.В. Тубалова (Томск, Россия)

*Редакционный совет журнала
«Вестник Томского государственного
университета. Филология»*

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)
Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)
Е.Л. Варганова (Москва, Россия)
Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)
Е.А. Добренко (Венеция, Италия)
М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)
З.И. Резанова (Томск, Россия)
И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)
А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)
С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)
Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

*Editorial Board
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) –
Editor-in-Chief
I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
Yu.M. Yershov (Sevastopol, Russia) –
Deputy Editor-in-Chief
M.M. Ugryumova (Tomsk, Russia) –
Executive Editor
P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) –
Deputy Executive Editor
K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)
N.V. Zhilyakova (Tomsk, Russia)
Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)
I.Ye. Kim (Novosibirsk, Russia)
V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)
A.V. Kolmogorova (Krasnoyarsk, Russia)
N.A. Mishankina (Tomsk, Russia)
N.E. Nikonova (Tomsk, Russia)
T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)
V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)
I.V. Tubalova (Tomsk, Russia)

*Editorial Council
of the Tomsk State University
Journal of Philology*

J.F. Bailyn (Stony Brook, USA)
E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)
Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)
N.D. Golev (Kemerovo, Russia)
E.A. Dobrenko (Venice, Italy)
M.N. Lipovetsky (Boulder, USA)
Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)
I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)
A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)
S.L. Franks (Bloomington, USA)
T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Дамман Е.А. Особенности преодоления лингвоэтнического барьера при переводе (на материале произведений В.М. Шукшина и их перевода на английский язык)	5
Загидулина М.В. О вербализации гаптических ощущений (на примере слайм-культуры)	28
Сладкевич Ж.Р. Влияние ценностно-культурной матрицы на интерпретацию международного праздника иностранными студентами	46
Соловьев В.Д., Бочкарев В.В. Дело об аспектуальных парах открывается вновь	67

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Быстренков Д.Л., Казаков А.А. Русская антиутопическая традиция (Ф.М. Достоевский, Е.И. Замятин) и О. Хаксли: Проблема рецептивного посредничества Н.А. Бердяева	99
Есипова В.А. К вопросу о редакции списков Изборника 1073 г., хранящихся в Томске	114
Завгородний А.М. Первые опыты французской рецепции русской литературы: творчество А. Кантемира	126
Московкина Е.А. Метасюжет и интертекст в поэтике романа Е.Г. Водолазкина «Авиатор»	137
Цветкова М.В. Стихотворение Марины Цветаевой «Эмигрант» в переводе Кристофера Уайта. Ритмический аспект	154
Чиндин И.В. Рецепции идей и мифообразности Даниила Андреева в творчестве современных прозаиков (Юрий Арабов и Виктор Пелевин)	166

ЖУРНАЛИСТИКА

Баринов Д.Н. Особенности отношения молодежной аудитории к освещению в СМИ пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19)	183
Дунас Д.В. Медиа и социализация: первичная, вторичная или самосоциализация? Опыт изучения медиапотребления «цифровой молодежи» России	200

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Осовский О.Е., Дубровская С.А. «Великая задача поддержания и блюдения русской культуры»: новая монография о литературе и периодике предреволюционной России. Рецензия на книгу: Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / отв. ред. и сост. А.А. Холиков, при участии Е.И. Орловой. – М. : ИМЛИ РАН, 2021. – 768 с.	225
Петров А.В. Рецензия на книгу: Ненашева Л.В. Рукописная книга Русского Севера XV–XX вв. в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» : Научный каталог. – М. : Северный паломник, 2019. – 392 с. : ил.	239

CONTENTS

LINGUISTICS

Damman E.A. Features of overcoming the linguistic-ethnic barrier in translation (based on the material of Vasily Shukshin's works and their translation into English)	5
Zagidullina M.V. On verbalization of haptic sensations (on the example of the slime culture)	28
Sladkevich Zh.R. The influence of the value-cultural matrix on the interpretation of the international holiday by foreign students	46
Solovyev V.D., Bochkarev V.V. The case for aspectual pairs reopened	67

LITERATURE STUDIES

Bystrenkov D.L., Kazakov A.A. Russian dystopian tradition (Fyodor Dostoevsky, Yevgeny Zamyatin) and Aldous Huxley: The problem of Nikolai Berdyaev's receptive mediation	99
Esipova V.A. On the version of the Izbornik of 1073 stored in Tomsk	114
Zavgorodnii A.M. First experiences of the French reception of Russian literature: Works of Antiochus Cantemir	126
Moskovkina E.A. Meta-plot and intertext in the poetics of Eugene Vodolazkin's novel <i>The Aviator</i>	137
Tsvetkova M.V. The rhythmic structure of a poetic text as an issue of translation studies. Illustrated by the English translation of Marina Tsvetaeva's poem "Emigrant" by Christopher Whyte	154
Chindin I.V. Daniil Andreyev's ideas and mythical images: Reception in works by contemporary prose writers (Yuri Arabov and Viktor Pelevin)	166

JOURNALISM

Barinov D.N. Features of the young audience's attitude to the media coverage of the coronavirus (COVID-19) pandemic	183
Dunas D.V. Media and socialization: Primary, secondary, or self-socialization? Experience in studying media consumption of "digital youth" in Russia	200

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Osovsky O.E., Dubrovskaya S.A. Book Review: Kholikov, A.A. & Orlova, E.I. (eds) (2021) <i>Russkaya literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnuyu epokhu: formy vzaimodeystviya i metodologiya analiza: kollektivnaya monografiya</i> [Russian literature and journalism in the pre-revolutionary era: Forms of interaction and methodology of analysis: A collective monograph]. Moscow: IWL RAS	225
Petrov A.V. Book review: Nenashcheva, L.V. (2019) <i>Rukopisnaya kniga Russkogo Severa XV–XX vv. v sobranii Gosudarstvennogo muzeynogo ob"edineniya "Khudozhestvennaya kul'tura Russkogo Severa". Nauchnyy katalog</i> [Handwritten book of the 15th–20th century Russian North in the collection of the Artistic Culture of the Russian North State Museum Association. Scientific catalog]. Moscow: Severnyy palomnik	239

ЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 81'255.2+82-3
doi: 10.17223/19986645/78/1

Особенности преодоления лингвоэтнического барьера при переводе (на материале произведений В.М. Шукшина и их перевода на английский язык)

Евгения Александровна Дамман

*Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия, evgeniya_damman@mail.ru*

Аннотация. Анализируются различные проявления лингвоэтнического барьера при переводе художественного текста и способы его преодоления. Материалом исследования послужили рассказы В.М. Шукшина и их переводы на английский язык. С помощью сопоставительного анализа перевода отслеживается, каким изменениям были подвергнуты форма и содержание оригинала в процессе перевода. Данный анализ позволяет выявить трудности, обусловленные спецификой языка оригинала, с которыми может столкнуться переводчик. С учетом процента непереводимости и неадекватного перевода языковых единиц составлены рекомендации по преодолению лингвоэтнического барьера при переводе художественных произведений.

Ключевые слова: лингвоэтнический барьер, В.М. Шукшин, трудности перевода, адекватность перевода

Для цитирования: Дамман Е.А. Особенности преодоления лингвоэтнического барьера при переводе (на материале произведений В.М. Шукшина и их перевода на английский язык) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 5–27. doi: 10.17223/19986645/78/1

Original article
doi: 10.17223/19986645/78/1

Features of overcoming the linguistic-ethnic barrier in translation (based on the material of Vasily Shukshin's works and their translation into English)

Evgeniya A. Damman

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, evgeniya_damman@mail.ru

Abstract. The article presents an analysis of cases of the linguistic-ethnic barrier when translating fiction and ways to overcome it. The material of the study was stories by Vasily Shukshin and their translations into English from the collection *Vasily Shukshin: Short Stories* published in 1990. Ten stories were selected from the collection, translated by one translator, Robert Daglish. Vasily Shukshin, thanks to his special style, can be considered as one of the most “difficult” Russian-speaking

authors for translation. The features of Shukshin's style are considered difficult for foreign readers to perceive. This is explained by the individual manner of the writer, jargon, and dialect vocabulary, as well as the image of the village color with its everyday life and realities, which are not familiar or not fully understood by foreign readers. In this work, the author used the continuous sampling method, comparative translation analysis, the dictionary definition method, as well as elements of the statistical method. From this material, 117 language units were selected by a continuous sampling method, which can be a linguistic-ethnic barrier, as well as their translation into English. For each language unit selected in Shukshin's texts, as well as for the translation of this language unit into English, a comparative analysis of the translation was applied to track how the form and content of the original changed during the translation. This analysis reveals difficulties justified by the specificity of the original language that the translator may encounter. On the basis of the analyzed material, the percentage of non-translation and inadequate translation of language units was received, recommendations were made to overcome the linguistic-ethnic barrier in the translation of literary works. At the final stage of the work, the author applied elements of the statistical method. Based on the 117 selected language units, she calculated their percentage ratio in Shukshin's texts and found out what language means are used most often. Then, after analyzing the material, the author expressed the degree of translatability in percentage terms. In addition, she calculated the percentage of translatability of each analyzed language unit and concluded which components of Shukshin's texts pose the greatest difficulty in overcoming the linguistic-ethnic barrier. In conclusion, the author made recommendations to overcome the linguistic-ethnic barrier in translating literary works, explaining difficulties the translator may encounter when working with a text of fiction, as well as ways of helping the translator eliminate barriers to adequate translation.

Keywords: linguistic-ethnic barrier, Vasily Shukshin, difficulties of translation, adequacy of translation

For citation: Damman, E.A. (2022) Features of overcoming the linguistic-ethnic barrier in translation (based on the material of Vasily Shukshin's works and their translation into English). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 5–27. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/1

Введение

При отсутствии взаимопонимания представителей разных культур возникают коммуникативные трудности, барьеры, что, в свою очередь, может привести к межкультурным конфликтам. Этим обусловлена актуальность данного исследования: изучить барьеры в коммуникации, проследить причины их возникновения и предложить способы их преодоления. В данной работе мы выделяем и изучаем лингвоэтнические барьеры.

В исследованиях, посвященных барьерам коммуникации, можно встретить такие понятия, как «лингвоэтнический барьер» и «лингвокультурный барьер», и в различных работах эти понятия трактуются по-разному. Так, лингвокультурный барьер, будучи частью лингвокультурологии, рассматривает барьеры как препятствия в коммуникации, возникающие из-за различий в культуре разных народов и проявляющиеся в языке.

Что касается лингвоэтнического барьера, то его стоит рассматривать с позиций этнолингвистики. Этнолингвистика – пограничная дисциплина, находящаяся на стыке языкознания, этнографии и социологии, предметом которой является язык в соотношении с этносом [1. С. 3]. Лингвоэтнический барьер с позиций этнолингвистики представляет собой препятствие в коммуникации, возникающее вследствие этнических различий, несовпадений языкового сознания представителей различных этнических групп. В данной работе понятие лингвокультурного барьера мы рассматриваем как более широкое по сравнению с лингвоэтническим барьером. К лингвоэтническому барьеру относится всё, что мешает носителю языка перевода воспринимать текст и реагировать на него так, как отреагировал бы представитель исходного языка. Согласно Л.К. Латышеву, лингвоэтнический барьер включает в себя следующие составляющие [2]:

1. Расхождение языковых систем.

2. Языковая норма, т.е. формы, традиционно сложившиеся, функционирующие в языке, которые воспринимаются носителями в качестве языковых правил.

3. Речевая норма (узус), языковые традиции, свойственные конкретным языкам. Отличие речевой нормы от языковой состоит в том, что языковая норма отсеивает грамотные формы от неграмотных.

4. Различие экстралингвистических знаний представителей разных национальных культур.

В условиях современного мира, когда возможности и технологии перевода, в том числе машинного перевода, постоянно развиваются, некоторые составляющие лингвоэтнического барьера уже не представляются столь серьезным препятствием для успешной межкультурной коммуникации. В эпоху машинного перевода расхождение языковых систем, языковой и речевой нормы перестает быть существенным коммуникативным препятствием. Тем не менее системы машинного перевода не имеют возможности передавать значение, исходя из контекста, экстралингвистических факторов. В современном мире, когда большинству доступны функции онлайн-переводчиков, чтобы понять представителя другого языка, лишь разница в экстралингвистических знаниях остается наиболее серьезным препятствием для успешной коммуникации. Поэтому мы рассматриваем данный фактор как наиболее значительный из всех составляющих лингвоэтнического барьера.

Основываясь на представленных выше составляющих лингвоэтнического барьера, делаем вывод, что единица языка может представлять собой лингвоэтнический барьер, если она несет в себе не только лингвистическую, но и культурную информацию. Иными словами, культурно маркированные языковые единицы могут представлять собой лингвоэтнический барьер при переводе. Хотя большинство исследователей относят к культурно маркированной лексике только реалии, сюда также можно отнести языковые единицы, которые содержат фоновую информацию, представляют собой отражение языковой и речевой нормы языка, национально-

культурную семантику языка. К таким языковым единицам мы относим следующие: 1) реалии; 2) диалектизмы; 3) просторечия; 4) разговорную лексику; 5) авторские неологизмы (эрративы); 6) диминутивы и аугментативы.

Данные языковые единицы, по нашему мнению, могут представлять лингвоэтнический барьер при переводе. Они несут в себе национально-культурную специфику языка либо отражают специфическую языковую и речевую норму русского языка, не всегда доступную для понимания иноязычному реципиенту.

Материал и методы исследования

Объектом исследования выступает лингвоэтнический барьер в коммуникации. Предметом исследования являются различные проявления лингвоэтнического барьера при переводе художественных текстов, а также способы преодоления данного барьера. Таким образом, целью данного исследования является анализ лингвоэтнического барьера при переводе художественного текста и способов его преодоления.

Материалом исследования послужили рассказы Василия Макаровича Шукшина [3] и их перевод на английский язык из сборника Vassily Shukshin «Short stories», изданного в 1990 г. [4]. Из представленного сборника было отобрано десять рассказов, перевод которых осуществлен одним переводчиком, Робертом Даглишем. Р. Даглиш – первый автор, выполнивший переводы рассказов В.М. Шукшина в сборнике, выпущенном в 1974 г. Всего переводов Р. Даглиша в выбранном нами сборнике оказалось десять. Таким образом, материал нашей работы представляет собой десять рассказов В.М. Шукшина на русском языке и перевод каждого рассказа на английский язык, выполненный Р. Даглишем. Материалом нашей работы послужили следующие рассказы и их переводы на английский язык: «Сельские жители» (Country dwellers), «Степкина любовь» (Stepan in love), «Космос, нервная система и шмат сала» (Outer space, the nervous system and a slab of fatback), «Охота жить» (I want to live), «Думы» (Thoughts), «Чудик» (Quirky), «Земляки» (Men of one soil), «Сураз» (The bastard), «Бесстыдники» (A matchmaking), «Сапожки» (Boots). Поскольку Р. Даглиш, будучи переводчиком с русского языка, изучал историю и культуру России, а также жил в Москве, представляется интересным проследить, насколько погружение в русскоязычную культуру смогло повлиять на восприятие им художественной литературы и перевод ее на английский язык.

В.М. Шукшина, благодаря его особому стилю, можно рассматривать как одного из самых «сложных» для перевода русскоязычных авторов. Особенности стиля Шукшина считаются сложными для восприятия иностранцами читателями [5]. Это объясняется индивидуальной манерой писателя, использованием авторских средств выразительности, окказионализмов, жаргонной и диалектной лексики, а также изображением деревенского колорита с его бытом и реалиями, незнакомыми или не до конца по-

нятными иностранному читателю. Кроме того, уникальный художественный эффект произведений В.М. Шукшина достигается через яркое и живое описание диалогов и внутренних монологов персонажей, наполненных просторечиями и разговорной лексикой. Г.Е. Григорьева указывает на такую особенность стиля Шукшина, как намеренное введение ошибок в речь персонажей, что также делает произведения более колоритными, но в то же время сложными для восприятия иноязычными читателями [6].

В работе мы использовали метод сплошной выборки, сопоставительный анализ перевода, метод словарной дефиниции, а также элементы статистического метода.

На начальном этапе работы, применяя метод сплошной выборки, отбираем в представленных текстах на русском языке языковые явления, которые при переводе на английский язык могут вызывать некоторые трудности, иными словами, то, что может представлять собой лингвоэтнический барьер. К таким языковым единицам относятся в первую очередь реалии, а также фразеологизмы, пословицы, просторечные выражения, диалектизмы и т.д. Методом сплошной выборки было отобрано 117 языковых единиц, представленных в контексте предложений или фраз, что позволяет избежать многозначности при анализе перевода. Каждое предложение или фраза, содержащие интересующую нас реалию или иную единицу языка, дублируется фразой на английском языке, взятой из сборника переводов данных текстов. Таким образом, наглядно представлена не только интересующая нас языковая единица и ее перевод на английский язык, но и ее место в контексте предложения. Переводчик, очевидно, может прибегать к различным приемам и трансформациям для передачи смысла, поэтому необходимо смотреть не только на то, насколько верно был подобран эквивалент слова, но и насколько он вписывается в структуру предложения и передает заложенный в тексте оригинала смысл.

К каждой языковой единице, отобранной в текстах В.М. Шукшина, а также к переводу данной языковой единицы на английский язык был применен сопоставительный анализ перевода, т.е. анализ формы и содержания текста перевода в сопоставлении с формой и содержанием оригинала [7]. Задача данного метода – проследить, каким изменениям были подвергнуты форма и содержание оригинала в процессе перевода. Данный анализ позволяет выявить трудности, обоснованные спецификой языка оригинала, с которыми может столкнуться переводчик.

Поскольку стиль текстов В.М. Шукшина характеризуется обилием диалектной лексики, областных слов, просторечий, а также окказионализмов [6], в процессе сопоставительного анализа перевода нам также необходимо использовать метод словарной дефиниции. Несмотря на то, что большая часть языковых единиц, выбранных нами, является частью русского литературного языка, зачастую понять значение некоторых слов не представляется возможным даже носителю языка, особенно, если это касается диалектной лексики или областных слов, характерных для определенного региона. Именно поэтому для сопоставительного анализа перевода в некоторых слу-

чаях нам потребовалось уточнить значение слова в словаре, чтобы после этого понять, правильно ли был подобран эквивалент на английском языке. Для толкований были использованы такие русскоязычные словари, как Словарь языка Василия Шукшина [8], толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова [9], современный толковый словарь русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой [10], а также англоязычные словари Cambridge Dictionary [11], Oxford Learner's Dictionaries [12], Collins Dictionary [13], Longman English Dictionary Online [14] и Thesaurus.com [15].

На заключительном этапе работы мы применили элементы статистического метода, на основе отобранных 117 языковых единиц выяснили какие языковые средства используются В.М. Шукшиным наиболее часто. Затем проанализировали материал, оценив степень преодоления лингвоэтнического барьера при переводе каждой языковой единицы. На основе этого сделали вывод, какие именно компоненты текстов В.М. Шукшина представляют наибольшую трудность при преодолении лингвоэтнического барьера.

В заключительной части исследования, учитывая проанализированный материал, случаи неперевода и неадекватного перевода языковых единиц, мы составили рекомендации по преодолению лингвоэтнического барьера при переводе художественных произведений. В рекомендациях изложено, с какими трудностями может столкнуться переводчик при работе с художественным текстом, а также предлагаются способы, которые помогут переводчику устранить или снизить барьеры, мешающие адекватному переводу.

Адекватность перевода как критерий преодоления лингвоэтнического барьера

В теории перевода критерий, который помог бы оценить, насколько текст перевода близок к тексту оригинала с точки зрения восприятия текста реципиентами обоих языков, принято называть адекватностью перевода.

Понятие адекватности перевода по-разному трактовалось различными лингвистами и переводчиками. В данной работе мы придерживаемся подхода В.Н. Комиссарова к разграничению понятий «адекватность» и «эквивалентность» [7]. Согласно данному подходу, эти понятия соприкасаются, но не идентичны. Адекватный перевод обеспечивает необходимую полноту межъязыковой коммуникации в конкретных условиях. Эквивалентность – это смысловая общность приравниваемых друг к другу единиц языка и речи. Таким образом, различие между понятиями эквивалентности и адекватности состоит в том, что эквивалентность связана с воспроизведением коммуникативного эффекта исходного текста, в то время как адекватность ориентирована на соответствие перевода факторам вторичной коммуникативной ситуации (установка на другого адресата, на другую культуру, на иную норму перевода и литературную традицию и др.). Если эквивалентность отвечает на вопрос, соответствует ли конечный текст исходному, то адекватность отвечает на вопрос, соответствует ли перевод как процесс данным коммуникативным условиям.

Необходимо отметить, что лингвоэтнический барьер – это все то, что мешает носителю языка перевода воспринимать текст и реагировать на него так, как отреагировал бы представитель исходного языка, а адекватный перевод – это такой перевод, который способствует установлению коммуникации и восприятию носителем языка текста так же, как и носитель исходного языка. Таким образом, мы считаем, что адекватность перевода является главным критерием оценки преодоления лингвоэтнического барьера.

Лингвоэтнический барьер в текстах В.М. Шукшина

Способы передачи реалий в переводе. Обратимся к понятию реалий. Данное понятие можно толковать следующими способами [16]:

1. Слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке.

2. Разнообразные факторы, изучаемые лингвистикой и переводоведением, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т.п., с точки зрения их отражения в данном языке.

3. Предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова.

4. Слова, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта.

Необходимо отметить, что реалии представляют собой компонент фоновых знаний, необходимых для понимания иноязычного текста, и особенно для успешного и адекватного перевода иноязычного текста.

Как видно из определения понятия реалии, оно охватывает значительную область повседневной жизни носителей языка, включая обширный пласт явлений. В.С. Виноградов отмечает, что реалии носят национальный характер и относятся к числу безэквивалентной лексики [17]. Согласно В.С. Виноградову можно выделить группы реалий по следующим признакам: 1) лексика, называющая бытовые реалии; 2) лексика, называющая этнографические и мифологические реалии; 3) лексика, называющая реалии мира природы; 4) лексика, называющая реалии государственно-административного устройства и общественной жизни, как актуальные, так и исторические; 5) лексика, называющая ономастические реалии; 6) лексика, отражающая ассоциативные реалии.

Главной задачей переводчика при работе с художественным текстом является даже не адекватная передача реалий, а распознавание реалии в тексте вообще, поскольку они, как уже было сказано, не всегда являются эксплицитными, т.е. не очевидны в тексте перевода и требуют от читателя, в том числе от переводчика, наличия соответствующих фоновых знаний, помогающих распознать реалию, определенную отсылку и т.д.

Только после опознания в тексте реалии, после классификации этой реалии (географическая, культурная и т.д.) переводчику нужно приступать

непосредственно к переводу и продумывать приемы передачи реалии на язык перевода.

По нашим наблюдениям, условно группы реалий в произведениях писателя можно поделить на две большие группы: 1) относящиеся к деревенскому быту; 2) относящиеся к советскому быту. Они не используются в качестве средств художественной выразительности, а лишь для детального описания повседневной жизни персонажей произведений. Выбирая стратегию перевода реалии, необходимо учитывать фактор сохранения коннотации, важно ли в данной ситуации сохранить коннотацию, передать местный колорит, либо же реалию можно опустить, не упустив при этом основную мысль текста и сохранив адекватность для читателей текста перевода.

Наиболее распространенными способами перевода реалии являются транслитерация или транскрипция, калькирование, описательный перевод, приблизительный перевод и трансформации. Отметим, что даже при правильном адекватном переводе реалий они не всегда ассимилируются в языке перевода, особенно в том случае, если носители языка незнакомы с денотатом реалии и не могут представить его в повседневной жизни, рассматривая такую реалию как «экзотизм».

Обратимся к исследуемым текстам В.М. Шукшина. В некоторых случаях реалии не представляют собой препятствий для осуществления перевода, поскольку даже незнание читателем перевода особенностей данного понятия не ведет к утрате смысла, если в этом случае реалия не является ключевым элементом предложения. Переводчик использует прием генерализации, т.е. заменяет реалию словом с более широким значением. Смысл высказывания при этом не теряется. Рассмотрим пример из рассказа «Чудик» (Quirky).

1. *Пока что он благополучно доехал до **районного города**, где предстояло ему взять билет и сесть на поезд.*

*He arrived safely in **town**, where he was to buy his ticket and get on the train.*

Еще один пример, когда прием генерализации при переводе реалий позволяет адекватно передать смысл. Хотя при этом частично теряется колорит, что естественно в тех случаях, когда реалии не сохраняются при переводе, тем не менее на англоязычного читателя перевод окажет то же влияние, что и на русскоязычного, поскольку использованные реалии не являются ключевыми для понимания смысла. Такой пример можно найти в рассказе «Бесстыдники» (A matchmaking):

2. ***Избу**, говорит, можно пока не продавать, можно заколотить; если уживетесь, тогда уж можно, мол, продать, а деньги – **на книжку**.*

*He says you shouldn't sell your **house** yet. You can just board it up. If you get on together, then you can sell it and put the money **in the bank**.*

Рассмотрим пример перевода других реалий, отражающих деревенский быт:

3. *Совсем же другое дело, когда **в кути**, у **печки**, кто-нибудь громыхает **ухватами** и пахнет **опарой**.*

*It makes all the difference when there's someone rattling the **tongs by the stove** and there's **smell of dough on the rise**.*

Реалия «куть», имеющая значение «угол в избе против устья русской печки», была опущена переводчиком, что не привело к потере смысла, поскольку сохранение такой реалии могло бы скорее привести к непониманию реципиента языка перевода. *Печка* была передана англоязычным эквивалентом *stove*, однако стоит отметить возможные различия в коннотации данного понятия у реципиентов, принадлежащих к разным языковым культурам. При переводе реалии ухваты переводчик подобрал частичный, близкий по смыслу эквивалент. Также был использован описательный перевод, объясняющий суть реалии *опара* иноязычному читателю. Таким образом, в данном случае переводчик также справился с передачей русскоязычных реалий средствами английского языка.

Некоторые реалии допускали использование приема модуляции:

4. *Сняли с **книжки** еще пятьдесят рублей.*

*They took another fifty roubles out of their **savings**.*

Книжка, в данном значении – *сберкнижка* (сберегательная книжка), является реалией советского быта. Однако если обратимся к определению данной реалии, то узнаем, что это документ, удостоверяющий, внесение денежных средств на счет банка. Иначе говоря, применяя прием логического развития, можно сказать, что *сберкнижка* подразумевает наличие какого-то количества денег, положенных в банк. Соответственно, переводчик заменил реалию *сберкнижка* словом *savings*, таким образом преодолев лингвоэтнический барьер, ведь реципиент языка перевода воспримет данное слово в том же значении, что и русскоговорящий реципиент исходное слово.

Как мы выяснили ранее, описательный перевод является одним из наиболее часто применяемых для перевода реалий. Рассмотрим пример, когда применение описательного перевода не способствовало адекватному переводу:

5. *Весной, в апреле, Степан Емельянов влюбился. В **целиницу** Эллочку.*

*One spring day, in April, Stepan Yemelyanov fell in love. With **Ellochka, a girl who had come out to Siberia on the virgin lands scheme**.*

Советская реалия *целиница*, понятная русскоговорящим читателям, является лакуной в англоязычной культуре. Описательный перевод полностью передает содержательный компонент реалии, но не делает перевод адекватным. Громоздкая описательная конструкция скорее приведет к непониманию смысла использования данного описания в тексте, где слово *целиница* встречается один раз и не является ключевой реалией, утрата которой искажает смысл. Считаем, что подобная реалия, сложная для восприятия при описательном переводе, может быть передана генерализацией. Использование близкого по значению эквивалента способно адекватно передать часть содержания, при этом используя знакомые иноязычному реципиенту эквиваленты. Например, поскольку работа на целине предполагает в первую очередь сельскохозяйственную работу, в данном случае

словосочетание *farm worker* было бы предпочтительнее при переводе. Согласно словарю Collins Dictionary оно имеет значение *a person who is hired to work on a farm*, что не представляет трудности для понимания представителям англоязычной культуры и в то же время является близким по значению эквивалентом реалии *целинница*.

Таким образом, были рассмотрены 50 реалий и примеры их переводов на английский язык, отобранных из произведений В.М. Шукшина. Реалии в произведениях писателя служат для воспроизведения местного колорита при описании быта русской деревни и ее жителей, а также для описания повседневной жизни советских людей. Мы выяснили, что некоторые реалии, не представляющие собой ключевой элемент для понимания текста, могут быть генерализованы или опущены, если при этом перевод адекватно передает смысл самого исходного текста. Тем не менее некоторые реалии имеют ключевое значение для понимания описываемой ситуации в произведениях В.М. Шукшина. В подобных случаях переводчик использовал устойчивые эквиваленты, если реалия встречается в английской культуре, либо приемы модуляции и описательного перевода. Стоит отметить, что только в половине из этих случаев лингвоэтнический барьер удалось преодолеть и сделать переводной текст доступным для восприятия англоязычными реципиентами.

Способы передачи диалектизмов в переводе. Согласно лингвистическому энциклопедическому словарю диалект – это разновидность языка, употребляемая в качестве средства общения с лицами, связанными тесной территориальной, социальной или профессиональной общностью. Диалекты подразделяются на территориальные и социальные. Д.Н. Ушаков определяет диалект как местное наречие, говор [9]. В данной работе мы придерживаемся именно этого определения диалекта, не принимая во внимание социальную или профессиональную составляющую данного понятия. Диалектизмы – это языковые особенности, свойственные диалектной речи. Они могут подразделяться на группы, например фонетические диалектизмы, грамматические диалектизмы, словообразовательные и т.д. Диалектизмы включены в литературный язык, однако являются отступлением от языковой нормы [18].

Согласно В.Н. Комиссарову «невозможно использовать диалектные формы языка перевода, даже если таковые имеются, поскольку они идентифицируют совершенно иную группу людей» [19. С. 75]. Диалект, используемый автором в своих произведениях, способен придать речи персонажей необходимый провинциальный, простонародный колорит. Исходя из этого, наиболее предпочтительным при переводе диалектизмов в художественном тексте является использование просторечий языка перевода, так как они представляют собой наиболее близкие эквиваленты диалектизмов. При переводе диалектизмов допускаются неизбежные потери стилистической и эмоциональной окраски текста. Тем не менее потери можно восполнить, прибегая к дополнительным переводческим комментариям [20].

В произведениях В.М. Шукшина диалектизмы встречаются регулярно, так как они представляют собой один из ключевых элементов передачи

местного колорита и характеристик персонажей произведений. Так как В.М. Шукшин вырос в Алтайском крае, определенные диалекты, распространенные на территории Алтая, оказали влияние на речь не только самого писателя, но и персонажей его произведений. По мнению исследователей творчества писателя, персонажи его произведений говорят на диалекте, в котором присутствует северорусская и сибирская региональная лексика [20]. Особенность диалектной лексики в том, что даже носители русского языка не всегда могут понять значение определенной лексической единицы, если она является типичной только для определенного региона страны. Именно поэтому в данной части работы мы используем, помимо толковых словарей русского языка, словарь языка Василия Шукшина [8], где представлены многочисленные диалектизмы, неологизмы, фразеологизмы, использованные писателем в своих произведениях и, возможно, требующие толкования. Таким образом, при анализе перевода диалектизмов с русского на английский язык мы в первую очередь используем метод словарной дефиниции для определения значения фразеологизма в исходном языке.

Рассмотрим способы перевода диалектизмов на материале рассказов В.М. Шукшина. Как и при переводе других языковых единиц, представляющих собой лингвоэтнический барьер, переводчик использовал разные приемы для адекватного перевода, и не все из них оказались удачными.

В большинстве случаев переводчику не удалось воспроизвести аналог диалектизма в языке перевода, при этом был использован нейтральный эквивалент диалектизма:

1. *Да не на покосы на твои, не пужайся.*

Not on your mowing patches, don't worry.

2. *А вы не слушайте. Вы спите.*

You don't have to listen to him. Go to sleep.

Приведенные примеры демонстрируют, что утрата диалектизма при переводе не является существенной, если диалектизм не несет ключевое значение для фразы, не отражает особенности речи и характеристики персонажей, а лишь показывает ситуацию, которая знакома и реципиенту языка перевода, а значит, нейтральный эквивалент вполне может передать смысл высказывания.

Рассмотрим пример, когда переводчик не только не смог адекватно передать диалектизм, но и изменил смысл фразы:

3. *Домой Чудик приехал, когда шел **рясный** парной дождик.*

*Quirky arrived home during a shower of **fine** warm rain.*

Обратившись к Словарю языка Василия Шукшина, мы можем выяснить, что прилагательное *рясный* имеет значение «крупный, обильный». Иначе говоря, нейтрализуя диалектизм, можно перефразировать фразу *рясный дождик* в сильный или крупный дождик. Роберт Даглиш в переводе передал словосочетание как *рясный парной дождик* как *fine warm rain*. В словаре Collins Dictionary можно обнаружить сочетание *fine rain* как синоним *drizzle*, т.е. «мелкий, морозящий дождик». В данном случае про-

изошло искажение смысла, поскольку «обильный теплый дождик» оказался «морозящим теплым дождем». Это показывает, что диалектизм в художественном тексте, являясь лингвоэтническим барьером при переводе, может привести к искажению смысла.

В некоторых случаях переводчик использовал частичный эквивалент, близкий по значению к исходному фразеологизму:

4. Только **расшеперивали** голенище и заглядывали в белый, пушистый мирок.

*They all **fingered** the leather top and flicked the sole, but no one ventured to feel inside.*

В словаре Василия Шукшина *расшеперивать* имеет значение «мять, шупать, растягивать, оценивая качество материала», тогда как глагол *finger* – «to touch or feel something with your fingers». Исходный глагол *расшеперивать* является более экспрессивным, чем *трогать* (*to finger*). Тем не менее переводчик в данном случае использовал максимально близкий нейтральный эквивалент, который, хотя и способствовал утрате образности, смог частично передать значение диалектизма.

Некоторые диалектизмы переводчик опустил, очевидно, считая, что данный прием не приведет к утрате смысла. Рассмотрим подобные примеры:

5. – **Тошно мнеченьки!** Батюшки мои!.. Да кому это?

"Gracious me! Who're they for?"

Мнеченьки – мне. *Gracious me* – Батюшки мои – exclamation used to express surprise or to emphasize what is being said.

Таким образом, изучив представленные примеры, можно сказать, что диалектизмы при переводе текстов В.М. Шукшина представляют собой существенный лингвоэтнический барьер. Невозможность подбора диалектных эквивалентов при переводе ведет к нейтрализации данной лексики, а значит, к снижению образности самого переводного текста и утрате стилистической окраски.

Способы передачи эрративов в переводе. Под эрративом понимается слово или выражение, подвергнутое нарочитому искажению носителем языка, владеющим литературной нормой [21]. Таким образом, намеренно искажая литературную норму, подражая неправильному произношению персонажей своих произведений, В.М. Шукшин воспроизводит особенности разговорной речи деревенских жителей.

Эрративы представляют собой лингвоэтнический барьер для восприятия иноязычного реципиента, поскольку реципиент, знакомый лишь с литературной нормой слов, может не распознать нужное слово или не понять, с какой целью оно намеренно искажено. Тем не менее мы придерживаемся мнения, что для переводчика художественной литературы перевод эрративов не должен представлять существенного препятствия, поскольку в данном случае речь идет не о подборе необходимого эквивалента, что может представлять некоторые трудности. Задача переводчика при переводе эрративов состоит в первую очередь в распознавании эрратива и

определении функции, с которой он использован в тексте. После этого переводчик может использовать контекстуальные замены, таким образом сохраняя ошибку в языке перевода с целью оказания на реципиента такого же воздействия, какое оказывает эрратив в оригинальном тексте на читателя.

Рассмотрим примеры, когда переводчик использовал окказиональные замены для перевода эрративов в тексте:

1) – *Господи, господи!* – *вдохнула бабка.* – *Давай писать Павлу. А телеграмму анулироваем.*

*"Well, I don't know, I'm sure!" Grandma sighed. "Let's write Pavel a letter, and we'll **cancelate** the telegram."*

В данном случае речевая ошибка *анулироваем* вместо *аннулируем* была адекватно передана переводчиком, использовавшим глагол *cancelate* вместо *cancel*.

В некоторых случаях переводчику удалось максимально точно подобрать окказиональную замену, сохранив при этом стилистическую окраску эрратива:

2) *А власть – **регулярно** – получи.*

*But the government—they're **reg'lar**, they are – come and get it every month.*

Согласно словарю Oxford Dictionary прилагательное *reg'lar* имеет то же значение, что и *regular*, но может относиться к разговорной или диалектной речи: «representing a colloquial or regional pronunciation of regular, frequently as a marker of colloquial, regional, or nonstandard speech in literature».

3) *Што я не человек, **што ли**?*

*"I'm a human being, **ain't** I?"*

Переводчик использовал разговорное сокращение *ain't*, являющееся отклонением от нормы английского языка, и тем самым передал эрратив адекватно для реципиента языка перевода.

На наш взгляд, эрративы, основанные на грамматически неверном построении предложения, представляют собой меньшую трудность для перевода, чем эрративы, основанные на лексических или орфографических ошибках. При неверном построении предложения с точки зрения грамматики переводчику предоставляется возможность использовать компенсацию и построить грамматически неправильную фразу на языке перевода, что, очевидно, вызывает меньше проблем, чем подбор лексического эквивалента. Рассмотрим следующий пример:

4) *Никому **до этого не касается.***

*That's **no one else's business.***

Грамматическая ошибка в переводе не сохранена, таким образом, эмоциональное воздействие эрратива на читателя утрачивается. На наш взгляд переводчику стоило использовать компенсацию, например двойное отрицание, не характерное для стандартного английского языка, тем самым сохранив грамматическое искажение фразы:

*Никому **до этого не касается.***

*That **ain't no one else's business.***

Стоит отметить, что многие исследователи творчества В.М. Шукшина не выделяют эрративы в качестве отдельных языковых единиц, встречаю-

щихся в творчестве писателя. Многие приведенные нами примеры фигурируют в работах, посвященных исследованию творчества В.М. Шукшина, как диалектизмы, т.е. особенности речи, характерные для жителей определенных регионов. Мы придерживаемся иной точки зрения и сознательно отделяем эрративы от диалектизмов. Диалектизмы, согласно их определению, отражают речь определенной группы людей, проживающей на какой-либо территории, они могут быть непонятны и неизвестны людям, проживающих на других территориях. Эрративы, рассмотренные нами выше, представляют собой намеренное искажение литературной нормы языка, которое тем не менее будет понятно любому носителю данного языка, независимо от территории, на которой он проживает. На этом основании мы выделяем эрративы в произведениях В.М. Шукшина в качестве отдельной группы языковых единиц, представляющих собой лингвоэтнический барьер при переводе.

Способы передачи диминутивов и аугментативов в переводе. Еще одной характерной особенностью языка произведений В.М. Шукшина является использование диминутивов, или уменьшительной формы слов. Их функцией является выражение отношения к предмету: «Вот накатит-накатит – все, думаю, *смертынька* моя пришла...»; либо функцией является снижение значимости сказанного или описываемых событий с целью снизить их важность, продемонстрировать незначительность: «Да ишо *приворовывают*: где *лесишко* кому подкинет, где сена привезет совхозного – деньги». Противоположной диминутиву формой является аугментатив, усиливающая форма слова.

Наличие в текстах Шукшина диминутивов и аугментативов снижает переводческую способность текста. Дело в том, что возможность образования форм слов, завышающих или занижающих их качества, характерна для русского языка, поскольку он является синтетическим, т.е. позволяет новые формы слов с помощью морфем в рамках одного слова (дом – домик – домище – домина и т.д.). Английский язык, будучи языком аналитическим, не имеет тенденции к образованию таких форм, поскольку для данного языка не характерно образование новых слов с помощью морфем. Таким образом, само различие в строении русского и английского языков является барьером в коммуникации. Переводчик ограничен в средствах, позволяющих не только воссоздать форму слова текста оригинала, но и выразить отношение к описываемому предмету в рамках самого слова, не прибегая к описанию чувств и эмоций персонажа.

В рассказе «Сапожки» (Boots) есть следующий пример:

1. *Ездили в город за запчастями... И Сергей Духанин увидел там в магазине женские сапожки.*

They made a trip into town for spare parts and Sergei Dukhanin went into a shop and saw a smashing pair of ladies' boots.

Переводчик, не имея возможности выразить отношение говорящего к предмету в рамках одной словоформы, использовал прием лексического добавления. *Smashing* имеет значение «extremely good, attractive, enjoyable,

or pleasant», таким образом, переводчику удалось показать, что герою рассказа понравились *сапожки*, которые он увидел в витрине магазина, даже несмотря на утрату формы слова.

2. – *Это сколько же такие **пинеточки** стоят?*

– *Какие **пинеточки**? – не поняла продащица.*

– *Да вот... **сапожки-то**.*

*"How much do you want for those **dazzlers**?"*

*"What **dazzlers**?" the salesgirl questioned blankly.*

*"Those over there – **the boots**."*

В данном случае словом *пинеточки*, диминутивом от слова *пинетки*, что, возможно, является искаженным словом *пинетки*, означающим вязаные сапожки для детей, персонаж снова выражает свое отношение к красивым сапожкам, которые он увидел в витрине магазина. В переводе мы видим слово *dazzlers*, что, согласно словарю Oxford Dictionary, представляет собой «a person or thing that dazzles, in particular a person who is highly impressive or skillful». Очевидно, что в данном случае переводчик использовал прием компенсации, когда элементы смысла, утраченные при переводе единицы исходного языка в оригинале, передаются в тексте перевода иным способом. Невозможность выразить отношение говорящего к описываемому предмету в той же форме, что и в тексте оригинала, потребовала восстановить упущенный смысловой элемент иным способом. Таким образом, данный перевод является адекватным, ведь слово *dazzlers* проинформирует англоязычного читателя о впечатлении, произведенном этими сапожками. Тем не менее в следующей фразе слово *сапожки* было переведено как *the boots*, что уже не несет в себе оценку предмета, в отличие от текста оригинала. Исходя из этого, можно сказать, что переводчик частично справился с поставленной задачей.

В некоторых случаях переводчик проигнорировал использование диминутивов в оригинальном тексте, тем самым лишая текст перевода смысла, изначально заложенного автором. Рассмотрим пример из рассказа «Степкина любовь» (Stepan in love):

3. *И не успел он глазом моргнуть, как **счетоводишка** ловко обнял девушку за плечи, чуть завалил на левую руку и поцеловал.*

*And before he could bat an eyelid, before he had figured out how all this would end, **the bookkeeper** expertly put his arms round the girl's shoulders, tilted her on to his left arm and kissed her.*

Существительное *счетовод*, использованное в диминутивной форме, подчеркивает пренебрежение героя рассказа к названному персонажу из-за совершенного им действия – поцелуя девушки. Переводчик не учел эту функцию диминутива в тексте, используя лишь эквивалент слова *счетовод* – «bookkeeper». Такой перевод следует считать неадекватным, поскольку утерянная экспрессивность не позволяет реципиенту понять эмоции главного героя, проявляющиеся по отношению к другому персонажу в данной фразе. Перевод данного предложения скорее похож на объективное описание события, чем на оценку ситуации со стороны главного героя.

В некоторых случаях у переводчика не было никакого способа передать диминутив, кроме замены его нейтральным словарным эквивалентом, как в следующем примере:

4. *Вот где не лезут-то. Голяшка.*

"This is where they're tight – in the calf."

Голень, ласково называемая *голяшка*, в английском языке имеет единственный эквивалент *calf*. Любое лексическое добавление при переводе могло бы исказить смысл. Поэтому переводчик использовал нейтральный эквивалент, но высказывание при этом потеряло эмоциональную окраску.

Рассмотрим пример передачи аугментатива:

5) *У Куксиных огромный домина выстроен.*

"The Kuksins have built a huge house."

В тексте оригинала аугментатив используется для выражения отношения говорящего к дому соседей, зависти и, возможно, пренебрежения. Переводчик использовал прилагательное 'huge', которое имеет определенный оценочный компонент в своем значении, обусловленный отклонением от нормы размера, однако высказывание при этом потеряло эмоциональную окраску, так как зависти или пренебрежения в нем не чувствуется.

Таким образом, рассмотрев основные приемы перевода диминутивов и аугментативов в произведениях В.М. Шукшина, мы выяснили, что переводчик использовал приемы лексического добавления, компенсации и опущения. Анализ приведенных примеров и их переводов позволяет сделать вывод, что наиболее адекватным перевод диминутивов и аугментативов получился при использовании приемов компенсации и лексического добавления. Данные приемы позволили передать образность и выразительность оригинального текста, оказывая на реципиента языка перевода то же воздействие, что и на реципиента исходного языка, что является основным критерием адекватного перевода. Поскольку мы рассматриваем преодоление лингвоэтнического барьера через достижение адекватности перевода, в данных случаях можно считать барьер преодоленным.

Способы передачи просторечных выражений в переводе. Под просторечными выражениями, или просторечиями, следует понимать слова, выражения, грамматические формы и конструкции, распространенные в нелитературной разговорной речи, свойственные малообразованным носителям языка и явно отклоняющиеся от литературных языковых норм [18]. Несмотря на схожие признаки с местными территориальными диалектами, отличие просторечий состоит в том, что они не ограничены территориально, не прикреплены к определенному месту и могут встречаться в речи малообразованного населения на любой территории страны. Просторечная лексика, с одной точки зрения, – это область неграмотной речи, целиком находящаяся за пределами литературного языка и не представляющая собой единой системы. С другой стороны, просторечная лексика представляет собой лексические единицы, имеющие яркую сниженную стилистическую окраску.

Что касается использования просторечных выражений в произведениях В.М. Шукшина, то они являются одними из наиболее часто встречающихся

ся языковых единиц в рассказах писателя, представляющими собой лингвоэтнический барьер. Поскольку просторечия отличаются от литературных слов большей выразительностью и эмоциональностью, неудивительно, что автор, уделявший особое внимание «живой» речи простого народа, часто обращался к просторечным выражениям для описания персонажей, их поведения и взаимоотношений. Просторечия в рассказах В.М. Шукшина выступают как оценочные средства, ярко выделяющие характеристики персонажей произведений.

Просторечные выражения являются языковыми единицами, представляющими собой лингвоэтнический барьер. Поэтому методом сплошной выборки мы отобрали из нашего материала 14 просторечных слов и выражений и проследили, как переводчик справился с преодолением лингвоэтнического барьера при их переводе. Рассмотрим случаи, когда переводчику удалось сохранить семантическое значение просторечного выражения, используя при этом разговорный или идиоматический эквивалент в языке перевода:

1. *Нет, они **двужильные**, что могут выносить столько.*

*It must take some **guts** to stand it.*

Просторечие «двужильный», согласно толковому словарю, имеет следующие значения: «выносливый, крепкий, сильный». Обратившись к Cambridge Dictionary, мы выясняем, что слово *guts* имеет значение «bravery and determination», кроме того, оно обозначено пометой «informal». Очевидно, что автору удалось подобрать хотя и неполный, но максимально близкий по значению эквивалент просторечия. Кроме того, неофициальный стиль эквивалентного выражения помогает достигнуть максимально возможной адекватности перевода. Также заметим, что переводчику пришлось изменить грамматическую форму предложения из-за различий в частях речи и, соответственно, невозможности сохранения синтаксической структуры исходного текста. Данный пример показывает адекватность перевода просторечного выражения и преодоление лингвоэтнического барьера.

Рассмотрим другой пример адекватного перевода просторечия:

2. *Раз в месяц – с пенсии – Евстигнейч аккуратно напивался и после этого три дня **лежал в лежку**.*

*Regularly, once a month, when he drew his pension, Yevstigneich used to get drunk, after which **he would be laid up** for three days **at a stretch**.*

Лежать в лежку, т.е. согласно фразеологическому словарю русского языка «сильно, тяжело болеть», было передано переводчиком с помощью фразы *to be laid up* – to be forced to stay in bed because of an illness or accident (Cambridge Dictionary). С одной стороны, очевидно, что образность просторечия, несмотря на подбор эквивалента, была утеряна, поскольку фраза *to be laid up* не является разговорной. С другой стороны, переводчик использовал идиому *at a stretch* (continuously), хотя в тексте исходного языка продолжительность выражена нейтральной фразой «три дня». Можно предположить, что использование идиомы является компенсацией за утрату образности во фразе *he would be laid up*, таким образом, переводчику необходимо было восстановить

эффект просторечия, производимый на реципиента, другим способом. Используемая переводчиком идиома в данном случае помогает восстановить стилистическую особенность текста. Поэтому преодоление лингвоэтнического барьера в этом примере будем считать удачным.

Несмотря на достижение адекватности перевода в тех случаях, когда переводчик подбирал разговорные эквиваленты в английском языке, ему не всегда удавалось это сделать. Таким образом, при переводе просторечий на английский язык, как и при переводе других языковых единиц, рассмотренных в данной работе, снова можно выделить группу примеров, в которых переводчик опустил культурно маркированные элементы, представляющие лингвоэтнический барьер при переводе, и использовал нейтральный эквивалент. В очередной раз полная адекватность текста не была достигнута, поскольку реципиент будет воспринимать нейтральные эквиваленты иначе, ассоциируя эти выражения с иными обстоятельствами и персонажами, чем те, в которых они были употреблены. Это можно наблюдать в следующих примерах:

3. *Доживи до моих годов, тогда вякай.*
Live as long as I have, then you can talk.

В данном примере нейтрализация просторечий при переводе привела не только к тому, что лингвоэтнический барьер не был преодолен. Помимо этого, утратилось также и понимание ситуации реципиентом. Так, просторечие «вякать» дает понять русскоязычному читателю, что говоривший разозлен либо намеренно грубит собеседнику, тогда как нейтральное *you can talk* не дает никакой информации об эмоциях и чувствах персонажа. Несмотря на то, что раздражение говорящего в значительной мере потеряно, с учетом прагматики англоязычной речи можно предположить, что сам по себе запрет говорить в подобной форме является проявлением невежливости.

Обратимся к другим примерам, когда при переводе было передано семантическое значение просторечного выражения, но утратилась стилистическая окраска оригинального текста:

4. *Я по дуристии... выпимши был, – признался он.*
It was only my foolishness—I was drunk," he mumbled.

Здесь, как и в предыдущих примерах, использован нейтральный эквивалент, сохраняющий смысловое значение, но полностью не передающий стилистическую окраску исходного текста и особенности речи говорящего.

Лишь в одном из рассмотренных случаев переводчик не подобрал эквивалента просторечию и применил прием опущения:

5. *Можно пока кинуть на них полушубок, под голову мешок с харчами...*
You can spread your sheepskin on them, put your rucksack under your head...

Мы считаем, что в данном случае частичный эквивалент слова *харчи* – *food* был бы уместен для передачи смысла. Несмотря на то, что образность высказывания была бы потеряна, этот вариант был бы предпочтительнее,

чем полное опущение просторечия. В переводе *rucksack*, частичный эквивалент слова *мешок*, не дает читателю понять, что находится внутри. А поскольку автор исходного текста посчитал необходимым сделать акцент на том, что в мешке находятся именно «харчи», а не одежда, другие вещи и т.д., мы считаем опущение данного элемента при переводе серьезным упущением со стороны переводчика.

Мы рассмотрели, как переводчик справился с передачей на английский язык просторечий в произведениях В.М. Шукшина. Анализ показал, что просторечия занимают довольно большой процент среди языковых единиц, представляющих собой лингвоэтнический барьер в произведениях В.М. Шукшина, при этом лишь часть из них была переведена адекватным образом.

Способы передачи разговорных выражений в переводе. Разговорная лексика представляет собой лексические единицы, употребляющиеся в разговорной речи [22]. В отличие от просторечных выражений, имеющих схожие черты, разговорные слова и выражения входят в словарный состав литературного языка наряду с книжной и нейтральной лексикой.

Разговорная лексика представляет собой лингвоэтнический барьер при переводе в силу своей национальной специфичности, а также эмоциональной насыщенности. В произведениях В.М. Шукшина разговорная лексика является одной из наиболее частотных групп языковых единиц, представляющих собой лингвоэтнический барьер. Это связано с тем, что писатель в своих произведениях стремится воспроизвести речь простого народа, деревенских жителей, а значит, именно разговорные выражения смогут придать произведению особую стилистическую окраску и воспроизвести повседневную речь персонажей.

В некоторых случаях переводчику удалось подобрать полный или частичный разговорный эквивалент в английском языке, что является наиболее предпочтительным способом при переводе разговорных выражений, поскольку позволяет передать как смысл высказывания, так и стилистическую окраску:

1. *По дороге домой Сергей решил так: если Клава начнет **косо-ротиться**, скажет – дорого, лучше бы вместо этих сапожек... "Пойду и брошу их в колодец".*

*On the way home he had decided that if Klavdia **started snapping at him** and saying they were too dear and he ought to have bought something else, he'd just go straight to the well and throw the boots down it.*

Многие другие примеры демонстрируют, что, как и в случае с остальными языковыми единицами, произошла нейтрализация разговорного выражения и утрата стилистической окраски за счет подбора переводчиком близкого по значению нейтрального эквивалента:

2. *Разве не интересно **доглядеть** на них?*

*Won't it be interesting **to have a look** at them?*

3. *Еще немного **позубатились** и поехали домой.*

*They **kept it up** for a bit longer, then set off for home.*

Очевидно, что в большинстве случаев, как видно в представленных примерах и их переводах, переводчик использовал нейтральный частич-

ный эквивалент, что привело к утрате экспрессивности и эмоциональной выразительности текста перевода. Тем не менее смысловой компонент разговорных выражений.

Выводы

Всего нами было отобрано и проанализировано 117 языковых единиц. Частотность проанализированных единиц выражена в следующих значениях:

- 1) реалии – 50;
- 2) эрративы – 24;
- 3) просторечные выражения – 14;
- 4) диалектизмы – 12;
- 5) диминутивы и аугментативы – 10;
- 6) разговорные выражения – 7.

Наиболее распространенными языковыми единицами, представляющими лингвоэтнический барьер, в произведениях В.М. Шукшина являются реалии и эрративы. Мы пришли к выводу, что наиболее частотными языковыми единицами в произведениях В.М. Шукшина с точки зрения лингвоэтнического барьера являются реалии.

На основе выявленных наиболее заметных переводческих ошибок, когда переводчику не удалось достигнуть адекватного перевода текста и преодолеть лингвоэтнический барьер, были составлены рекомендации по преодолению лингвоэтнического барьера при переводе художественных текстов. Рекомендации были составлены для разных групп языковых единиц на основе совершенных переводчиком ошибок.

1. При переводе реалий, отсутствующих в языке перевода, использования транслитерации недостаточно, поскольку эта лексема не будет иметь смысла для реципиента языка перевода. Наиболее предпочтительны в таком случае транслитерация и переводческий комментарий, раскрывающий смысл иноязычной реалии средствами языка перевода.

2. Описательный перевод реалии, отсутствующей в языке перевода, может привести к непониманию реципиента, если он при этом содержит большое количество деталей, необходимых для описания. В таком случае переводчику лучше использовать генерализацию, чтобы не «нагружать» текст и сделать его доступнее для иноязычного реципиента.

3. При переводе диалектизмов следует обращаться к толковым словарям исходного языка, так как их смысл может быть непонятен и носителям в том числе, а значит, существуют словари, раскрывающие содержание диалектизмов. В ином случае можно неправильно понять значение диалектизма и исказить смысл при переводе.

4. При переводе диминутивов и аугментативов и невозможности передачи специальных суффиксов в тексте перевода, наиболее предпочтителен прием компенсации, позволяющий сохранить отношение к описываемому предмету, выраженное диминутивным суффиксом.

5. Перевод разговорных и просторечных выражений предполагает сохранение образности и экспрессивности высказывания. Описательный перевод подобных выражений нежелателен, поскольку существенно изменяет стиль текста, выбранный автором изначально. Напротив, при передаче в переводе разговорных и просторечных выражений наиболее предпочтительным считается полный или частичный разговорный эквивалент в языке перевода.

В данной работе мы рассматривали лингвоэтнический барьер и способы его преодоления при переводе на материале произведений В.М. Шукшина и их переводов на английский язык. Нашей целью являлся анализ лингвоэтнического барьера при переводе художественных текстов на английский язык, а также способов преодоления данного барьера.

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что произведения В.М. Шукшина представляют собой тексты, сложные для восприятия иноязычными реципиентами в силу их культурной маркированности, однако правильно выбранная переводческая стратегия и приемы позволяют достичь адекватного перевода данного типа текстов.

Список источников

1. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2005. 457 с.
2. Латышев Л.К. Технология перевода : учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. М. : Академия, 2005. 320 с.
3. Шукшин В.М. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Молодая гвардия, 1984–1985.
4. Shukshin V. Short stories. Moscow : Raduga Publishers, 1990. 380 p.
5. Романова Ю.Р. Безэквивалентность Шукшина, или Как добиться адекватного восприятия шукшинского текста иностранным читателем // Огни над Бией. 2017. № 40. С. 78–84.
6. Григорьева Г.Е. Культурная и лингвистическая непереводаемость прозы В.М. Шукшина // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2017. № 1. С. 43–55.
7. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода : учеб. пособие. М., 1999. 136 с.
8. Елистратов В.С. Словарь языка Василия Шукшина: ок. 1500 слов, 700 фразеологических единиц. М. : Азбуковник: Русские словари, 2001. 432 с.
9. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Русские словари, 1995.
10. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 т. М. : АСТ, Астрель, Харвест, 2006.
11. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <http://dictionary.cambridge.org>
12. Oxford Learner's Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
13. Collins English Dictionary Online. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>
14. Longman English Dictionary Online. URL: [http:// www.ldoceonline.com](http://www.ldoceonline.com)
15. Thesaurus.com. URL: <http://thesaurus.com>
16. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М. : Флинта : Наука, 2003. 320 с.
17. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
18. Бельчиков Ю.А. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : СЭ, 1990. 402 с.

19. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М. : ЭТС, 2002. 424 с.
20. Кобелева А.А. Способы передачи диалектизмов и просторечия при переводе (на материале повести В.М. Шукшина «Калина красная») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2007. Вып. 2. С. 165–168.
21. Гусейнов Г.Ч. Введение в эвратическую семантику // Integrum: точные методы и гуманитарные науки. М., 2005. С. 383–405.
22. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.

References

1. Gerd, A.S. (2005) *Vvedeniye v etnolingvistiku* [Introduction in Ethnolinguistics]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
2. Latyshev, L.K. (2005) *Tekhnologiya perevoda* [Technology of Translation]. Moscow: Akademiya.
3. Shukshin, V.M. (1984–1985) *Sobraniye sochineniy* [Collected Works in 6 Volumes]. Moscow: Molodaya gvardiya.
4. Shukshin, V. (1990) Short stories. Moscow: Raduga Publishers.
5. Romanova, Yu.R. (2017) Bezekvivalentnost' Shukshina, ili kak dobit'sya adekvatnogo vospriyatiya shukshinskogo teksta inostrannym tchitatelem [Shukshin's Equivalence, or How to Achieve an Adequate Perception of Shukshin's Text by a Foreign Reader]. *Ogni nad Biyey*. 40. pp. 78–84.
6. Grigor'eva, G.E. (2017) Kul'turnaya i lingvisticheskaya neperevodimost' prosy V.M. Shukshina [Cultural and Linguistic Non-Translation of Prose by V.M. Shukshin]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Perm State Humanitarian and Pedagogical University*. 1. pp. 43–55.
7. Komissarov, V.N. (1999) *Obshchaya teoruya perevoda* [General Translation Theory]. Moscow: CheRo.
8. Elistratov, V.S. (2001) *Slovar' yazyka Vasiliya Shukshina: okolo 1500 slov* [Dictionary of the Language of Vasily Shukshin: About 1,500 words]. Moscow: Azbukovnik, Russkiye slovary.
9. Ushakov, D.N. (ed.) (1995) *Tolkovy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiye slovary.
10. Yefremova, T.F. (2006) *Sovremenny tolkovy slovar' russkogo yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Astrel'.
11. *Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus*. [Online] Available from: <http://dictionary.cambridge.org>
12. *Oxford Learner's Dictionaries*. [Online] Available from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>
13. *Collins English Dictionary Online*. [Online] Available from: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>
14. *Longman English Dictionary Online*. [Online] Available from: <http://www.ldoceonline.com>
15. *Thesaurus.com*. [Online] Available from: <http://thesaurus.com>
16. Nelyubin, L.L. (2003) *Tolkovy perevodovedchesky slovar'* [Interpretive Translation Dictionary]. Moscow: Flinta; Nauka.
17. Vinogradov, V.S. (2001) *Vvedeniye v perevodovedeniye* [Introduction to Translation]. Moscow: Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Education.
18. Bel'chikov, Yu.A. (1990) *Lingvistichesky entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: SE.

19. Komissarov, V.N. (2002) *Sovremennoye perevodovedeniye* [Modern Translation]. Moscow: ETS.

20. Kobeleva, A.A. (2007) *Sposoby peredachi dialektizmov i prostorechiya pri perevode* [Methods of Translating Dialectal and Colloquial Words]. *Vestnik Sankt Peterburgskogo Universiteta – Bulletin of St. Petersburg University*. 2. pp. 165–168.

21. Guseynov, G.Ch. (2005) *Vvedeniye v erraticheskuyu semantiku* [Introduction to Erratic Semantics]. In: *Integrum: tochnyye metody i gumanitarnyye nauki* [Integrum: Exact sciences and the humanities]. Moscow: Letniy Sad. pp. 383–405.

22. Azimov, E.G. (2009) *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy* [New Dictionary of Methodological Terms and Concepts]. Moscow: IKAR.

Информация об авторе:

Дамман Е.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Института лингвистики и международных коммуникаций Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: evgeniya_damman@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Damman, Cand. Sci. (Philology), associate professor, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: evgeniya_damman@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.06.2021;
одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 18.07.2022.*

*The article was submitted 28.06.2021;
approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 18.07.2022.*

Научная статья
УДК 316.772.4; 612.88
doi: 10.17223/19986645/78/2

О вербализации гаптических ощущений (на примере слайм-культуры)

Марина Викторовна Загидуллина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, marta@csu.ru

Аннотация. Представлен анализ вербальной составляющей 94 видеороликов, репрезентирующих субкультуру производства слаймов (не липнущей к рукам пластилинообразной массы, обладающей свойствами неньютоновой жидкости – прыгучестью, тягучестью и др.). Автор исследует такой аспект, как вербализация гаптических ощущений, и приходит к выводам о маргинализации элементов вербального кода в условиях конкуренции с другими семиотическими ресурсами (в частности, показом манипуляций с готовым слаймом).

Ключевые слова: субкультура, слайм, гаптика, вербализация ощущений, семиотический ресурс

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00007).

Для цитирования: Загидуллина М.В. О вербализации гаптических ощущений (на примере слайм-культуры) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 28–45. doi: 10.17223/19986645/78/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/78/2

On verbalization of haptic sensations (on the example of the slime culture)

Marina V. Zagidullina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation, marta@csu.ru

Abstract. The author explores the boundaries and potential of verbalizing haptic sensations. Slime-mania, the mass home production of slime (a plastic-like non-Newtonian mass intended to be stretched, compressed and otherwise manipulated) was chosen as the subject of this study. A wide spreading of this hobby has become possible thanks to video exchanges of clips, in which methods of producing slimes (tutorials) and actually “playing with slime” (manipulating the finished product) were demonstrated. The research material consisted of 94 videos from the Russian-language segment of the Internet, released during the 2016–2018 period, which, at the time of the research, were viewed more than one million times. The media-aesthetic approach to the material presupposes an equal attention to the technical conditions of

communication with respect to the message forms and to the actual content of these messages. Thus, the verbal content of communication is considered as part of the semiotic codes used in the situation of video exchanges, and not as the only bearer of meaning. In order to identify the role of the verbal semiotic resource in the material, methods of extracting and decoding the speech components of videos were used, as well as ethnographic methods of interviews with a representative of the slime maniacs' subculture. The article presents the "slimer lexicon" (terminology of different types of slimes and a list of designations of actions that a slimer can perform with a ready-made slime). The author has found that verbalization in the Russian-speaking subculture is generally based on the mixed principles of finding English-language nomenclature and its translation, while the verbalization of the slime manipulations themselves relies solely on native vocabulary. The analysis of video materials allows highlighting many characteristics of slimes that are not given a verbal designation and that are demonstrated by slimers only during manipulations (for example, viscosity, elasticity, and others). The ethnographic method also provides information about the limitations of the lexicon and the insignificance of the verbal description of the slime and its properties for the slimer. The linguistic ability to describe the phenomena of the real world is replaced by display, demonstration, and gives way to a visual meaningful code. The marginalization of the verbal component is also combined with the marginalization of the haptic center of the slime-mania phenomenon itself: in the naming of slimes and in the slimers' speech, the color characteristics of the product dominate; this clearly indicates the centrality of the visual rather than the haptic code. Thus, the phenomenon of slime-mania, which arises in the logic of a "bottom-up" culture and fixes a certain deficit of haptic perception in leisure practices, simultaneously shows the paradoxical insignificance of "hapticity" in this domain of culture, its substitution with visualization (and watching) of manipulations. Mass interest in homemade slime production can be seen as an indicator of users' increased attention to previously marginalized areas of culture (moving the haptic into the center of attention of the broad public) and at the same time as evidence of the triumph of the visual semiotic resource, which is fixed in the slimer's lexicon.

Keywords: subculture, slime, haptic, verbalization of sensations, semiotic resource

Financial Support: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 18-18-00007).

For citation: Zagidullina, M.V. (2022) On verbalization of haptic sensations (on the example of the slime culture). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 28–45. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/2

В статье анализируются словотворческие практики, возникающие при развитии сообществ, объединенных определенной нишевой тематикой (конкретно – «лексикон слаймера»). Основной подход, реализованный в статье, – медиаэстетический анализ, направленный на выявление новых форм коммуникационного обмена, в том числе появление сложных гибридных феноменов, представляющих собой комплексы различных семиотических ресурсов с целью трансляции контента, в основе которого – обмен ощущениями, получаемыми в области густаторных, аудиальных, ольфакторных, гаптических впечатлений, традиционно находящихся на пери-

ферии коммуникационного поля, центр которого занят визуальной и текстовой информацией. Возникновение массового интереса к «самодостаточным» ощущениям в области ольфакторики, вкуса, звуковых (шумовых) ощущений, тактильных и мускульных впечатлений фиксируется в социальных медиа как заметный тренд коммуникации. Благодаря коннективности как сущностному свойству современного информационного обмена [1] и встроенным инструментам навигации в лавинообразном потоке информации (например, хэштегам или ключевым словам) пользователи получают возможность мгновенной кооперации вокруг той или иной темы, получающей массовый отклик (такие формирования, не нуждающиеся в связи с традиционными и «институциональными» формами культуры, фиксирующие «стихийные» волны интересов, объединяющих большие группы людей, получили название «bottom-up коммуникация», см. историю модели «bottom-up» в философской и социологической мысли: [2, 3]; в теории коммуникации в России модель рассматривается в рамках изучения «журналистики соучастия» и «партиципаторных практик», см. [4, 5]; см. также общую концепцию культуры соучастия: [6, 7]). Обнаружение таких «узлов массового интереса» позволяет исследователям определять направленность общего развития коммуникационного пространства.

В рамках настоящей статьи исследуется такой коммуникационный феномен, как гаптика (в аспекте вербализации соответствующих ощущений). Прежде всего, следует отметить ряд аспектов рассмотрения этого феномена: осязание как часть сенсорной системы организма человека, гаптические медиа (попытки передавать мускульные и тактильные ощущения с помощью различных опосредующих систем [8]), художественное изображение гаптических ощущений в литературе, кино, повседневных коммуникациях, культурология гаптики, связанная с возникновением групп, объединенных интересом к гаптическим ощущениям и переживаниям. Как видно из этого перечня, многоаспектность рассмотрения феномена охватывает самые разные направления гуманитарного знания: психологию, физиологию, историю медиа, литературоведение, искусствознание и др. Основная цель настоящей статьи – изучение особенностей вербализации гаптических ощущений в рамках социолекта слайм-сообщества. Массовый интерес к производству и демонстрации в любительских видеороликах слаймов – так называемой «не-ньютоновой» бесформенной массы («жвачки для рук»), создаваемой на основе клея, загустителей, воды и различных добавок (пик этого интереса в мире фиксируется в 2017–2019 гг.), выразился в производстве специфических сообщений – видеороликов, в основном соединяющих «тьюториалы» по производству слаймов и «игру» (манипуляции) с полученным продуктом. Сам факт массовости этого увлечения¹ позволяет рассматривать такую форму коммуникации как значимую

---

¹ На начало сентября 2020 г. аудитория популярных слайм-каналов (видеоблогов в Instagram (Соцсеть Meta, признанная в России экстремистской. – *Примеч. ред.*) и на YouTube) начала довольно резко уменьшаться. Но еще в октябре 2019 г. она насчитыва-

(хотя и «нишевую»), вовлекающую множество пользователей, занятых исключительно «смотрением» «гаптических видео». В связи с этим вопросы вербализации гаптических ощущений становятся определенным «вызовом» самой этой культурной практике (как говорить о тактильных и мускульных ощущениях в тьюториалах). Одновременно этот сегмент коммуникации (получивший также самоназвание «слаймомания») позволяет видеть механизмы интернационализации социолектов, что открывает перспективу изучения гибкости национальных языков, стихийных тактик «языковой способности» (Н. Хомский, см. [10]) фиксировать и рационализировать «невербальный» домен. Изучение вербализации ощущений, испытываемых участниками этого сегмента коммуникации, а также способов номинации элементов процесса получения гаптических впечатлений поможет понять, насколько значим «вербальный код» в коммуникационном обмене такого типа (по сравнению с другими коммуникативными или семиотическими ресурсами, по выражению М. Халлидея, см. [11. Р. 123]) и каковы его особенности.

Исторически производство «слаймов» (в переводе с английского – «слизняк» или «слизь») восходит к открытию полимеров, а в индустрии игрушек появляется уже в 1950-е гг.¹ (что не позволяет рассматривать «слаймоманию» в аспекте новизны самого «материального центра» этой субкультуры). С 1970-х гг. компания Mattel производит игрушки, похожие на современную слайм-продукцию (небольшие контейнеры с ярко-зеленой массой, «ведущей себя» как пластилин, но не прилипающей к рукам, а также обладающей при манипуляциях с ней упругостью и даже прыгучестью). Компания Nickelodeon в 1980-х гг. использовала более «жидкую» форму слайма для своих ТВ-шоу [12. Р. 89–93]. С той поры индустрия слаймов насчитывает десятки форм и видов². На фоне такой коммерчески успешной истории этой игрушки слаймомания 2016–2019 гг. выглядит неожиданно, однако для задач настоящей статьи важен сам факт возникновения такого «слайм-ренессанса» как особой формы медиагаптической коммуникации.

С позиций коммуникативистики можно дать такое определение самому феномену слаймомании: это массовое домашнее производство слаймов с целью публичной демонстрации их свойств, востребованность которой обусловлена возможностью получения гаптических ощущений посредством созерцания манипуляций со слаймом онлайн. Значимо, что такая востребованность может быть проинтерпретирована как восполнение дефицита гаптических ощущений и их рефлексивной оценки. Фактически это

вала сотни миллионов пользователей (это фиксируется в количестве просмотров видеороликов, в том числе для настоящей статьи отобраны были ролики только с числом просмотров более миллиона). В 2017 г. Google Trends зафиксировал запрос «Как сделать слайм» лидирующим в группе запросов, начинающихся со слова «How» («как»). См. обзор динамики «слайм-аудитории» периода ее пика: [9].

¹ Под торговой маркой Crayola Inc., см.: <https://trademarks.justia.com/715/94/silly-71594970.html> (дата обращения: 09.09.2020).

² См. подробный перечень: https://en.wikipedia.org/wiki/Nickelodeon_Toys#Gak (дата обращения: 09.09.2020).

«мета-медиаэстетические» ощущения: получение определенных переживаний и удовольствия от транслируемых на экране действий с предметом, переведенное в статус сознательного опыта. Именно поэтому интерес представляет та часть этой «нишевой» коммуникации, что связана с вербализацией, словесной интерпретацией ощущений.

Понятие «гаптика», согласно определению Оксфордского словаря, относится к области психологии и лингвистики, означая тактильные и кинестетические ощущения, осязание как средство невербального общения; науку, изучающую эти формы коммуникации; технологии, обеспечивающие пользовательский интерфейс, основанный на стимуляции чувств осязания и движения (кинестезии); отрасль науки или техники, связанных с этими технологиями [13]. Вербализация этих ощущений самими пользователями изучалась в рамках экспериментальной психологии и прикладной лингвистики (см.: [14–18]), причем исследователи отмечают сложность вербализации для участников эксперимента, относительную неразработанность языковых средств, позволяющих словесно описывать осязательные и мускульные ощущения (см. обобщения в области изучения вербализации гаптических ощущений: [19, 20]; прикладной аспект вербализации тактильных ощущений: [21]).

Анализ вербального компонента слаймомании показывает, что в случае его периферийности (основным содержанием коммуникации является демонстрация тактильно-мускульных действий, а не слово) возникает эффект «каскадного» словотворчества и одновременного «отвердевания канона», т.е. формируется и закрепляется «отраслевой лексикон», обеспечивающий коммуникационное единство стихийно образующейся группы с непостоянным составом.

При этом «лексикон слаймера» закрепляет ряд устойчивых выражений, существенных именно как набор значимых определений и вербализации эстетических переживаний (как самого слаймера, так и его зрителя).

С теоретической точки зрения возникает проблема отнесения этого языкового субстандарта к определенному понятию (профессионального жаргона, арго, группового сленга и др.). Как показывает анализ научной литературы, четкого ответа на вопрос, к какому языковому феномену отнести такого рода набор лексических средств, нет. М.Ю. Руденко, проведя сравнительный анализ различных дефиниций в десятках исследовательских работ, убеждается, что не существует достаточных критериев для четкого разделения языковых явлений, подобных отдельно взятому словарю определенной группы [22]. Важно, что «лексикон группы» (как репрезентация социолекта) развивается по принципу именно «отвердевания», когда за каждым словом закрепляется совершенно конкретное значение, не допускающее многозначности и разветвленной системы значений, зависящей от контекста¹.

---

¹ Другими словами, в формировании лексиконов подобного рода снижается значение и проявление амбисемии, как ее определяет А. Киклевич: сочетания денотативного (постоянного) и интерпретативного (прагматического) аспектов (см.: [23. S. 150]).

Такая «канонизация» лексикона неразрывно связана и с формированием «канона действий»: своеобразного «нерушимого» порядка действий с предметом (ритуала). Если учесть, что слаймомания сосредоточена вокруг созерцания видео, построенных по некой «матрице», то такая «канонизация» требует особой интерпретации (т.е. ответа на вопрос: почему пользователи продолжают смотреть на вполне ожидаемый набор действий, а сама культурная практика «игр со слаймом» не перешла в разряд рутинных действий сразу после пика интереса и так долго удерживала массовое внимание, расширяя аудиторию и выводя слаймоманию за пределы «ниши» производителей слаймов). Определенная замкнутость субкультур такого рода и их одновременная «открытость» непосвященным (поскольку сами действия – независимо от наименований – могут восприниматься без специальной подготовки и без знания языка субкультуры), возможно, дают гибридную форму, предопределяющую популярность «отвердевающего канона» и его конституирующую функцию (усиление ядра субкультуры, притягивающего «неофитов»). Особенности формирования «практико-ориентированных» субкультур, близких «профессиональным сообществам», активно изучались еще в доцифровую эпоху [24], ранний период массового Интернета [25]. В трудах Генри Дженкинса развивается теория «субкультур соучастия», где большое внимание уделяется формам и типам консолидации участников, поиску ими идентичности и способов «цементирования» временных коллективов разделяемыми ценностями, которые могут и не артикулироваться [7].

Рассматривая слаймоманию как субкультуру, получившую широкое развитие именно в связи с возможностями YouTube и Instagram, создающими условия для быстрого и облегченного в техническом смысле обмена видеосообщениями и изображениями, мы можем отнести ее к практико-ориентированным сообществам в рамках общей концепции «культуры соучастия», где жаргон играет роль не «пропуска», но «триггера»: номинация самих слаймов и действий с ними оказывается знаком причастности к субкультуре и переходу от созерцания (воображаемого потребления) к производству или приобретению (реальному консьюмеризму: заказу соответствующего слайма либо самостоятельному его изготовлению).

Другая особенность «лексикона слаймера» заключается в том, что изначально интерес к домашнему производству слаймов возник в англоязычной части Интернета (считается, что у истоков стояли «тайские видео на английском языке», см.: [26, 27]). Определенным «эталоном» слайм-культуры выступают англоязычные каналы Instagram и YouTube с сотнями миллионов просмотров и миллионами подписчиков (например, Instagram Slime Pro). Анализ русскоязычной вербализации в рамках слаймомании ставит еще один важный исследовательский вопрос в связи с интернациональным характером самой культурной практики, «обслуживаемой» изучаемым социолектом: о природе заимствований и особенностях адаптации иноязычного словаря в языковых субстандартах [28].

Способы извлечения лексиконов субкультур (в том числе в цифровой коммуникации) имеют длительную историю и хорошо освоены, постоянно развиваются в связи с широким применением автоматических и смешанных методов. В большинстве случаев исследователи определяют такие лексиконы как жаргоны (см. обзор использования понятия и историю извлечения лексиконов: [29]). Для определения значений жаргонных слов и выражений используется метод непрямого извлечения значений (смысл интерпретируется по контексту) и этнографический метод (интервью с участниками соответствующей группы, в котором респонденты дают определение словам и выражениям; см. смешанное применение метода непрямого извлечения и этнографии: [30, 31]). При изучении онлайн-коммуникации в рамках различных субкультур в последнее время широко используются методы корпусного лингвистического анализа, а также возможности нейросетевого анализа данных (см., например, обзор применения таких методов [32]; там же о методике поиска неологизмов в пользовательском контенте; об извлечении неологизмов см. также [33. Р. 399]).

В целях изучения лексикона слаймера были использованы смешанные методы. Во-первых, был извлечен языковой материал из русскоязычных видеороликов на канале YouTube, отмеченных тэгом «слайм» и набравших более миллиона просмотров (временные рамки – 2016–2018 гг., общее число роликов – 94). Извлечение вербального материала производилось с помощью автоматических методов (при использовании инструментов распознавания речи, встроенных в YouTube) с последующей коррекцией текста вручную. Полученный корпус (19 895 слов) был проанализирован с помощью инструментов программы SketchEngine для извлечения номинаций слаймов и поиска обозначений действий с ними (с помощью фильтров «ключевые выражения» и «частотность»; референтный корпус – ruTenTen11, 14 млрд слов; подробное описание методики см.: [29]).

Далее перечень наименований слаймов был дополнен «базовыми» понятиями («слайм» и «лизун»); в базе данных был проведен поиск контекстов, в которых использовались эти номинации, а также просмотрены соответствующие этим текстам фрагменты видеороликов с целью соотнесения мультимодального контента с речевым, поскольку извлечение значений номинаций в субкультуре слаймеров производится не с помощью вербализации (объяснений), а путем показа (слова, объясняемые действиями: вербализация неразрывно связана с показом, демонстрацией значения). Так, чтобы понять, что такое «хрустеть» применительно к слайм-культуре, надо увидеть руки, мнущие и давящие слайм особым приемом, вызывающим звук, называемый «хрустом». Таким образом, значение слова не вербализуется, но извлекается из совокупности действий и его результата (звука, извлекаемого при этом действии)¹.

---

¹ См. в трудах А. Киклевича разработку понятия «некомпозициональности» языковых единиц, в частности анализ примера употребления слова «погладить» [34. С. 84].

Для уточнения лексических значений, полученных в ходе изучения отобранного материала, было проведено глубинное интервью со слаймершей¹ Кариной (10 лет на момент проведения интервью – 12.01.2019²). Таким образом, были использованы этнографические методы, о которых применительно к социолингвистике подробно писал один из ее основателей, Д. Хаймс (см.: [37, 38]; см. также обоснование возможностей точного глубинного интервью в качественной социологии и этнографии: [39]); этнографические методы применительно к извлечению значений жаргонных выражений в практико-ориентированных сообществах представлены в работах таких исследователей, как Сюзан Шульц [30] и Элен Чайка [31]. В табл. 1 отражены как результаты извлечения лексикона из видеоматериалов, так и пояснения слаймерши. Работа велась следующим образом: при просмотре каждого из 94 роликов составлялась сетка содержания, где автор описывал то, что происходит на экране параллельно тексту слаймерш (извлеченному автоматически с помощью инструмента «расшифровка видео» и соотносённому с временной шкалой ролика). В тех случаях, когда слаймерши упоминали, называли, подписывали с помощью встроенной в видео анимации свои слаймы теми же номинациями, что были выявлены в корпусном анализе, проводился сравнительный анализ видео и составлялось краткое описание увиденного (извлеченное значение).

---

¹ Так она представилась в интервью. Это же слово встречаем в многочисленных видео и комментариях. Само обозначение «лица по профессии» в «слаймомании» обладает любопытными свойствами: в отличие от английского языка, где *slimer* – универсальное обозначение производителя слаймов любого пола, в русском языке возникает слово «слаймерша» (поскольку большинство авторов слайм-блогов – девочки, девушки и взрослые женщины). При всей «готовности» суффикса «-ш-» в подобном употреблении нести пренебрежительное значение (вахтерша, бригадирша), само слово «слаймерша» воспринимается уважительно и не обладает таким коннотатом (как, например, и наименование «партнерша»). О расширении в современной практике наименования лиц по типу деятельности родовых (женских и мужских) пар см.: [35, 36].

² Исследовательский архив автора, расшифровка аудиозаписи. Общие сведения об информанте, относящиеся к вовлеченности в исследуемую субкультуру: увлечение слаймами началось в 2017 г.; основные источники – интернет-каналы популярных слаймерш; в целом к моменту интервью была подписана на 49 тематических (связанных со слайм-культурой) каналов в Instagram; вела свои каналы под псевдонимом; записывала видео с производством слаймов (нерегулярно); была вовлечена в слайм-коммерцию (производство слаймов на заказ через Интернет и отправка почтой готовых слаймов; заказ готовых слаймов; приобретение необходимых ингредиентов). Офлайн-контакт с другими представителями слайм-культуры: на уровне социально обусловленной коммуникации в школе, специально усилий для выхода за рамки онлайн-вовлеченности не предпринимала, считает слаймовую онлайн-субкультуру достаточной и вполне ее удовлетворяющей. В ходе интервью отметила, что чувствует исчерпанность этой темы для себя (общий стаж увлечения составил немногим менее двух лет). Формирование социолекта шло под воздействием русскоязычных слайм-каналов с рандомным обращением к англоязычным видео. Преимущественный источник вербализации субкультуры – Instagram и YouTube.

Наименования разных типов слаймов

Лексема	Извлеченное значение (поиснения слаймеров и наблюдение за демонстрацией)	Этимология (на основе англоязычных источников)	Комментарии слаймерши (выборочная расшифровка интервью)	Примечания
Слайм	Вязкая тестоподобная масса, иногда бывает более жидкой, иногда – более твердой, но преимущественно – как тесто; сделана из воды, клея, загустителя и добавок	Slime (букв. перевод – «слизь»), однако заимствуется не в буквальном, а в уже устоявшемся в английском языке переносном значении «... a thick, sticky, coloured substance for children to play with» ¹)	«Это такая штука, которая создается из клея и ингредиентов и имеет свойства тянуться, хрустеть, кликать. Чтобы это объяснить, надо рассказать о лизуне <...>. Главное – хранить в закрытой емкости. Темное место при комнатной температуре. От холода он затвердевает, от жары – растекается. Но когда хранишь правильно, слайм может продержаться 1–2 года»	Предлагается «комплексное» описание предмета как «массы», которую «надо трогать» (некий аморфный предмет, созданный специально для манипуляций с ним, которые и есть «оправдание» существования предмета). Фиксируются физические свойства слайма
Лизун	Несколько загущенная желеобразная жидкость	Slime (букв. перевод – «слизь»)	«Лизун – это слизь <...> Лизун – нетянущаяся прозрачная фишка. Не получается сделать из лизуна слайм!... Он не тянется и прогунхнет на следующий день. А слайм – идеальная штука»	Определение дается по контрасту с определением слайма. Главная «гаптическая» характеристика – «не тянется» (т.е. отсутствует главное качество, за которое ценится слайм)

¹ «...густая липкая цветная субстанция для детских игр» (Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D0%BA%D0%B8%D0%B9/slime>).

Лексема	Извлеченное значение (пояснения слаймеров и наблюдение за демонстрацией)	Этимология (на основе англоязычных источников)	Комментарии слаймерши (выборочная расшифровка интервью)	Примечания
Ориджинал слайм	Масса без добавок (белый клей, вода, загуститель), тестообразная	Original slime (букв. перевод – «простой слайм»; возможно – «нагуральный слайм»)	«Самое простое – ориджинал. Это белый слайм. Это основа всех слаймов»	Гаптическая характеристика отсутствует (фиксируется только цвет)
Прозрачный слайм	Масса без добавок (прозрачный клей, вода, загуститель), тестообразная	Clear slime (букв. перевод – «прозрачный слайм»)	«Он просто прозрачный. В слайме главное – клей. Без клея – фигня. Если у тебя клей, который загущается в кашу, – прощай твои умения»	Цветовая характеристика дополнена гаптической («загущается»)
Баттер-слайм	Гладкая, однородная и чрезвычайно мягкая масса	Butter slime (букв. перевод – «слайм – сливочное масло»)	«Баттер-слайм (переводится «масло») – он размазывается, как масло. У него текстура плотная!»	Гаптические свойства: размазываться, но быть плотным (сравнение с маслом и отталкивание от этого сравнения)
Кранчи-слайм	Основа слайма с добавками пенопластовых шариков	Stunchy slime (букв. перевод – «хрустящий слайм»)	«Слайм с пенопластовыми шариками (неважно, как их много)»	Отсутствие гаптической характеристики
Клауд-слайм	Основа флаффи-слайма с добавками пенопластовых шариков, количество которых позволяет создать текстуру, похожую с виду на облако или тучу	Cloud slime (букв. перевод – «облачный слайм»)	«Новая текстура слайма, напоминающая снег – ты его заворачиваешь, и он падает как снег. И “снег” на руках остается»	Гаптические свойства: контакт с руками, описание ощущений от контакта отсутствует
Глосси-слайм	Прозрачный слайм со специальными добавками, в том числе цветными, придающими ему блеск	Glossy slime (букв. перевод – «блестящий слайм»)	«Глянцевый слайм»	Гаптическая характеристика отсутствует (фиксируется только цвет)

Лексема	Извлеченное значение (пояснения слаймеров и наблюдения за демонстрацией)	Этимология (на основе англоязычных источников)	Комментарии слаймерши (выборочная расшифровка интервью)	Примечания
Горный	Два и более слаймов разного цвета, сложенные в контейнер один поверх другого	Mountain slime (букв. перевод – «горный слайм»)	«Два слайма <...> ну – вот так, как здесь показано» (<i>демонстрирует видео с «горным слаймом»</i>)	Гаптическая характеристика отсутствует (фиксируется только сочетание двух слаймов)
Сиззлинг (сиззелс)	Слайм типа «баттер» с добавками, которые при сжатии слайма разрушаются с хрустом и другими звуками	Sizzling slime (букв. перевод – «шипящий» или «обжигающий слайм»)	«Это баттер, но баттер не хрустит, он сделан на баттер-основе; так вот, добавляю ингриденты, чтобы он начал хрустеть»	Гаптическая характеристика отсутствует (фиксируется только звук)
Флаффи-слайм	Воздушная (в основном за счет пены для бритья) масса	Fluffy slime (букв. перевод – «пухлый слайм»)	«Пушистый и нетягущийся»	Гаптическая характеристика: сопоставление с пухом и указание на отсутствие тягучести
Попкорн-слайм	Любая основа слайма с добавками пенопластовых шариков, имитирующих попкорн (разновидность кранчи-слайма)	Popcorn slime (букв. перевод – «попкорн-слайм»)	«Название само за себя говорит!»	Гаптическая характеристика отсутствует (уход от пояснения).
Жемчужный	Слайм с добавками перламутрового красителя	Pearl slime (букв. перевод – «жемчужный слайм»)	«Цвет у него такой»	Гаптическая характеристика отсутствует (фиксируется только цвет).
Пигментный	Любая основа слайма с добавками красителей	Pigment slime (букв. перевод – «окрашенный слайм»)	«Светится, переливается»	Гаптическая характеристика отсутствует (фиксируется только цвет)

Результат отражен в столбце 2 (исследовательское описание предмета, номинация которого указана в столбце 1, составленное на основе наблюдения за действиями слаймерш и их собственных описаний слаймов). Столбец 3 содержит англоязычную этимологию номинаций (извлечена преимущественно из тематических материалов, расположенных в свободном доступе, в том числе <https://sloomooinstitute.com/blogs/sloomoo-stories/whatsyourslimetype>). В ходе интервью информанту предлагалось составить «словарь слаймов» в свободной форме. Были упомянуты все номинации, извлеченные из видеоматериала; в столбце 4 приведены фрагменты интервью с пояснениями слаймерши. В столбце 5 дается краткое примечание автора статьи, объединяющее информацию столбцов 1–4 с позиций вербализации гаптических ощущений и характеристик.

Как следует из табл. 1, заимствование наименований в классификации слаймов строится по непредсказуемой основе (иногда это транслитерация [40], как в случае с «сизлинг», а иногда калька, например «горный слайм»). Транслитерации доминируют; в таких случаях, как «ориджинал», слаймеры используют транскрипцию [41], близкую к атрибутиву «оригинальный», но не совпадающей с ним по лексическому значению (и произнесение слова «на английский лад» позволяет сохранить эту особенность значения, отличность от адаптированного русского атрибутива). Важно, что слаймы получают наименования по принципу образности (отвечая на вопрос, на что похож готовый продукт), а также на основе пищевых семантических кодов, что заслуживает отдельного рассмотрения. Слаймерша не всегда может найти слова для объяснения того или иного понятия. Просмотр видео из подборки показывает, что другие слаймеры тоже не стремятся к уточненной вербализации, обходясь минимальным лексиконом, приведенным в таблице. Важно, что во многих случаях даже в интервью для слаймерши удобнее показывать, чем объяснять и рассказывать (см. табл. 1, «горный»). Здесь собственно вербализация «истончается», заменяясь клишированной лексикой, наполненной «субкультурной семантикой». Основное внимание и слаймерши в интервью, и слаймеров – авторов видеороликов сосредоточено на цветовых характеристиках. Это подтверждает центральность визуального в современной коммуникации (слайм-культура, «играя» на кодах гаптического, остается культурой визуального сообщения). В таком виде коммуникации, как передача гаптических ощущений, вербализация, как уже отмечалось, не играет существенной роли. В то же время заимствования в русскоязычном лексиконе используются активно и создают особую «ауру» производства слаймов, поддерживая «экзотичность» готового продукта (в отличие от англоязычной слаймомании, где упор делается на качествах готового слайма, отраженных в его типе).

Говоря о заимствованиях, совершенно иную картину мы наблюдаем при обозначении действий со слаймом. Здесь был использован иной подход, чем в случае с номинациями слаймов. Слаймерше предложили прокомментировать действия по видеоролику, содержащему набор повторяющихся в других роликах манипуляций со слаймом. Она дала названия всем

действиям (избегая использования транслитераций, кроме глагола «кликать», заимствованного из компьютерного субстандарта, табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Обозначение действий со слаймом

Обозначение действия, дано информантом во время просмотра видео и просьбы прокомментировать действия	Комментарии слаймерши (выборочная расшифровка интервью)
Кликать	«Втыкать восемью пальцами в “тельце” слайма»
Тянуть	«Поднимать за край и растягивать (или тянуть вбок туда-сюда, проверяя на эластичность, чтобы не порвался)»
Хрустеть	«Сжимать и сминать после растягивания»
Размазывать	«Только баттер! Понадобится нож»
Закручивать	«Растягивать в “колбаску” и перекручивать. Так надо сделать много раз!»
Розочка	«Закручивание на столе в окружность»
Пузырь	«Можно сделать в воздухе, можно – на столе»
Пукать	«Давить так, чтобы воздух взрывался внутри слайма»

Этот лексикон активно используется во всех русскоязычных видео. Но это не только способы «играть со слаймом» (устойчивое выражение из лексикона; иные словосочетания для обозначения манипуляций с готовым слаймом не употребляются), но и «канон»: манипуляции с изготовленной массой ограничиваются этим набором, и другие формы игры (в том числе восходящие к практикам ТВ-шоу «slimed-on» канала Nickelodeon) в актуальной волне слаймомании не практикуются (среди 94 видео мы обнаружили лишь четыре видео с играми, где изготовленный слайм – лизун – выливался на голову участнику или использовались иные формы «пачкания» слаймом). «Канон» выглядит как ряд обязательных действий: тянуть – закручивать – розочка – кликать – хрустеть (и далее действия могут повторяться). Остальные действия «факультативны» и производятся только со слаймами определенной структуры (например, «похлопывание» по поверхности лизуна, близкого по фактуре к «желе», налитому в емкость).

Основной результат «игры со слаймом» связывается с так называемым ASMR-эффектом (под которым в русскоязычном сегменте понимается «залипание» во время просмотра видео, невозможность «оторваться» от просмотра). Этот способ получения удовольствия от созерцания «перекручиваний», «розочек» и «кликаний» с подачи пользователей крупнейшего мирового форума Reddit.com получил также название “oddly satisfying” («странно удовлетворяющее») видео (подробнее см.: [9]). Многомиллионная публика, проводящая досуг за созерцанием кликающих, хрустящих, растягиваемых бесформенных масс, не может быть представлена как «зомбированная» толпа: перед нами действительно значимое для людей явление, и «залипание» может быть сравнимо с «незаинтересованным восторгом» – основой эстетического переживания, по Канту. Отсутствие в традиционной «высокой» культуре образцов таких ощущений (т.е. их абсолют-

ная «неинституционализированность» в литературе, кино и т. п.) делает слаймоманию «приютом» новых эмоций и ощущений, превращая из «детской забавы» в социально значимое явление. Не слова, но именно действия становятся содержанием, формой и целью сообщения, намекая тем самым на маргинализацию вербальной коммуникации, переход алфавитно-фонетических форм коммуникации в область «равной конкуренции» с другими, как их назвал М. Халлидей, семиотическими ресурсами [11].

В заключение можно сделать следующие выводы:

– хотя смысловым центром слаймомании как коммуникативной субкультуры является обмен гаптическими ощущениями от манипуляций со слаймами, вербализация гаптических переживаний остается на периферии коммуникации и не получает заметного развития;

– номинация слаймов строится по большей мере в связи с их внешними (визуальными), нежели гаптическими свойствами;

– вместо объяснения гаптических ощущений используется демонстрация свойств слайма;

– в большинстве случаев гаптические ощущения заменяются пояснениями о «поведении» слайма («растекается», «тянется» и т.п.).

Таким образом, хотя, как уже было отмечено, гапτικο-ориентированная субкультура возникает по модели bottom-up, восполняя определенные лакуны в истории культуры (выражающиеся в маргинализации гаптики на фоне визуальной и аудиальной культур), она не вносит значительного вклада в развитие языковой способности передавать впечатления и ощущения, отдавая предпочтение другим семиотическим ресурсам. Об этом говорит и тот факт, что при поиске материала исследования были обнаружены видеоролики, ориентированные на русскоязычную аудиторию, но не содержащие никаких слов и речи слаймера (только показ и запись звуков манипуляций со слаймом). Возможность (с помощью видеосообщений) «говорить» о гаптическом домене без слов может рассматриваться как дальнейший тренд в общем уравнивании языковой коммуникации с другими семиотическими кодами.

Список источников

1. *Dijck J. van, Poell T.* Understanding social media logic // *Media and Communication*. 2013. № 1 (1). P. 2–14.
2. *Dellavalle S.* “Top-down” vs. “Bottom-up”: a dichotomy of paradigms for the legitimation of public power in the EU // *Perspectives on Federalism*. 2017. Vol. 9, № 2. P. E-18–E-46.
3. *Frith C., Rees G.* A brief history of the scientific approach to the study of consciousness // *The Blackwell companion to consciousness*. London : Blackwell Publishing, 2007. P. 9–22.
4. *Фомичева И.Д.* СМИ как партиципарные коммуникации : дис. в виде науч. доклада ... д-ра филол. наук. М., 2002. 79 с.
5. *Бушев А.Б., Дьячкова Д.О.* Рефлексия над целями и средствами коммуникации: новая журналистика // *Понимание и рефлексия в культуре, науке и образовании*. Тверь, 2016. С. 31–39.
6. *Jenkins H.* Fans, Bloggers, and Gamers: Exploring Participatory Culture. New York : New York University Press, 2006. 279 p.
7. *Jenkins H., Ito M., Boyd d.* Participatory Culture in a Networked Era: A Conversation on Youth, Learning, Commerce, and Politics. Cambridge, UK : Polity Press, 2015. 160 p.

8. *Parisi D.* Archaeologies of Touch: Interfacing with Haptics from Electricity to Computing. Minneapolis : University of Minnesota Press, 2018. 452 p.
9. *Famarzi S.* The odd psychology behind oddly satisfying slime videos // *Wired*. 2018, 11 April. URL: <https://www.wired.co.uk/article/oddly-satisfying-videos-explained-psychology-youtube> (дата обращения: 09.09.2020).
10. *Chomsky N.* Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge : MIT Press, 1965. 251 p.
11. *Halliday M.A.K.* Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. London : Edward Arnold, 1978. 256 p.
12. *Banet-Weiser S.* Kids rule!: Nickelodeon and consumer citizenship. Durham ; NC ; London : Duke University Press, 2007. 276 p.
13. *Oxford English Dictionaries.* URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/haptics> (дата обращения: 09.09.2020).
14. *Egolf D. B.* The Nonverbal Factor: Exploring the Other Side of Communication. New York : iUniverse, 2013. 454 p.
15. *Suzuki Y., Suzuki R.* Tactile score: a knowledge media for tactile sense. Berlin : Springer Japan, 2014. 41 p.
16. *Iwane N., Gao C., Yoshida M., Kishida H.* A Study on Haptic Media to Support Verbal Explanations // International Conference on Interactive Collaborative Learning. Berlin : Springer ; Cham, 2016. P. 154–165.
17. *Magana A.J., Balachandran S.* Unpacking students' conceptualizations through haptic feedback // *Journal of Computer Assisted Learning*. 2017. № 33 (5). P. 513–531.
18. *Dagman J., Karlsson M., Wikström L.* Investigating the haptic aspects of verbalised product experiences // *International Journal of Design*. 2010. № 4 (3). P. 15–27.
19. *Obrist M., Seah S.A., Subramanian S.* Talking about tactile experiences // Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems. New York : Association for Computing Machinery (ACM), 2013. P. 1659–1668.
20. *Kushnir A., Müller N. H.* Haptic Feedback in Everyday Conversation Situations // International Conference on Human-Computer Interaction. Berlin : Springer, Cham, 2020. P. 239–244.
21. *Greco L., Galatolo R., Horlacher A.S., Piccoli V., Ticca A.C., Ursi B.* Some theoretical and methodological challenges of transcribing touch in talk-in-interaction // *Social Interaction. Video-Based Studies of Human Sociality*. 2019. N 2 (1). URL: <https://tidsskrift.dk/socialinteraction/article/view/113957/162547> (дата обращения: 09.09.2020).
22. *Руденко М.Ю.* Исследование арго, жаргона и сленга: вопросы терминологии // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 5–3 (59). С. 127–134.
23. *Kiklewicz A.* Aspekty teorii względności lingwistycznej [Aspects of the linguistic relativity theory]. Olsztyn : Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej Uniwersytetu Warmińskiego-Mazurskiego, 2007. 108 p.
24. *Fine G.A., Kleinman S.* Rethinking subculture: An interactionist analysis // *American journal of sociology*. 1979. № 85 (1). P. 1–20.
25. *Johnson C.M.* A survey of current research on online communities of practice // *The internet and higher education*. 2001. № 4 (1). P. 45–60.
26. *DeFabio C.R.* Why teens around the world are freaking out about Thai slime // *Splinter*. 2016, November 11. URL: <https://splinternews.com/why-teens-around-the-world-are-freaking-out-about-thai-1793860133> (дата обращения: 09.09.2020).
27. *Silver J.* A Complete History of Slime, On Instagram and IRL. URL: <http://www.papermag.com/slime-instagram-fashion-2585562103.html> (дата обращения: 09.09.2020).
28. *Крысин Л.П.* Русское слово, свое и чужое : Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
29. *Farrell T., Araque O., Fernandez M., Alani H.* On the use of Jargon and Word Embeddings to Explore Subculture within the Reddit's Manosphere // 12th ACM Conference on

Web Science (WebSci '20), July 6–10, 2020, Southampton, United Kingdom. New York : Association for Computing Machinery (ACM), 2020. P. 1–10. URL: <https://doi.org/10.1145/3394231.3397912> (дата обращения: 09.09.2020).

30. Shultz S.M. Medical jargon: ethnography of language in a hospital library // *Medical reference services quarterly*. 1996. № 15 (3). P. 41–47.

31. Chaika E. Jargons and language change // *Anthropological Linguistics*. 1980. № 22 (2). P. 77–96.

32. Würschinger Q., Elahi M.F., Zhekova D., Schmid H.-J. Using the Web and Social Media as Corpora for Monitoring the Spread of Neologisms. The case of ‘rapefugee’, ‘rapeugee’, and ‘rapugee’ // *Proceedings of the 10th Web as Corpus Workshop*. Berlin : Association for Computational Linguistics, 2016. P. 35–43.

33. Veale T., Butnariu C. Harvesting and understanding on-line neologisms // *Cognitive Perspectives on Word Formation*. 2010. № 221. P. 393–416.

34. Киклевич А. Притяжение языка. Т. 4: Языковая деятельность: семантические и прагматические аспекты. Олыштын : Centrum Badañ Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2016. 372 с.

35. Голованова Е.И. Новые названия лиц по профессии и должности в русском языке // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 27 (382). С. 60–64.

36. Ляпкина Э.М. Феминизация наименований социального и профессионального статуса лица // *Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 2003*. С. 364–365.

37. Hymes D. The scope of sociolinguistics // *International Journal of the Sociology of Language*. 2020. № 263. P. 67–76.

38. Hymes D.H. *Toward ethnographies of communication* // *Language and social context* / ed. by P.P. Giglioli. Harmondsworth : Penguin, 1972. P. 21–44.

39. Lamont M., Swidler A. Methodological Pluralism and the Possibilities and Limits of Interviewing // *Qualitative Sociology*. 2014. № 37 (2). P. 153–171.

40. Суперанская А.В. Транслитерация // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 518–519.

41. Кронгауз М. А. Транскрипция практическая // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 518.

References

1. Dijck, J. van & Poell, T. (2013) Understanding social media logic. *Media and Communication*. 1 (1). pp. 2–14.

2. Dellavalle, S. (2017) “Top-down” vs. “Bottom-up”: a dichotomy of paradigms for the legitimation of public power in the EU. *Perspectives on Federalism*. 9 (2). pp. E-18–E-46.

3. Frith, C. & Rees, G. (2007) A brief history of the scientific approach to the study of consciousness. In: *The Blackwell companion to consciousness*. London: Blackwell Publishing. pp. 9–22.

4. Fomicheva, I.D. (2002) *SMI kak partitsiparnyye kommunikatsii* [Mass media as participatory communications]. Philology Dr. Diss. Moscow.

5. Bushev, A.B. & Dyachkova, D.O. (2016) *Refleksiya nad tselyami i sredstvami kommunikatsii: novaya zhurnalistika* [Reflection on the goals and means of communication: new journalism]. In: *Ponimaniye i refleksiya v kul'ture, nauke i obrazovanii* [Understanding and reflection in culture, science and education], Tver: Tver State University. pp. 31–39.

6. Jenkins, H. (2006) *Fans, Bloggers, and Gamers: Exploring Participatory Culture*. New York: New York University Press.

7. Jenkins, H., Ito, M. & Boyd, D. (2015) *Participatory Culture in a Networked Era: A Conversation on Youth, Learning, Commerce, and Politics*. Cambridge, UK: Polity Press.

8. Parisi, D. (2018) *Archaeologies of Touch: Interfacing with Haptics from Electricity to Computing*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

9. Faramarzi, S. (2018) The odd psychology behind oddly satisfying slime videos. *Wired*. 11 April. [Online] Available from: <https://www.wired.co.uk/article/oddly-satisfying-videos-explained-psychology-youtube> (Accessed: 09.09.2020).
10. Chomsky, N. (1965) *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge: MIT Press.
11. Halliday, M.A.K. (1978) *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London: Edward Arnold.
12. Banet-Weiser, S. (2007) *Kids rule!: Nickelodeon and consumer citizenship*. Durham; NC; London: Duke University Press.
13. *Oxford English Dictionaries*. [Online] Available from: <https://en.oxford-dictionaries.com/definition/haptics> (Accessed: 09.09.2020).
14. Egolf, D.B. (2013) *The Nonverbal Factor: Exploring the Other Side of Communication*. New York: iUniverse.
15. Suzuki, Y. & Suzuki, R. (2014) *Tactile score: a knowledge media for tactile sense*. Berlin: Springer Japan.
16. Iwane, N., Gao, C., Yoshida, M. & Kishida, H. (2016) A Study on Haptic Media to Support Verbal Explanations. *International Conference on Interactive Collaborative Learning*. Berlin: Springer, Cham. pp. 154–165.
17. Magana, A.J. & Balachandran, S. (2017) Unpacking students' conceptualizations through haptic feedback. *Journal of Computer Assisted Learning*. 33 (5). pp. 513–531.
18. Dagman, J., Karlsson, M. & Wikström, L. (2010) Investigating the haptic aspects of verbalised product experiences. *International Journal of Design*. 4 (3). pp. 15–27.
19. Obrist, M., Seah, S.A. & Subramanian, S. (2013) Talking about tactile experiences. *Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems*. New York: Association for Computing Machinery (ACM). pp. 1659–1668.
20. Kushnir, A. & Müller, N.H. (2020) Haptic Feedback in Everyday Conversation Situations. *International Conference on Human-Computer Interaction*. Berlin: Springer, Cham. pp. 239–244.
21. Greco, L., Galatolo, R., Horlacher, A.S., Piccoli, V., Ticca, A.C. & Ursi, B. (2019) Some theoretical and methodological challenges of transcribing touch in talk-in-interaction. *Social Interaction. Video-Based Studies of Human Sociality*. 2 (1). [Online] Available from: <https://tidsskrift.dk/socialinteraction/article/view/113957/162547>. (Accessed: 09.09.2020).
22. Rudenko, M.Yu. (2016) Issledovanie argo, zhargona i slenga: voprosy terminologii [Research of argot, jargon and slang: questions of terminology]. *Filologicheskije nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological sciences. Questions of theory and practice*. 5–3 (59). pp. 127–134.
23. Kiklewicz, A. (2007) *Aspekty teorii względności lingwistycznej*. Olsztyn: Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego.
24. Fine, G.A. & Kleinman, S. (1979) Rethinking subculture: An interactionist analysis. *American Journal of Sociology*. 85 (1). pp. 1–20.
25. Johnson, C.M. (2001) A survey of current research on online communities of practice. *The Internet and Higher Education*. 4 (1). pp. 45–60.
26. DeFabio, C. R. (2016) Why teens around the world are freaking out about Thai slime. *Splinter*. [Online] Available from: <https://splinternews.com/why-teens-around-the-world-are-freaking-out-about-thai-1793860133>. (Accessed: 09.09.2020).
27. Silver, J. (2016) *A Complete History of Slime, On Instagram and IRL*. [Online] Available from: <http://www.papermag.com/slime-instagram-fashion-2585562103.html>. (Accessed: 09.09.2020).
28. Krysin, L.P. (2004) *Russkoe slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu yazyku i sotsiolingvistike* [The Russian Word, One's Own and Another's: Studies in Contemporary Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
29. Farrell, T., Araque, O., Fernandez, M. & Alani, H. (2020) On the use of Jargon and Word Embeddings to Explore Subculture within the Reddit's Manosphere. *12th ACM*

Conference on Web Science (WebSci'20), July 6–10, 2020, Southampton, United Kingdom. New York: Association for Computing Machinery (ACM). pp. 1–10. [Online] Available from: <https://doi.org/10.1145/3394231.3397912> (Accessed: 09.09.2020).

30. Shultz, S.M. (1996) Medical jargon: ethnography of language in a hospital library. *Medical reference services quarterly*. 15 (3). pp. 41–47.

31. Chaika, E. (1980) Jargons and language change. *Anthropological Linguistics*. 22 (2). pp. 77–96.

32. Würschinger, Q., Elahi, M.F., Zhekova, D. & Schmid, H.-J. (2016) Using the Web and Social Media as Corpora for Monitoring the Spread of Neologisms. The case of ‘rapefugee’, ‘rapeugee’, and ‘rapugee’. *Proceedings of the 10th Web as Corpus Workshop*. Berlin: Association for Computational Linguistics. pp. 35–43.

33. Veale, T. & Butnariu, C. (2010) Harvesting and understanding on-line neologisms. *Cognitive Perspectives on Word Formation*. 221. pp. 393–416.

34. Kiklewicz, A. (2016) *Prityazhenie yazyka* [The attraction of the language]. Vol. 4. Linguistic activity: semantic and pragmatic aspects]. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie.

35. Golovanova, E.I. (2015) Novye nazvaniya lits po professii i dolzhnosti v russkom yazyke [New names of persons by profession and position in Russian]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 27 (382). pp. 60–64.

36. Lyapkova, E.M. (2003) [Feminization of the names of the social and professional status of a person]. *Slovo, vyskazyvaniye, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul'turologicheskom aspektakh: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Word, utterance, text in the cognitive, pragmatic and cultural aspects]. Proceedings of the International Conference. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University. pp. 364–365. (In Russian).

37. Hymes, D. (2020) The scope of sociolinguistics. *International Journal of the Sociology of Language*. 263. pp. 67–76.

38. Hymes, D.H. (1972) Toward ethnographies of communication. In: Giglioli, P.P. (ed.) *Language and social context*. Harmondsworth: Penguin. pp. 21–44.

39. Lamont, M. & Swidler, A. (2014) Methodological Pluralism and the Possibilities and Limits of Interviewing. *Qualitative Sociology*. 37 (2). pp. 153–171.

40. Superanskaya, A.V. (1990) Transliteratsiya [Transliteration]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 518–519.

41. Krongauz, M.A. (1990) Transkriptsiya prakticheskaya [Practical transcription]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. p. 518.

Информация об авторе:

Загидуллина М.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: marta@csu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.V. Zagidullina, Dr. Sci. (Philology), professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: marta@csu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.09.2020;
одобрена после рецензирования 05.05.2022; принята к публикации 18.07.2022.

The article was submitted 22.09.2020;
approved after reviewing 05.05.2022; accepted for publication 18.07.2022.

Научная статья
УДК 81' 242, 81'243
doi: 10.17223/19986645/78/3

Влияние ценностно-культурной матрицы на интерпретацию международного праздника иностранными студентами

Жанна Ромуальдовна Сладкевич

Гданьский университет, Гданьск, Польша, zanna.sladkiewicz@ug.edu.pl

Аннотация. Исследуются фоновые основания осмысления и категоризации информации. Фреймовая организация знаний в рамках ценностно-культурных матриц (ЦКМ) представляется как смысловой каркас, являющийся интерпретационной базой для воспринимаемого материала. Проблема осмысления иностранной аудиторией информации и вербально-поведенческого реагирования на нее рассматривается на примере обсуждения праздника 8 Марта студентами Гданьского университета. Анализ показал, что ЦКМ представляет собой сложную систему, обладающую национально-специфическим содержанием, которое для инофона может быть непредсказуемым и конфликтогенным.

Ключевые слова: ценностно-культурная матрица, культурный фрейм, ассоциативный эксперимент, лексико-семантическое поле, женский праздник

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках гранта РФ (проект № 18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках») в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Калининград).

Для цитирования: Сладкевич Ж.Р. Влияние ценностно-культурной матрицы на интерпретацию международного праздника иностранными студентами // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 46–66. doi: 10.17223/19986645/78/3

Original article
doi: 10.17223/19986645/78/3

The influence of the value-cultural matrix on the interpretation of the international holiday by foreign students

Zhanna R. Sladkevich

University of Gdansk, Gdansk, Republic of Poland, zanna.sladkiewicz@ug.edu.pl

Abstract. The article examines the latent background foundations for understanding and categorizing information, as well as their consideration in the practice of teaching a foreign language. Foreign students' perception of information about a specific fragment of reality and a verbal-behavioral response to it are

conditioned by nationally specific cultural frames, which are the interpretive basis for the perceived material. The concept of a value-cultural matrix is a synthetic construct that allows one to generalize mental schemes, social phenomena and behavioral models that are predominantly non-reflective. The frame organization of knowledge within the framework of value-oriented matrices is generally understood as a certain semantic framework reflecting the stereotypical nature of human thinking within a sociocultural community. The peculiarities of by a foreign audience's understanding the information about a specific fragment of reality and verbal-behavioral response to it are considered on the example of the discussion of the 8 March holiday by Russian Studies students at the University of Gdansk. In order to solve the research problems (comparing the frame of the international holiday in Polish and Russian national discourses, describing the cultural dominants that form them), a narrative methodology is used, which involves a thorough reconstruction of cultural frames based on narration, as well as methods of lexical-semantic, historical-cultural and static analysis. The empirical material was works by two Russian philology groups of students majoring in teaching – their speculation and working cards dedicated to 8 March, as well as the students' notes on the official website of the Institute on the day of the holiday. The analysis of the collected material shows that the value-cultural matrix is a complex, multi-level system with its own nationally specific content, which for a foreign learner can be unpredictable and conflict-prone. The considered case revealed a different attitude to the holiday in Poland and Russia, its different value, semantic and processual experience. The most significant factors that determine the differing configuration of the value-cultural matrices of interpreting the holiday of 8 March in Russia and Poland are described: the history and nature of the holiday, its atmosphere, associations of representatives of the linguacultural community with this day, the social and legal aspect of correlates with the holiday, as well as dominant characteristics of the national and gender mentality. In connection with the above, educational material in a foreign language may contain some conflict-prone elements due to the indicated discrepancy in the frames. The teacher's task is to transpose the keys to an adequate perception and understanding of a foreign cultural frame, as well as to ensure mutual understanding based on mutual respect and awareness of the value meanings of a different linguistic culture.

Keywords: value-cultural matrix, cultural frame, Women's Day, holiday, association

Financial Support: The study was carried out within the framework of a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 18-18-00442, Mechanisms of Meaning Formation and Textualization in Narrative and Performative Discourses and Practices) at the Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad).

For citation: Sladkevich, Zh.R. (2022) The influence of the value-cultural matrix on the interpretation of the international holiday by foreign students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 46–66. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/3

Вступление. Исследовательская проблема

Цель настоящей статьи – рассмотреть культурные основания интерпретации международного праздника в русском и польском общественном дискурсе и выяснить, как специфичные, культурно обусловленные ценностные модели и ментальные фреймы воздействуют на обсуждение международного праздника в учебном процессе.

В последние десятилетия в гуманитарных науках используется широкий спектр терминологических единиц для обозначения латентных фоновых оснований осмысления и категоризации воспринимаемой информации и ментальных программ социального поведения. К ним можно отнести такие емкие понятия, как тезаурус [1, 2], фоновое лингвистическое и экстралингвистическое знание, бэкграунд [3–5], эпистема [6], ценностно-культурная матрица [7, 8], культурный фрейм [9–13]. Остановимся на двух последних, основанных на склонности человека к пространственной визуализации абстрактных понятий (в данном случае – пресуппозиционной, культурно обусловленной базы индивида).

Еще в 70-е гг. прошлого века Ю.М. Лотман определил, что «естественный язык» в неразрывной связи с культурой содержит в себе некоторое внутреннее «штампующее устройство», благодаря которому не только осуществляется структурная организация окружающего человека мира, но и создается социальная сфера, порождается конкретное, символически выраженное в различных артефактах многообразие проявлений смысла, а само бытие, осваиваемое человеком, приобретает определенную форму, устойчивую на конкретном отрезке пространственно-временного континуума [14. С. 146–165].

Осознание того, что люди, воспитывающиеся в разных культурах, по-разному мыслят и реагируют, исповедуют отличающиеся ценности, легло в основу таких дисциплин, как методика преподавания иностранного языка, лингвострановедение, межкультурная коммуникация, и поставило перед данными науками ряд вопросов эпистемологического и методологического характера. Одной из попыток их решения является привлечение понятия *эпистемы* (задающего знания, обусловленного исторически культурно-когнитивного априори), введенное Мишелем Фуко [6, 15], к описанию *культурных эпистем*, определяющих специфику мировосприятия представителей различных культурных сообществ [16].

Понятие *матрицы* в лингвистических, социологических и психологических дисциплинах представляет собой синтетический конструкт, позволяющий обобщить ментальные схемы, социальные явления и поведенческие модели, и определяется как совокупность когнитивных, аксиологических и конативных структур ментальных программ, носящих нерелективный характер [17. С. 158]. Под *ценностно-культурной матрицей* подразумевается «совокупность национальных, религиозных, культурно-бытовых, воспитательных и семейных традиций, установившегося правового обычая и общепризнанных духовно-нравственных ценностей, как стереотип жизни конкретного социума в отдельно взятый период времени и в территориальных рамках конкретного региона, санкционированный государственным законодательством» [8. С. 80]. Исследователи выделяют ценностно-духовную, культурно-бытовую и правовую составляющие ценностно-культурной матрицы общества [8. С. 81]. Ценностно-духовная составляющая культурной матрицы – как аксиологическая база общепринятой традиции существования социума в конкретный период на определен-

ной территории – пронизывает все остальные составляющие ценностно-культурной матрицы, являясь ведущим критерием общепринятости и регулятором поведенческих схем в их правовом аспекте. В основе культурно-бытовой составляющей лежат модели поведения, этики, семейных и деловых взаимоотношений, воспитания, бытовые и национально-культурные особенности, а также праздничные традиции общества. Правовая составляющая представляет собой законодательную основу функционирования социума.

Культурные фоновые знания участников коммуникации – основа любого общения. **Культурные фреймы** понимаются как интерпретативные структуры, определяющие отношение к происходящему, выполняющие функцию организации опыта, переживания происходящего и управления поведением, позволяющие воспринять, категорировать и обозначить бесконечное количество аспектов происходящего [18]. Понятие *фрейма* связано, прежде всего, с трудами Марвина Минского [19], Чарльза Филлмора [20, 21], Ирвина Гоффмана [22], которые – в теории искусственного интеллекта, лингвистике и социологии соответственно – использовали данный термин для обозначения способа упорядочивания, структурирования и интерпретации элементов действительности и социальных феноменов (подробнее см.: [23, 24]). Фреймовая организация знаний в рамках ценностно-ориентированных матриц представляется учеными в общем виде как система из смысловых узлов и связей между ними, как абстрактная схема когнитивного познания мира, как объемный концепт, представляющий собой своего рода «пакет» информации о типичной ситуации и предопределяющий конвенциональность вербального и невербального отклика на нее [25–28].

В этой связи можно заключить, что осмысление аудиторией иностранных студентов информации о конкретном фрагменте действительности и вербально-поведенческое реагирование на нее обусловлены национально-специфичными **культурными фреймами**, представляющими интерпретационную базу для воспринимаемого материала, структуру знаний, необходимых для определения языкового значения и восприятия высказывания в ситуации его использования. Фрейм как паттерн ментально-психологического конструкта, синтезирующего когнитивное, ценностно-смысловое содержание в структурную архитектуру индивидуального сознания, позволяет увидеть дидактический ракурс восприятия иностранцем учебного материала как семиотически неоднозначный текст. Реконструкция фреймовых моделей в рамках ЦКМ – как совокупностей, детерминирующих интерпретацию контекстов [29. С. 40–41] – является одной из задач современной дидактики иностранного языка. В процессе обучения преподаватель должен постараться максимально приблизить к обучаемому инокультурный фрейм, т.е. научить иностранца смотреть на ситуацию глазами носителей языка, что является архисложной задачей.

Case study. Анализ ситуации

Рассмотрим влияние ценностно-культурной матрицы на восприятие и обсуждение международного праздника – 8 Марта – среди польских студентов-филологов, изучающих русский язык, на примере анализа конкретного случая.

В текущем году 8 марта на фейсбук-странице¹ Института русистики и востоковедения Гданьского университета модератором сайта был опубликован пост, представляющий собой репост дидактического материала (рис. 1), который был разработан и опубликован русистом, владельцем образовательной компании Катажиной Кухарской (<https://masterru.blog> и FB@masterru.pl).

Рис. 1. Пост «С 8 Марта!»

Это популярный сайт с дидактическими материалами для польских учителей. Опубликованный материал содержал нейтральную лексику, ка-

¹ Соцсеть Meta, признанная в России экстремистской. – *Примеч. ред.*

сающуюся предметов, которыми пользуются женщины, и был адресован полякам, изучающим русский язык как иностранный на этапе А2. Иллюстрированная рабочая карта состояла из 20 лексем по теме *внешний вид* (одежда и косметика): *платье, туфли на каблуках, кольцо с бриллиантом, бюстгалтер, губная помада, тушь для ресниц, лак для ногтей, духи, пудра, палитра теней для век, косметика по уходу, зеркало, косметичка, плойка для волос, контурный карандаш, пилочка для ногтей, выпрямитель для волос, крем для лица, расчёска и фен.*

Размещение материала имело учебно-познавательную цель, как и в случае других постов, приуроченных к праздникам. Контент, задачей которого было побуждение студентов к повторению лексики, сопровождался надписью администратора сайта: *Важные слова на сегодня*. Пост вызвал бурную реакцию среди студентов, оживленную и эмоциональную дискуссию в Сети, в связи с чем был удален с сайта Института на следующий день, 9 марта.

Значительная часть студенток увидела в этом наборе лексики посягательство на достижения демократии и ста лет феминистского движения, сведение женщин лишь к атрибуту, украшающему жизнь мужчины¹:

1) *Serio?! Najważniejsze słówka na dziś to „równość i szacunek”, a nie „seksizm i stereotyp”.*

2) *No nie, tyle czasu poświęconego na rozwój, tyle pracy na studiach, a to jednak się okazuje, że najważniejsza w kobiecie i dla kobiety jest uroda. Czas przewartościować priorytety i znaleźć bogatego męża...*

3) *No co wy, dziewczyny, przecież kobieta ma być jedynie ozdobą 😊. A uniwersytet kończy po to żeby móc umilać mężczyznom czas rozmową 😊*

4) *może coś o prawach kobiet i tożsamości płciowej?*

5) *Na dzień kobiet wszystkim laseczkom żeby były ładniejsze i niezbyt ambitne*

1) *Серьезно?! Важнейшие слова на сегодня – это «равенство и уважение», а не «сексизм и стереотип».*

2) *Ну нет, столько времени, посвященного развитию, столько труда во время учебы в вузе, а оказывается, что важнее всего в женщине и для женщины – красота. Самое время пересмотреть приоритеты и найти этого богатого мужа...*

3) *Ну что вы, девочки, ведь женщина должна быть лишь украшением 😊. А университет оканчивается только для того, чтобы беседой скрашивать время мужчинам 😊*

4) *может, что-то о правах женщин и половой идентичности?*

5) *В женский день всем куколкам желаем, чтобы были красотками и не слишком амбициозными*

Стоит обратить внимание на несколько высказываний. Одна из студенток писала о том, что лучше было бы, если бы пост содержал иллюстрации телесных колготок и гвоздик (*Już lepsze byłyby cieliste rajstopy i goździki*).

¹ В целях обеспечения анонимности участников коммуникации тексты были переписаны с сайта в оригинальной форме – без корректировки графического, орфографического, грамматического, пунктуационного облика сообщения. С правой стороны приводится перевод сообщений на русский язык. – Ж.С.

Эти предметы были традиционной формой поздравления женщин с 8 Марта на предприятиях в коммунистической Польше (ПНР) – 1 пара телесных колгот или чулок и 1 гвоздика, что, в свою очередь, сформировало отношение к празднику как к чисто формальному ярлыку, навязанному сверху. Другая участница дискуссии обратила внимание на ключевые слова, появившиеся на сайте Института англистики и американистики: изучение гендера, история и развитие феминизма, половая культура: *Instytut anglistyki: gender studies, historia i rozwój feminizmu, kultura płciowa* <...> *Instytut rusycystyki: to^*. Данный набор лексики отсылает нас к иному, западному культурному фрейму, определяющему восприятие 8 Марта.

В представленной бурной веб-дискуссии были также высказывания противоположного прагматического содержания, авторы которых пытались «урезонить» возмущенных девушек, но они не преобладали в ходе обсуждения:

6) *Troszkę dystansu...*

7) *Dziewczyny, bez przesady. To jest strona Instytutu rusycystyki i studiów wschodnich. Używanie suszarki do włosów czy szminki nie czyni nikogo mniej lub bardziej kobietą, a znajomość takich słów nie oznacza, że kobieta ma być jedynie ozdoba.*

8) *Ciekawe ile z Was wierzy w dodatku w płaską ziemię.*

9) *No tak, rosyjskie słówka damskich przedmiotów udostępnione w dzień kobiet jest jawnym brakiem szacunku i dyskryminacji płci pięknej XD*

10) *To jest wasza po prostu nadinterpretacja i takie kreowanie siebie na bycie ofiarą. Słówka są dobrane do dnia bo najbardziej kojarzy się z kobietą co wcale nie oznacza że jest kategoryzowana i że narzucają jej rolę społeczną xD czy ktokolwiek by się oburzył gdyby na dzień mężczyzny w słówkach była „naprawa samochodu” albo „klucz nastawny”? No własnie nie☺*

11) *Absentem laedit, qui cum ebrio litigat*

6) *Немного дистанции...*

7) *Девочки, не преувеличивайте. Это сайт института русистики и востоковедения. Использование фена и помады не делает никого менее или более женщиной, а знание таких слов не значит, что женщина должна быть только украшением.*

8) *Интересно, сколько из Вас все еще верит в плоскую землю.*

9) *Ну конечно, русские названия дамских предметов, опубликованные в женский день, явно показывают неуважение и дискриминацию прекрасного пола XD*

10) *Это просто ваша переинтерпретация и такая подача себя как жертвы. Эти слова подобраны к дню потому, что наиболее ассоциируются с женщиной, что вовсе не означает категоризации и навязывания ей социальной роли xD, разве кто-нибудь возмущался бы если бы в день мужчины появились слова «ремонт машины» или «разводной ключ»? Разумеется, нет ☺*

11) *Дурака учить – мертвого лечить*

Авторами высказываний последней группы были преимущественно мужчины, причем из групп других направлений (россиеведение, востоковедение). Однотруппники девушек, которые выражали недовольство контентом данного поста, предпочли не принимать участия в дискуссии.

Методология и ход исследования

В современной лингвистике обучение иностранному языку интерпретируется как дискурс обучающего и обучаемого, оперирующих своими когнитивными схемами (фреймами) и вступающих в личностно-смысловые отношения между собой, в результате чего происходит интроекция фонов, т.е. включение индивидом в свой внутренний мир воспринимаемых им от других людей взглядов, мотивов, установок, см.: [30. С. 46–47]. Межкультурное общение носит диалогический характер, т.е. значение формируется и уточняется в диалоге коммуникантов. Учет этого фактора требует изменения исследовательской методологии: от интраспективной (методологии первого лица) через экстраспективную (методологию третьего лица, основанную на опосредованном наблюдении) к диалогической, предполагающей активный, субъект-субъектный характер взаимодействия исследователя и исследуемого в целях уточнения адекватности сформировавшегося поля значений [12. С. 43]. Одной из разновидностей такого рода диалогических методологий является нарративная методология [31. Р. 34], задействованная в нашем исследовании. Исследователи отмечают, что диалогический ракурс методологии анализа межкультурного взаимодействия акцентирует внимание на текстовой опосредованности его изучения, предполагающей тщательную реконструкцию культурных фреймов, определяющих специфику интерпретации контента инофоном [32].

С целью обнаружения культурных доминант, формирующих фрейм праздника Международного женского дня, студентам двух групп русской филологии (второй курс, учительская специальность, 13 человек и третий курс, 20 человек; всего 33 человека) были предложены следующие типы заданий:

1. Написание рассуждения на тему «Из чего же сделаны наши девчонки», предполагающего раскрытие главных составляющих понятия «женщина», индивидуального представления студентов о женственности.

2. Составление трех учебных карт лексики по 20 слов каждая, приуроченных к 8 Марта, по нарастающей сложности – для уровня А1/А2 (первый курс), В1 (второй курс) и В2/С1 (третий курс). В каждой из карт процент повторяющейся лексики должен составить не более 20% (т.е. 4 слова). Представленная лексика должна позволить рассказать о специфике празднования 8 Марта в России и передать «дух» этого праздника в данном культурном сообществе.

Первый тип задания, нарративный, в связи с ограничениями объема статьи я не буду детально комментировать. Утверждения студентов, изложенные в рассуждении, в абсолютном большинстве можно свести к следующим тезисам:

- Женственность в традиционном понимании – ужасный шаблон;
- Длинные волосы и ресницы, розовые губы и ногти, платья и каблуки не определяют женщину;

– Традиционная женственность выгодна мужчинам в их маскулинном мире;

– Женщина может выглядеть как ей угодно и вести себя так, как диктует ей внутреннее «я», и тогда она прекрасна;

– Женщин характеризуют многозадачность, целеустремленность, самоотверженность и высокий уровень эмпатии;

– Необходимо поддерживать женщин всех стран и регионов в их борьбе за свои права.

Остановимся подробнее на втором типе задания, сочетающего в себе лингводидактические и психолингвистические (ассоциативный эксперимент) методы сбора данных. В результате его выполнения было получено 809 слов и выражений, которые условно были разбиты на лексико-семантические группы. Нашей задачей в данном случае является анализ полученного материала не с точки зрения методики обучения языкам и соответствия уровням обучения, а именно с точки зрения культурно-когнитивной экспликации фрейма рассматриваемого праздника.

На начальном уровне обучения студенты указали единицы, которые, с их точки зрения, позволят рассказать о празднике, его атмосфере и подарках (табл. 1). Доминирующими лексико-семантическими группами (ЛСГ) здесь были «праздник», «цветы», «чувства» и «средства по уходу за собой» (рис. 2). Лексемы последней группы (*духи, помада, косметика*) наряду с цветами и сладостями называют наиболее популярные подарки, преподносимые в Польше в этот день. Из типичных западных символов праздника здесь появились фраземы *фиолетовая лента, серебряная акация* и, думаю, странное, с точки зрения носителя русской лингвокультуры, в этом лексическом минимуме слово *колготки*, коррелирующее с «дефицитными» подарками труженицам времен ПНР.

Т а б л и ц а 1

Уровень А1/А2 (347 единиц)

ЛСГ	Статистика лексем	Итого
Праздник и его атмосфера	<i>праздник 9, поздравления 9, подарок 7, сюрприз 6, комплимент 6, поцелуй 5, поздравительная открытка 5, вино 3, свидание 2, романтический ужин 2, подарочная карта 2, выходной день 2, государственный, день женской солидарности, женская вечеринка, мужчина на кухне, традиция, купон, книга, кино, музыка, театр, игрушка</i>	69
Цветы	<i>тюльпаны 12, букет 11, цветы 10, роза 9, мимоза 6, гвоздики 4, нарцисс 2, орхидея 2, ландыши, декоративное растение, серебристая акация</i>	59
Абстрактные понятия, чувства	<i>любовь 12, красота 10, нежность 5, уважение 5, забота 4, женственность 4, счастье 4, любовь 2, очарование 2, благодарность, доброта, свобода, чувства, эмпатия</i>	53

ЛСГ	Статистика лексем	Итого
Средства по уходу за собой	<i>духи 14, губная помада 8, косметика 7, лак для ногтей 5, косметичка 4, парфюмерия 2, тушь для ресниц 2, макияж, пудра, крем для лица, зеркало, расческа, фен, груди, волосы</i>	50
Мода, одежда и обувь	<i>платье 9, колготки 7, серьги 5, украшения 5, бюстгалтер 4, кольцо с бриллиантом 2, юбка 2, браслет, кольцо, кулон, ожерелье, ботинки, туфли на каблуках, мода, ценности</i>	42
Женщина	<i>женщина 7, девушка 6, девочка 3, любимая 3, возлюбленная 2, мама 2, бабушка 2, сестра 2, девчонка, невеста, жена, прекрасный пол, тетя, дама, подруга, ребенок</i>	35
Сладости	<i>шоколад 12, конфеты 12, сладости 4, коробка конфет 3, фруктовый торт</i>	32
Права женщин	<i>эмансипация 2, феминистка 2, права женщин, фиолетовая лента (символ Международного женского дня), борьба против дискриминации</i>	7

A1-A2 347 единиц

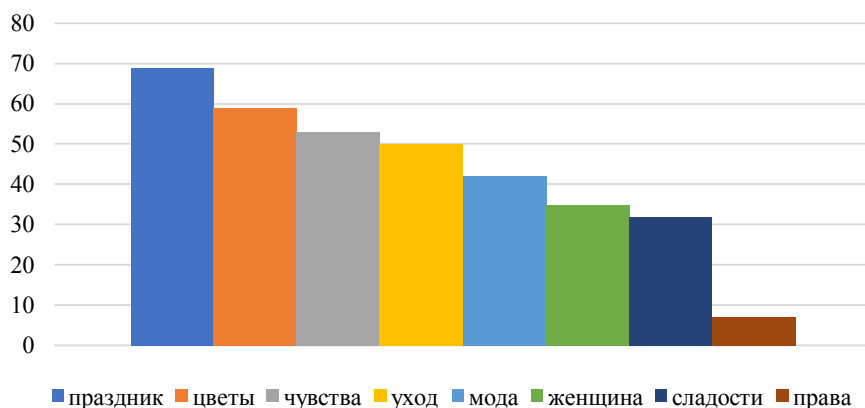

Рис. 2. Распределение лексем из ответов студентов уровня A1-A2 по ЛСГ

Значительные изменения в составе и численной репрезентации ЛСГ мы видим уже в минимуме, конструируемом для уровня В1, соответствующего второму курсу русской филологии в польском вузе (табл. 2). На первый план здесь выходят лексико-семантические поля «борьба за права женщин» (*эмансипация, равенство, равноправие, дискриминация, феминистки*), качества и чувства (*женственность, нежность, заботливость, многозадачность*), а также праздник и его атмосфера (рис. 3), причем носители польской лингвокультуры подчеркнули его государственный характер и указали современные презенты в этот день, как подарочные карты или купоны в магазины. Отметим, что появилась лексика из группы «тело женщины».

Уровень В1 (228 единиц)

ЛСГ	Статистика лексем	Итого
Борьба за права женщин	<i>эмансипация 11, равенство 10, (гендерное) равноправие 6, дискриминация 5, (домашнее) насилие 5, феминистки 4, феминизм 4, (распространять) стереотипы 4, избирательные права 3, права женщин 3, амазонка, модели поведения, единство женщин, заниженные заработной платы, суфражистки, право голоса, шовинистические мужчины, массовые забастовки, право женщин на ту же работу, укоренять традиции, стать первопроходцем, политические лозунги, нет изнасилованиям, отказаться от подтекстов, социальная роль, уважение к женскому труду, воительница, сестринская община</i>	73
Абстрактные понятия, качества и чувства	<i>женственность 9, нежность 6, заботливость 5, благодарность 4, материнство 4, элегантность 3, влюбленность 2, доброта 2, многозадачность 2, сентиментальность 2, уважение 2, чувствительность 2, чуткость 2, эмпатия 2, вежливость, верность, грациозность, духовная мудрость, изысканность, канон красоты, отвага, поддержка, превратность, соглашательство, сотрудничество, стремление, толерантность, тонкость, торжественность, уместный, чувство красоты, эмоциональность</i>	65
Праздник и его атмосфера	<i>праздничный концерт 5, мюзикл 4, подарочные карты 4, свидание 4, выходной 3, государственный праздник 2, нерабочий день 2, поздравления 2, стихи 2, бонбоньерка, благотворительные фестивали, международный женский день, национальный праздник, праздник чествования женщин, романтический ужин, сюрприз, открытки, комплимент, освободить от всех хлопот по дому, предложить тост, отдать честь, проявлять чувства, сонеты, сходить в кино, театр, флешмоб</i>	45
Женщина	<i>прекрасный пол 9, возлюбленная 2, вторая половинка 2, подружка 2, слабый пол 2, партнерша, родительница, избранница</i>	20
Цветы	<i>тюльпан 4, мимоза (символ женского дня в СССР) 3, цветы 2, доставка цветов, цветочный магазин</i>	11
Мода, аксессуары	<i>чулки 4, ювелирные украшения 3, галантерея, ювелирный магазин</i>	9
Средства по уходу за собой	<i>губная помада 2, тушь для ресниц 2, макияж 2, косметический салон, накладные ресницы</i>	8
Женское тело	<i>гормоны, губы, лоно, матка, менопауза, оргазм, секс</i>	6

В1 228 единиц

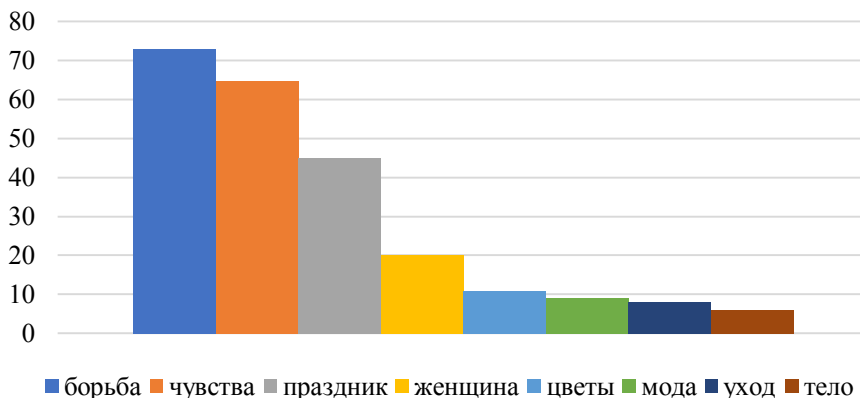

Рис. 3. Распределение лексем из ответов студентов уровня В1 по ЛСГ

Конфигурация ЛСГ на продвинутом уровне, соответствующем языковым компетенциям третьего курса русской филологии в польском вузе, отразила западную ЦКМ, определяющую различия польского и русского культурных фреймов «Восьмое марта» (табл. 3). Можно отметить абсолютное преобладание лексем и фразем, соотносимых с полем «проблемы гендера» как в социальном аспекте (*домашнее насилие, разрыв в оплате труда, дискриминация, сексизм, репрезентация во власти, стеклянный потолок*), так и в физиологическом ракурсе (*сексуальное домогательство, мастэктомия, маммография, менструация, гормональная контрацепция*) (рис. 4). Второй по численности ЛСГ является «борьба за права женщин», представленная разнородными единицами, позволяющими рассказать об истории массовых протестов и феминистического движения: *феминизм, забастовка, эмансипация, избирательные права, суфражистка, митинг, солидарность, манифестация, женская прерогатива, идея социального равноправия полов, половое просвещение*. В минимуме для этого уровня вообще не представлены поля «цветы», «сладости», «косметика», «украшения», а информация о подарках подана с учетом реалий XXI в. и гедонистической культуры (СПА-салон, СПА-процедуры, баловать себя. В малочисленной группе лексики «праздник и его атмосфера» появились не только фразы типа *романтическая обстановка, осыпать комплиментами, изысканный десерт, утонченный ужин*, а также выражения, акцентирующие различие в характере празднования между странами (*государственный праздник, нерабочий день, накануне работать неполный день*), но и такие культурологические «изюминки», как *кислые девки* с авторским комментарием: „*Święto cierpkich dziewcząt*”, *święto obchodzone na Rusi właśnie 8 marca, tego dnia dziewczęta robiły szczególnie rozeznanie w*

poszukiwaniach męża (старорусский праздник, когда 8 марта девушки занимались поиском мужа).

Т а б л и ц а 3

Уровень В2-С1 (234 единицы)

ЛСГ	Статистика лексем	Итого
Проблемы гендера	<i>насилие (насилие в семье, домашнее насилие, психологическое насилие, предотвращение насилия в отношении женщин) 10, разрыв в оплате труда (более низкая оплата труда на той же должности, занижение заработной платы) 9, привилегии 8, гендер 7, дискриминация 7, (гендерное) равенство 6, стереотип 6, сексизм 6, модели поведения 3, патриархат 3, матриархат 2, возложение заботы о детях на женщин 2, ограничение прав 2, манипуляция 2, неуважение 2, ущемление прав женщин 2, обязанности, отношение к женщине как к предмету, незначительная репрезентация женщин во власти, провокационная реклама, социальные вопросы, надругательство, сексуальное домогательство, шовинизм, стеклянный потолок, пацанка; сексуальная ориентация, фетиши, мастэктомия, маммография, рак груди, менструация, гормональная контрацепция, гигиеническая подкладка, тампон, презерватив, вибратор, тест на беременность</i>	99
Борьба за права женщин	<i>равноправие 11, феминизм 8, забастовка 6, эмансипация 7, избирательные права 6, право голоса 6, независимость 6, суфражистки 5, митинг 4, солидарность женщин 4, манифестация 3, свобода выбора 3, акция в защиту прав женщин 2, бастовать 2, добиться успеха 2, общественное движение 2, самореализация 2, активизм, бизнесвумен, воодушевляющее послание, женская прерогатива, идея социального равноправия полов, общественное сознание, оказывать поддержку, Организация Объединенных Наций, подписать декрет, половое просвещение, почетная грамота, права женщин, провозгласить, происшествие, протест, работница, собрание, требование, феминистическая окраска, шествие</i>	98
Праздник и его атмосфера	<i>государственный праздник 4, нерабочий день 2, романтическая обстановка 2, осыпать комплиментами 2, накануне работать неполный день, кислые девки (старорусский праздник, когда 8 марта девушки искали мужей), изысканный десерт, утонченный ужин</i>	14
Черты характера, чувства и эмоции	<i>чувствительность 4, женственность 3, восхищение, признательность, сочувствие, феминность</i>	11
Абстрактные единицы из текстов о празднике	<i>прекрасный пол 2, материнство, вежа, прогрессивность, сестринская любовь</i>	6
Внешний вид	<i>СПА-салон 2, СПА-процедуры, изящество, заботиться о себе, баловать себя</i>	6

В2-С1 234 единицы

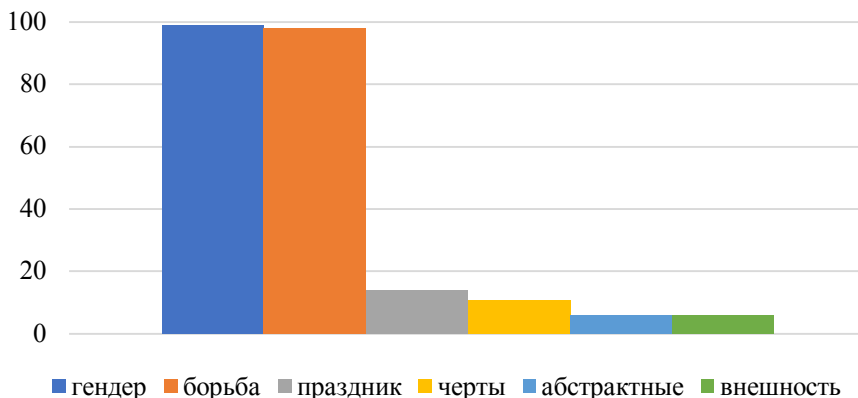

Рис. 4. Распределение лексем из ответов студентов уровня В2-С1 по ЛСГ

Заключение

Выявленные в ходе эксперимента различия в восприятии и интерпретации Восьмого марта в России и Польше определяются специфичной для каждого социума конфигурацией компонентов ценностно-культурных матриц – характером праздника, ассоциациями с ним, социально-правовым контекстом в отношении законодательного регулирования прав и свобод женщин, а также особенностями национального менталитета (подробнее см.: [33–38]). Так, в русских ассоциативных интернет-словарях [39] и на сайте экспериментального проекта Sociation.org [40] зафиксированы следующие реакции к стимулу «восьмое марта» (рис. 5).

цветы (-ок), радость, восьмёрка, женщины (-а), мимоза (-ы), праздник, корпоратив, феминизм, любовь, активный зал, восемь, лилия, шарики, вино, независимость, март, открытка, букет, цветение, восторг, девушка, первое сентября, розы, диван, ландыши, алкоголь, подарки (-ок), конфеты, цветочная лавка, бесконечность, тюльпаны, андрей миронов, улица, чудо света, день, фабрика, поздравление, весна, стиральный порошок

Рис. 5. Ассоциации к словосочетанию «Восьмое марта»

В абсолютном большинстве ассоциаты имеют позитивную коннотацию (противоположную или нейтральную прагматическую окраску могут иметь лексемы *феминизм, фабрика, стиральный порошок*), ср.: «8 марта – первый весенний праздник. <...> Это ощущение радости, пробуждения. Появляется желание жить, творить, быть красивой, привлекательной, доброй, интересной и хочется праздника. Праздника солнца, цветов и улыбок!» [41].

В Польше ассоциации с праздником носят амбивалентный характер, что отражают не только результаты проведенного эксперимента, но и опубликованные высказывания деятелей искусства:

– Мы обычно связываем женский день с Польской Народной Республикой, очередь в отделе кадров при распределении колготок, пошатываемся джентльменом с гвоздикой (головкой вниз) и смачным поцелуем в руку. Однако для меня это хороший праздник, напоминающий день мамы, бабушки или Валентинов день. В эпоху процветающего феминизма, женщин, притворяющихся мужчинами, и уходящего в небытие джентльменства, приятно чувствовать себя особенной (Рената Сиган, поэт и график);

– У меня он ассоциируется с гвоздикой, приносимой моей матерью с работы в знак уважения, которое ее место трудоустройства демонстрировало своим сотрудникам, в то же время дискриминируя их по признаку пола на следующий день. (Моника Буховец, актриса) [42].

При сопоставлении видно, что в российской ассоциативной картине праздника его история, митинги нью-йоркских женщин и другие политические события практически не отражаются. Они ушли в пассивное знание социума и не участвуют в формировании отношения к празднику. В Польше, напротив, информация социально-политического характера как о движении феминисток и борьбе за права женщин, так и о характере празднования женского дня в коммунистической ПНР и «давлении сверху» детерминирует полярный спектр ассоциаций с 8 марта, где далеко не все женщины ждут в этот день какой-либо жест со стороны мужчин [43].

Конфигурация факторов культурно-языкового, социального и правового характера определяет наполнение фрейма женского дня: в России это масштабный государственный праздник и одновременно трепетный, любимый всеми весенний день, в котором отдается должное прекрасной и заботливой женщине, в Польше же – неофициальный праздник, ассоциирующийся с коммунистическим режимом и атрибутированный специфическими знаками минувшей эпохи, воспринимаемый неоднозначно польками, не удовлетворенными решением гендерных вопросов в стране.

Подводя итоги, отметим, что фоновые знания представляют собой сложную, многоуровневую систему, обладающую своим национально-специфическим содержанием, которое для инофона может быть непредсказуемым. Для успешной коммуникации необходимо овладеть не только языковым, но и социокультурным кодом сообщества, на языке которого осуществляется коммуникация, умением адекватно интерпретировать

коммуникативное поведение представителя иносоциума. На материале конкретного случая, имевшего место в реальном и виртуальном пространстве Гданьского университета, было показано, что корректный на первый взгляд материал в силу расхождения в культурных фреймах может содержать определенную конфликтогенность. Усилия преподавателя должны быть направлены на снятие напряжения и бесконфликтное разрешение концептуально-аксиологического расхождения в рассматриваемых фреймах. Заметим при этом, что, на наш взгляд, полное транспонирование ценностно-ориентированной матрицы студентам, изучающим иностранный язык, неосуществимо. Однако задачей преподавателя является передача ключей к адекватному восприятию и пониманию инокультурного фрейма путем ознакомления учащихся не только с лексико-грамматической базой, но и социокультурными особенностями народа, говорящего на изучаемом языке. Стратегия сближения инокультурных знаний должна быть направлена не только на предотвращение смысловых и культурных сбояв в коммуникации, но и на преодоление «барьера этноцентризма» (термин Петерсона Шу, см. [44. С. 11]). Практика показала, что хорошие результаты дает метод сторителлинга, позволяющий в рассматриваемом случае не только описать атмосферу праздника в России, но и передать личный, эмоционально окрашенный опыт носителя языка. Нарративные и поисково-творческие (наблюдение – вывод, сократовская беседа, мозговой штурм и др.) методические приемы помогают обеспечить взаимопонимание, основанное на взаимоуважении и осознании ценностных смыслов иной лингвокультуры.

Список источников

1. Луков В.А., Луков Вл.А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 93–100.
2. Кухта М. Модели восприятия информации в вербальных и визуальных текстах // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 3. С. 116–119.
3. Томахин Г.Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения // Иностранный язык в школе. 1980. № 4. С. 84–87.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М. : Русский язык, 1990. 246 с.
5. Николина Н.Н. Роль фоновых знаний в условиях межкультурной коммуникации // Лингвокультурология. 2017. № 11. С. 99–107.
6. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб. : А-сad, 1994. 408 с. (ориг.: М. Foucault. Les mots et les choses. Une archeologie des sciences humaines. Paris : Gallimard 1966).
7. Лубский А.В., Атоян Ш.М., Беспалова А.А. и др. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе. Ростов н/Д : Фонд науки и образования, 2016. 391 с.
8. Воденко К.В., Овчаренко Д.Л., Стукалова Е.В. Ценностно-культурная матрица: теоретический конструкт и социальная реальность // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 6. С. 78–86. doi: 10.23683/2227-8656.2017.6.5

9. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. Р. Бумагина, Ю. Данилова и др. М. : Институт социологии РАН, 2004. 752 с.
10. Гусельникова О.В. Возможности фреймового анализа // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 5. С. 29–32.
11. Гусельникова О.В. Терминологический аппарат структуры фрейма // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 9. С. 137–149.
12. Янчук В.А. Культурный фрейминг как детерминанта взаимопонимания в условиях культурного многообразия // Психологический журнал. 2010. № 2. С. 41–48.
13. Мазиллов В.А., Янчук В.А. Методологические проблемы исследования культурного фрейминга // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 3, т. I. С. 212–219.
14. Лотман Ю.М. Успенский Б.А. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Т. 5. С. 144–166.
15. Визгин В.П. Эпистема // Современная западная философия : энцикл. словарь / под ред. О. Хёффе, В.С. Малахова и др. М. : Культурная революция, 2009. С. 203.
16. Bukobza G. The epistemological basis of selfhood // *New Ideas in Psychology*. 2007. Vol. 25. P. 35–51.
17. Лубский Р.А. Российская государственность как социальная реальность. Ростов н/Д : Фонд науки и образования, 2014. 292 с.
18. Tannen D. (ed.). Framing in Discourse. New York : Oxford University Press, 1993. 263 p.
19. Minsky M. Teorie Systemu Schematów (1975) // *Psychologia Poznawcza w Trzech Ostatnich Dekadach XX wieku – Wybór Przelomowych Prac* / red. Z. Chlewiński. Gdańsk : Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, 2007. S. 282–307.
20. Fillmore Ch. Scenes-and-Frames Semantics (1977) / ed. by A. Zampolli. *Linguistic Structures Processing*. Amsterdam : New Holland, 1977. P. 55–81.
21. Fillmore Ch. Schemata and Prototypes (1977) // *Studies in Descriptive Linguistics. Fillmore's Case Grammar* / eds. by R. Dirven, G.A. Radden. Heidelberg : Groos, 1987. P. 99–106.
22. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. New York : Harper & Row, 1974. 586 p.
23. Pluwak A. Geneza i ewolucja pojęcia framing w naukach społecznych // *Global Media Journal – Polish Edition*. 2009. № 1 (5). S. 49–79.
24. Сухоносова С.В. Теория фреймов: возможности исследования повседневности // Человек в мире культуры. 2012. № 2. С. 29–34.
25. Fillmore Ch. Frames and the semantics of understanding // *Quaderni di semántica*. 1985. Vol. 6, № 2. P. 222–254.
26. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. 2-е изд. Тамбов : ТГУ, 2001. 123 с.
27. Минский М. Фреймы для представления знаний / пер. с англ. О.Н. Гринбаума. М. : Энергия, 1979. 151 с.
28. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток-Запад, 2010. 314 с.
29. Вахштайн В.С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2011. 334 с.
30. Макарова Е.А. Особенности формирования фоновых знаний студентов в изменяющемся образовательном пространстве // Российский психологический журнал. 2006. № 4. С. 45–60.
31. Gergen K.J., Gergen M.M. Toward a Cultural Constructionist psychology // *Theory and Psychology*. 1997. Vol. 7. P. 31–36.
32. Buhrig K., Thijs J.D. (eds.). Beyond Misunderstanding: Linguistic analyses of intercultural communication. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2006. 339 p.

33. Сладкевич Ж. Гордая красавица полячка: стереотип польки в русском публичном дискурсе // *Imiona językowej komunikacji, czyli demakijażowanie sensów*. Gdańsk : WUG, 2015. S. 327–343.
34. Радзивинович В. Заслуженный праздник женщин // *Gazeta Wyborcza*. 2011. URL: <https://inomodator.livejournal.com/144293.html> (дата обращения: 18.04.2020).
35. *Radziwinowicz W.* Rosjanka ma być pokorna // *Gazeta Wyborcza*. 2019. URL: <https://wyborcza.pl/7,75399,24942407,rosjanka-ma-byc-pokorna.html> (дата обращения: 17.04.2020).
36. Цалко Е.О. Гендерный аспект национальной идентичности русских: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2011. 28 с.
37. Цалко Е.О. Образ русской женщины в структуре национальной идентичности русских (по материалам интервью) // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 2 (59). С. 31–41.
38. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 1999. 180 с.
39. Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 18.04.2020).
40. Ассоциации к слову «восьмое марта». URL: <https://sociation.org/word/%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%BE%D0%B5%20%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0/> (дата обращения: 17.04.2020).
41. Большой вопрос.ру. 2017. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2357664-kakie-associacii-s-8-martom.html> (дата обращения: 17.04.2020).
42. *Dzień Kobiet – mile święto czy zbędna tradycja?* 6.03.2020. URL: <https://agencja-informacyjna.com/dzien-kobiet-mile-swieto-czy-zbedna-tradycja/> (дата обращения: 18.04.2020).
43. *Musialska P.* Dzień Kobiet: Świętują matki, żony, córki... i nie tylko. A gdzie prezenty? 2016. URL: <https://dziennikzachodni.pl/dzien-kobiet-swietuja-matki-zony-corki-i-nie-tylko-a-gdzie-prezenty/ar/9474879> (дата обращения: 18.04.2020).
44. Кренска Н. К вопросу о межкультурной коммуникации и культурных различиях при обучении иностранному языку // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2008. № 3. С. 10–15.

References

1. Lukov, V.A. & Lukov, VI.A. (2004) Tezaurusnyy podkhod v gumanitarnykh nauках [Thesaurus Approach in the Humanities]. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill*. 1. pp. 93–100.
2. Kukhta, M. (2004) Modeli vospriyatiya informatsii v verbal'nykh i vizualnykh tekstakh [Models of information perception in verbal and visual texts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 3. pp. 116–119.
3. Tomakhin, G.D. (1980) Phonovye znaniya kak osnovnoy predmet lingvostranovedeniya [Background knowledge as the main subject of linguistic and regional studies]. *Inostranny yazyk v shkole – Foreign language at school*. 4. pp. 84–87.
4. Vereshchagin, E.M. & Kostomarov, V.G. (1990) *Yazyk i kultura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and Culture: Linguistic and Regional Studies in Teaching Russian as a Foreign Language]. Moscow: Russkiy yazyk.
5. Nikolina, N.N. (2017) The role of background knowledge in the context of intercultural communication. *Linguoculturology*. 11. pp. 99–107. (In Russian).
6. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archeology of the Humanities] Translated from French by V.P. Vizgin, N.S. Avtonomova. Saint Petersburg: A-cad.

7. Lubskey, A.V. et al. (2016) *Mental'nye programmy i modeli sotsial'nogo povedeniya v rossiyskom obshchestve* [Mental programs and models of social behavior in Russian society]. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya.
8. Vodenko, K.V., Ovcharenko, D.L. & Stukolova, E.V. (2017) The value-cultural matrix: theoretical construct and social reality. *Humanitarians of the South of Russia*. 6. pp. 78–86. (In Russian). DOI 10.23683/2227-8656.2017.6.5
9. Goffman, E. (2004) *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on Organizing Everyday Experience]. Translated from English by R. Bumagin, Yu. Danilov et al. Moscow: Institute of Sociology RAS.
10. Gusel'nikova, O.V. (2009) Vozmozhnosti freymovogo analiza [Frame analysis capabilities]. *The World of Science, Culture, Education*. 5. pp. 29–32.
11. Gusel'nikova, O.V. (2010) Frame structure terminology. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 9. pp. 137–149. (In Russian).
12. Yanchuk, V.A. (2010) Cultural framing as a determinant of mutual understanding in the context of cultural diversity. *Psychological Journal*. 2. pp. 41–48. (In Russian).
13. Mazilov, V.A. & Yanchuk, V.A. (2013) Methodological problems of the study of cultural framing. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 3 (1). pp. 212–219. (In Russian).
14. Lotman, Yu.M. & Uspenskiy, B.A. (1971) O semioticheskom mekhanizme kul'tury [On the semiotic mechanism of culture]. *Works on Sign Systems*. 5. pp. 144–166.
15. Vizgin, V.P. (2009) Epistema [Episteme]. In: Khoffe, O., Malakhova, V.S. et al. (eds) *Sovremennaya zapadnaya filosofiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Contemporary Western Philosophy. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Kul'turnaya revoliutsiya. p. 203.
16. Bukobza, G. (2007) The epistemological basis of selfhood. *New Ideas in Psychology*. 25. pp. 35–51.
17. Lubskey, R.A. (2014) *Rossiyskaya gosudarstvennost' kak sotsial'naya real'nost'*. [Russian statehood as a social reality]. Rostov-on-Don: Fond nauki i obrazovaniya.
18. Tannen, D. (ed.) (1993) *Framing in Discourse*. New York: Oxford University Press.
19. Minsky, M. (2007) Teorie Systemu Schematów. In: Chlewiński, Z. (ed.) *Psychologia Poznawcza w Trzech Ostatnich Dekadach XX wieku – Wybór Przelomowych Prac*. Gdańsk: Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne. pp. 282–307. (In Polish).
20. Fillmore, Ch. (1977) Scenes-and-Frames Semantics. In: Zampolli A. (ed.). (1977) *Linguistic Structures Processing*. Amsterdam: New Holland. pp. 55–81.
21. Fillmore, Ch. (1977) Schemata and Prototypes. In: Dirven R. & Radden G.A. (eds) (1987) *Studies in Descriptive Linguistics. Fillmore's Case Grammar*. Heidelberg: Groos. pp. 99–106.
22. Goffman, E. (1974) *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. New York: New York: Harper & Row.
23. Pluwak, A. (2009) Geneza i ewolucja pojęcia framing w naukach społecznych. *Global Media Journal – Polish Edition*. 1 (5). pp. 49–79. (In Polish).
24. Sukhonosova, S.V. (2012) Teoriya freymov: vozmozhnosti issledovaniya povsednevnosti [Frame theory: opportunities for the study of everyday life]. *Man in the World of Culture*. 2. pp. 29–34.
25. Fillmore, Ch. (1985) Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di semantica*. VI (2). pp. 222–254.
26. Boldyrev, N.N. (2001) *Kognitivnaya semantika: Kurs lektsiy po angliyskoy philologii* [Cognitive Semantics: A Course of Lectures in English Philology]. 2nd ed. Tambov: Tambov State University.
27. Minsky, M. (1979) *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for representing knowledge]. Translated from English by O.N. Grinbaum. Moscow: Energiya.
28. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2010) *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Vostok-Zapad.

29. Vakhshayn, V.S. (2011) *Sotsiologiya povsednevnosti i teoriya freymov* [Sociology of everyday life and the theory of frames]. Saint Petersburg: European University.

30. Makarova, E.A. (2006) Osobennosti formirovaniya fonovyykh znaniy studentov v izmenyayushchemsya obrazovatel'nom prostranstve [Features of the formation of background knowledge of students in a changing educational space]. *Russian Psychological Journal*. 4. pp. 45–60.

31. Gergen, K.J. & Gergen, M.M. (1997) Toward a Cultural Constructionist psychology. *Theory and Psychology*. 7. pp. 31–36.

32. Buhrig, K. & Thije, J.D. (eds) (2006) *Beyond Misunderstanding: Linguistic analyses of intercultural communication*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

33. Sladkevich, Zh. (2015) Gordaya krasavitsa polyachka: stereotip pol'ki v russkom publichnom diskurse [The proud beauty Pole: the stereotype of the Polish woman in Russian public discourse]. In: *Imiona językowej komunikacji, czyli demakijażowanie sensów*. Gdansk: WUG, pp. 327–343.

34. Radzivinovich, V. (2011) Zasluzhennyy prazdnik zhenshchin [Honored holiday of women]. *Gazeta Wyborcza*. [Online] Available from: <https://inomoderator.livejournal.com/144293.html> (Accessed: 30.04.2019).

35. Radziwinowicz, W. (2019) Rosjanka ma być pokorna [The Russian woman is supposed to be humble]. *Gazeta Wyborcza*. [Online] Available from: <https://wyborcza.pl/7,75399,24942407,rosjanka-ma-byc-pokorna.html> (Accessed: 30.04.2019). (In Polish).

36. Tsalko, E.O. (2011) *Gendernyy aspekt natsional'noy identichnosti russikh: sotsiologicheskyy analiz* [Gender Aspect of Russian National Identity: Sociological Analysis]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Nizhny Novgorod.

37. Tsalko, E.O. (2011) Obraz russkoy zhenshchiny v strukture natsional'noy identichnosti russkikh (po materialam interv'yuu) [The image of a Russian woman in the structure of the national identity of Russians (based on interview materials)]. *Zhenshina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 2 (59). pp. 31–41.

38. Kirillina, A.V. (1999) *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: linguistic aspects]. Moscow: Institute of Sociology RAS.

39. Kartaslov.ru. (2019) *Karta slov i vyrazheniy russkogo yazyka*. [Map of words and expressions of the Russian language]. [Online] Available from: <https://kartaslov.ru> (Accessed: 30.04.2019).

40. Sociation.org. (2020) *Assotsiatsii k slovu "vos 'moe marta"* [Associations for the word "8 March"] [Online] Available from: <https://sociation.org/word/%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%8C%D0%BC%D0%BE%D0%B5%20%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B0/> (Accessed: 17.04.2020).

41. Bolshoyvopros.ru. (2017). [Online] Available from: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2357664-kakie-associacii-s-8-martom.html> (Accessed: 30.04.2019).

42. Agencja-informacyjna.com. (2020) *Dzień Kobiet – mile święto czy zbędna tradycja?* 6 March. [Online] Available from: <https://agencja-informacyjna.com/dzien-kobiet-mile-swieto-czy-zbedna-tradycja/> (Accessed: 30.04.2019).

43. Musialska, P. (2016) *Dzień Kobiet: Świętują matki, żony, córki... i nie tylko. A gdzie prezenty?* [Online] Available from: <https://dziennikzachodni.pl/dzien-kobiet-swietuja-matki-zony-corki-i-nie-tylko-a-gdzie-prezenty/ar/9474879> (Accessed: 30.04.2019).

44. Krenska, N. (2008) K voprosu o mezhkul'turnoy kommunikatsii i kul'turnykh razlichiyakh pri obuchenii inostrannomu yazyku [On the issue of intercultural communication and cultural differences in teaching a foreign language]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and Foreign Languages and Methods of Teaching Them*. 3. pp. 10–15.

Информация об авторе:

Сладкевич Ж.Р. – д-р филол. наук, профессор Гданьского университета, директор Института русистики и востоковедения на филологическом факультете Гданьского университета (Гданьск, Польша). E-mail: zanna.sladkiewicz@ug.edu.pl

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zh.R. Sladkevich, Dr. Sci. (Philology), professor, director of the Institute of Russian and Eastern Studies, University of Gdansk (Gdansk, Republic of Poland). E-mail: zanna.sladkiewicz@ug.edu.pl

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.07.2020;
одобрена после рецензирования 03.05.2022; принята к публикации 18.07.2022.*

*The article was submitted 27.07.2020;
approved after reviewing 03.05.2022; accepted for publication 18.07.2022.*

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/19986645/78/4

Дело об аспектуальных парах открывается вновь

Валерий Дмитриевич Соловьев¹,
Владимир Владимирович Бочкарев²

^{1,2} *Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия*
¹ *maki.solovyev@mail.ru*
² *vbochkarev@mail.ru*

Аннотация. Приведены новые аргументы, демонстрирующие недостаточность известного критерия Маслова идентификации аспектуальных пар в русском языке. Предложен новый критерий, основанный на квантитативном анализе динамики частот словоупотреблений по коллекции Google Books Ngram. Предложенный критерий позволяет выявить проблемные места в определении аспектуальных пар и представить материал для углубленного лингвистического анализа спорных случаев. Приведен анализ ряда конкретных примеров аспектуальных пар.

Ключевые слова: русский язык, вид, аспектуальные пары, критерий Маслова, квантитативный анализ, Google Books Ngram

Источник финансирования: исследование выполнено при поддержке РФФ, грант № 20-18-00206.

Благодарности. Авторы выражают благодарность Анне А. Зализняк за ценные советы при обсуждении статьи, а также неизвестному рецензенту за полезные критические замечания.

Для цитирования: Соловьев В.Д., Бочкарев В.В. Дело об аспектуальных парах открывается вновь // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 67–98. doi: 10.17223/19986645/78/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/78/4

The case for aspectual pairs reopened

Valery D. Solovyev¹, Vladimir V. Bochkarev²

^{1,2} *Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation*
¹ *maki.solovyev@mail.ru*
² *vbochkarev@mail.ru*

Abstract. The article discusses a classic problem of Russian aspectology – the description of aspectual pairs. The concept of aspectual pairs in Russian remains one

of the most controversial. There are no stringent operating criteria to distinguish aspectual pairs. The article presents new arguments demonstrating theoretical unreasonableness and little usefulness in practice of the well-known Maslov criterion. The aim of the study is to propose a new more formal criterion for aspectual pairs in the Russian language. The most controversial cases are the cases of pairs “basic imperfective verb – perfective prefixed verb”, which is investigated in the article. A fundamentally new approach based on a quantitative analysis of the dynamics of the frequencies of usage of words included in an aspectual pair is proposed. Frequencies of word usage are taken from a set of n-grams in Russian from the well-known Google Books Ngram Viewer program. 202 word pairs were analyzed; they had been taken from the Exploring Emptiness base of aspectual pairs created under the leadership of Laura Janda and from literature sources. The difficulty in identifying aspectual pairs is that the words of such a pair must have identical semantics, which has not yet been formalized. We have noticed that the frequency of the usage of words with the same lexical semantics changes in a synchronous manner over time. On this basis, the following criterion for aspectual pairs is proposed. Verbs from the pair “basic imperfective verb – perfective prefixed verb” form an aspectual pair if and only if the frequency of their usage changes synchronously, i.e. frequency graphs have the same shape. Graphs are interpreted as time series in a mathematical sense. For a numerical assessment of the proximity of the shapes of the graphs, the calculation of the Spearman correlation coefficients of the corresponding series was applied. Both theoretical and statistical arguments are presented in favor of this assumption. The proposed criterion was applied to the analysis of a number of specific cases demonstrating gaps in dictionary entries. In particular, the rationale is provided that the aspectual partner of the imperfective verb “to be interested” is the perfective verb “to become interested”, and not ‘to take an interest’, as it has been described so far. The proposed criterion allows identifying problem cases in the definition of aspectual pairs and provides material for an in-depth linguistic analysis of controversial cases. Limitations in the applicability of the criterion are indicated.

Keywords: Russian language, aspect, aspectual pairs, Maslov criterion, quantitative analysis, Google Books Ngram Viewer

Financial Support: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00206.

Acknowledgments: The authors thank Anna A. Zaliznyak for valuable advice during the discussion of the article, as well as to an unknown reviewer for useful critical remarks.

For citation: Solovyev, V.D. & Bochkarev, V.V. (2022) The case for aspectual pairs reopened. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 67–98. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/4

Введение

Категория вида является важной для описания грамматики ряда языков, в том числе русского. Морфологические признаки глаголов совершенного вида (СВ), или перфективов, и несовершенного вида (НСВ), или имперфективов, устоялись, и отнесение глагола к тому или иному виду не вызывает проблем. Однако уже само понятие вида вызывает разногласия.

Описание плана содержания видовой граммы в разных работах дается по-разному. В работах Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко основным проти-

вопоставлением между совершенным и несовершенным видом считается «замкнутое целое» – «развивающийся процесс» [1. С. 72–75; 2. С. 122–123]. В работах [3, 4] инвариантом СВ предлагается считать смысл ‘начать существовать’, а инвариантом НСВ – ‘существовать в каждом из ряда последовательных моментов’. Предлагалась и более общая формулировка: СВ обозначает произошедшее изменение, как правило, начало нового состояния, а НСВ – продолжение прежнего состояния или процесса [5–7].

Несмотря на длительную историю изучения русского вида остается неясным, как следует его трактовать с точки зрения грамматического статуса – глаголы в аспектуальных парах находятся в словоизменительных или в словообразовательных отношениях. Этот вопрос подробно обсуждался как в классических трудах, так и в работах последних лет [8–13].

В центре аспектуальной системы стоит понятие видовой пары – пары глаголов СВ и НСВ, имеющих одинаковую лексическую семантику, – это классический подход [8]. Существует два основных способа изменения вида глагола: суффиксальный и префиксальный. При добавлении стандартных суффиксов: -ива(ј) / -ыва(ј) (*перестраивать*), -ва(ј) (*одевать*), -а(ј) / -я(ј) (*отвечать*) к глаголу СВ он преобразуется в глагол НСВ. Второй способ – присоединение к базовому глаголу НСВ префикса с образованием глагола СВ – значительно сложнее. Другие, более редкие способы видовой трансформации (добавление семельфактивного суффикса -ну, супплетивные пары, перенос ударения) в данной работе не рассматриваются. Согласно классическому подходу в аспектуальных парах присоединяемый префикс привносит в глагол только значение вида и не имеет другой семантики (так называемая гипотеза пустой приставки, восходящая к [14], см. также [15]). Если префикс меняет семантику исходного глагола, то образуется независимый глагол совершенного вида, не входящий в аспектуальную пару с исходным.

Однако и это понятие вызывает споры. Так, в работе [16] предложено ввести третий вид – суффиксально образованный из перфектива глагол НСВ. Тройки (триплеты) типа: *баюкать – убаюкать – убаюкивать* подверглись тщательному изучению в ряде публикаций [17–19]. Необходимость сохранения классической парной концепции видовой противопоставления отстаивается в работе [18, 20].

К сожалению, отсутствует строгое определение видовой пары, операционный критерий, позволяющий определять, образуют ли два заданных глагола аспектуальную пару. О трудностях в описании этого раздела русской грамматики свидетельствуют даже названия статей, например: «И опять о болевых точках категории вида» [11].

Основной трудностью является установление того, имеют ли два глагола одинаковую лексическую семантику. Претендующий на роль такого критерия тест Маслова [1] подвергался критике [21] и может трактоваться лишь как полезная эвристическая процедура, но не как строгий операционный критерий. В [22] указывается, что согласно тесту Маслова видовую пару образуют глаголы СВ с явно начинательным значением, такие как

побежать – бежать. Судя по интенсивной дискуссии ([23, 24] и др.), по проблематике описания аспектуальных пар, эта «парная» модель вида является несколько упрощенной и может быть обогащена.

К числу наиболее важных идей, направленных на усовершенствование описания русского вида, можно отнести следующие.

1. Приставка не является пустой, а несет определенную семантику, перекрывающуюся с семантикой глагола. Это гипотеза Вея-Схоневельда, тщательно проработанная и обоснованная в недавних работах Л. Янды с соавторами [17].

2. Аспект превращается, по крайней мере в славянских языках, в грамматическую словоклассифицирующую категорию [25]. Этот подход находит логическое завершение в теории Янды глагольных префиксов как классификаторов [17].

3. Видовая корреляция глаголов не носит характер одно-одно-значного соответствия, а чаще много-много-значного, когда глаголы вступают в видовую корреляцию с несколькими глаголами противоположного вида. На этом акцентировала внимание Янда [17], это признается и сторонниками видовых пар [18]. Естественным развитием этой идеи является то, что аспектуальные пары не являются независимыми, а образуют более сложные структуры – кластеры, организующие множество пар вокруг базового глагола. Эта модель предложена Яндой в [26].

4. Градуальность аспектуального соответствия [27]. Допускается, что пара глаголов может в большей или меньшей степени находиться в аспектуальном соответствии.

В целом соглашаясь с этим комплексом идей, в данной работе мы основное внимание уделяем проблеме получения операционного критерия аспектуальных пар. Будем использовать следующую терминологию, предложенную в работе [26]. В дальнейшем эта терминология стала использоваться и в работах других авторов. Бесприставочный глагол НСВ будем называть базовым (и также первичным) имперфективом, глагол НСВ, образуемый с помощью суффикса из перфектива, – вторичным имперфективом. Перфектив называется естественным, если его лексическая семантика совпадает с семантикой базового имперфектива и они образуют аспектуальную пару. Перфектив называется специализированным, если его лексическая семантика отличается от семантики базового глагола.

Структура статьи следующая. В разделе 2 обсуждается критерий Маслова. В разделе 3 предлагается новый подход к установлению тождества лексической семантики двух слов. В разделе 4 этот подход применяется к анализу сложных случаев. В разделе 5 приводится обсуждение предложенного подхода и перспектив дальнейших исследований.

2. Подходы к формализации семантики. Критерий Маслова

В [18] обсуждается проблема тождества лексических значений глаголов видовой пары и отмечается, что в большинстве работ никаких критериев тождества не дается. Если значением слова считать его толкование в сло-

варе, то возникает новая, вероятно, не менее сложная проблема – установления тождества двух толкований. В [18] на примере толкований слов *решает* и *решил* из [28], показано, что это непростая задача, решение которой даже не просматривается. Использование более сложных формализованных представлений семантики – как в теории семантических примитивов Вежбицкой [29] – вряд ли поможет, прежде всего, в силу крайне сложных формул представления семантики, а также сохраняющегося субъективизма в построении таких формул.

Попытка получения критерия сделана Ю.С. Масловым [1]. Его критерий опирается на возможность автоматической трансформации предложения с глаголом прошедшего времени совершенного вида в предложение с глаголом в настоящем историческом несовершенного вида.

К сожалению, данный критерий не является операционным ни в каком смысле. В литературе неоднократно указывалось на недостатки критерия Маслова и приводились различные контрпримеры [30, 21]. Для исправления ситуации в [21] высказано предложение (поддержанное в [31]) о введении неких ограничений на допустимые фразы в критерии Маслова. Такой подход никогда не был реализован. Есть большие сомнения в возможности построения адекватного набора ограничений. Критерий Маслова поддерживает явно расширительную трактовку аспектуальных пар. Это хорошо видно из следующих данных. В [32] специалисты-аспектологи привели свои оценки для 7 проблемных пар глаголов. В общей сложности было получено 153 однозначных ответа на основе интуиции участников опроса и 49 ответов, полученных с помощью критерия Маслова. Положительных ответов, что пара в вопросе является аспектуальной, в первом случае было только 40,5%, а во втором – 76,6%, т.е. почти в два раза больше. Это указывает на явное противоречие критерия Маслова интуитивным представлениям об аспектуальных парах.

В большинстве работ велось лишь обсуждение конкретных примеров. В контексте данной статьи обратим внимание на следующие фундаментальные проблемы критерия Маслова.

1. Хотя аспектуальные пары определяются абсолютным образом, все же часто наличие аспектуального соответствия зависит от контекста. Например, *играть – сыграть* обычно трактуется как аспектуальная пара. Но если в контексте *мальчик играл сонату – мальчик сыграл сонату* это действительно так, то вместо *мальчик играл во дворе* очень сомнительно **мальчик сыграл во дворе*. Здесь разный контекст определяет разные значения глагола. Эта конструкция потребует по меньшей мере включения дополнительных элементов и специального контекста. В критерии Маслова не указано, как строить предложения (ситуации), для которых будет проверяться данная пара глаголов совершенного и несовершенного вида. Ясно, что мы не можем построить все предложения с данным глаголом, так как их бесконечно много. Поскольку никакой способ построения тестовых предложений не определен, то, очевидно, критерий Маслова надо понимать в том смысле, что речь идет об аспектуальном соответствии

только в некотором контексте, который определяется тестовыми предложениями. В [27] обсуждается, можно ли сказать *жарит* в значении *обжаривает*. И, применяя критерий Маслова, делается вывод, что нет, на основе примера:

Сначала обжарила курицу, а потом поставила ее тушиться на маленьком огне.
Сначала ?? жарит курицу, а потом ставит ее тушиться на маленьком огне.

В [27] вывод о неправильности второй фразы делается на том основании, что курицу либо жарят, либо варят / тушат, но не то и другое вместе, привлекаемая таким образом к оценке правильности фразы общие знания о мире.

Однако если рассмотреть иной контекст, то замена представляется вполне возможной.

Она приготовила горошинки теста, обжарила их в масле, и получился чак-чак¹.
Она готовит горошинки теста, жарит их в масле, и получается чак-чак.

Один или несколько контекстов не дают оснований утверждать, что замена невозможна ни при каких обстоятельствах, т.е. критерий Маслова не позволяет утверждать, что пара глаголов не является аспектуальной. Критерий не позволяет делать обобщающие выводы типа: данная пара глаголов является аспектуальной всегда, кроме, может быть, каких-то исключений, или она является аспектуальной в большинстве случаев, или она является аспектуальной лишь в небольшом числе контекстов определенного вида.

2. Замена глаголов подразумевает, что семантика предложений (с точностью до вида и времени) сохраняется. Но это опять приводит к проблеме тождества семантики, которая для предложений отнюдь не проще, чем для слов. Даже убежденные сторонники критерия Маслова Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян, А.Д. Шмелев признают [18], что разные носители языка могут по-разному оценивать степень приемлемости предложений, возникающих при замене. Соответственно, критерий Маслова не всегда дает однозначный ответ. Можно считать, как это сделано в [27], что понятие «аспектуальная пара» является принципиально градуальным или нечетким (в точном смысле этого слова, как оно понимается в рамках раздела математики «нечеткая логика»). Между «чистыми» аспектуальными парами и «не парами» лежит промежуточная область (об этом пишет и Л. Янда в [17]) «частично» аспектуальных пар, но тогда нужна некая методика оценки степени этой частичности. В [18] говорится, что это можно как-либо сделать, но опять же не предлагается никакого способа. Таким образом, хотя критерий Маслова, конечно же, имеет значение как эвристический прием, результаты его применения очень расплывчаты, а введение градуальности делает их еще в большей степени субъективными.

Указанные трудности применения критерия Маслова приводят к тому, что на практике он дает результат лишь в простых случаях, которые, соб-

---

¹ Чак-чак – национальное кулинарное изделие башкир и татар.

ственно говоря, и так понятны. В сложных же случаях он не дает конкретного результата. Это хорошо видно из приведенных в [31] результатов обработки анкеты [32], включающей 7 сложных случаев для установления аспектуальных пар. Анкету заполняли профессиональные лингвисты, 8 из которых пользовались именно критерием Маслова. В 5 случаях из 7 их мнения разделились, причем в двух случаях пополам.

Важным событием в русской аспектологии стало создание в 2011 г. группой Л. Янды базы данных (<http://emptyprefixes.uit.no/>), содержащей 1981 аспектуальную пару типа базовый глагол – естественный перфектив [17].

Имевшая место после этого интенсивная и содержательная дискуссия по проблематике аспектуальных пар между группой Л. Янды [24, 33] и группой российских аспектологов [23, 27] также не прояснила ситуацию. В публикациях можно найти десяток пар глаголов, по статусу которых мнения участников дискуссии радикально разошлись.

Применение критерия Маслова позволяет получить лишь следующий результат: рассматриваемая пара в данном контексте является аспектуальной по мнению анализирующего ее человека с некоторой степенью уверенности. Это уводит нас от описания русского языка в целом и смещает в плоскость описания идиолекта. Более того, это уводит нас и из плоскости лингвистики, так как оценка приемлемости замены в критерии Маслова зависит от общих знаний человека о мире. Замена *обжарила* на *жарит* может оказаться совершенно нормальной для человека, далекого от кулинарии, не занимающегося приготовлением пищи, не гурмана, но быть менее приемлемой для шеф-повара мишленовского ресторана. Вряд ли многие аспектологи знакомы со способом приготовления чак-чака и смогут верно оценить правильность приведенного выше в статье примера.

Критерий Маслова мог бы стать более универсальным, если можно было бы реализовать следующую программу исследований. Для каждой пары глаголов, претендующих на то, чтобы быть аспектуальной парой, описать множество типов контекстов употребления, в пределах каждого из которых эти глаголы употребляются сходным образом. Далее, выбрав из каждого типа контекстов некоторого представителя, провести широкий психо-семантический эксперимент по оценке степени приемлемости замены и получить усредненную информацию о восприятии эквивалентности рассматриваемых конструкций современным носителем русского языка. Такая программа вряд может быть реализована.

Таким образом, актуальной остается задача поиска иных критериев аспектуальных пар.

3. Частотный подход к тождеству лексической семантики

В данной работе впервые предложен объективный численный подход к установлению тождества семантики. Он основан на использовании корпуса Google Books Ngram (в дальнейшем GBN). Корпус содержит для русского языка более 80 миллиардов слов (в 200 раз больше, чем Национальный

корпус русского языка) и охватывает более двух веков. Сервис визуализации Ngram Viewer (<https://books.google.com/ngrams/>) позволяет строить графики частот встречаемости слов и словосочетаний по годам. Коллекция GBN содержит только тексты книг (в ней нет периодики, устной речи, блогов и т.д.), и в этом смысле она не является всеохватывающей. С другой стороны, методика создания этого корпуса была такова [34]: полное сканирование всех книг (более 15% всех изданных в мире книг) более чем из 40 крупнейших библиотек по всему миру, включая библиотеки университетов Оксфорда, Гарварда и др. (<http://www.google.com/intl/en/googlebooks/library/partners.html>). Это обеспечило репрезентативное представление всех аспектов человеческой культуры (в широком смысле), в той мере, в которой они представлены в изданных книгах, хранящихся в ведущих библиотеках. В этом смысле GBN является полностью сбалансированным в отношении тех жанров и стилей, которые представлены в книгах. Вопросы сбалансированности GBN подробно рассмотрены в [35].

Отметим, что Google рекомендует использовать данные GBN (для английского языка) с 1800 г., так как более ранние издания недостаточно многочисленны. Для русского языка данных меньше, поэтому мы сочли правильным начать расчеты с 1950 г., что объясняется также следующими факторами:

- в 1917 г. в русском языке произошла реформа орфографии. В ряде случаев слова в старинной орфографии распознаются и представляются в GBN неверно;

- именно в районе 1950 г. происходит резкое увеличение числа издаваемых на русском языке книг, т.е. больше доступных данных.

Наша основная идея состоит в следующем.

Рассмотрим два слова, имеющие одинаковую семантику (один объект референции), но различающиеся словоизменительной формой. Например, *я* – *мне* – *мной*. С течением времени частота указаний на первое лицо вполне может меняться (в зависимости от уровня развития индивидуализма в обществе, этот вопрос для русского языка изучен в [36]), однако совершенно не видно причин для увеличения / уменьшения частоты одной падежной формы по сравнению с другой. Это иллюстрирует рис. 1.

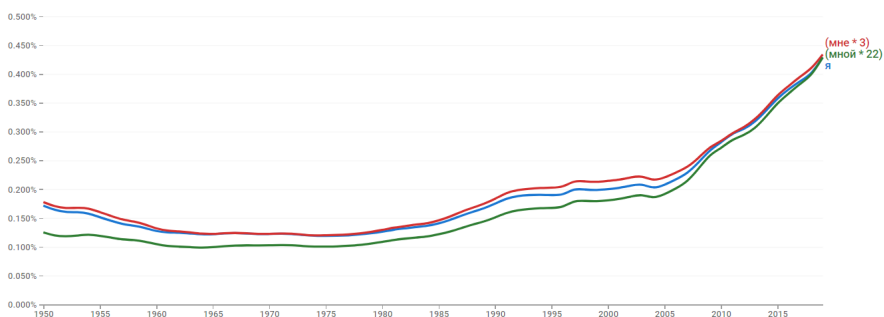

Рис. 1. Графики частот местоимений *я* – *мне* – *мной*

Аналогично, если два слова не различаются никакой иной семантикой, кроме видовой, то частота употребления этих двух слов, как ожидается, будет меняться синхронно, в зависимости от степени востребованности этих слов в тот или иной период.

Рассмотрим в качестве примера пару *дарить* – *подарить*, являющуюся типичным примером аспектуальной пары (рис. 2).

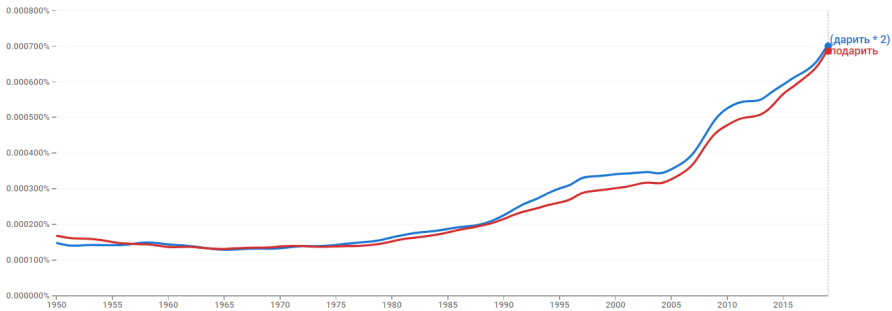

Рис. 2. Динамика частот слов *дарить*, *подарить*, $r = 0,955$

Схожесть формы кривых, т.е. совпадающая динамика востребованности обоих слов, очевидна. При этом важно отметить следующее. Кривые представляют собой с математической точки зрения временные ряды. Степень близости форм кривых – временных рядов – может быть подсчитана. Для численной оценки степени близости будем использовать коэффициент корреляции Спирмена (r) как наиболее часто используемый, в том числе для оценки близости временных рядов.

Данная корреляция имеет место не только для пары инфинитивов, но и для пар глаголов в других формах. Например, для пары *дарил*, *подарил* $r = 0,960$. Полная парадигма глаголов содержит десятки форм, и их исчерпывающий анализ выходит за рамки данной установочной работы. Кроме того, многие формы редкие и крайне редкие, например *даримый*, *даривши*. Поэтому в дальнейшем ограничимся рассмотрением только инфинитивов.

Теперь пусть, наоборот, два слова, хотя и близкие по смыслу, имеют разную лексическую семантику, находясь в словообразовательных отношениях. Тогда можно ожидать, что найдется такой период времени, когда семантика, присутствующая в одном из этих двух слов, будет более востребована, чем в другом слове.

Разная семантика подразумевает разные контексты употребления, частоты которых меняются независимо друг от друга. Например, в паре *кофе* – *кофейник* потребление кофе растет, а использование кофейников падает. Поскольку частота употребления (востребованность) двух слов с разной семантикой определяется в каждый год независимо друг от друга, то частоты на небольших отрезках времени вполне могут случайно совпасть, но чем больше интервал времени, тем такое случайное совпадение менее

вероятно. Рассмотрим в качестве примера пару слов *строить*, *перестроить* (рис. 3).

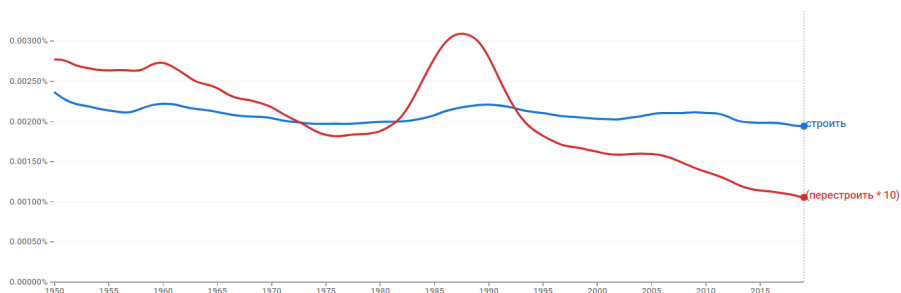

Рис. 3. Динамика частот слов *строить*, *перестроить*, $r = 0,448$

Форма кривых очевидным образом не совпадает, что показывает и коэффициент корреляции Спирмена. Семантика переделывания (REDO в терминологии Л. Янды [17]), присутствующая в приставке *пере-*, обуславливает значительный рост частотности употребления слова *перестроить* в период горбачевской перестройки во второй половине 1980-х гг.

Сформулируем следующее утверждение, предлагаемое в качестве нового критерия аспектуальных пар.

Глаголы из пары «первичный имперфектив – перфектив» имеют одинаковую лексическую семантику (т.е. образуют аспектуальную пару) тогда и только тогда, когда частотность их использования меняется синхронно – графики частотности имеют одинаковую форму.

Сразу отметим, что данный критерий не является универсальным средством, волшебным ключом, решающим все проблемы. Обратим внимание на следующие его ограничения.

1. Схожесть форм кривых не является бинарной: схожи / не схожи. Между заведомо схожими и заведомо не схожими есть промежуточная зона, где решение не будет однозначным. Предлагаемый критерий не всегда дает точный ответ, т.е. он является не строгим, а приближенным, что, впрочем, соответствует идее градуальности аспектуальных пар. Данный критерий не дает окончательного решения сложнейшей проблемы аспектуальных пар, это лишь один из инструментов исследования. Как будет показано в дальнейшем, он может быть полезен.

2. Если глагол очень редкий, то даже в большом корпусе не найдется достаточного числа примеров для принятия решения. К таким глаголам критерий неприменим.

3. Если слово омонимично, то в графике частотности совмещаются данные по двум разным словам, что часто приводит к неадекватности результатов. К сожалению, в настоящее время для русского языка нет хороших алгоритмов снятия омонимии, однако работа над этим ведется.

Теперь перейдем к его преимуществам.

Сформулированное предположение носит ключевой характер для данного подхода. Проанализируем, какие аргументы можно выдвинуть в его поддержку.

Первый аргумент теоретический, он основан на общих соображениях относительно эволюции лексики и грамматики. Семантические различия между перфективом и первичным имперфективом состоят в различиях видовой семантики и, возможно, иной лексической. Видовая семантика, будучи тесно сопряженной с грамматикой, меняется с течением времени очень медленно, как и другие грамматические категории. Так, например, практически не меняется частота использования (востребованность) выполняющих грамматические функции союзов, предлогов, что нетрудно видеть, построив соответствующие графики. На примере с местоимением *я* на рис. 1 мы видели, что роль падежей в востребованности слова не меняется со временем. Ясно, что востребованность лексической семантики, выраженной в полнозначных словах, в большей степени подвержена колебаниям с течением времени, чем грамматических категорий..

Если перфектив специализированный, то его семантика и семантика базового глагола различны, и частоты их использования меняются независимо. В какие-то периоды частоты этих двух лексически различных глаголов могут случайно меняться синхронно, но маловероятно, чтобы это имело место длительное время. Рассмотренные нами случаи показывают, что в какой-то момент одна из семантик оказывается более востребованной, используется чаще и, соответственно, частоты употребления глаголов в такой паре различаются.

В паре же «базовый глагол – естественный перфектив» лексическая семантика глаголов совпадает, следовательно, с течением времени может меняться только востребованность категории вида. Но, как уже отмечалось, это медленный процесс, так что частоты глаголов такой пары будут менять синхронно.

Второй аргумент носит статистический характер и основан на большом объеме данных для каждой пары слов. Степень похожести формы кривых частот, как на рис. 2 для пары *дарить* – *подарить*, настолько велика, что о случайном совпадении речь идти не может. Других объяснений схожести форм кривых на этом рисунке (и в других примерах аспектуальных пар) нет, кроме тождества семантики.

Третий аргумент экспериментальный. Посмотрим, как в действительности ведут себя графики частот в аспектуальных парах «базовый глагол – натуральный перфектив» и в парах «базовый глагол – специализированный перфектив».

Аспектуальные пары возьмем из базы естественных перфективов «Exploring Emptiness» (<http://emptyprefixes.uit.no/>), созданной коллективом исследователей под руководством Л. Янды [17]. Мы будем рассматривать достаточно высокочастотные глаголы, встречающиеся в НКРЯ не менее тысячи раз. Из рассмотрения исключены все омонимы и многозначные слова с существенно различными значениями (например, *бить*). Если у

базового глагола в базе данных есть несколько аспектуальных партнеров, то из них выбирается наиболее частотный. В приложении 1 содержится полный перечень рассматриваемых аспектуальных пар с коэффициентами корреляции соответствующих графиков. Здесь также приведено число различных аспектуальных партнеров глагола НСВ (согласно используемой базе данных, созданной на основе стандартных словарей русского языка).

Что касается пар «базовый глагол – специализированный перфектив», то их слишком много и содержащей их базы данных не существует. Мы сделаем некую выборку характерных специализированных перфективов следующим образом. Для каждого базового глагола из приложения 1 рассмотрим специализированные перфективы (если они вообще имеются) и выберем из них наиболее частотный, вносящий наибольший вклад в форму графиков. Кроме того, пополним набор таких пар, взяв все специализированные перфективы из всех таблиц главы 2 монографии [17]. Приложение 2 содержит данные по парам «базовый глагол – специализированный перфектив», построенных таким образом.

В приложении 1 из 101 пары в 85 случаях (85%) имеет место высокая (согласно шкале Чеддока) $r > 0,7$ корреляция. Среднее значение коэффициента корреляции 0,780.

В приложении 2 из 101 пары в 57 случаях (57%) имеет место высокая $r > 0,7$ корреляция. Среднее значение коэффициента корреляции 0,607.

Как видим, значения коэффициента корреляции существенно различаются для аспектуальных пар и пар «базовый глагол – специализированный перфектив». Это подтверждает возможность использования выдвинутого критерия для различения этих случаев.

Также мы видим, что вероятность получения ложноположительного решения (неаспектуальная пара показывает высокий коэффициент корреляции), существенно выше, чем ложноотрицательного (аспектуальная пара имеет низкий коэффициент корреляции).

В следующем разделе статьи мы проанализируем характерные случаи расхождения описаний аспектуальных пар в словарях и коэффициентов корреляции и опишем основные причины этого.

4. Основные причины невысокой корреляции форм кривых для аспектуальных пар

Рассмотрим аспектуальные пары, у которых значение коэффициента корреляции оказалось меньше 0,7. Выделим наиболее характерные случаи и предложим объяснения, почему для них коэффициент корреляции оказался лишь средним (по шкале Чеддока), а не высоким.

4.1. Ошибка в определении аспектуального партнера. *Интересоваться – поинтересоваться.* В качестве аспектуального партнера к *интересоваться* можно рассмотреть также слово *заинтересоваться*. Динамика частот всех этих слов наиболее отчетливо видна на большом временном интервале. На диаграмме (рис. 4) хорошо видно, что *интересоваться* и

заинтересоваться меняются уже более полутора веков синхронно, в то время как *поинтересоваться* ведет себя по-иному. Это повод для того, чтобы пристальнее посмотреть на эти слова и провести содержательный анализ.

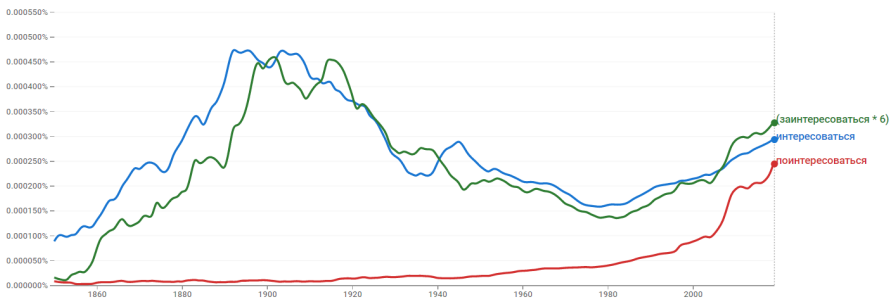

Рис. 4. Динамика частот глаголов *интересоваться*, *заинтересоваться*

Посмотрим, какие аргументы можно выдвинуть против слова *заинтересоваться* как аспектуального партнера и за слово *поинтересоваться*. Во-первых, приставка *за-* характерна для способа действия начинательность. Однако она вполне может и участвовать в образовании аспектуальной пары: *заиндеветь*, *заасфальтировать*, *задурить*. *Заинтересоваться* не всегда воспринимается как начало действия ‘интересоваться’, а чаще как результат – уже проявление интереса. В предложении *Он так заинтересовался архитектором, что начал переводить его свод правил...* (<https://www.culture.ru/persons/9835/nikolai-ivov>), очевидно, описана ситуация уже выраженного интереса. Далее, принято считать, что от глагола совершенного вида в аспектуальной паре не образуется вторичный имперфектив, а от иных префиксальных глаголов образуется. От глагола *заинтересоваться* как раз можно образовать вторичный имперфектив *заинтересовываться* (в Google 18 900 примеров). Свободное образование вторичного имперфектива от глагола *заинтересоваться*, не характерное для аспектуальных партнеров, как будто препятствует ему в занятии этой позиции. Однако от глаголов совершенного вида в составе аспектуальной пары вполне может образоваться вторичный имперфектив: *баюкать* – *убаюкать* – *убаюкивать*. В работах Л. Янды и других исследователей описано много таких триплетов, это не исключение из правил. Так что это не налагает запрета на *заинтересоваться* как аспектуального партнера.

Теперь посмотрим, какие аргументы можно выдвинуть против слова *поинтересоваться* как аспектуального партнера и за слово *заинтересоваться*.

Оператор отрицания. Рассмотрим, как влияет отрицание *не* на перфектив со значением начинательности и на перфектив в составе аспектуальной пары. Отрицание глагола начинательного способа действия *не заплакал*, *не заснул* может означать только то, что процесс *плакать*, *спать* не начинал-

ся. Отрицание же перфектива в составе аспектуальной пары *не выучить* означает недостижение конечного состояния, при этом процесс *учить* мог как не начинаться, так и начаться, но не завершиться.

Сочетание *не заинтересоваться* подразумевает, что процесс проявления интереса к чему-то хотя бы в минимальной степени начался, но интерес не появился. Таким образом, кажется, что *заинтересоваться* не глагол начинательного способа действия. Более того, *не поинтересоваться* как раз означает, что процесс *интересоваться* не начинался. Т.е. в данном случае именно *поинтересоваться* является глаголом начинательного способа действия или специализированным перфективом со значением однократности.

Оператор *почти*. Наречие *почти* свободно модифицирует естественные перфективы (*почти сделал*), но практически не применимо к перфективам начинательного и однократного способа действия (^{??}*почти запеть*, ^{??}*почти прыгнуть*). В этом отношении *поинтересоваться* ведет себя как специализированный перфектив – *почти поинтересовался* зафиксировано во всем Интернете всего 4 раза, *заинтересоваться* больше похоже на естественный перфектив – *почти заинтересовался* встречается более 70 раз.

Оператор *полностью*. Наречие *полностью* свободно модифицирует естественные перфективы (*полностью прочитал*), но неприменимо к перфективам начинательного и ограничительного способа действия: **полностью крикнуть*, **полностью запеть*. А в этом отношении *заинтересоваться* ближе к естественным перфективам: *полностью заинтересоваться* встречается в интернете 32 раза, а *полностью поинтересоваться* только 2.

Таким образом, лингвистический анализ подтверждает вывод об аспектуальной паре *интересоваться* – *заинтересоваться*, сделанный на основе изучения графиков. Метод использования операторов отрицания и наречий соответствует предложенному в работе [37].

4.2. Многозначность слов. Аспектуальная пара только в одном значении.

1. *Считать* – *посчитать*. Слова *считать*, *посчитать* являются аспектуальной парой в значении ‘вычислять, перечислять’, хотя и здесь *посчитать* делит функцию аспектуального партнера со словом *сосчитать* [38]. Однако это значение является относительно редким. Слово *считать* имеет частотное значение ‘признать’: сочетания *считать диплом утратившим силу*, *считать необходимым* можно выразить и в форме *признать диплом утратившим силу*, *признать необходимым*. Слово *посчитать* в этом значении раньше (до 1950 г.) вообще не использовалось, а в настоящее время начинает использоваться, но очень мало и трактуется в словарях как разговорное МАС [39]. Например, естественно сказать *считать договор расторгнутым* (5 100 употреблений в Google), а *посчитать договор расторгнутым* для книжного текста выглядит маргинально (всего 1 употребление в Google). Весьма любопытно, что *признать* является перфективом, т.е. в этом значении *считать* выполняет функцию глагола совершенного вида и не нуждается в аспектуальном партнере. Обратим внимание на рис. 5.

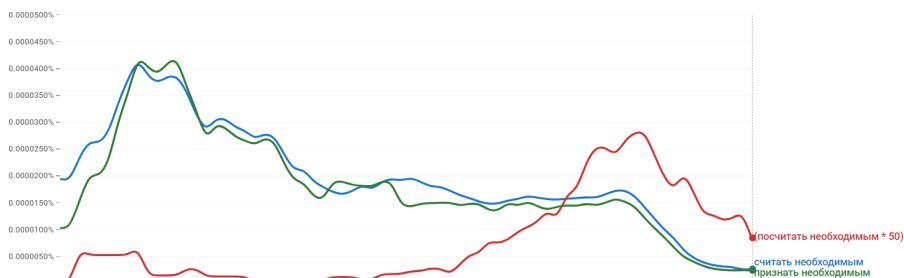

Рис. 5. Частоты словосочетаний *признать необходимым*, *считать необходимым*, *посчитать необходимым*

Считать необходимым и *признать необходимым* меняют частоту синхронно, а *посчитать необходимым* (график масштабирован с коэффициентом 50) используется в 2019 г. в 15 раз реже и видно, что начинает употребляться лишь в последнее время. В словарях [40] указывается значение ‘признавать’ для слова *считать*. Однако, например, сочетание *признавать необходимым* встречается в 100 раз реже, чем *считать необходимым*, в то время как частота сочетаний *признать необходимым* и *считать необходимым* практически совпадает. Таким образом, значением слова *считать*, как не парадоксально, является скорее ‘признать’, чем ‘признавать’. В предложении *В связи ... считать необходимым внесение соответствующих изменений в Положение о единой технической политике предприятий радиочастотной службы* (Протокол заседания Научно-технического совета Роскомнадзора от 27.10.2011, <https://rkn.gov.ru/about/p538/p542/p549/>) слово *считать* легко заменяется на *признать*, но не на *признавать*. Аналогично в предложении *Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, федерацией Закавказских республик и РСФСР об объединении их в Союз Социалистических Советских Республик с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза* (https://www.gazeta.ru/science/2017/12/30_a_11582342.shtml) слово *признать* легко заменяется на *считать*, но не на *признавать*.

Возможно, что в дальнейшем *посчитать* в этом значении начнет употребляться чаще и станет полноценным аспектуальным партнером *считать*.

Таким образом, *считать* и *посчитать* являются аспектуальной парой лишь в одном значении перечисления: *считать деньги – посчитать деньги*, что обуславливает невысокий коэффициент корреляции.

2. *Ценить – оценить*. Одно из значений этих слов общее: ‘Назначать / определить цену кому-чему-н.’ [38], причем для *ценить* это разговорное употребление. При этом другие значения этих двух слов существенно различаются. Согласно словарю С.И. Ожегова для *ценить* это: ‘Признавать то или иное значение, ценность кого-чего-н.’, что, в частности, предполагает положительную оценку ценимого. У *оценить* два значения: ‘Установить качество кого-чего-н., степень, уровень чего-н.’ и ‘Вы-

сказать мнение, суждение о ценности или значении кого-чего-н.'. Эти значения предполагают, что нужно дать оценку, которая вполне может быть и отрицательной. Так, в *Правильно оценить создавшееся положение* (Ожегов) оценка может быть негативной. Кроме того, оценка может быть не только положительной / отрицательной, но и, скажем, количественной: *Оценить уровень инфляции*. Здесь никак не имеется в виду ^{??}*Ценить уровень инфляции*.

Лишь в определенных значениях и ограниченном круге контекстов эти слова образуют контекстуальную пару. В значительном большинстве случаев пару образуют *оценить* и *оценивать*. Следовательно, необходимо точно указывать в словарях, в каких значениях слова образуют аспектуальную пару. В данном случае, например, в словаре МАС для слова *оценить* в качестве соответствующих глаголов несовершенного вида указаны *ценить* и *оценивать* применительно ко всем значениям слова *оценить*, что, как мы видим, неточно.

3. *Слышаться – послышаться*. Видимо, корреляции препятствуют два фактора. Во-первых, согласно определениям из МАС, *слышаться* – это 'Быть слышным, звучать, раздаваться', а *послышаться* – 'Начать слышаться, стать слышным'. Например, *За стеной избушки послышался говор*. Поэтому не вполне ясно, следует ли считать *послышаться* естественным или специализированным перфективом с начинательным значением. *Послышаться* трактуется как естественный перфектив в [40], но не в [39] и [38]. Требуется дополнительное исследование.

Во-вторых, в [41] отмечается еще одно значение у *послышаться*: 'почудиться, примерещиться'. Это подтверждают данные Google Books Ngram, согласно которым *послышаться* во многих случаях употребляется в сочетании со словами *может, могло* и подобными в значении «показалось, что слышится что-то, а этого на самом деле нет». Глагол *слышаться* в таком смысле употребляется редко и обычно означает наличие реальных звуков.

4. *Храниться – сохраться*. У этих слов прототипические значения существенно различаются. *Храниться* имеет значение 'Находиться где-н. на хранении': *Деньги хранятся в банке*. А *сохраться* – значение 'Остаться в силе, в действии, в прежнем состоянии, не измениться': *Только у купеческих домов сохранился еще старый обычай строить крыльцо на дворе* (Гл. Успенский. Новые времена, новые заботы. 1873). Ясно, что значения слов *храниться – сохраться* в этих примерах существенно различаются. Лишь в определенных контекстах значения этих слов находятся в аспектуальном соответствии: *Яблоки прекрасно хранились в подвале – Яблоки прекрасно сохранились в подвале*.

4.3. Двувидовые глаголы.

1. *Фиксировать – зафиксировать*. Глагол *фиксировать*, как известно, двувидовой. В итоге два синонимичных глагола *фиксировать* (СВ) и *зафиксировать* (НСВ) вступают в однотипную связь с глаголом *фиксировать* (НСВ). Это осложняет ситуацию – становится драйвером некой лексической динамики.

Естественно, что исходно в глаголе совершенного вида *зафиксировать* не было большой необходимости. Поэтому он появляется в русском языке и развивается с некоторым отставанием от *фиксировать* (рис. 6).

Рис. 6. Динамика частот *фиксировать* и *зафиксировать*

В последнее время происходит естественная дифференциация этих глаголов. *Фиксировать* реже употребляется в значении совершенного вида – эту функцию берет на себя глагол *зафиксировать*. Соответственно, частота *фиксировать* падает, а *зафиксировать* растет.

2. *Пользоваться – воспользоваться*. Согласно словарям семантика этих слов совпадает, т.е. это аспектуальная пара. Влияние на коэффициент корреляции может оказывать следующий факт. *Пользоваться* имеет синонимом *использовать* (согласно тезаурусу RuWordNet). При этом слово *использовать* является двувидовым. В словаре Ожегова дается такое толкование слова *использовать*: Воспользоваться (пользоваться) кем-чем-н. То есть при необходимости выразить завершенность действия *пользоваться* вполне может быть применен и глагол *использовать*, а не только *воспользоваться*. Например: *Я буду пользоваться всеми возможностями – Я воспользуюсь всеми возможностями – Я использую все возможности*. В итоге возникает кластер из близко связанных по смыслу слов *пользоваться – воспользоваться – использовать*, что осложняет ситуацию, в том числе в квантитативном частотном аспекте.

4.4. Нетривиальные пары базовый глагол – перфектив. Термин ‘нетривиальные видовые пары’ введен в работе [42].

1. *Расти – вырасти*. Для глагола *расти* можно предложить и еще одного кандидата на роль естественного перфектива – *подрасти*. Значения обоих этих глаголов неточно соответствуют базовому глаголу *расти*. Рассмотрим взаимосвязи этих глаголов более детально. Глагол *расти* означает процесс, характеризующийся изменением некоего параметра, аналогично глаголу *толстеть* и ряду других. Что может служить совершенным видом для глаголов этого типа? Либо достижение некоего промежуточного состояния в процессе изменений (в [42] отношение такого типа названо градационным: «СВ – констатация факта изменения в момент наблюдения»), либо достижение финального состояния (аналогично абсолютному / отно-

сительному пределам у А.В. Бондарко [43. С. 14–26]), когда изменения уже завершены. Для *толстеть* это будет соответственно *потолстеть* (стать толще) и *растолстеть* (стать толстым). Для *расти*: *подрасти* (немного увеличиться в размерах) и *вырасти* (увеличиться в размерах, возможно, до предела). Указанное различие семантики ясно видно из их модификаций словами, характерными для полностью завершённого действия: *совсем, полностью*. *Совсем растолстел* встречается в Интернете 1 440 раз, а *совсем потолстел* только 28 раз. *Полностью вырос* – более 7 000 раз, а *полностью подрос* – только 9 раз.

Различия в семантике невелики, и во многих случаях они нейтрализуются. Это происходит тогда, когда речь идет о промежуточном состоянии. При этом использование перфектива с финальной стадией вполне возможно. Предложения *курс доллара вырос еще на 2 руб.* и *курс доллара подрос еще на 2 руб.* практически строго синонимичны, и в них *вырос* и *подрос* отражают результат процесса изменения роста на данный момент, т.е. представляют совершенный вид от *расти*. Однако в финальной ситуации можно применить только слово *вырос*. Так, можно сказать: *Ребенок вырос из этого костюма* (окончательно вырос), но не **Ребенок подрос из этого костюма*.

Характерно, что толковые словари не занимают последовательную позицию в случае глаголов этого типа. Словарь Ожегова для *толстеть* указывает глагол совершенного вида *потолстеть*, а для *расти* – *вырасти*. Это же относится и к языку в целом, использующему разные приставки в однотипных процессах: *жиреть* – *разжиреть*, *худеть* – *похудеть*. И для *вырасти* и для *подрасти* существуют вторичные имперфективы, и между ними достаточно трудно выбрать глагол, более подходящий на роль аспектуального партнера к *расти*. Можно считать, что они в равной мере семантически близки к *расти*. Все же между ними есть определенные различия в семантике, отмеченные выше. Они приводят к различным контекстам употребления и разной частотности употребления, что отражается на графиках. На данном примере мы видим, что анализ отсутствия высокого коэффициента корреляции графиков в предполагаемой аспектуальной паре *расти* – *вырасти* приводит к обнаружению более сложной системы видовых противопоставлений в двух взаимосвязанных парах *расти* – *вырасти* и *расти* – *подрасти*. Это необычный случай, когда одному базовому глаголу соответствуют два аспектуальных партнера, причем они оба относятся не к разным значениям базового глагола (что является обычным делом), а к одному значению. Можно было бы установить, что истинным аспектуальным партнером является только перфектив, соответствующий достижению финальной стадии процесса. Тогда аналогичное решение следовало бы принять и в отношении слов типа *толстеть*, *полнеть*.

Следует отметить и еще один дополнительный фактор, влияющий на форму кривой частотности слова *расти*. Эта форма является также и повелительным наклонением глагола.

2. *Служить – послужить*. В словарях указываются одинаковые значения для этих слов. Однако более внимательный анализ показывает следующее. Глагол *служить* в разных значениях имеет разные функции. В значении ‘нести службу’ это полнозначный глагол. В предложениях типа *Он служил на флоте* глагол *служил* не может быть заменен ни на какой синоним. А в значении ‘являться чем-либо, выполнять свое назначение’, *служить* сближается с глаголом-связкой *быть* и может быть легко заменен на другие глаголы с сохранением общего смысла. Например: *ЕС может служить примером для региональной интеграции Центральной Азии* (<https://cabar.asia/ru/merilin-josefson-es-mozhet-sluzhit-primerom-dlya-regionalnoj-integratsii-tsentralnoj-azii>). Здесь *служить* можно заменить на *являться, быть*. В этих двух функциях *служить* по разному соотносится с перфективами. Во втором случае *послужить* – обычный естественный перфектив. *ЕС может послужить примером для региональной интеграции Центральной Азии* также с возможной заменой на *явиться, стать*. В первом же случае *послужил* – специализированный перфектив ограничительного способа действия. Подразумевается ограниченность служения в времени: *Что ж, хотите, мой милый, послужить царю и отечеству? Время военное* (Л.Н. Толстой. Война и мир. Т. 1. 1873). Как и для других перфективов этого типа, его можно модифицировать наречием *немного*: *Отец посчитал, что для послужного списка мне необходимо немного послужить на пограничной заставе* (А.А. Невара. Дозор не бывает последним. 2005). Для естественного перфектива это невозможно. Таким образом, лишь в части употреблений *служить – послужить* являются аспектуальной парой. Причем *служить* значительно чаще употребляется как раз в первой функции без естественного перфектива. Концепция ‘служения’, вероятно одна из центральных для русской культуры. В российском обществе веками было важно служение в высоком смысле батюшке царю, Богу и т.д. В XX в. частота употребления этого слова резко падает и испытывает значительные колебания под влиянием различных идеологических факторов. Для данной пары слов обнаружено необычное явление, когда один и тот же глагол совершенного вида в разных значениях базового глагола является и естественным, и специализированным перфективом.

3. *Спешить – поспешить*. Приведем определения слов *спешить – поспешить* в словарях. *Спешить*: Стараться сделать что-н., попасть куда-н. как можно скорее, торопиться (Ожегов). *Поспешить*: Быстро пойти, поехать, стараясь скорее попасть куда-л (МАС). Совершить что-н. (какое-н. действие) в соответствии со знач. глаг. *спешить* (Ушаков). Постараться сделать что-л. как можно скорее; поторопиться (Кузнецов). Толкования этих двух слов практически не отличаются друг от друга, завершенность действия (или иные значения совершенного вида) никак не проявляется в этих определениях. В значительном числе контекстов они практически взаимозаменяемы. Например, *Нам надо спешить / поспешить на поезд. Шла Северная война, и беспокойство о Петербурге заставляло Петра I поспешить (спешить) с сооружением укрепления* (Труды государственного

музея истории Санкт-Петербурга. 2005). Таким образом, если пару *спешить – поспешить* и считать аспектуальной, то семантические отношения в ней отличаются от типичных для аспектуальных пар. Аналогично обстоят дела в паре *торопиться – поторопиться*. Здесь проявляется нечеткая семантическая дифференциация между СВ и НСВ, характерная для «семиотических» глаголов в терминологии [42].

5. Обсуждение

Предложенный в статье операционный критерий позволяет перевести вопрос о тождестве семантики из собственно языковой сферы с нечеткой и несопадающей интуицией носителей языка в сферу строгих количественных оценок. Это позволяет охарактеризовать предлагаемый подход как объективный в том смысле, что он не зависит от интуиции исследователя, а основан на числовых данных, извлекаемых стандартными алгоритмами Google из огромного корпуса, созданного не специально для решения данной задачи, и далее числовые данные обрабатываются математическими методами (корреляция Спирмена временных рядов), опять-таки созданными не специально для данной задачи.

Строящиеся графики имеют очевидные преимущества в наглядности. Использование в лингвистике визуальных образов не является новой идеей. Картинки начали использоваться в когнитивной лингвистике с самого ее возникновения. В различных разделах лингвистики и вне ее используются семантические карты. Возможность сведения семантики к геометрии обсуждалась еще в работе [44]. Метод главных компонент позволяет визуализировать объекты многомерных семантических пространств. Таким образом, предложенный метод пополняет уже существующий ряд способов визуализации лингвистических объектов.

В данной статье для продвижения в проблеме описания аспектуальных пар предложен совершенно новый вид анализа. Его необходимость вызвана тем, что традиционные подходы уже в течение многих лет не приводят к продвижению в данном вопросе. Хорошим примером служит интересная дискуссия между Л. Яндой и ее коллегами и коллективом российских аспектологов [23, 24, 27], в ходе которой сторонам не удалось прийти к согласию ни по базовым теоретическим вопросам, ни по аспектуальности конкретных пар глаголов.

Предложенный нами подход имеет свои достоинства и недостатки. Как отмечалось выше, одной из проблем данного подхода является многозначность слов. Однако во многих случаях эта проблема элиминируется. Это имеет место в двух ситуациях.

1. В словарях у слова фиксируется несколько значений, но лишь одно из них частотно. Например, у слова *вешать*, согласно словарю Ожегова, два значения: ‘помещать в висячем положении’ и ‘определять вес, взвешивать’. При этом первое значение в НКРЯ встречается 2 693, а второе только 5 раз (на 2011 г. согласно базе данных «Exploring Emptiness»). Второе

значение, являясь более чем в 500 более редким, не может оказать заметное влияние на форму графика.

2. В словарях у слова фиксируется несколько значений, но при этом совершенный вид в обоих случаях один и тот же. Например, слово *волновать* имеет два значения в словаре Ожегова: 'приводить в волнение' (море и т.д.) и 'приводить в тревожно-беспокойное состояние'. Однако при этом совершенный вид в обоих значениях один и тот же – *взволновать*, и, таким образом, это не отражается на графиках.

Существенные различия форм графиков аспектуальных пар являются достаточным основанием для проведения углубленных исследований соответствующих глаголов. Исследования с применением данного метода позволяют получать результаты следующего вида.

1. Обнаружение ошибок в словарях и, соответственно, в базе данных, на которых она построена (см. 4.1).

2. Уточнение значений слов, для которых имеют место аспектуальные пары (см. 4.2).

3. Обнаружение спорных случаев (см. 4.3).

4. Обнаружение нетривиальных семантических отношений между словами в аспектуальных парах (см. 4.4).

Проанализированные в статье случаи аспектуальных пар с не слишком высоким коэффициентом корреляции позволили обнаружить ряд нетривиальных семантических отношений между словами в аспектуальных парах, не описанных в словарях. Это свидетельствует о полезности данного подхода как способа указать аспектуальные пары, для которых можно обнаружить новые интересные эффекты.

Предложенный критерий применим в ряде случаев, в которых критерий Маслова не применим. Например, в работе [42] пара *насладиться – наслаждаться* названа фиктивной, поскольку «для этих глаголов бывает трудно сконструировать контекст обязательной имперфективации», как того требует применение критерия Маслова. Хотя словари (Ожегов) признают ее аспектуальной и наш критерий это наглядно подтверждает (рис. 7) с очень высокой степенью близости форм графиков слов *насладиться* и *наслаждаться*.

Успешность всего подхода зависит от трех вещей: справедливости сформулированного критерия аспектуальных пар, применяемых методов вычисления похожести кривых и качества корпуса. Что касается предложенного критерия, то аргументы в его поддержку были приведены выше. Для оценки схожести форм временных рядов часто применяются коэффициенты Пирсона и Спирмена [45]. Могут быть применены и другие математические методы анализа схожести временных рядов [46], однако данные табл. 1, 2 показывают, что и подсчет коэффициента корреляции Спирмена является достаточно эффективным способом различения аспектуальных и неаспектуальных пар.

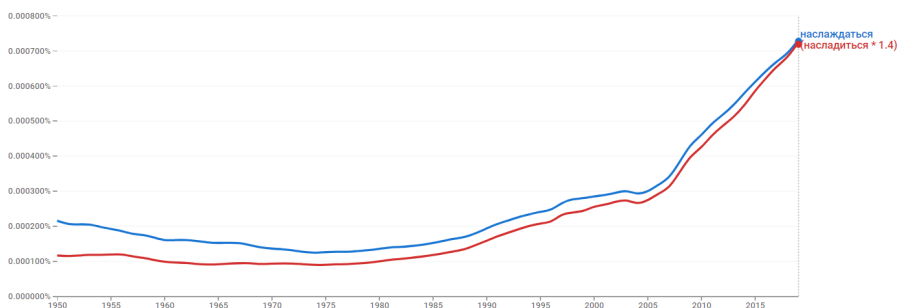

Рис. 7. Динамика частот слов наслаждаться и насладиться

Корпус GBN выбран в силу его гигантского объема, обеспечивающего необходимые данные для анализа. Причем этот корпус постоянно совершенствуется и увеличивается в объеме. В настоящее время появилась третья версия корпуса, охватывающая книги до 2019 г. На основе GBN проведено много первоклассных исследований ([47–51] и др.), опубликованных в ведущих изданиях, включая журнал *Science*. Вопросы, связанные со сбалансированностью и репрезентативностью GBN, обсуждаются в [35]. GBN уже доказал свою полезность в качестве инструмента анализа диахронии.

Заключение и будущие исследования

Отнесение слова к тому или иному виду не влечет за собой проблем. Понятие же аспектуальной пары много сложнее – оно зависит от совпадения семантики глаголов, входящих в пару. Поскольку семантика неформализуема, это создает трудности и вызывает многочисленные споры. В статье приведены новые аргументы в подтверждение того, что известный критерий Маслова не является удовлетворительным способом идентификации аспектуальных пар, что выдвигает требование поиска новых путей решения проблемы.

В данной работе впервые предложен подход, позволяющий формально определять совпадение или несовпадение семантики глаголов и, таким образом, поставить определение аспектуальных пар на строгую формальную основу. Если для базового глагола несовершенного вида и образованного от него с помощью приставки глагола совершенного вида кривые частот меняются синхронно, то это значит, что контексты употребления этих глаголов, их семантика меняются синхронно, т.е. приставка сама по себе не меняет (либо несущественно меняет) лексическую семантику, и, соответственно, они образуют аспектуальную пару. Если кривые меняются несинхронно, значит, приставка, кроме видового значения, имеет и дополнительное лексическое значение, которое существенно меняет семантику базового глагола, и эта пара не является аспектуальной. В отношении используемого математического аппарата в дальнейшем предполагается провести специальные исследования по усовершенствованию методов оценки

степени близости форм кривых, основываясь на результатах подхода, предложенного в работе [52].

Google Books Ngram дает новый взгляд на старую проблему русского вида, позволяя получать количественные характеристики степени аспектуальности глагольной пары. При этом следует отметить, что предложенный подход в своем современном виде, как и критерий Маслова, не позволяет получить строгий операционный критерий аспектуальных пар. Его следует трактовать как эвристическое средство, позволяющее выделять интересные случаи для последующего исследования и корректировки описаний в словарях.

Список источников

1. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. 263 с.
2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / отв. ред. В.Н. Ярцева. Л. : Наука, 1983. 208 с.
3. Wierzbicka A. On the semantics of the verbal aspect in Polish // Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday. Vol. III. Paris : Mouton, The Hague, 1967. P. 2231–2249.
4. Гловинская М.Я. Семантические типы видовых противопоставлений в русском глаголе. М. : Наука, 1982. 155 с.
5. Antinucci F., Gerbert L. L'aspetto verbale in polacco // Ricerche Slavistiche XXII–XXIII. 1975. P. 5–60.
6. Барентсен А. Трехступенчатая модель инварианта совершенного вида в русском языке // Семантика и структура славянского вида / ред. С. Кароляк. Т. 1. Kraków : Wydawnictwo Naukowe WSP, 1995. С. 1–26.
7. Шатуновский И.Б. Проблемы русского вида. М. : ЯСК, 2009. 352 с.
8. Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. М., 1947. 144 с.
9. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М. : Просвещение, 1971. 239 с.
10. Горбова Е.В. Русское видообразование: словоизменение, (слово)классификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии) // Вопросы языкознания. 2017. № 1. С. 24–52.
11. Храковский В.С. И опять о болевых точках категории вида // Вопросы языкознания. 2018. № 1. С. 105–118.
12. Горбова Е.В. Словоизменение или словообразование, или Является ли русский вид «видом славянского типа»? // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития : сб. ст. V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото : Tanaka Print. 2015. С. 62–72.
13. Горбова Е.В. Двухкомпонентная модель русского вида: положения, предсказания, подтверждения // Славистика XXIII/1. 2019. С. 45–61.
14. Шахматов А.А. Учение о частях речи. М. : Учпедгиз, 1952. 271 с.
15. Тихонов А.Н. Русский глагол. М. : Русский язык, 1998. 280 с.
16. Иванчев С. Проблемы на аспектуалността в славянските езици. София : Академия на науките, 1971. 262 с.
17. Janda L. et al. Why Russian aspectual prefixes aren't empty. Bloomington : Slavica, 2013. 211 p.
18. Зализняк А.А., Микаэлян И.Л., Шмелев А.Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 3–23.

19. Горбова Е.В. Видовые тройки русского глагола в диахронии (на материале НКРЯ) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2020». 2020. Вып. 19 (26). С. 1–27.
20. Зализняк Анна А., Шмелев А.Д., Микаэлян И.Л. Русская аспектология: В защиту видовой пары. М. : Языки славянских культур, 2015. 392 с.
21. Перцов Н.В. Инварианты в русском словоизменении. М. : Языки русской культуры, 2001. 280 с.
22. Сичинава Д.В. Вид // Русская корпусная грамматика. 2011. URL: <http://rusgram.ru/>
23. Зализняк А.А., Микаэлян И.Л. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 48–65.
24. Кузнецова Ю.Л., Янда Л.А. Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 87–96.
25. Плузьян В.А. Общая морфология. М. : УРСС, 2003. 384 с.
26. Janda L. Aspectual clusters of Russian verbs // Studies in language. 2007. Vol. 31, № 3. С. 607–648.
27. Зализняк А.А., Микаэлян И.Л. Русская глагольная префиксация и проблема видовой парности // Mundo Eslavo. 2014. № 13. Р. 19–33.
28. Апресян Ю.Д. Правила взаимодействия значений и словарь // Русский язык в научном освещении. 2005. № 1. С. 7–45.
29. Вежибицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : ЯСК, 1999. 780 с.
30. Шатуновский И.Б. Настоящее динамическое НСВ в современном русском языке // Логический анализ языка. Языки динамического мира. Дубна, 1999. С. 233–243.
31. Горбова Е.В. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 20–45.
32. Анкета аспектологического семинара филологического факультета МГУ // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. 1997. Т. 2. С. 57–70.
33. Янда Л. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3–47.
34. Michel J. et al. Quantitative Analysis of Culture Using Millions of Digitized Books // Science. 14 January 2011. Vol. 331, № 6014. P. 176–182.
35. Solovyev V.D., Bochkarev V.V., Akhtyamova S.S. Google Books Ngram: Problems of representativeness and data reliability // Communications in Computer and Information Science. 2020. Vol. 1223. P. 147–162.
36. Velichkovsky B.B., Solovyev V.D., Bochkarev V.V., Ishkineeva F.F. Transition to market economy promotes individualistic values: Analysing changes in frequencies of Russian words from 1980 to 2008 // International Journal of Psychology. 2019. № 54 (1). P. 23–32.
37. Татевосов С. Первичное и вторичное в структуре имперфективов // Труды ИЛИ РАН. 2010. Т. 6. Ч. 2. С. 299–321.
38. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и образование, 2014. 1376 с.
39. Словарь русского языка : в 4 т / под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.
40. Русский семантический словарь / ред. Н.Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 1998. 713 с.
41. Апресян Ю.Д. Исследование по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М. : Языки славянской культуры, 2009. 569 с.
42. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Типы видовой связи // Труды международного семинара Диалог: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2001. URL: <https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/zaliznyak/>

43. Bondarko A.V. Семантика предела // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 14–26.
44. Tversky A., and Gati I. Similarity, separability, and the triangle inequality // Psychol Rev. 1982. № 89. P. 123–154.
45. Vieira D.S., Picoli S., Mendes R.S. Robustness of sentence length measures in written texts // Physica A. 2018. № 516. P. 749–754.
46. Batyrshin I., Solovyev V., Ivanov V. Time series shape association measures and local trend association patterns // Neurocomputing. 2016. Vol. 175, pt B. P. 924–934.
47. Bentley R.A., Acerbi A., Ormerod P., Lampos V. Books average previous decade of economic misery // PloS one. 2014. № 9 (1). e83147.
48. Greenfield P.M. The changing psychology of culture from 1800 through 2000 // Psychological science. 2013. № 24 (9). P. 1722–1731.
49. Grossmann I., Varnum M. E. Social structure, infectious diseases, disasters, secularism, and cultural change in America // Psychological science. 2015. № 26 (3). P. 311–324.
50. Oishi S., Graham J., Kesebir S., & Galinha I.C. Concepts of happiness across time and cultures // Personality and social psychology bulletin. 2013. № 39 (5). P. 559–577.
51. Zeng R., Greenfield P.M. Cultural evolution over the last 40 years in China: Using the Google Ngram Viewer to study implications of social and political change for cultural values // International Journal of Psychology. 2015. № 50 (1). P. 47–55.
52. Batyrshin I., Solovyev V. Positive and negative local trend association patterns in analysis of associations between time series // Lecture Notes in Computer Science. 2014. Vol. 8495. P. 92–101.

References

1. Maslov, Yu.S. (1984) *Ocherki po aspektologii* [Essays on Aspectology]. Leningrad: Leningrad State University.
2. Bondarko, A.V. (1983) *Printsipy funktsional'noi grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of Functional Grammar and Issues of Aspectology]. Leningrad: Nauka. (In Russian).
3. Wierzbicka, A. (1967) On the semantics of the verbal aspect in Polish. *Honor Roman Jakobson: Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday*. Vol. III. Paris: Mouton, The Hague. pp. 2231–2249.
4. Glovinskaya, M.Ya. (1982) *Semanticheskie tipy vidovykh protivopostavlenij v russkom glagole* [Semantic types of aspectual oppositions in the Russian verb]. Moscow: Nauka. (In Russian).
5. Antinucci, F. & Gerbert, L. (1975) L'aspetto verbale in polacco. *Ricerche Slavistiche* XXII–XXIII. pp. 5–60.
6. Barentsen, A. (1995) Trekhstupenchataya model' invarianta sovershennogo vida v russkom yazyke [Three-stage model of the perfective invariant in Russian]. In: Karolyak, S. (ed.) *Semantika i struktura slavyanskogo vida* [Semantics and structure of the Slavic aspect]. Vol. 1. Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP. pp. 1–26.
7. Shatunovskiy, I.B. (2009) *Problemy russkogo vida* [Problems of the Russian aspect]. Moscow: YASK.
8. Vinogradov, V.V. (1947) *Russkiy yazyk: grammaticheskoe uchenie o slove* [Russian language: grammatical doctrine of the word]. Moscow: Russkiy yazyk.
9. Bondarko, A.V. (1971) *Vid i vremya russkogo glagola* [Aspect and tense of a Russian verb]. Moscow: Prosveshchenie.
10. Gorbova, E.V. (2017) Russkoe vidoobrazovanie: slovoizmenenie, (slovo)klassifikatsiya ili nabor kvazigrammem? (eshche raz o bolevykh tochkah russkoy aspektologii) [Russian aspect formation: inflection, (word) classification or a set of quasi-grammemes? (once again about the pain points of Russian aspectology)]. *Voprosy yazykoznanija – Topics in the Study of Language*. 1. pp. 24–52.

11. Khrakovskiy, V.S. (2018) I opyat' o bolevykh tochkah kategorii vida [And once again about the pain points of the aspect]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 1. pp. 105–118.

12. Gorbova, E.V. (2015) [Inflection or word formation, or Is the Russian aspect an “aspect of the Slavic type”?]. *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiya* [Aspectual semantic zone: typology of systems and scenarios of diachronic development]. Proceedings of the V International Conference of the Commission on Aspectology of the International Committee of Slavists. Kioto: Tanaka Print. pp. 62–72. (In Russian).

13. Gorbova, E.V. (2019) Dvuhkomponentnaya model' russkogo vida: polozheniya, predskazaniya, podtverzheniya [Two-component model of the Russian aspect: conditions, predictions, confirmations]. *Slavistika*. XXIII (1). pp. 45–61.

14. Shahmatov, A.A. (1952) *Uchenie o chastyakh rechi* [The doctrine of parts of speech]. Moscow: Uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo.

15. Tikhonov, A.N. (1998) *Russkiy glagol* [Russian verb]. Moscow: Russkiy yazyk.

16. Ivanchev, S. (1971) *Problemy na aspektualnostta v slavyanskite ezici* [Aspectuality problems in Slavic languages]. Sofia: Akademiya na naukite. (In Bulgarian).

17. Janda, L. et al. (2013) *Why Russian aspectual prefixes aren't empty*. Bloomington: Slavica.

18. Zaliznyak, A.A., Mikaelyan, I.L. & Shmelev, A.D. (2010) Vidovaya korrelyativnost' v russkom yazyke: v zashchitu vidovoy pary [Aspectual correlativity in Russian: in defense of the aspect pair]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 1. pp. 3–23.

19. Gorbova, E.V. (2020) Aspectual triplets of the Russian verb in diachrony (on the basis of the RNC). *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoj konferencii “Dialog 2020” – Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. 19 (26). pp. 1–27. (In Russian).

20. Zaliznyak, A.A., Shmelev, A.D. & Mikaelyan, I.L. (2015) *Russkaya aspektologiya. V zashchitu vidovoy pary* [Russian aspectology. In defense of the aspectual pair]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

21. Pertsov, N.V. (2001) *Invarianty v russkom slovoizmenenii* [Invariants in Russian inflection]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

22. Sichinava, D.V. (2011) Vid [Aspect]. *Russkaya korpusnaya grammatika – Russian corpus grammar*. [Online] Available from: <http://rusgram.ru/>

23. Zaliznyak, A.A. & Mikaelyan, I.L. (2012) O nekotorykh diskussionnykh momentakh aspektologicheskoy kontseptsii Lory Yandy [On some discussion points of the aspectological concept of Laura Janda]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. 6. pp. 48–65.

24. Kuznetsova, Yu.L. & Janda, L.A. (2013) Pristavki v svete kognitivnoj lingvistiki i tipologii [Prefixes in the Light of Cognitive Linguistics and Typology]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*. № 4. pp. 87–96. (In Russian).

25. Plungyan, V.A. (2003) *Obshchaya morfologiya* [General morphology]. Moscow: URSS. (In Russian).

26. Janda, L. (2007) Aspectual clusters of Russian verbs. *Studies in language*. 3 (31). pp. 607–648.

27. Zaliznyak, Anna A. & Mikaelyan, I.L. (2014) Russkaya glagol'naya prefiksatsiya i problema vidovoy parnosti [Russian verbal prefixation and the problem of aspect pairing]. *Mundo Eslavo*. 13. pp. 19–33.

28. Apresyan, Yu.D. (2005) Pravila vzaimodeystviya znacheniy i slovar' [Rules for Meaning Interaction and Dictionary]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii – Russian Language in Scientific Coverage*. 1. pp. 7–45.

29. Wierzbicka, A. (1999) *Semanticheskie universalii i opisanie yazykov* [Semantic universals and description of languages]. Moscow: YASK.

30. Shatunovskiy, I.B. (1999) Nastoyashchee dinamicheskoe NSV v sovremennom russkom yazyke [Present dynamic imperfective in modern Russian]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki dinamicheskogo mira* [Logical analysis of language. Languages of the dynamic world]. Dubna. pp. 233–243.
31. Gorbova, E.V. (2011) Vidovaya parnost' russkogo glagola: problemy i resheniya [Aspective pairing of a Russian verb: problems and solutions]. *Voprosy yazykoznaninya – Topics in the Study of Language*. 4. pp. 20–45.
32. Anon. (1997) Anketa aspektologicheskogo seminarana filologicheskogo fakul'teta MGU [Questionnaire for the Aspectological Seminar of the Faculty of Philology of Moscow State University]. *Trudy aspektologicheskogo seminarana filologicheskogo fakul'teta MGU*. 2. pp. 57–70.
33. Janda, L. (2012) Russkie pristavki kak sistema glagol'nyh klassifikatorov [Russian prefixes as a system of verb classifiers]. *Voprosy yazykoznaninya – Topics in the Study of Language*. 6. pp. 3–47.
34. Michel, J. et al. (2011) Quantitative Analysis of Culture Using Millions of Digitized Books. *Science*. 331 (6014). pp. 176–182.
35. Solovyev, V.D., Bochkarev, V.V. & Akhtyamova, S.S. (2020) Google Books Ngram: Problems of representativeness and data reliability. *Communications in Computer and Information Science*. 1223. pp. 147–162.
36. Velichkovsky, B.B., Solovyev, V.D., Bochkarev, V.V. & Ishkineeva, F.F. (2019) Transition to market economy promotes individualistic values: Analysing changes in frequencies of Russian words from 1980 to 2008. *International Journal of Psychology*. 54(1). pp. 23–32.
37. Tatevosov, S. (2010) Pervichnoe i vtorichnoe v strukture imperfektivov [Primary and secondary in the structure of imperfectives]. *Trudy ILI RAN – Proceedings of the ILS RAS*. VI (2). pp. 299–321.
38. Ozhegov, S.I. (2014) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 28th ed. Moscow: Mir i obrazovanie.
39. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. 2nd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
40. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1998) *Russkiy semanticheskii slovar'* [Russian semantic dictionary]. Moscow: Azbukovnik.
41. Apresyan, Yu.D. (2009) *Issledovanie po semantike i leksikografii* [Research on semantics and lexicography]. Vol. I. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
42. Zaliznyak, A.A. & Shmelev, A.D. (2001) [Types of aspectual connection]. *Proceedings of the Dialog International Seminar on Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. [Online] Available from: <https://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/zaliznyak/> (In Russian).
43. Bondarko, A.V. (1986) Semantika predela [Semantics of limit]. *Voprosy yazykoznaninya – Topics in the Study of Language*. 1. pp. 14–26.
44. Tversky, A. & Gati, I. (1982) Similarity, separability, and the triangle inequality. *Psychol Rev*. 89. pp. 123–154.
45. Vieira, D.S., Picoli, S., & Mendes, R.S. (2018) Robustness of sentence length measures in written texts. *Physica A*. 516. pp. 749–754.
46. Batyrshin, I., Solovyev, V. & Ivanov, V. (2016) Time series shape association measures and local trend association patterns. *Neurocomputing*. 175 (Part B). pp. 924–934.
47. Bentley, R.A., Acerbi, A., Ormerod, P. & Lampos, V. (2014) Books average previous decade of economic misery. *PloS One*. 9 (1). e83147.
48. Greenfield, P.M. (2013) The changing psychology of culture from 1800 through 2000. *Psychological Science*. 24 (9). pp. 1722–1731.
49. Grossmann, I. & Varnum, M.E. (2015) Social structure, infectious diseases, disasters, secularism, and cultural change in America. *Psychological science*. 26 (3). pp. 311–324.

50. Oishi, S., Graham, J., Kesebir, S. & Galinha, I.C. (2013) Concepts of happiness across time and culture. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 39 (5). pp. 559–577.

51. Zeng, R. & Greenfield, P.M. (2015) Cultural evolution over the last 40 years in China: Using the Google Ngram Viewer to study implications of social and political change for cultural values. *International Journal of Psychology*. 50 (1). pp. 47–55.

52. Batyrshin, I. & Solovyev, V. (2014) Positive and negative local trend association patterns in analysis of associations between time series. *Lecture Notes in Computer Science*. 8495. pp. 92–101.

Приложение 1

**Коэффициенты корреляции в парах
«базовый имперфектив – естественный перфектив»**

№	Базовый имперфектив	Естественный перфектив	Коэффициент корреляции	Число перфективов
1	анализировать	проанализировать	0,8331	1
2	благодарить	поблагодарить	0,7951	1
3	бормотать	пробормотать	0,8492	1
4	будить	разбудить	0,8795	2
5	валить	свалить	0,8137	2
6	варить	сварить	0,9465	1
7	везти	повезти	0,8074	1
8	верить	поверить	0,9092	1
9	вешать	повесить	0,9590	2
10	видеть	увидеть	0,3302	2
11	влечь	повлечь	0,5980	1
12	волновать	взволновать	-0,5156	1
13	гибнуть	погибнуть	0,8802	1
14	гладить	погладить	0,9521	2
15	глядеть	поглядеть	0,8843	1
16	гнать	выгнать	0,8669	2
17	голосовать	проголосовать	0,6900	1
18	гореть	сгореть	0,9089	1
19	гулять	погулять	0,9854	1
20	дарить	подарить	0,9547	1
21	делать	сделать	0,9669	1
22	делаться	сделаться	0,8688	1
23	делиться	поделиться	0,8621	2
24	демонстрировать	продемонстрировать	0,9127	1
25	думать	подумать	0,8251	1
26	жалеть	пожалеть	0,7919	1
27	жечь	сжечь	0,9483	1
28	заботиться	позаботиться	0,6881	1
29	звать	позвать	0,9541	1
30	звонить	позвонить	0,9862	1
31	звучать	прозвучать	0,8908	1
32	играть	сыграть	0,5723	1
33	интересоваться	поинтересоваться	0,3989	1
34	казаться	показаться	0,7844	1
35	класть	сложить	0,9364	2
36	кормить	накормить	0,8079	2

№	Базовый имперфектив	Естественный перфектив	Коэффициент корреляции	Число перфективов
37	лететь	полететь	0,9041	1
38	ломать	сломать	0,9267	2
39	мыть	вымыть	0,9341	2
40	нравиться	понравиться	0,9592	1
41	падать	упасть	0,7182	1
42	петь	спеть	0,8889	3
43	печатать	напечатать	0,9551	2
44	писать	написать	0,8905	1
45	пить	выпить	0,9584	1
46	планировать	запланировать	0,7240	2
47	платить	заплатить	0,9850	2
48	плевать	наплевать	0,9356	1
49	пользоваться	воспользоваться	0,3816	1
50	поргить	испоргить	0,9602	1
51	пробовать	попробовать	0,8852	2
52	просить	попросить	0,7312	1
53	прягать	спрягать	0,9655	1
54	прягаться	спрягаться	0,9749	1
55	публиковать	опубликовать	0,7249	1
56	пугать	напугать	0,9505	2
57	пытаться	попытаться	0,9360	1
58	радоваться	обрадоваться	0,8640	2
59	расти	вырасти	0,1020	1
60	реагировать	отреагировать	0,9657	3
61	резать	нарезать	0,8417	4
62	рисовать	нарисовать	0,8008	1
63	сажать	посадить	0,9214	1
64	следовать	последовать	0,8823	1
65	служить	послужить	-0,1790	1
66	слушать	послушать	0,9564	2
67	слышать	услышать	0,7787	1
68	слышаться	послышаться	0,3674	2
69	сниться	присниться	0,9369	1
70	советовать	посоветовать	0,8877	2
71	спешить	поспешить	0,5740	1
72	ставить	поставить	0,8965	1
73	стараться	постараться	0,8230	1
74	стоять	постоять	0,7572	1
75	страдать	пострадать	0,9646	1
76	стучать	постучать	0,9067	2
77	считать	посчитать	-0,8826	2
78	тащить	вытащить	0,9599	2
79	творить	сотворить	0,8279	2
80	терпеть	потерпеть	0,9697	1
81	терять	потерять	0,9739	2
82	тонуть	угнугуть	0,9135	2
83	тратить	потратить	0,9625	2
84	требовать	потребовать	0,8482	1

№	Базовый имперфектив	Естественный перфектив	Коэффициент корреляции	Число перфективов
85	тянуть	потянуть	0,9465	3
86	тянуться	потянуться	0,7910	3
87	фиксировать	зафиксировать	0,2332	1
88	формировать	сформировать	0,8464	1
89	формироваться	сформироваться	0,9466	1
90	хватать	схватить	0,7578	1
91	ходить	сходить	0,9065	1
92	хоронить	похоронить	0,9108	3
93	хранить	сохранить	0,8151	1
94	храниться	сохраниться	0,2163	1
95	целовать	поцеловать	0,9872	1
96	ценить	оценить	-0,3463	1
97	чистить	очистить	0,8692	4
98	чувствовать	почувствовать	0,8807	1
99	шептать	прошептать	0,8921	1
100	шить	сшить	0,8637	1
101	шутить	пошутить	0,8611	1

Приложение 2

**Коэффициенты корреляции в парах
«базовый имперфектив – специализированный перфектив»**

№	Базовый имперфектив	Специализированный перфектив	Коэффициент корреляции
1	благодарить	отблагодарить	0,8577
2	будить	побудить	0,5156
3	валить	навалить	0,5084
4	варить	переварить	0,8452
5	верить	заверить	0,4528
6	вешать	развесить	0,8221
7	видеть	предвидеть	0,2962
8	влечь	увлечь	0,2176
9	гладить	разгладить	0,8761
10	глядеть	разглядеть	-0,0134
11	гнать	угнать	0,6649
12	гореть	выгореть	0,6329
13	гулять	прогулять	0,8380
14	дарить	одарить	0,9166
15	делать	поделать	0,8262
16	делаться	заделаться	0,2307
17	думать	придумать	0,8448
18	жечь	выжечь	0,9020
19	заботиться	озаботиться	0,6672
20	звать	вызвать	0,6516
21	звучать	зазвучать	0,1297
22	играть	выиграть	0,9224
23	интересоваться	заинтересоваться	0,9152
24	класть	приложить	0,7940
25	кормить	скормить	0,8755

№	Базовый имперфектив	Специализированный перфектив	Коэффициент корреляции
26	лететь	улететь	0,9056
27	ломать	наломать	0,8042
28	мыть	промыть	0,7481
29	падать	впасть	0,8388
30	петь	запеть	0,2073
31	печатать	распечатать	0,0613
32	писать	подписать	0,6219
33	пить	запить	0,9323
34	планировать	перепланировать	-0,0071
35	платить	оплатить	0,9060
36	плевать	плюнуть	0,9653
37	пользоваться	попользоваться	0,3021
38	портить	попортить	0,8574
39	пробовать	перепробовать	0,6586
40	просить	выпросить	0,8489
41	прягать	упрягать	0,8159
42	пугать	запугать	-0,0173
43	радоваться	нарадоваться	0,8717
44	расти	подрасти	0,0816
45	резать	отрезать	0,7929
46	рисовать	порисовать	0,7397
47	сажать	рассаждать	0,8447
48	служить	услужить	-0,1412
49	слушать	подслушать	0,9205
50	слышать	расслышать	0,9331
51	ставить	расставить	0,7454
52	стараться	перестараться	0,5487
53	стоять	устоять	0,9500
54	страдать	выстрадать	0,4065
55	считать	рассчитать	0,6215
56	тащить	затащить	0,8659
57	творить	натворить	0,8193
58	терпеть	вытерпеть	0,9191
59	терять	утерять	0,1880
60	тонуть	затонуть	0,7598
61	тратить	затратить	-0,7795
62	требовать	затребовать	0,5920
63	тянуть	втянуть	0,0123
64	тянуться	растянуться	0,8710
65	формировать	переформировать	0,3353
66	хватать	захватить	0,1651
67	ходить	выходить	0,9294
68	хоронить	перезахоронить	0,8350
69	целовать	зацеловать	0,7657
70	чистить	зачистить	0,6246
71	чувствовать	прочувствовать	0,7386
72	шептать	нашептать	0,8577
73	шить	зашить	0,8511

№	Базовый имперфектив	Специализированный перфектив	Коэффициент корреляции
74	дуть	раздуть	0,7384
75	бежать	убежать	0,9556
76	вязать	привязать	0,8319
77	ждать	переждать	0,9415
78	молчать	умолчать	0,7114
79	катать	укатать	0,5627
80	ладить	уладить	0,7574
81	сохнуть	усохнуть	0,1874
82	бить	убить	0,8721
83	глядеть	углядеть	-0,2262
84	ложиться	уложиться	0,7746
85	крыть	укрыть	0,6718
86	пилить	распилить	0,8388
87	топтать	растоптать	0,8600
88	катать	раскатать	0,8077
89	калить	раскалить	-0,0030
90	грузить	разгрузить	0,4008
91	бежать	перебежать	0,8075
92	гнать	перегнать	0,2367
93	грузить	перегрузить	0,3874
94	делать	переделать	0,8106
95	гнуть	перегнуть	0,7538
96	гнутья	перегнутья	0,5407
97	листать	перелистать	-0,1634
98	городить	перегородить	0,5374
99	пробовать	перепробовать	0,6586
100	пачкать	перепачкать	0,7518
101	калиться	раскалиться	-0,0125

Информация об авторах:

Соловьев В.Д. – д-р физ.-матем. наук, главный научный сотрудник НИЛ «Текстовая аналитика» Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: maki.solovyev@mail.ru

Бочкарев В.В. – научный сотрудник НИЛ «Искусственный интеллект и лингвистика» Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия). E-mail: vbochkarev@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.D. Solovyev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), chief researcher, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: maki.solovyev@mail.ru

V.V. Bochkarev, researcher, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: vbochkarev@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.09.2021;
одобрена после рецензирования 29.05.2022; принята к публикации 18.07.2022.*

*The article was submitted 13.09.2021;
approved after reviewing 29.05.2022; accepted for publication 18.07.2022.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821

doi: 10.17223/19986645/78/5

Русская антиутопическая традиция (Ф.М. Достоевский, Е.И. Замятин) и О. Хаксли: проблема рецептивного посредничества Н.А. Бердяева

Дмитрий Леонидович Быстренков¹, Алексей Аширович Казаков²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *inkisback@mail.ru*

² *aakaz1975@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются приметы сходства романа Хаксли «О дивный новый мир» с «Великим инквизитором», вставным произведением из «Братьев Карамазовых» Достоевского, и романом Замятина «Мы». Связь романа «О дивный новый мир» с названными русскими произведениями может быть рассмотрена как объективный факт с учётом посредничества Н.А. Бердяева. По линии Достоевский – Бердяев – Хаксли важны идеи системного обмана и инфантилизации общества. В треугольнике Замятин – Бердяев – Хаксли значимы антиномии статики и динамики, дикого и цивилизованного.

Ключевые слова: Хаксли, Достоевский, Замятин, Бердяев, антиутопия, русско-европейские литературные связи, компаративистика, «О дивный новый мир», «Великий инквизитор», «Мы»

Для цитирования: Быстренков Д.Л., Казаков А.А. Русская антиутопическая традиция (Ф.М. Достоевский, Е.И. Замятин) и О. Хаксли: Проблема рецептивного посредничества Н.А. Бердяева // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 99–113. doi: 10.17223/19986645/78/5

Original article

doi: 10.17223/19986645/78/5

Russian dystopian tradition (Fyodor Dostoevsky, Yevgeny Zamyatin) and Aldous Huxley: The problem of Nikolai Berdyaev's receptive mediation

Dmitriy L. Bystrenkov¹, Alexey A. Kazakov²

^{1,2} *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *inkisback@mail.ru*

² *aakaz1975@gmail.com*

Abstract. In the article, we analyze the connection of Huxley's *Brave New World* with the Russian anti-utopian tradition. One can note the significant proximity of

Huxley's dystopia and the "Grand Inquisitor" from *The Brothers Karamazov* by Dostoevsky, and, in another aspect, the relationship with the novel *We* by Zamyatin. The Grand Inquisitor shows the unusual ambivalence of the culprits of total enslavement: they take away freedom (in this sense, they are undoubtedly villains), but there is also a special self-sacrifice in this situation. By deceiving humanity, they give people infantile happiness, while they themselves know the truth and are deprived of this feeling. This is what we see in Huxley. Nowadays there are many works that use this outline on the basis of Dostoevsky and Huxley materials (from *Fahrenheit 451* (1953) by Ray Bradbury to *Prisoners of Power* (1969) by the Strugatsky brothers). But by the time *Brave New World* was written, this model could only be found in The Grand Inquisitor. Zamyatin's and Huxley's dystopias are similar in the general theme of sameness and standardity, sexual "mutual use", and much more. At the same time, it is impossible to prove the fact that Huxley read this Dostoevsky's text (despite the fact that the influence of other works of the Russian writer is confirmed), and Huxley directly denied reading Zamyatin's novel. The article proposes methods for studying such a comparative collision. The connection of *Brave New World* with the above-mentioned Russian works can be considered as an objective fact, taking into account the intermediary – Nikolai Berdyaev. Huxley's novel begins with an epigraph from one of Berdyaev's articles included in the *Novoe srednevekov'e* [New Middle Ages] collection. Berdyaev published this work in Berlin in 1924, Huxley quoted the Paris edition of 1927 in a French translation. An analysis of the texts of this book by Berdyaev allows us to see what ideas of Russian literature could reach Huxley through this mediation. The ideas of systematic deception and an infantilization of society are very important in the line of Dostoevsky – Berdyaev – Huxley. In the triangle of Zamyatin – Berdyaev – Huxley, antinomies of statics and dynamics, the wild and the civilized are essential. Berdyaev's historiosophical context shows that Huxley connects what is happening in his novel with issues of the end of the historical era of the Modern Times and the onset of the New Middle Ages. The dystopia becomes a summary of the results of one of the apical eras of the whole European civilization that gave birth to utopian dreams of a happy future rather than a pamphlet or a satire on a hostile social ideology or a specific unfriendly country (this context is important for Berdyaev, too). Russian dysutopias are usually connected with the internal historical experience. But Dostoevsky addresses the utopism of the Modern Times externally, as spiritual aspirations alien to Russia. Searches of the Modern Times express mainly processes that happen in European civilization, and Russia is marginalized in relation to them. Huxley looks at utopian dreams from the outside, because he is already in a different era, and Dostoevsky because he belongs to a different cultural tradition. Zamyatin, on one hand, is persecuted for his novel as an anti-Soviet writer (i.e., dystopia turns out to be an event of intra-national struggle); on the other hand, *We* directly continues Zamyatin's "English" novels, i.e., reflects his European experience and is opposed to Russian "skifstvo".

Keywords: Huxley, Dostoevsky, Zamyatin, Berdyaev, dystopia, Russian-European literary connections, comparative studies, *Brave New World*, "The Grand Inquisitor", *We*

For citation: Bystrenkov, D.L. & Kazakov, A.A. (2022) Russian dystopian tradition (Fyodor Dostoevsky, Yevgeny Zamyatin) and Aldous Huxley: The problem of Nikolai Berdyaev's receptive mediation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 99–113. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/5

О. Хаксли и русская антиутопическая традиция

О. Хаксли, создавая роман «О дивный новый мир» (1932), с одной стороны, развивает сформированную Г. Уэллсом традицию мрачного пророчества в фантастической стилистике, с другой стороны, стремится обозначить высокий историософский уровень собственной художественной проблематики, связывая происходящее в его романе с вопросами окончания исторической эпохи Нового времени и наступления Нового Средневековья. Антиутопия становится не памфлетом или сатирой на враждебную социальную идеологию или на какую-то конкретную недружественную страну, а подведением итогов одной из вершинных эпох всей европейской цивилизации.

Вера в счастливое будущее, построенное людьми на земле, в разум и науку как инструменты этого строительства и вообще убежденность в светлой и позитивной природе самого человека – всё это свойственно именно для Нового времени (и не было характерно для других исторических эпох). Хаксли предлагает осознанно воспринимать антиутопию как проявление эпохального сдвига в мировоззрении, разочарования в мечтах и чаяниях Нового времени в связи с его окончанием.

Этот историософский слой обеспечивается, во-первых, контекстом Шекспира: название «О дивный новый мир» – цитата из «Бури», в романе Хаксли Шекспира читают или, напротив, выбрасывают на свалку, учатся по нему грамоте или запрещают, признав негодным для нового мира. Шекспир – хронологическое олицетворение, он воплощает тот момент Нового времени, когда начали мечтать о «дивном новом мире». Теперь, по Хаксли, настало время подводить итоги этих мечтаний.

Во-вторых, историософскую (а не памфлетно-сатирическую) нацеленность романа Хаксли подчеркивает эпиграф из Николая Бердяева, одного из философских идеологов антиутопизма и концепции Нового Средневековья¹.

О. Хаксли в качестве эпиграфа к своей антиутопии приводит слова Н.А. Бердяева: «Но утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления. Жизнь движется к утопиям. И открывается, быть может, новое столетие мечтаний интеллигенции и культурного слоя о том, как избежать утопий, как вернуться к не утопическому обществу, к менее «совершенному» и более свободному обществу» [2. С. 587–588]. (После слов «Жизнь движется к утопиям» и перед «И открывается» пропуск текста примерно на полстраницы, не отмеченный Хаксли.)

Эпиграф из Бердяева позаимствован из статьи «Демократия, социализм и теократия», которая наряду с «Новым средневековьем» и «Размышлени-

---

¹ Некоторые аспекты цитирования Шекспира и Бердяева у Хаксли по преимуществу в ключе концепции интертекста рассмотрены в работе К.И. Шариповой «Функции литературных цитат в романе О. Хаксли “О дивный новый мир”» [1].

ями о русской революции» вошла в небольшой авторский сборник русского философа «Новое средневековье (Размышление о судьбе России и Европы)», который был выпущен в Берлине в 1924 г.

Далее это философское произведение было переиздано на французском языке с точным воспроизведением сути заглавия: «Le Nouveau Moyen Âge. Réflexions sur les destinées de la Russie et de l'Europe», 1927. Этот сборник переведен с французского на английский с изменением названия «The End of Our Time» («Конец нашего времени») и издан в 1933 г. (т.е. после издания романа «О дивный новый мир»). Хаксли во время написания романа был знаком именно с французским переводом работы Бердяева¹. Сам эпиграф в романе О. Хаксли приведен на французском языке: «Les utopies apparaissent comme bien plus réalisables qu'on ne le croyait autrefois. Et nous nous trouvons actuellement devant une question bien autrement angoissante: Comment éviter leur réalisation définitive? Les utopies sont réalisables. La vie marche vers les utopies. Et peut-être un siècle nouveau commence-t-il, un siècle où les intellectuels et la classe cultivée rêveront aux moyens d'éviter les utopies et de retourner à une société non utopique, moins 'parfaite' et plus libre» [4. С. 5] и подписан как Nicolas Berdiaeff, без указания определенной работы автора.

Ещё раз подчеркнём, что, несмотря на то, что в английском переводе названия книги Бердяева будут поставлены другие историософские акценты, Хаксли опирается на французский вариант, а значит, идеи Бердяева для него тесно связаны с общим комплексом вопросов об эпохальном сломе, окончании Нового времени и начале Нового Средневековья.

Бердяев пишет в статье «Новое средневековье», открывающей одноимённый сборник (эпиграф взят из другой статьи этой брошюры): «Старый мир новой истории (он-то, именующий себя все еще по старой привычке «новым», состарился и одряхлел) кончается и разлагается, и нарождается неведомый еще новый мир» [2. С. 513]. Как можно видеть, русский философ не только ставит вопрос об окончании эпохи Нового времени (которое теперь стало «старым»), но и размышляет о природе создающегося «нового мира», заставляя нас видеть в названии романа Хаксли «О дивный новый мир» не только шекспировский контекст.

Хаксли использует идею Бердяева о «новом средневековье» в «Возвращении в дивный новый мир», где он утверждает, что «безличные силы перенаселения и чрезмерной организации, а также социальные инженеры, которые пытаются направить эти силы, подталкивают нас в направлении системы нового средневековья» [5. С. 14].

Но не менее важно, что эпиграф из Бердяева показывает значимость русской традиции антиутопической мысли, которая в нашем исследовании связывается с художественным наследием Ф.М. Достоевского и Е.И. Замятина (Достоевского нельзя в строгом смысле считать автором антиутопий,

---

¹ См. б этом также: Hoyles J. The Literary Underground: Writers and the Totalitarian Experience [3. P. 121–123].

но можно с полным правом назвать предтечей этой общественно-философской и жанровой традиции).

Предложенный Хаксли угол зрения: антиутопия – выражение эпохального слома, а не идеологической борьбы стран с разными социально-политическими режимами, подталкивает нас к тому, чтобы мы присмотрелись и к природе русской антиутопии. Традиционно эта линия связывается с историей социального эксперимента в России XX в. Но Достоевский подходит к утопизму Нового времени иначе, с внешней точки зрения, как к чуждому для России духовному устремлению. Ведь искания Нового времени выражают в основном процессы, происходящие в европейской цивилизации, а Россия по отношению к ним находится в маргинальном положении. В итоге получается позиция, похожая на то, что мы видим у Хаксли: автор романа «О дивный новый мир» смотрит на утопические мечты извне, потому что он уже в другой эпохе, а Достоевский – потому что он в иной культурной традиции.

Сложнее в этом ключе оценить позицию Замятина. С одной стороны, он за свой роман подвергается гонениям как антисоветский писатель (т.е. антиутопия оказывается событием внутринациональной борьбы), с другой стороны, роман «Мы» напрямую продолжает «английские» повести писателя, т.е. выражает его европейский опыт и противопоставляется русскому скифству.

С учётом этих фактов русская традиция антиутопического мышления особенно близка О. Хаксли. Однако вопрос про русский след в антиутопии Хаксли нельзя считать простым и линейным.

Рецептивная коллизия

Влияние Ф.М. Достоевского на Хаксли – неоспоримый факт. Формирование облика зрелого творчества британского писателя приходится на время «культы Достоевского» (по выражению Хелен Мачник [6]). Пик влияния русского классика на Хаксли приходится на 1920-е гг., последний многократно упоминает Достоевского и его героев в письмах и непосредственно в тексте произведений: «Не будет ли это слишком по-русски? Слишком по-ставрогински?» [7. Р. 228]; «Смейтесь, смейтесь, дружище Достоевский, но разрешите Вам сказать, что настоящим идиотом следует назвать не Мышкина, а Ставрогина» [8. С. 263].

При этом контекст Достоевского не упомянут и не обозначен прямо в романе «О дивный новый мир» (1932). Важно также то, что Хаксли практически не упоминает роман «Братья Карамазовы» и, конкретнее, «поэму» Ивана Карамазова «Великий инквизитор», которая является ключевым претекстом антиутопической традиции в наследии Достоевского. В центре внимания британского писателя «Идиот» и «Бесы». Последний роман также важен с точки зрения влияния Достоевского на антиутопию XX в., и это тоже может быть темой отдельного исследования, но в этой статье нас будет интересовать другая рецептивная коллизия: модель утопии, критикуе-

мая в антиутопии Хаксли, строится по тем же принципам, что в «Великом инквизиторе», при этом нет прямых свидетельств знакомства британского писателя с этим текстом Достоевского (при общем высоком количестве прямых ссылок на русского мастера).

Речь идёт о следующих совпадениях: Главноуправляющий Мустафа Монд предлагает герою-диссиденту Бернарду Марксу присоединиться к управлению «дивным новым миром» и открывает ему тайну, заключающуюся в том, что всё руководство состоит из инакомыслящих, которые знают правду о глобальном обмане, лежащем в основе этой социальной системы. Иначе говоря, здесь, как в «Великом инквизиторе» Достоевского, создатели этого мира отбирают у людей свободу и держат их во лжи ради блага человеческого большинства, превращая их жизнь в вечное детство. При этом сами они – меньшинство, которое знает правду, и поэтому для них всеобщее счастье инфантильного неведения и безответственности недоступно.

К нашему времени создано много произведений, в которых с опорой на Достоевского и Хаксли используется эта схема (от «451 градус по Фаренгейту» (1953) Р. Бредбери до «Обитаемого острова» (1969) братьев Стругацких). Но к моменту написания романа «О дивный новый мир» эту модель можно было встретить только в «Великом инквизиторе» (традиция антиутопической мысли Г. Уэллса, чьё влияние на эту тематическую линию, возможное, выше, чем у Достоевского, строится на основе других принципов). При этом эта схема слишком парадоксальна по исходному посылу и содержит слишком много элементов, чтобы повториться случайным образом. Но никаких прямых доказательств, что Хаксли опирался на роман «Братья Карамазовы» и даже вообще прочитал его к моменту работы над антиутопией нет, а этот писатель всегда откровенно говорил о литературных истоках своих произведений.

Косвенное отношение к проблеме может иметь тот факт, что, помимо более ранней полной публикации «Братьев Карамазовых» на английском языке, в 1930 г. (т.е. за два года до публикации антиутопии Хаксли) отдельным изданием в Великобритании вышел «Великий инквизитор»: F.M. Dostoevsky. The Grand Inquisitor. Tr. by S. S. Koteliansky. Introduction by D.H. Lawrence. London, 1930 [9. С. 517], что, конечно, должно было привлечь специальное внимание к этому вставному произведению¹.

Переходим к вопросу о влиянии наследия Е.И. Замятина.

Между романами Замятина и Хаксли очень много точек пересечения. И там и там идёт речь об обществе сексуального взаимопользования. В

---

¹ Этот факт, а также некоторые другие вопросы возможного влияния Ф.М. Достоевского на О. Хаксли рассмотрены в выпускной квалификационной работе бакалавра М.С. Васильевой ««Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского и «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли: к проблеме творческого взаимодействия», защищённой в 2019 г. в Томском государственном университете под научным руководством А.А. Казакова, одного из авторов данной статьи.

романе «Мы»: «Вы делаете заявление, что в свои дни желаете пользоваться номером таким-то (или таким-то), и получаете надлежащую талонную книжечку (розовую). Вот и все» [10. С. 225]. У Хаксли: «...как они тут взаимопользуются. Ведь каждый принадлежит всем остальным, ведь поцивилизованному так?» [11. С. 56].

У Замятина мы видим стройные ряды шагающих по зеркальным улицам номеров: «И вот, так же как это было утром, на эллинге, я опять увидел, будто только вот сейчас первый раз в жизни, увидел все: непреложные прямые улицы, брызжащее лучами стекло мостовых, божественные параллелепипеды прозрачных жилищ, квадратную гармонию серо-голубых шеренг» [10. С. 214]. Нечто похожее встречается и у Хаксли: «Лунный луч, шеренга белых кроваток; тихий голос произносит вкрадчиво (слова те после стольких повторений остались незабыты, сделались незабываемы): «Каждый трудится для всех других» [11. С. 36]; «Завидя книги и цветы, детские шеренги смолкли и двинулись ползком к этим скоплениям цвета, к этим красочным образам, таким празднично-пестрым на белых страницах» [11. С. 15].

Впрочем, мотивы «одинаковости», «муравейника» и «общих жён» в социализме обыгрывались уже и в XIX в. как противниками утопической мысли, так и сторонниками (вспомним благородную «передачу» жены другу в романе Н. Чернышевского «Что делать?»).

Для многих критиков сходство романов «Мы» (1920) и «О дивный новый мир» (1932) было настолько очевидным, что они говорили о влиянии Замятина на Хаксли как о доказанном факте, а некоторые, например Дж. Оруэлл, прямо обвиняли Хаксли в плагиате: «Первое, что бросается в глаза при чтении «Мы», – факт, я думаю, до сих пор не замеченный, – что роман Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», видимо, отчасти обязан своим появлением этой книге» [12. С. 306]. Сам же Хаксли утверждает, что не читал роман Замятина, а по поводу схожести концепций заявил, что «эти идеи находятся в воздухе, которым мы дышим» [13. Р. 13].

Образное объяснение Хаксли очень похоже на то, как в 1932 г. У. Фолкнер объясняет причины сходства его романа «Шум и ярость» и «Улисса» Дж. Джойса, который писатель ещё не успел прочитать ко времени работы над своим произведением: «Вы знаете, иногда я думаю, что, должно быть, существует своего рода пыльца идей, которая разносится по воздуху и оплодотворяет однородные умы, не имеющие между собой прямого контакта. Разумеется, я слышал о Джойсе. Кто-то рассказал мне о том, что он делает, и, возможно, на меня повлияло услышанное» [14].

Фолкнер не только ссылается на чудесную связь умов «по воздуху», но и предлагает более приземлённое объяснение: влияние может быть не прямым, а опосредованным через круг общения и чтения. Именно этот аспект рецептивной феноменологии мы предлагаем рассмотреть методологически ответственно. При отсутствии прямого влияния (автор не читал этот текст или доказать факт чтения невозможно) рецептивная преемственность сохраняет объективный характер (не является мистической пе-

редачей «идеи, носящейся в воздухе»), потому что можно доказать знакомство писателя с автором-посредником, пересказывающим основную суть источника.

Одним из очевидных рецептивных посредников между Хаксли и русской литературной традицией антиутопического мышления был Н. Бердяев.

Достоевский, Бердяев и Хаксли

Некоторые размышления Бердяева напрямую связывают этого философа и Хаксли (помимо контекста Достоевского или Замятина).

В общей структуре «романа-диспута» Хаксли не выделяется доминирующая, «правильная» идеология, доставшаяся нам по наследству от предыдущей эпохи: социализм исторически был в конфликте с капитализмом, но в «дивном новом мире» они одинаково становятся истоками утопии, в равной степени используются имена и Маркса и Ротшильда. Так же считает Бердяев – эти учения одноприродны, порождены общими процессами конца Нового времени: «Социализм есть плоть от плоти и кровь от крови капитализма. Они стоят на одной и той же почве, один и тот же дух или, вернее, одно и то же отрицание духа движет ими. Свое безбожие социализм унаследовал от буржуазно-капиталистического общества XIX века» [2. С. 590].

У Хаксли индивидуализм шекспировского человека (т.е. человека, стоящего у истоков нововременного индивидуализма) вырождается в обезличенность массового человека дивного нового мира. У Бердяева читаем: «Индивидуализм менее всего укрепляет личность, образ человека. И в индивидуалистическую эпоху совсем не процветают яркие индивидуальности, сильные личности. Индивидуалистическая цивилизация XIX в. с ее демократией, с ее материализмом, с ее техникой, с общественным мнением, прессой, биржей и парламентом способствовала понижению и падению личности, отцветению индивидуальности, нивелировке и всеобщему смешению» [2. С. 523].

Но в контексте данной работы русский философ нам интересен именно как возможный посредник между Хаксли и русскими писателями.

В статье, фрагмент которой берёт в качестве эпиграфа Хаксли, Бердяев пишет о социализме: «Он есть система Великого Инквизитора и Шигалева. Он хочет решить судьбу человеческих обществ, отрицая свободу духа» [2. С. 586]. «Великий инквизитор» определённым образом оказывается в кругозоре Хаксли, пусть и в пересказе русского философа.

Бердяев связывает суть антиутопической смысловой коллизии именно с идеями Достоевского: «Нет уж, нужно выбирать – или социализм, или свобода духа, свобода совести человеческой. Это гениально понимал Достоевский» [2. С. 588].

И уже без ссылки на Достоевского вводит два важнейших мотива, на которые мы раньше указывали как на наиболее заметные черты сходства между романом британского писателя и «Великим инквизитором». Первый

мотив – инфантильная безответственность: «Социализм хочет приготовить счастливых младенцев, не знающих греха» [2. С. 589].

Второй мотив – системный обман, лежащий в основе такого общества. Бердяев пишет о символической фиктивности онтологического содержания социализма, как и у старых теократий, которая заключается в том, что провозглашённый действительный приход Царства Божьего (в старых теократиях) или социализма (в современной истории) на землю недостижимы и могут только симулироваться [2. С. 591–593]. Здесь, правда, ничего не говорится о властителях, которые сами знают правду, но ради блага остальных обманывают их, как это было у Достоевского и Хаксли.

Важный для Бердяева мотив поклонения дьяволу в социалистической псевдотеократии, который можно привязать к Достоевскому (Великий инквизитор отрекается от Христа в пользу «древнего премудрого духа», который искушал Христа в пустыне), Хаксли не перенимает.

Замятин, Бердяев и Хаксли

Случай Замятина сложнее. С одной стороны, Бердяева и Замятина объединяет то, что они современники, а значит, есть общность национальной литературной и общественно-философской среды. С другой стороны, у нас нет достоверных сведений ни о знакомстве Бердяева с романом «Мы» к моменту написания эмигрантских трудов, повлиявших на Хаксли, ни о прочтении Замятинным работ русского философа 1910-х гг. (Возможно, здесь нужно будет найти ещё одного или нескольких посредников.)

О.А. Казнина указывает на то, что в бердяевском трактате «Новое религиозное сознание и общественность» (1907) подчёркивалась значимость категории «мы» в идеологическом монологе Великого инквизитора Ф.М. Достоевского [15. С. 157–170]. Это может быть не случайным совпадением, а косвенным доказательством того, что Замятин учитывал бердяевское осмысление антиутопических идей Достоевского.

Противопоставление совершенства и свободы у Бердяева сходится по смыслу с антитезой энергии и энтропии Замятина. Как в английских произведениях, романе «Мы» и в неоконченном романе «Бич Божий», так и в многочисленных публицистических работах писатель противопоставляет совершенное, выверенное и математически вычисленное общество духу постоянного движения, абсолютной свободы, «скифства».

В «Философии неравенства» (написана в 1918-м, опубликована в 1923-м) и «Судьбе России» (1923) Н. Бердяев использовал категорию «скифство», хотя и считал его аналогией варварства, которое надо преодолеть за счёт прививки византийского «эллинства» [2. С. 283–284].

Но при этом разночтении в терминах Бердяев тоже был защитником принципа движения и противником стагнации. Это мы видим в его различении принципа человеческой свободы и звериной механистичности, характерной, по Бердяеву, и для ангелов, которые были слугами Бога, а не детьми – это касается и падшего ангела: «Ибо ангелы – лишь оправа Божь-

ей славы. Природа ангелов статическая. Человек – динамичен. Человеком, а не ангелом стал Сын Божий, и человек призван к царственной и творческой роли в мире, к продолжению творения. Человек сотворен по образу и подобию Божьему; зверь – по образу и подобию ангельскому. Поэтому в мире есть динамически-творческая бого-человеческая иерархия и нетворческая, статическая ангело-звериная иерархия» [16].

В сборнике статей «Судьба России» 1914–1917 гг. Бердяев противопоставляет христиан и носителей принципа «блаженного равновесия», людей, стремящихся к спокойствию рая на земле. Он, напротив, приписывает христианству стремление к движению: «И судьба христианских народов – динамична, а не статична, как судьба народов Востока. Христианское человечество творит историю. Признание высшим благом счастья, благополучия, безболезненного состояния людей, прямых интересов данного поколения должно привести к застою, к боязни творческого движения и истории. Всякое творчество и всякая история есть любовь к дальнему, а не любовь к ближнему, любовь к ценности, а не к благополучию. Творчества и истории нет без моментов страдания и боли, без жертвы благом непосредственной жизни» [17. С. 186]. Бердяев неоднократно противопоставляет состояние движения статичному состоянию, придерживаясь мнения, что человечеству необходимо именно движение, а достижение статичного идеала невозможно: «Творческие задания исторического и мирового процесса не могут прекратиться и не может наступить состояние статическое, вечный счастливый покой. Человечество призвано идти ввысь, а не устраиваться на равнине. И высшая радость человеческая есть радость движения, а не радость бездвижности» [17. С. 186].

Цитата, приведенная выше, очень близка по смыслу словам из романа Замятина: «Вот: две силы в мире – энтропия и энергия. Одна – к блаженному покою, к счастливому равновесию; другая – к разрушению равновесия, к мучительно-бесконечному движению» [10. С. 322]. Слова принадлежат I-330, но здесь важно отметить, что произносит она их в диалоге с Д-503 и, как она выражается, «на твоём языке». Этим объясняется распределение оценок, того, что мучительно, а что несёт счастье. Ведь движение, разрушение равновесия для гражданина Единого Государства не что иное, как мука.

О состоянии гражданина Единого Государства, испытывающего страх перед близким Замятину «скифским» движением, равным бесконечной, безудержной скачке, герой говорит следующее: «И дальше сам с собою: почему красиво? Почему танец красив? Ответ: потому что это несвободное движение, потому что весь глубокий смысл танца именно в абсолютной, эстетической подчиненности, идеальной несвободе» [10. С. 213]. Это мысли, которые посещают Д-503 при взгляде на работающий станок. Таким образом, движение заменено здесь, как и пища граждан, на суррогат – искусственное движение, не позволяющее именно продвигаться, а призванное лишь повторять уже пройденный ранее путь вновь и вновь.

Е.И. Замятин, создавая образы Единого Государства и Благодетеля, явно стремится сделать акцент на их неподвижности: «А наверху, на Кубе,

возле Машины – *неподвижная*, как из металла, фигура того, кого мы именуем Благодетелем» [10. С. 213]. В случае с Благодетелем эта характеристика может создавать образ непоколебимого, вечного правителя, но в совокупности с описанием пространства создает картину полной неподвижности именно тех образов, которые олицетворяют мир антиутопии: «Все было на своем месте – такое простое, обычное, закономерное: стеклянные, сияющие огнями дома, стеклянное бледное небо, зеленая *неподвижная* ночь» [10. С. 250].

Делая вывод из вышесказанного, можно предположить, что человечество в мире замятинского «Мы» попало в описанную Бердяевым ситуацию, «устроившись на равнине», пребывая в состоянии «радости бездвижности». Антиутопичность созданного Замятиным мира характеризуется страхом обездвиженных людей: «Мне страшно шевельнуться: во что я обращусь? И мне кажется – все так же, как и я, бояться мельчайшего движения» [10. С. 309].

Ключевую роль в романе «Мы» играет I-330 – женщина, чей стихийный образ противопоставляется не только образу недвижимого Единого Государства, но и, что более важно в данном контексте, образу главного героя, рационального, статичного математика, строителя интеграла – Д-503. Важно это потому, что Бердяев также противопоставлял женскую природу мужской рациональности, признавая главенствующую роль женщины в будущем: «Характерным для нового средневековья мне представляется еще то, что в нем большую роль будет играть женщина. Исключительно мужская культура истощила и подорвала себя в мировой войне. И в последние годы великих испытаний женщина начала играть огромную роль, она оказалась на большей высоте. Женщина более связана с душой мира, с первичными стихиями, и через женщину мужчина приобщается к ним. Мужская культура слишком рационалистична, слишком далеко ушла от непосредственных тайн космической жизни, и возвращается к ним она через женщину» [2. С. 544–545]. Замятин, как и Бердяев, связывает женский образ с природой души. Именно после встречи с I-330 Д-503 чувствует в себе душу. Но главный герой боится своей души, для него это что-то архаичное, давно забытое, дикое, и только женщина способна заставить его страх перед собственной душой испариться: «– Неизлечимая душа! Беденький мой! – I рассмеялась – и меня сбрызнула смехом: весь бред прошел, и всюду сверкают, звенят смешинки, и как – как все хорошо» [10. С. 276].

О. Хаксли тоже считает статичность, остановку истории и развития главной приметой Утопии. Лозунг дивного нового мира: «Общность. Одинаковость. Стабильность». Развитие этому миру не нужно, потому что оно предполагает движение через кризисы, а значит, угрожает стабильности. Поэтому новому миру не нужны выдающиеся люди, художественные шедевры и научные открытия – всё это подавляется и уничтожается в духе идей Шигалёва из «Бесов» Достоевского.

Но позитивной альтернативой для Хаксли становится не творческое движение (как у Бердяева или Замятина), а сохранение личностной само-

стоятельности, даже если оно не порождает ничего нового, а лишь сохраняет базовые человеческие ценности. В предисловии к роману «О дивный новый мир» писатель размышляет о «пути децентрализации» и «свободе свободных личностей» [11. С. 7]. А путь революционного обновления жизни, по его мысли, лишь формирует в людях «нужду в эффективности и стабильности» и развивается в «благоденственную тиранию, воплощённую в Утопии» [11. С. 7].

Похожая логика действует у Хаксли в статье «Искусство и банальность», посвящённой задачам художественного творчества и миссии писателя. Британский мастер предлагает служить в творчестве базовым ценностям, наподобие любви, материнства, ответственности и т.д., стараясь в равной степени не попасть под влияние и массовой литературы, и революционно-новаторских ветвей искусства, которые, по его мысли, находятся в жёсткой корреляции [18. С. 483–487].

Как представляется, жизнь дикарей в резервации можно условно уподобить стихии «скифства» у Замятина и Бердяева. Читаем в предисловии к роману «О дивный новый мир»: «Дикарю предлагают лишь выбор между безумной жизнью в Утопии и первобытной жизнью в индейском селении, более человеческой в некоторых отношениях, но в других – едва ль менее странной и ненормальной» [11. С. 6]. То есть Хаксли, как и Бердяев, считает дикарство, варварство, «скифство» лишь очередной крайностью, которую следует преодолеть, но не стремиться к ней как к источнику, способному излечить человечество. Хаксли сам себя критикует за подход, выбранный им при создании антиутопического романа: он дал дикарю только два пути (остаться дикарем или присоединиться к антиутопическому обществу). В том же предисловии автор подчеркивает: «Если бы я стал сейчас переписывать книгу, то предложил бы Дикарю третий вариант» [11. С. 6].

Идея об особой роли женского начала, важная для Замятина и Бердяева, у Хаксли не имеет продолжения. Ленайна и другие героини (как и Джулия у Оруэлла) живут, движимые физиологическими потребностями, практическими социальными ориентирами (зримыми приметами социального успеха), интересами в области косметики и одежды и т.д. Возвышенные духовные устремления им чужды. Это не стоит воспринимать как возможное доказательство независимости художественной концепции Хаксли от Замятина, ведь у Оруэлла, несмотря на признанное автором влияние русского романиста, образ женского начала выстроен так же. Возможно, это отражение британского взгляда на эту частную тему.

Подведём итоги. Н. Бердяев становится важным посредником между О. Хаксли и русской антиутопической традицией. Эта роль особенно значима в контексте западной адаптации наследия Достоевского. Переключки между романом «О дивный новый мир» и «Великим инквизитором» Достоевского, при невозможности доказать факт чтения этого текста английским писателем, можно объяснить изложением основных идей классика у русского философа-эмигранта. Это могло как подтолкнуть Хаксли к прочтению «Братьев Карамазовых» и названного вставного текста этого рома-

на, так и стать источником опосредованного знакомства британского мастера с концепцией русского романиста. При этом, даже не прочитав «Великого инквизитора», Хаксли мог сознательно ориентироваться на этот контекст, считать себя продолжателем идей Достоевского, как он их понял в пересказе Бердяева.

Вопрос о посредничестве между Хаксли и Замятиным содержит немало больше неопределённости, поскольку нет устойчивых связей между Бердяевым и автором романа «Мы». Здесь прямые линии преемственности не выстраиваются, скорее, ещё раз подчеркивается невозможность рассматривать Хаксли в отрыве от русской традиции. Важными тематическими линиями возможной преемственности в цепи Замятин – Бердяев – Хаксли можно признать антиномии движения и статики, дикарского (скифского) и цивилизованного. При этом Бердяев может быть как посредником между Замятиным и Хаксли, так и их общим учителем в этих тематических рамках.

Родство между Замятиным и Хаксли может объясняться и на основе их общего английского источника (традиции Г. Уэллса), но это предмет другого исследования.

Рецептивный посредник не только обеспечивает «доставку» до читателя каких-то художественных идей и принципов, но может также оказывать влияние на направление их переосмысления. Так, объективно Достоевский пишет до возникновения историософской концепции окончания Нового времени и начала Нового Средневековья, но, попав в такую литературную и философскую среду восприятия, приобретает дополнительные оттенки и смысловые обертоны. Так, особое значение приобретает сам условный колорит испанской инквизиции в «Великом инквизиторе». Контекст противопоставления Средневековья и Нового времени здесь приобретает как бы постфактум (он изначально или отсутствовал, или не играл центральной роли, но был привнесён и заново акцентирован продолжателями литературной и философской традиции). Правда, у Достоевского в этой связи важнее не антитеза рационально цивилизованного и дикарски-стихийного («варварского», если понимать эту тему в перспективе параллелей со Средневековьем), как у Замятина или Хаксли, а противопоставление разума и религиозно-мистического начала (а в другом аспекте, важном в контексте утопического, также антиномия прогрессистского и эсхатологического).

Изучение этого комплекса вопросов можно отнести к перспективам исследования.

Список источников

1. Шарипова К.И. Функции литературных цитат в романе О. Хаксли «О дивный новый мир» // *Дневник науки*. 2019. № 11 (35). С. 36–43.
2. Бердяев Н.А. *Философия неравенства* / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2012. 624 с.
3. Hoyles J. *The Literary Underground: Writers and the Totalitarian Experience, 1900–1950*. N.Y. : St. Martin press, 1991. P. 121–123.
4. Huxley A. *Brave New World*. Island : Georges Borchardt, Inc, 1932. 367 p.

5. Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир. М. : Астрель, 2012. 192 с.
6. Muchnic H. Dostoevsky's English reputation (1881–1936). Octagon books, 1969. 219 p.
7. Huxley A. Those Barren Leaves. L. : Paris, 1947. 320 p.
8. Хаксли О. Контрапункт. СПб. : Амфора, 1999. 608 с.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Л. : Наука, 1976. Т. 15. 624 с.
10. Замятин Е.И. Собрание сочинений : в 5 т. М. : Русская книга, 2003. Т. 2. 592 с.
11. Хаксли О. О дивный новый мир. СПб. : Азбука-классика, 2005. 256 с.
12. Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. Роман и художественная публицистика / сост., подгот. текста В.С. Муравьев, А.М. Зверев, А.А. Файнгар и др. М. : Прогресс, 1989. 384 с.
13. Russell R. Zamiatin's We. Bristol : Bristol Classical Press, 1999. 137 p.
14. Фолкнер о себе // Иностранная литература. 1959. № 2. С. 283–284.
15. Казнина О.А. Е.И. Замятин и религиозно-философская антиутопия (критика социального утопизма в творчестве Е.И. Замятина и Н.А. Бердяева) // Соловьевские исследования. 2015. Вып. 3. (47). С. 157–170.
16. Бердяев Н.А. Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Электрон. б-ка. az.lib.ru. 2018. URL: http://az.lib.ru/b/berdjaev_n_a/text_1927_smysl_tvorchestva.shtml (дата обращения: 17.09.2021).
17. Бердяев Н.А. Судьба России: Опыт по психологии войны и национальности. М. : Философское общество СССР, 1990. 240 с.
18. Хаксли О. Искусство и банальность // Называть вещи своими именами: прогр. выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. М. : Прогресс, 1986. С. 483–487.

References

1. Sharipova, K.I. (2019) Functions of literary quotations in A. Huxley's novel "Brave New World". *Dnevnik nauki*. 11 (35). pp. 36–43.
2. Berdyaev, N.A. (2012) *Filosofiya neravenstva* [Philosophy of inequality]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
3. Hoyles, J. (1991) *The Literary Underground: Writers and the Totalitarian Experience, 1900–1950*. N.Y.: St. Martin press. pp. 121–123.
4. Huxley, A. (1932) *Brave New World*. Island: Georges Borchardt, Inc.
5. Huxley, A. (2012) *Vozvrashchenie v divnyy novyy mir* [Brave New World Revisited]. Moscow: Astrel'.
6. Muchnic, H. (1969) *Dostoevsky's English reputation (1881–1936)*. Octagon Books.
7. Huxley, A. (1947) *Those Barren Leaves*. London: Paris.
8. Huxley, A. (1999) *Kontrapunkt* [Point Counter Point]. Translated from English. St. Petersburg: Amfora, 1999. 608 s.
9. Dostoevskiy, F.M. (1976) *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 t.* [Complete works: in 30 volumes]. Vol. 15. Leningrad: Nauka.
10. Zamyatin, E.I. (2003) *Sobr. soch.: v 5 t.* [Collected works: in 5 vols]. Vol. 2. Moscow: Russkaya kniga.
11. Huxley, A. (2005) *O divnyy novyy mir* [Brave New World]. Translated from English. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
12. Orwell, J. (1989) "1984" i esse raznykh let. *Roman i khudozhestvennaya publitsistika* [1984 and essays from different years. Novel and art journalism]. Translated from English. Moscow: Progress.
13. Russell, R. (1999) *Zamiatin's We*. Bristol: Bristol Classical Press.
14. Faulkner, W. (1959) Folkner o sebe [Faulkner about himself]. *Inostrannaya literatura*. 2. pp. 283–284.

15. Kaznina, O.A. (2015) E.I. Zamyatin i religiozno-filosofskaya antiutopiya (kritika sotsial'nogo utopizma v tvorchestve E.I. Zamyatina i N.A. Berdyayeva) [E.I. Zamyatin and religious and philosophical dystopia (criticism of social utopianism in the works of E.I. Zamyatin and N.A. Berdyayev)]. *Solov'evskie issledovaniya*. 3 (47). pp. 157–170.

16. Berdyayev, N.A. (2018) *Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka* [The meaning of creativity. An experience of human justification]. [Online] Available from: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1927_smysl_tvorchestva.shtml (Accessed: 17.09.2021).

17. Berdyayev, N.A. (1990) *Sud'ba Rossii. Opyty po psikhologii vojny i natsional'nosti* [The fate of Russia. Experiments on the psychology of war and nationality]. Moscow: Filosofskoe obshchestvo SSSR.

18. Huxley, A. (1986) *Iskusstvo i banal'nost'* [Art and banality]. Translated from English. In: *Nazyvat' veshchi svoimi imenami: progr. vystupleniya masterov z.-evr. lit. XX veka* [To call a spade a spade: flagship speeches of the masters of the West-European literature of the 20th century]. Moscow: Progress. pp. 483–487.

Информация об авторах:

Быстренков Д.Л. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: inkisback@mail.ru

Казаков А.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: aakaz1975@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.L. Bystrenkov, postgraduate student, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: inkisback@mail.ru

A.A. Kazakov, Dr. Sci. (Philology), professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: aakaz1975@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.01.2022;
одобрена после рецензирования 19.04.2022; принята к публикации 18.07.2022.*

*The article was submitted 21.01.2022;
approved after reviewing 19.04.2022; accepted for publication 18.07.2022.*

Научная статья
УДК 930.2:821.16
doi: 10.17223/19986645/78/6

К вопросу о редакции списков Изборника 1073 г., хранящихся в Томске

Валерия Анатольевна Есипова

*Научная библиотека Томского государственного университета,
Томск, Россия, esipova_val@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрены списки текста Изборника 1073 г., хранящиеся в Томске; они датируются концом XIX – началом XX в. Проведена постатейная роспись текстов, выполнено сравнение обоих текстов с Овчинниковским списком 1617 г. Установлено, что оба томских списка могут быть отнесены к группе Овчинниковского списка, но не являются его непосредственными копиями. Делается вывод о существовании группы списков, происходящих от Овчинниковского и распространенных не только в европейской части России, но и в Сибири.

Ключевые слова: палеография, текстология, книжная культура, Изборник 1073 г., старообрядчество

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00742, <https://rscf.ru/project/22-28-00742/>.

Для цитирования: Есипова В.А. К вопросу о редакции списков Изборника 1073 г., хранящихся в Томске // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 114–125. doi: 10.17223/19986645/78/6

Original article
doi: 10.17223/19986645/78/6

On the version of the Izbornik of 1073 stored in Tomsk

Valeriya A. Esipova

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, esipova_val@mail.ru

Abstract. The article analyzes late copies of famous ancient Russian texts of the 11th–15th centuries. When considering the history of this kind of texts, researchers usually confine themselves to the 17th century, although texts were also copied in a later period. Analysis of late copies could provide additional information about the existence of ancient Russian texts in the Old Believers' environment over a wide chronological period, up to the beginning of the 20th century. The article deals with copies of the text of the Izbornik of 1073, stored in Tomsk Museum of Local History; they date back to the late 19th and early 20th centuries. Both copies are associated with Old Believers, although one of them existed for some time among the Orthodox

clergy. One of the copies includes, in addition to the text of the Izbornik of 1073, a copy of a scribes' record, similar to the record in the Ovchinnikov copy. This made it possible to put forward a hypothesis that at least one of the copies belonged to the Complete (Svyatoslav) Edition of the text. The two Tomsk texts were listed article-by-article and compared with the Ovchinnikov copy of 1617 (the numbering of chapters in the texts and the table of contents; the composition and structure of the texts in general; the headers). It has been established that the two Tomsk copies can be attributed to the second group of the Complete (Svyatoslav) Edition; the Ovchinnikov copy belongs to the same group. The existing discrepancies between the Ovchinnikov copy and the Tomsk copies can be attributed to scribal errors. There are also minor discrepancies between the Tomsk copies. Thus, the Tomsk copies of the Izbornik can be attributed to the group of the Ovchinnikov copy, but they were not directly copied from it. The conclusion is made about the existence of a group of copies of the Izbornik of 1073 that originated from the Ovchinnikov copy; they were widespread not only in the European part of Russia, but in Siberia as well. In view of a significant number of such copies, also stored in Moscow, the great popularity of the text of the Izbornik of 1073 among the Old Believers in the late 19th – early 20th centuries is indicated. An assumption is made about the reasons of the long existence of the text of the Izbornik in the Old Believers' environment. This is the encyclopedic nature of the text of the Izbornik, which illuminated different aspects of not only the Christian world view and morality, but also life in general.

Keywords: paleography, textology, book culture, Izbornik of 1073, Old Believers

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Grant No. 22-28-00742, <https://rscf.ru/project/22-28-00742/>

For citation: Esipova, V.A. (2022) On the version of the Izbornik of 1073 stored in Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 114–125. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/6

Постановка проблемы

Известно, что старообрядческая письменная культура имела и имеет в своей основе книжную культуру Древней Руси. При этом существует сравнительно мало исследований, в которых описывалось бы бытование, а не рецепция древнерусских текстов в составе поздних старообрядческих рукописей XIX–XX вв. и анализировались бы причины обращения писцов к тому или иному памятнику. В частности, исследованию текста Изборника 1073 г. (далее Изборник) посвящено немало работ, он неоднократно издавался. Однако не так много внимания уделялось поздним спискам этого памятника. Между тем их изучение позволило бы выяснить причины столь длительного бытования этого известного памятника в письменной культуре.

История вопроса

Исследователи единодушны в оценке Изборника как важнейшего памятника отечественной духовной и книжной культуры. При этом к детальному изучению текстологии памятника и классификации его списков в отечественной историографии приступили сравнительно недавно – в 1970–

1980-е гг. ([1–5] и др.). В настоящее время принято говорить об имеющихся 27 полных его списках «без старообрядческих копий» [6]. Таким образом, точное количество списков памятника на самом деле неизвестно, как не изучено и бытование текста в поздний (XIX–XX вв.) период. Краткие обзоры изучения истории вопроса как в отечественной, так и в зарубежной традиции помещены в публикациях Л.П. Грязиной и Н.А. Щербачевой [4], а также А.М. Камчатнова [5], поэтому в настоящей статье есть возможность сосредоточиться только на тех трудах, которые важны непосредственно для данного исследования.

В первую очередь здесь необходимо упомянуть статью Л.П. Грязиной и Н.А. Щербачевой [4], где были сопоставлены и проанализированы списки Изборника, хранящиеся в Российской государственной библиотеке (РГБ). Как отмечают сами авторы, «сопоставление ведется в нескольких аспектах: сравнение по нумерации глав в текстах и в оглавлениях; сличение состава сборников; текстуальное сравнение заголовков» [4. С. 58]. В результате проделанной работы авторы выявили три группы текстов: наиболее близкий к оригиналу Иосифо-Волоколамский список, имеющий все же с ним различия; Егоровский (Е) и Овчинниковский (Ов.), имеющие общую черту – включение в состав всех статей оригинала, за исключением последней («Летописец вкратце»), и, наконец, списки из собраний Румянцева и Строева, которые наиболее сильно отличаются от оригинала: в них присутствуют как многочисленные пропуски, так и включения текстов, отсутствовавших в Изборнике. Существенным выводом авторов является утверждение, что, «скорее всего, Изборник 1073 г. не является протографом большинства рассмотренных нами рукописей» [4. С. 70]. Это позволило авторам сделать предположение о наличии некоторого общего (возможно, дефектного) протографа у Изборника и списков Е, Ов. и др. Помимо описания каждой из рассмотренных рукописей, авторы также приводят таблицы с их постатейным сопоставлением.

А.М. Камчатнов привлекал при своем анализе также лингвистические данные [5]. Им было выделено три редакции Изборника: Полная (Святославова), Краткая и Пространная. В Полной редакции, наиболее близкой оригиналу, Камчатнов выделяет две группы. Различия в списках первой группы, по всей видимости, случайны и не объединены никакими закономерностями. Если же говорить о второй группе, куда входит и Ов., здесь есть некоторые общие моменты: пронумерованы только те главы, которые оформлены в виде вопросов и ответов, имеются одинаковые лакуны в тексте, во всех списках отсутствуют Похвала Святославу и «Летописец вкратце». Однако есть и индивидуальные различия, о которых применительно к Ов. будет сказано ниже. А.М. Камчатнов поддерживает предположение Л.П. Грязиной и Н.А. Щербачевой о «существовании большого числа списков, восходящих к общему дефектному протографу» [5. С. 7].

Особенности Овчинниковского списка

Список Изборника из собрания П.А. Овчинникова (Ов.) [7] отнесен А.М. Камчатновым ко второй группе Полной редакции. Рукопись датиру-

ется 1619 г.; в конце списка имеется писцовая запись, где, помимо даты, указано, что список выполнил в Александрове дьяк Петр Леонович «Зровного» (Зрвного?). В описи фонда Овчинникова указано, что рукопись была приобретена Петром Алексеевичем в 1895 г. у известного антикара Ивана Лукича Силина. Л.П. Грязина и Н.А. Щербачева также отмечают [4. С. 57], что в фонде РГБ имеются поздние списки, выполненные с Ов.: это рукопись 1891 г. из собрания Григория Матвеевича Прянишникова [8] и рукопись второй половины XIX в. из собрания Петра Николаевича Никифорова [9], являющаяся списком с части Ов. В цитированной выше статье эти списки не рассматривались, поскольку текстуально совпадают с Ов.

Л.П. Грязина и Н.А. Щербачева отмечают следующие особенности Ов. [4. С. 59–60]:

– рукопись имеет оглавление в самом начале, оно состоит из двух частей. Первая часть – это главы, предшествующие «Анастасиевым ответам» (главы 1–14), вторая – собственно «Анастасиевы ответы» и все главы до конца текста (главы 1–90). Нумерация глав в оглавлении и в тексте совпадают, кроме глав о соборах, которые в тексте пронумерованы отдельно (главы 1–6);

– статья «Вопросы и ответы Григория Богословца и Василия» не имеет номера в оглавлении, а в тексте она обозначена номером 86. Поэтому все последующие номера статей в тексте на единицу больше, чем в оглавлении;

– в тексте нет заголовка статьи «Богословца от словес» (в оглавлении должна быть под № 89, а в тексте – № 90);

– в оглавлении есть заголовок «Ноев сын 4...» (№ 90 в оглавлении), а соответствующего текста в рукописи нет;

– одна из характерных особенностей – многочисленные ссылки на источники, дописанные на полях.

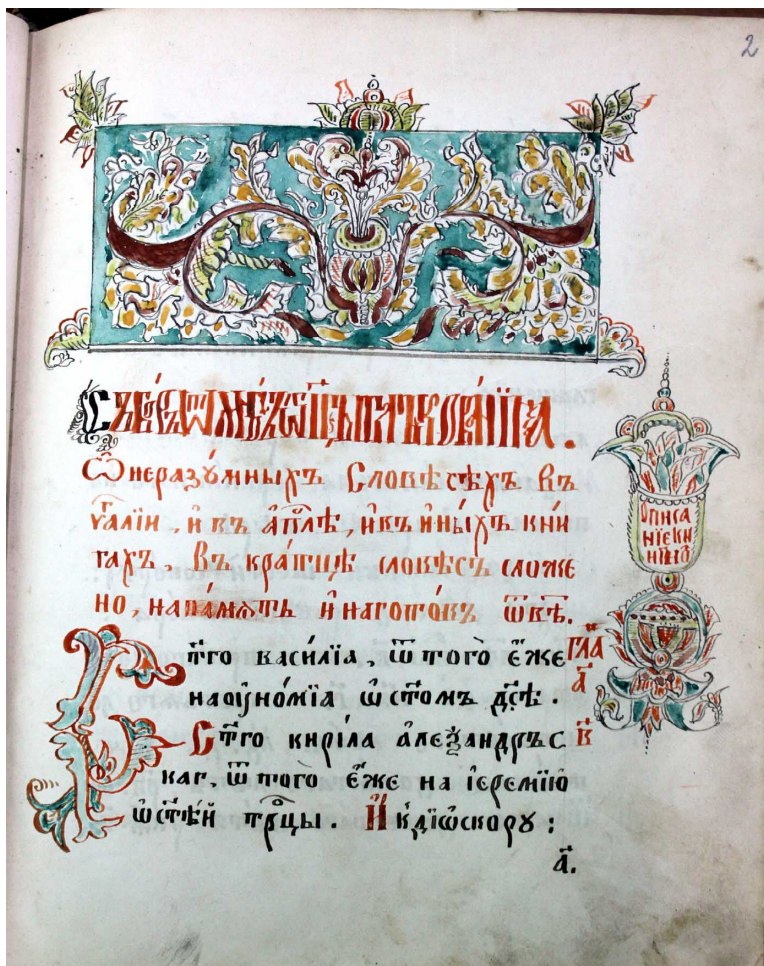
Кроме того, авторы указывают на наличие лакун в тексте (например, отсутствие окончания статьи «Ипполитово еже о Данииле» и следующих за ним глав 70 и 71 текста Изборника, а также ряда других, подробнее о них сказано ниже) и сходство этих лакун с Егоровским списком, написанным также в первой четверти XVII в. [4. С. 61–62]. Важным отличием Ов. от Изборника является система внешнего оформления рукописей: отсутствие деления сборника на две части и единая нумерация глав, оформленных в виде вопросов и ответов [4. С. 62].

А.М. Камчатнов при характеристике второй группы Полной редакции указывает на ту же лакуну в тексте (главы 70 и 71), причем акцентирует внимание и на индивидуальных особенностях каждого из списков. Лингвистический анализ привел его к выводу, что Ов. и Е «стоят особняком во второй группе Полной редакции и восходят к общему дефектному оригиналу» [5. С. 12], что согласуется с выводами Л.П. Грязиной и Н.А. Щербачевой.

Таким образом, на настоящий момент исследователями определены редакции Изборника и выявлено, к какой из редакций относится интересующий нас Ов. Также известны особенности списка, позволяющие его идентифицировать.

Источники исследования

В данном исследовании использовались два списка Изборника, хранящиеся в Томском областном краеведческом музее (ТОКМ). Первый из них – ТОКМ 7903/15. «Изборник 1073 г. и Вопросы князя Антиоха с ответами Афанасия Александрийского».

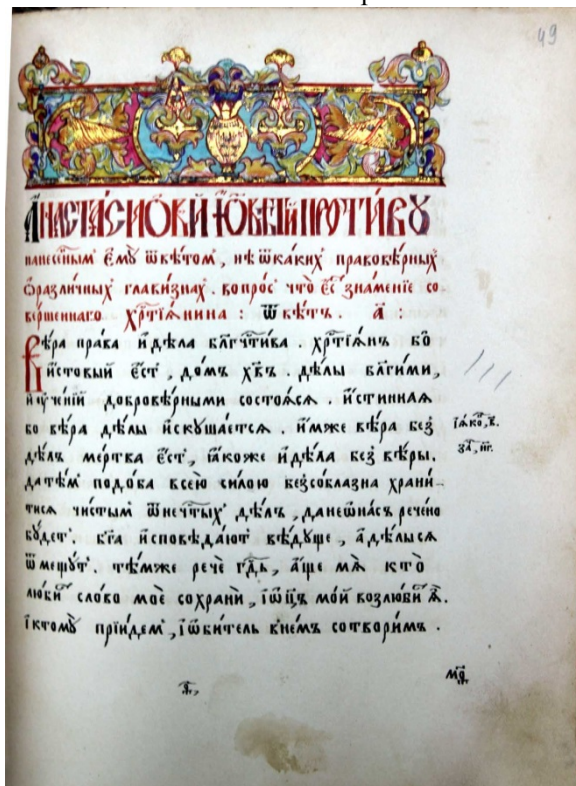

Ил. 1. ТОКМ 7903/15. Изборник 1073 г. и Вопросы князя Антиоха с ответами Афанасия Александрийского. XIX в. (кон.). 583 л.

Это рукопись конца XIX в., форматом в кварту, написана несколькими почерками и богато (хотя и несколько аляповато) орнаментирована. Заметим, что в составе рукописи переписан также известный апокриф «Вопросы князя Антиоха и ответы св. Афанасия Александрийского». На л. 499 воспроизведена запись оригинала, с которого рукопись, вероятно, перепи-

сывалась: «За благом и человеколюбием в благодати Господа нашего Иисус Христа, по действу святого духа начата и съвършена бысть сия книга Анастасия и Апокалипсис блаженнаго Иоанна Феолога с толкованием в лето от създания миру 7127, а от воплощения Господа нашего Иисус Христа 1627, месяца мая 10 дня. А пилным промышлением и власным накладом списана бысть ереем Козмы Левсковъского. Начася и съвършися в месте Александрови, написал ее раб Божий недостойный Петр Левонович, з Ровного дьяк». Как видно, это писцовая запись из Ов. Обратим внимание на то, что в оригинале указан 1619 г. написания рукописи, в рассматриваемом же списке – 1627 г. Также известно имя одного из переписчиков; на л. 460 об. в рисунок концовки вписана писцовая запись: «Сию книгу конец. Маркар скончал. Сия книга Анастасия». К сожалению, о происхождении рукописи судить сейчас затруднительно, известно лишь, что в фонд документов ТОКМ она была передана из библиотеки ТОКМ в 1985 г. Рукопись была впервые введена в научный оборот в работе О.Н. Бахтиной, Н.Ж. Ветшевой, О.Ю. Комаровой, составивших описание ряда книг и рукописей ТОКМ; в описании рассматриваемая рукопись была обозначена как Сборник старообрядческий [10. № 17. С. 121].

Вторая рукопись – ТОКМ 7903/25. Изборник 1073 г.

Ил. 2. ТОКМ 7903/25. Изборник 1073 г. XIX в. (кон.) – XX в. (нач.). 344 л.

Она написана примерно в то же время: конец XIX – начало XX в. Это также рукопись в кварту, написана одним почерком, гораздо более профессиональным и четким, чем в предыдущем случае. Украшения здесь гораздо беднее: всего две заставки, но с использованием твореного золота и серебра. Вопрос о писце пока открыт, но отметим, что форзацы и припереплетные листы рукописи исписаны записями библиографического характера, скорописью XX в. Коллеги из РГБ устно подтвердили, что почерк в данном случае весьма сходен с почерком известного старообрядческого переписчика и иллюстратора Ивана Гавриловича Блинова, жизни и творчеству которого были посвящены исследования отечественных авторов [11]. Однако для уверенности необходимо проведение дополнительных сравнений. Эта рукопись также поступила из библиотеки ТОКМ в 1985 г., однако имеются записи, позволяющие судить о ее происхождении. Так, на л. VI скорописью начала XX в. написано: «Преосвященнейшему Владыке Анатолию. Приобретена в г. Кольвани священником Александром Щербачковым. 1917 года, марта 10 дня». Об упомянутых в записи лицах подробнее написал сотрудник ТОКМ Ю.К. Рассамахин [12]. Заметим, что в этом случае рукопись бытовала в среде православного духовенства, хотя по происхождению связана, вероятно, со старообрядческим кружком коллекционеров, антикваров и писцов, сложившимся в Москве и Нижнем Новгороде в конце XIX – начале XX в.

Исследование (сравнение списков)

В данном исследовании использовались те же принципы, которые были приняты в работе Л.П. Грязиной и Н.А. Щербачевой: сравнение по нумерации глав в текстах и оглавлениях, сличение состава сборников и текстуальное сравнение заголовков. Поскольку при первичном сопоставлении было выдвинуто предположение, что обе томские рукописи являются списками Ов., сопоставление велось не непосредственно с Изборником, а именно с Ов. Для сравнения использовалась таблица, включающая также роспись Ов., опубликованная Л.П. Грязиной и Н.А. Щербачевой [4. С. 72–81]. Была проведена постатейная роспись обеих томских рукописей, после чего полученные данные были сведены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение структуры Ов. с ТОКМ 7903/15 и ТОКМ 7903/25

Ов	ТОКМ 7903/15	ТОКМ 7903/25
Оглавление (лл. 1–4)	Оглавление 14 глав; л. 2–2 об. Оглавление Вопросов Анастасиевых; л. 3–9 Оглавление вопросов Григория; л. 9–9 об.	Оглавление 14 глав; л. 1 Оглавление Вопросов Анастасиевых; л. 1 об.–6 Оглавление вопросов Григория; л. 6–6 об.
Гл. 1–15; л. 4–33	Гл. 1–15; л. 10–69 об.	Гл. 1–15; л. 7–48 об.
Гл. 1–90; л. 33–224 об.	Гл. 1–90; л. 70–498 об.	Гл. 1–90; л. 49–335 об.

Из таблицы видно, что структурно все три списка близки. Совпадает разделение на две части, состоящие соответственно из 14 и 90 глав. Номера глав в оглавлении и тексте совпадают в случае обеих рукописей, за исключением глав о шести вселенских соборах: они должны фигурировать в тексте под номерами 9–14, как указано в оглавлении. Фактически же они имеют самостоятельную нумерацию, причем в обеих томских списках имеет место одинаковая ошибка: первая из этих глав «О святых мирских шести соборах» обозначена номером 19, а не номером 1.

Что касается статьи «Вопросы и ответы Григория Богословца и Василия», в Ов., как указывают Л.П. Грязина и Н.А. Щербачева, эта статья не имеет номера в оглавлении, а в тексте она обозначена номером 86. Поэтому в тексте Ов. все последующие статьи имеют номера на единицу больше, чем в оглавлении. В ТОКМ 7903/15 эта статья в оглавлении имеет номер 86, как и в тексте, т.е. указанного для Ов. расхождения в данном случае нет. В ТОКМ 7903/25 в оглавлении номер статьи не указан, а в тексте указан № 86 – и здесь имеет место то же расхождение в нумерации, как и в Ов. В обоих томских списках в оглавлении присутствует статья «Богословца от словес», однако она отсутствует в тексте, как и в Ов. Также в обоих списках отсутствует обозначенная в оглавлении статья «Ноев сын 4...», что также сходно со структурой Ов.

Если говорить о лакунах в тексте, характерных для Ов., то в первую очередь, как было сказано выше, это окончание текста статьи «Ипполитово еже о Данииле» и следующих за ним глав 70 и 71, соответственно «Оригеново» и «Василиево от Исаии». Далее в Ов. без заголовка и начала следует статья, соответствующая главе 72 Изборника («Златоустаго от того еже о Сауле»), причем конец фразы из статьи «Ипполитово еже о Данииле» сливается с началом фразы из главы 72 (со слов «Павел сущее устави...»). В обоих рассмотренных томских списках мы наблюдаем такую же картину: в ТОКМ 7903/15 соответствующий фрагмент находится на л. 313 об., а в ТОКМ 7903/25 – на л. 220.

Еще один пробел отмечен Л.П. Грязиной и Н.А. Щербачевой в статье «Того ж Иоанна о вънарочитых книгах». Текст этой статьи обрывается на словах «... иже пятерны от них сугубляются», далее же без заглавия и начала следует текст статьи Изборника «Богословца от словес» начиная со слов: «Иов, потом же Давид, паки троя Соломоня...». То же самое видно и в томских списках: в ТОКМ 7903/15 – на л. 480, а в ТОКМ 7903/25 – на л. 324.

Также в работе Л.П. Грязиной и Н.А. Щербачевой было проведено сопоставление заголовков Ов. с заголовками Изборника. Был выявлен ряд заголовков Изборника, существенно расходящихся с заголовками Ов. В табл. 2 показано сопоставление этих заголовков с заголовками томских списков, найденные разночтения с Ов. выделены полужирным шрифтом.

Имеющиеся незначительные расхождения между Ов. и томскими списками могут быть объяснены писцовыми ошибками. При этом разночтения с заголовками Изборника довольно значительны, что видно даже при поверхностном сравнении.

Сопоставление заголовков Изборника 1073, Ов. и ТОКМ 7903/15 и ТОКМ 7903/25

Изборник 1073 г.	Ов	ТОКМ 7903/15	ТОКМ 7903/25
Л. 24 об. «От третьего до четвертого лет 30 4»	Л. 30. «От третьего сбора до четвертого лет 30 4»	Л. 64. «От третьего до 4го лет 34. 4»	Л. 45. «От третьего до 4го лет 34. 4»
Л. 62. «Максимова от того еже к Пиру»	Л. 65 «Максимова»	Л. 133 об. «Максимова»	Л. 95 об. «Максимова»
Л. 67. «Тогожде от пространных поспешаний»	Л. 69 об. «Тогожде о пространных посмеяний»	Л. 142. «Тогожде о пространных посмеяний»	Л. 101 об. «Тогожде о пространных посмеяний»
Л. 86. «Тогожде от того еже к ефесиом»	Л. 85. «Тогожде еже к евреом»	Л. 173. «Тогожде еже к евреом»	Л. 126. «Тогожде еже ко евреом»
Л. 135 об. «Почто требу положити повеле Бог Аврааму уницу трии лет и козу тризу»	Л. 128 об. «Вопрос. Почто требу положити повеле Бог Аврааму юницу трилетну (исправлено на «грех лет») и козу тризу»	Л. 262. «Въпрос 28. Почто требу положити повеле Бог Аврааму, юнцу трех лет, и козу тризу. Ответ. Глава 3»	Л. 188. «Вопрос. Почто требу положити повеле Бог Аврааму, юницу трех лет, и козу тризу. Ответ. Глава 3»
Л. 121 об. «Святого Епифания о 12 камыку иже беаху на логии святителеве насаждани»	Л. 143. «Святого Епифвания о 12 камыку, иже бяху на главе святителеве насаждени»	Л. 271. «Святого Епифвания о 12 камыку, иже бяху на главе святителеве насаждени»	Л. 208. «Святого Епифвания о 12 камыку, иже бяху на главе святителеве насаждени»
Л. 154. «Како е разумети еже глагола Соломон о дресех от бьру до усопа иже в стене»	Л. 144 об. «Въпрос. Како есть разумети, еже рече Соломон о дресех от брусова, еже в стене. Ответ»	Л. 297 об. «Въпрос. Како есть разумети, еже рече Соломон о дресех от брусова, еже в стене. Ответ»	Л. 210. «Въпрос. Како есть разумети, еже рече Соломон о дресех от брусова, еже в стене. Ответ»
Л. 158 об. Святого Епифания от того еже к Диодору»	Л. 147 об. «Святого еж к Епифания к Диору » (позже отсутствующий слог вставлен)	Л. 306. «Святого Епифания к Диодору»	Л. 216 об. «Святого Епифания к Диодору»
Л. 162. Кая или колика суть божественнаго Илия и Елисея яже в душе действия»	Л. 150 об. «Вопрос. Кая ли и колика суть божественнаго Илии и Елисея, еже в душе святем»	Л. 312. «Вопрос. Кая и колика суть божественнаго Илии и Елисея, еже в душе святем»	Л. 219. «Вопрос. Кая и колика суть божественнаго Илии и Елисея, еже в душе святем»
Л. 197. «Заповедь Петрова и Павлова»	Л. 181 об. «Заповедь святых апостол Петра и Павла»	Л. 376 об. «Заповедь святых апостол Петра и Павла»	Л. 260. «Заповедь святых апостол Петра и Павла»
Л. 216 об. «Еусевиево к Марину»	Л. 199 об. «Евсевиево от понарии»	Л. 415. «Евсевиево от понарии»	Л. 283 об. «Евсевиево от понарии»
Л. 223 об. «Феодора презвитера Раневийскаго от тех же»	Л. 205 об. «Феодора презвитера Нифусийскаго от тех же»	Л. 427. «Феодора презвитера Нифусийскаго от тех же»	Л. 290 об. «Феодора презвитера Нифусийскаго от тех же»
Л. 234. «О съмьненем и единоимьненем о глаголании»	Л. 215 об. «О съмьннем и единоимьннем»	Л. 447 об. «О съмьннем и единоимьннем»	«О соимьннем и единоимьннем»

Результаты и обсуждение

Проведенное сопоставление томских списков текста Изборника 1073 г. с Ов. показывает, что оба списка могут быть отнесены к группе Овчинниковского списка. Структурно и текстуально томские списки с ним очень сходны. Из обнаруженных отличий следует отметить следующее. Во-первых, неверно указанная дата писцовой записи в ТОКМ 7903/15. Если учесть, что в этом же списке отсутствует расхождение в нумерации глав в оглавлении и тексте, характерное для Ов., можно предположить, что ТОКМ 7903/15 не является прямой копией Ов., между ними должен был быть еще как минимум один список. При этом ТОКМ 7903/25 по всем проверенным пунктам более сходен с Ов., чем ТОКМ 7903/15: так, в нем отсутствует разрыв в нумерации глав, характерный для Ов.

Заметим также и сходство между ТОКМ 7903/15 и ТОКМ 7903/25, которое заключается, во-первых, в неверном номере главы «О святых мирских шести соборах» (в обоих списках № 19 вместо № 1), а также в одинаковых разночтениях в заголовке «От третьяго до 4го лет 34. 4» (в томских списках) и «От третьяго събора до четвертаго лет 30 4» (в Ов.).

Получается, что оба томских списка могут быть отнесены к группе Ов., при этом ни один из них не является копией непосредственно с Ов. Список ТОКМ 7903/25 ближе к Ов., список же ТОКМ 7903/15 отличается от Ов. более значительно.

Выводы

Таким образом, можно сказать, что оба томских списка (ТОКМ 7903/15 и ТОКМ 7903/25) восходят к Овчинниковскому списку, но, вероятнее всего, не являются его непосредственной копией. Между этими двумя списками также есть незначительные разночтения. Принимая во внимание наличие других списков Изборника 1073 г., выполненных в это же время с Ов. (уже упомянутые выше списки из собраний Прянишникова и Никифорова) можно сказать, что по крайней мере в указанный период текст Изборника пользовался повышенным интересом в старообрядческой среде. Возможно, имеет смысл говорить о группе списков, связанных с Ов., переписанных старообрядцами и связанных со старообрядческой средой. И это относится, вероятно, не только к европейской части России, но и к Сибири, где и хранятся в настоящее время два рассмотренные списка.

Причины длительного сохранения в обиходе именно текста Изборника 1073 г. требуют, разумеется, дальнейшего детального изучения. Однако уже сейчас можно сказать, что среди этих причин был, вероятно, энциклопедический характер текста Изборника. Несмотря на лагуны и появление новых редакций, он продолжал оставаться все тем же универсальным текстом «на память и на готов ответ», освещавшим разные стороны не только христианского мировоззрения и морали, но и бытия в целом.

Список источников

1. Розов Н.Н. Старейший болгарский «Изборник» и его русская рукописная традиция // Известия АН СССР. Серия литературы языка. Т. 28, вып. 1. М., 1969. С. 75–78.
2. Левочкин И.В. Новый список Изборника Святослава 1073 г. // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1980. Л., 1981. С. 7–11.
3. Куев К.М. Археографические наблюдения над сборником Симеона в старославянских литературах // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977. С. 50–56.
4. Грязина Л.П., Шербачева Н.А. К текстологии Изборника 1073 г. // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977. С. 56–89.
5. Камчатнов А.М. Текстологический анализ списков Изборника 1073 года // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 5–17.
6. Иванова К., Турилов А.А. Изборник 1073 г. // Православная энциклопедия. Т. 21. С. 536–539. URL: <https://www.pravenc.ru/text/293834.html> (дата обращения: 07.02.2022).
7. РГБ. Собрание Овчинникова. Ф. 209. № 108.
8. РГБ. Собрание Прянишникова. Ф. 242. № 193.
9. РГБ. Собрание Никифорова. Ф. 199. № 637.
10. Бахтина О.Н., Ветшева Н.Ж., Комарова О.Ю. Рукописи и старопечатные книги Томского областного краеведческого музея // Русская книга в дореволюционной Сибири: книгописная деятельность и круг чтения сибиряков. Новосибирск, 1984. С. 118–150.
11. Юхименко Е.М. Иван Гаврилович Блинов – крестьянин, книгописец, художник // Искусствознание. 2013. № 1–2. С. 423–443.
12. Рассмахин Ю.К. Изборник Святослава в «томском киоте» // Томский областной краеведческий музей : офиц. сайт. 2017. URL: https://tomskmuseum.ru/afisha_exhibit/vist1/virt_vist/vvop/opis/ (дата обращения: 05.03.2022).

References

1. Rozov, N.N. (1969) Stareyshiyy bolgarskiy “Izbornik” i ego russkaya rukopisnaya traditsiya [The oldest Bulgarian “Izbornik” and its Russian manuscript tradition]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury yazyka*. XXVIII (1). pp. 75–78.
2. Levochkin, I.V. (1981) Novyy spisok Izbornika Svyatoslava 1073 g. [A new copy of the Izbornik of Svyatoslav (1073)]. In: *Pamyatniki kul'tury: Noveye otkrytiya. Ezhegodnik 1980* [Monuments of Culture: New Discoveries. Yearbook 1980]. pp. 7–11.
3. Kuev, K.M. (1977) Arkheograficheskie nablyudeniya nad sbornikom Simeona v staroslavianskikh literaturakh [Archaeographic observations on the collection of Simeon in Old Slavonic literatures]. In: *Izbornik Svyatoslava 1073 g.* [Izbornik of Svyatoslav (1073)]. Moscow: [s.n.]. pp. 50–56.
4. Gryazina, L.P. & Shcherbacheva, N.A. (1977) K tekstologii Izbornika 1073 g. [On the textology of the Izbornik of 1073]. In: *Izbornik Svyatoslava 1073 g.* [Izbornik of Svyatoslav (1073)]. Moscow: [s.n.]. pp. 56–89.
5. Kamchatnov, A.M. (1984) Tekstologicheskii analiz spiskov Izbornika 1073 goda [Textological analysis of the lists of the Izbornik of 1073]. In: *Drevnerusskaya literatura. Istochnikovedenie* [Old Russian Literature. Source study]. Leningrad: Nauka. pp. 5–17.
6. Ivanova, K. & Turilov, A.A. (2022) Izbornik 1073 g. [Izbornik of 1073]. [Online] Available from: <https://www.pravenc.ru/text/293834.html> (Accessed: 07.02.2022).
7. Russian State Library. Ovchinnikov Collection. Fund 209. No. 108.
8. Russian State Library. Pryanishnikov Collection. Fund 242. No. 193.
9. Russian State Library. Nikifrov Collection. Fund 199. No. 637.
10. Bakhtina, O.N. et al. (1984) Rukopisi i staropechatnye knigi Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Manuscripts and early printed books of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. In: *Russkaya kniga v dorevol'yutsionnoy Sibiri: knigopisnaya*

deyatel'nost' i krug chteniya sibiryakov [Russian book in pre-revolutionary Siberia: book-writing activity and reading circle of Siberians]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 118–150.

11. Yukhimenko, E.M. (2013) Ivan Gavrilovich Blinov – krest'yanin, knigopisets, khudozhnik [Ivan Gavrilovich Blinov – peasant, scribe, artist]. *Iskusstvoznanie*. 1-2. pp. 423–443.

12. Rassamakhin, Yu.K. (2017) *Izbornik Svyatoslava v "tomskom kiote"* [Izbornik of Svyatoslav in the "Tomsk icon case"]. [Online] Available from: https://tomskmuseum.ru/afisha_exhibit/vist1/virt_vist/vvop/opis/ (Accessed: 05.03.2022).

Информация об авторе:

Есипова В.А. – д-р ист. наук, зав. сектором, отдел рукописей и книжных памятников, Научная библиотека Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: esipova_val@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Esipova, Dr. Sci. (History), head of sector, Research Library, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: esipova_val@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.03.2022;
одобрена после рецензирования 24.04.2022; принята к публикации 18.07.2022.*

*The article was submitted 05.03.2022;
approved after reviewing 24.04.2022; accepted for publication 18.07.2022.*

Научная статья
УДК 811.133.1
doi: 10.17223/19986645/78/7

Первые опыты французской рецепции русской литературы: творчество А. Кантемира

Алексей Михайлович Завгородний

*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия,
almzav@yandex.ru*

Аннотация. Восприятие художественных произведений представителями разных культур является неотъемлемой частью межкультурной коммуникации. Цель данной работы – выявить особенности французской рецепции первых художественных текстов русской литературы, оказавшихся доступными французскому читателю XVIII в., а именно произведений Антиоха Кантемира. Материалом для исследования послужили франкоязычные и русскоязычные источники. Некоторые из них впервые вводятся в научный оборот отечественного литературоведения.

Ключевые слова: Кантемир, русская литература, рецепция, межкультурная коммуникация, французские переводы

Для цитирования: Завгородний А.М. Первые опыты французской рецепции русской литературы: творчество А. Кантемира // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 126–136. doi: 10.17223/19986645/78/7

Original article
doi: 10.17223/19986645/78/7

First experiences of the French reception of Russian literature: Works of Antiochus Cantemir

Aleksei M. Zavgorodnii

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation, almzav@yandex.ru

Abstract. The perception of literary works by representatives of different cultures is an integral part of intercultural communication. This article is aimed at revealing the particularities of the French reception of the first literary texts of Russian literature which became available to the French reader of the 18th century, namely of the works of Antiochus Cantemir. The materials for the research were the French- and Russian-language sources, some of which are for the first time introduced into the scholarly discourse of Russian literary criticism. The article starts with an examination of Cantemir's personality – a diplomat, poet-satirist, translator, and simply a very educated person – and its possible influence on the perception of his works by French

recipients. Further, in chronological order, the reaction of the French public to the publication of Cantemir's works is examined. The period under study is limited to the 18th century. The most significant reaction from the French public was awarded to the Cantemir's eight satires – the first works of fiction translated into French and published in 1749, thirteen years before the first publication of the satires in Russia. Of particular value, both for the French reader and for understanding the specifics of the reception, is the translator's 150-page introduction to the edition of the satires. This introduction emphasizes among other things the importance of the personal factor in the fate of the writer's creations. It also introduces the statement which later becomes widespread: "Cantemir is the founder of the Parnassus of Russia". In the mid-1750s, France begins to get acquainted with other Russian authors. It is noteworthy to mention here the first perception of Sumarokov by French criticism (in 1755 a French translation of the tragedy *Sinave and Truvor* was published), which is different in tone from the perception of Cantemir. Accusations of Russian authors of imitations, widespread in the 19th century, trace their history precisely from Sumarokov. Despite the small number of the first facts and little evidence of the perception of Cantemir's works in France, which have come down to us, one can nevertheless note some favor of the French public for his works, in comparison, for example, with the first reaction of the French to *Sinave and Truvor* by Sumarokov or, a century later, to *Dead Souls* by Gogol. The favor is explained, in my opinion, on the one hand, by a certain circumspection that often appears when meeting something for the first time (more precisely, by the fear of not evaluating something really outstanding), the first acquaintance with secular literature unknown to them in this case, and, on the other hand, by the personality of Cantemir himself. The time for literary analyses had not yet come, the assessments were of a general nature, Cantemir was being established in France as the "Founder of the Parnassus of Russia".

Keywords: Cantemir, Russian literature, reception, intercultural communication, French translations

For citation: Zavgorodnii, A.M. (2022) First experiences of the French reception of Russian literature: Works of Antiochus Cantemir. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 126–136. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/7

Среди направлений исследований, касающихся литературных взаимоотношений России и Запада, несомненной и вневременной актуальностью обладает проблема восприятия реципиентом художественных произведений иноязычной культуры; проблема, которая в то же время выходит за рамки чисто литературоведческого осмысления. Рецепция творчества других народов – это часть большого межкультурного диалога, процесса межнационального взаимопознания – ментального, мировоззренческого и эстетического.

Чтобы понять суть, своеобразие какого-то явления, человек пытается обратиться к его истокам. У истоков знакомства Франции с русской художественной литературой суждено было встать Антиоху Кантемиру. В ряду работ, посвященных истории русско-французского литературного взаимодействия, отсутствуют исследования этого, самого первого, опыта освоения французами русской литературной традиции. А между тем без осмысления данного опыта картина не может быть полной. Восполнение указан-

ного пробела определило новизну настоящей работы. Исследование базируется на сочетании культурно-исторического, психологического подходов и рецептивной эстетики.

Дипломат (был послом сначала в Англии с 1732 по 1738 г., потом во Франции с 1738 по 1744 г.), поэт-сатирик, переводчик (владел шестью языками) и просто образованнейший человек, князь Кантемир к моменту появления его произведений на французском языке уже имел в западноевропейских кругах заслуженный авторитет.

Для кого-то, как, например, для Вольтера, он был достоверным источником сведений о России. Так, в письме Кантемиру от 13 марта 1739 г. Вольтер хотел получить подтверждение следующей информации: «Мне сообщают, что плотность населения России сейчас в тридцать раз меньше, чем это было семьсот или восемьсот лет назад» [1. Р. 211]. Любопытный запрос, свидетельствующий о степени осведомленности даже самой передовой мысли Франции той эпохи о делах российских. На самом деле разница составляла примерно два с половиной раза. Для кого-то Кантемир стал проводником французской мысли в русское культурное пространство (он переводит на русский язык «Разговоры о множестве миров» Фонтенеля, «Персидские письма» Монтескье).

В круг его знакомых входят математик, физик, естествоиспытатель Мопертюи; основоположник французской «слёзной комедии» Нивелль де ла Шоссе; автор театральной реформы Луиджи Риккони; маркиза Монконсей, введшая его в парижский свет и считавшая его «возвышенным в области литературы» [2. С. 76]; хозяйка известного в XVIII в. литературного салона Анна-Шарлотта д'Эгийон, по инициативе которой впервые были изданы его произведения на французском языке [3. Р. 85].

Несомненно, становлению репутации Кантемира способствовали его переводы основоположника французского классицизма Буало, чьи сатиры он считал «всей Франции чудом» [4. С. 389], а также изданная благодаря его заботам «Оттоманская история» его отца, Дмитрия Кантемира, сначала в английском (1734), а затем во французском переводе (1743). Эта книга еще долгое время привлекала внимание исследователей Османской империи, о чем свидетельствует множество отсылок к ней во франкоязычных источниках XVIII–XIX вв.

Для описания отношения французской культурной, научной и политической общественности того времени к Кантемиру подошли бы слова Монтескье: «России непросто будет найти другого посла, обладающего достоинствами князя Кантемира» [5. Р. 25]. Авторитет русского дипломата и писателя не мог не сказаться на первых оценках его творчества во Франции. Влияли на характер восприятия его творений и личностные качества Кантемира. Октавиан Гуаско, переводчик его сатир – первых произведений русской художественной литературы, вышедших на французском языке, отмечал скромность, неприязнительность писателя: «Я долго просил разрешения <...> господина князя Кантемира перевести их (сатиры. – А.З.). Он всегда отвечал отказом, говоря мне, что причина, которая заставила его

сочинить их, может сделать существование этих сатир оправданным в России. Но он не считал возможным представить их на обозрение Критики, на Языке, на котором написаны шедевры в этом жанре» [6. Р. 8].

Тем не менее, как отмечал Гуаско, их дружба перевесила скромность писателя, и разрешение было получено. Не последнюю роль в этом «благоприятном» – как минимум для русско-французской коммуникации – исходе сыграли и крайние обстоятельства: Кантемир уже был тяжело болен (1744 г.). Именно в этот период Гуаско при содействии Кантемира перевел сатиры на итальянский язык. Перевод не был опубликован, но был использован Гуаско при подготовке французского перевода уже после смерти писателя. Идейным вдохновителем появления франкоязычного издания сатир стала герцогиня д'Эгийон [3. Р. 85], близкий друг Кантемира, которой однажды он посвятил мадригал на французском языке¹ – факт, свидетельствующий о том, что отзвуки литературного таланта посланника русского двора долетали до французской публики еще до выхода сатир. Как отметил видный исследователь русского поэта Ф.Я. Прийма, «поэтическое творчество Кантемира на французском языке было и длительным, и многообразным» [7. С. 12]. Нам же достоверно известно еще лишь об одном его произведении на французском языке, а именно эпиграмме «Vers sur la Critique» («Стихи о критике») [9. Р. 13].

Первое издание французского перевода восьми сатир Кантемира увидело свет в 1749 г. в Голландии². Сопровождалось оно пространной вступительной частью, приблизительно на 150 страницах. Из них читатель мог узнать, почему была выбрана именно прозаическая форма перевода (язык перевода для переводчика был неродным); почему при переводе русских пословиц не искали французские эквиваленты (чтобы сохранить самобытность оригинала); почему сатиры были снабжены примечаниями (чтобы дать представление франкоязычному читателю об особенностях русских нравов). Но о введенных примечаниях правильно было бы сказать, что они являлись адаптацией комментариев, которые содержал оригинал. Так, то, что представлялось Гуаско известным или несущественным для французского читателя, убиралось, например пояснения к именам собственным (*Ахилл, Вергилий, Евклид*) или названиям наук (*алгебра, медицина*). И наоборот, примечаний удалялись новые для большинства французов реалии – *квас, часослов*. Но такая адаптация таила определенную угрозу полноценному и беспристрастному восприятию сочинений автора. Белинский писал: «Сатиры Кантемира – подражание и большею частью то перевод, то переделка сатир Горация, Буало и частью Ювенала; но тем не менее они – в высшей степени оригинальные произведения: так умел Кантемир применить их к быту и потребностям русского общества!» Так вот

---

¹ Это произведение на французском языке было не единственным у А.Д. Кантемира (см.: [8. Р. 241]).

² На самом издании 1749 г. фигурирует Лондон. Подробнее об определении места издания сатир см.: [10].

об этом подражании через «то перевод, то переделку», с цитированием оригиналов *открыто* сказано в примечаниях у самого Кантемира. Например, к стихам 33 и 34 сатиры IV:

И стихи, что чтецам смех на губы сажают,
Часто слез издателю причина бывают [4. С. 110]

писатель дает следующее примечание:

Ст. 33. *И стихи, что чтецам смех на губы сажают*
Et le mot pour avoir réjoui le lecteur
A couté bien souvent des larmes à l'auteur

(Боало, ст. 7, сат. 7).

<И слово, чтобы позабавить читателя, очень часто стоило автору слез> » [4. С. 115].

В переводе у Гуаско мы этот комментарий не находим. Переводчик указывает на изъятие стихотворных цитат, объясняя такой шаг тем, что «те, кто увлекается чтением хороших авторов, их (цитаты. – А.З.) уже знает» [6. Р. 13–14]. Но с точки зрения формирования мнения французов о русской литературе такой шаг переводчика мог быть чреват негативными последствиями. Уже самый первый читательский опыт подобного рода мог укрепить французов в очень популярной и устойчивой мысли ближайших полутора веков: русские – это азиаты, не способные создать ничего оригинального. Фактор честности Кантемира, уважительности к литературам, помогавшим ему обрести свой индивидуальный стиль, исчезал в переводе. Поистине «примечания эти – не внешнее приложение к тексту, а органический элемент последнего» [11. С. 433].

Значительное место во вступительной части переводчика отведено жизнеописанию Кантемира, и оно долгое время служило единственным источником биографических сведений о писателе. Стоит отметить, что в России эти уникальные данные Гуаско о Кантемире стали доступны вместе с первой публикацией сатир в России в 1762 г., спустя 13 лет после издания французского перевода. Помимо изложения жизненных фактов переводчик постарался подготовить французского читателя и к восприятию самих сатир. Так, Гуаско проводит параллели между тем, что уже известно французам, и тем, с чем им еще предстоит столкнуться. Например, он говорит, что Кантемир, высмеивая пороки своей страны, прибегает к использованию поговорок точно так же, как во Франции это делал Буало [6. Р. 55–56]. Подобный психологически оправданный приём (обращение к хорошо известному) будет еще неоднократно применяться в будущем при знакомстве Франции с произведениями русской литературы. При этом несомненно, что в данном конкретном примере присутствует и мысль о заимствовании этого приема Кантемиром. Предоставляя читателям возможность самим оценить сатиры, Гуаско тем не менее указывает на основную цель, которую преследовал автор, – разрушить предрассудки холодной, флегматичной и молчаливой нации [6. Р. 69], что можно было сделать

лишь показав нелепость и смехотворность черт, ей присущих, тем самым постараться обратить ее к хорошему вкусу, прямоте, честности, порядочности. Очевидно, ввиду того, что перевод был выполнен в прозе, переводчику понадобилось также сообщить, что сатиры были написаны александрийским [б. Р. 71] (двенадцатисложным) стихом – широко применяемой для сатир формой стихосложения во Франции. На самом деле сатиры Кантемира были написаны тринадцатисложным силлабическим стихом. Гуаско, отмечая новаторство Кантемира в его опытах стихосложения – например, что он первым в России применил нерифмованный стих [б. Р. 73] – представлял русского поэта французскому читателю в качестве «главного Основателя их (россиян. – А.З.) Парнаса» [б. Р. 74].

Между вступительной частью и сатирами переводчик разместил несколько текстов, так или иначе имеющих отношение к сатирам или к их автору. Среди них и французский перевод «Словоприношения к императрице Елизавете Первой» («Épître à Élisabeth, Impératrice de toutes les Russies») – произведение Кантемира, которое будет еще неоднократно появляться во французской периодике.

Второе издание сатир вышло в Париже [10. С. 141] в 1750 г. Если судить по доступным источникам, именно оно дало начало представлению и обсуждению сатир Кантемира во французской прессе. В апреле 1750 г. в авторитетном литературном журнале «Mémoires de Trévoux» выходит первый отзыв на это издание [12]. Автор, имя которого неизвестно¹, взвешен в своих оценках; вопрос заимствований Кантемиром из других литератур не поднимается. Говоря о самом создателе сатир, он отмечает, что ум Кантемира отличался в большей степени основательностью, чем остроотой, что его способность суждения превосходила способность воображения, что в нем присутствовала доля холодности, свойственная народам Севера, но что этот недостаток компенсировался огромным объемом превосходных познаний [12. Р. 929].

О сатирах автор статьи сообщает, что «при их написании Кантемир имел целью развитие словесности, благородных чувств, рассудительности среди москвитов. Высмеивая ситуации, сопровождающиеся невежеством, грубостью, суеверием, приземленностью помыслов, отсутствием манер, он хотел внушить качества противоположные. Это придает его сатирам звончание, соответствующее потребностям России, но которое совершенно не подходит для нас. Некоторые острооты, которые должны были бы вызвать интерес в Москве и Петербурге, не произвели бы никакого эффекта в Париже; по некоторым образам, демонстрирующим уловки того или иного русского вельможи с целью карьерного продвижения, нельзя было бы судить об интригах, порождаемых честолюбием наших вельмож» [12. Р. 931]. При этом, констатируя различия между двумя культурами, в

---

¹ Некоторые исследователи считают, что автором этой статьи мог быть Монтескье. См.: [10. С. 151; 13. С. 95].

том числе и связанные с климатическими условиями, рецензент замечает, что «сущность нравов остается всегда одной и той же» [12. Р. 931]. В этом, добавляет он, убеждают сатиры Кантемира.

В мае 1750 г. «L'Abeille du Parnasse» со ссылкой на второе издание публикует шестую сатиру Кантемира, сопроводив ее текст некоторыми деталями из жизни и творчества писателя [14. Р. 145–152].

Более значимый отклик на появление французского перевода сатир мы находим в номере «Le Journal des Sçavans», вышедшем в мае 1751 г. Неизвестный автор представляет французское издание сатир как «памятник, который дружба посвящает памяти князя Кантемира» [15. Р. 283]. Авторитет, личные качества писателя продолжают «жить» и после его смерти. Об этом свидетельствует и взятый автором статьи пример из жизнеописания Кантемира, предваряющего сатиры:

Октавиан Гуаско, встретив Кантемира, идущего из театра во времена, когда какие-то министры, которых он там увидел, только что заключили военный договор, услышал от русского князя, что он не постигает, как можно спокойно пойти на спектакль, только что подписав смертный приговор сотням тысяч людей [15. Р. 283–284].

Необходимо отметить, что неизвестный автор обильно цитирует Гуаско, иногда, правда, выдавая его слова за свои. Так, здесь мы снова читаем о Кантемире как об «основателе их (россиян. – А.З.) Парнаса» [15. Р. 284]. Представляя сатиры как произведения, в которых «все дышит любовью к добродетели и родине» [15. Р. 285], автор дает краткий обзор всех восьми сатир. Во многом опираясь на информацию из вступительной части Гуаско, он снабжает переработанные формулировки цитатами из сатир. Литературоведческих оценок мы здесь не находим, но то, что данная статья содействовала формированию у французской публики представления о первых произведениях светской литературы в России, несомненно.

В 1752 г. фраза о Кантемире как «основателе Парнаса России» закрепляется в первом же издании знаменитого словаря Жака Лакомба «Dictionnaire portatif des beaux-arts» [16. Р. 127]. Очевидным источником приводимых здесь сведений о жизни и творчестве поэта опять становится Октавиан Гуаско.

С середины 1750-х гг. Франция начинает знакомиться и с другими русскими авторами. Примечательно здесь первое восприятие Сумарокова французской критикой. В 1755 г. в «Journal étranger» выходит отзыв на его трагедию «Синав и Трувор». В нем помимо хвалебных слов мы встречаем и оценки, недвусмысленно намекающие на заимствования, например: «Какой бы гений, какой бы талант ни проявлялся в его сочинении, смог бы он изобразить любовь и ревность с той же силой и правдивостью, если бы он никогда не читал ни Расина, ни Шекспира» [17. Р. 153]. Такой подход, отмечает современная французская исследовательница Кароль Шапен, с одной стороны соответствовал стратегии культурной дипломатии по

отношению к России, с другой – удовлетворял ожиданиям французского читателя. Образ России, по мнению К. Шапен, эволюционировал во французской периодике, в том числе благодаря развитию русской драматургии [18. Р. 91]. Но, показывая эту эволюцию, французская пресса не просто представляла новую культурную реальность, а предлагала рассматривать ее как кальку с французского театра; литературная критика не скрывала желания продолжать представлять Францию как авангард европейской культуры, как модель, которой необходимо подражать, как инновационную лабораторию, как законодателя мод [18. Р. 91]. Тем не менее, полагаем, что случай Антиоха Кантемира выпадал из этой парадигмы. Личность Кантемира, его авторитет на Западе – всё это повлияло на восприятие его сочинений на начальном этапе их рецепции во Франции.

В 1761 г. имя Кантемира появляется в необычном сборнике «*Babioles littéraires et critiques en prose et en vers.*», в одном из разделов которого размещались эпитафии к литературным произведениям. Сатирам Кантемира было посвящено следующее:

Pour venger noblement l'honneur de la Satire (Чтобы постоять за честь Сатиры),

Apollon engagea Cantemir à l'écrire (Аполлон нанял Кантемира, чтобы написать ее) [19. Р. 38].

Получалось, что «стихотворцев бог» Аполлон теперь уже не только одно из действующих лиц сатир, но и их заказчик...

Во французских источниках конца XVIII в. обстоятельных отзывов на сочинения Кантемира мы уже не находим. Публикуются лишь его произведения: как минимум трижды «*Madrigal à madame la Duchesse d'Aiguillon*»¹ в сборнике «*Élite de poésies fugitives*» (1764, 1769 и 1772) [20. Р. 69; 21. Р. 104; 22. Р. 104]; столько же раз французский перевод «Словоприношения к императрице Елизавете Первой»² в сборнике «*Élite de poésies fugitives*» (1764, 1769 и 1772) [20. Р. 309–311; 21. Р. 323–325; 22. Р. 313–315] и однажды в «*Encyclopédie poétique*» (1778) [23. Р. 323–325]; по крайней мере, по одному разу «*Vers sur la Critique*» в «*Élite de poésies fugitives*» (в 1764) [9. Р. 13] и в «*Encyclopédie poétique*» (1778) [24. Р. 405]³. Время берет своё: эпоха Кантемира отдалялась, литература развивалась, появлялись новые интересные русские авторы. Именно в их окружении и произойдет следующая содержательная встреча Кантемира с французским читателем. В 1823 г. выйдет первая антология русской поэзии «*Anthologie russe suivie de poésies originales*» Эмиля Дюпре де Сен-Мора, в которой

---

¹ «Мадригал герцогине д'Эгийон».

² «Épître à Élisabeth, Impératrice de toutes les Russies».

³ В этом издании данная эпитаграмма вышла под названием «CRITIQUE HASARDÉE (on devient dans ses propres succès victime d'une)» [«ОПАСНАЯ КРИТИКА» (мы становимся жертвой ее из-за своих собственных успехов)].

автор представил и поэтический перевод двух отрывков из пятой и шестой сатир [25. P. 102–110].

Несмотря на немногочисленность дошедших до нас первых фактов и свидетельств восприятия творчества Антиоха Кантемира во Франции, тем не менее можно констатировать положительную оценку французской публикой сочинений, вышедших из-под его пера, по сравнению, например, с первой реакцией французов на трагедию «Синав и Трувор» Сумарокова или, спустя столетие, на «Мертвые души» Гоголя [26]. Объяснялась она, полагаем, с одной стороны, опасением – часто возникающим при первом знакомстве с чем-либо – не оценить что-то действительно выдающееся (в данном случае речь идёт о первом знакомстве Франции с неизвестной им светской литературой), с другой стороны, личностью самого Кантемира. Время литературоведческих анализов еще не пришло, оценки носили общий характер, Кантемир утверждался во Франции как «основатель Парнаса России».

Список источников

1. *Voltaire. Œuvres complètes de Voltaire. Nouvelle édition. T. 35-3. Paris : Garnier frères, 1880. 586 p.*
2. *Майков Л.Н.* Материалы для биографии А.Д. Кантемира. СПб., 1903. 344 с.
3. *Lettres familières du Président de Montesquieu à divers amis d'Italie. 1767. 285 p.*
4. *Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений. Л., 1956. 549 с.
5. *Œuvres complètes de Montesquieu. Nouvelle édition. T. 8. Basel : Chez J. Decker, imprimeur-libraire, 1799. 256 p.*
6. *Satyres de Monsieur Le Prince Cantemir. Avec l'Histoire de Sa Vie. 1749. 432 p.*
7. *Прийма Ф.Я.* Антиох Кантемир и его французские литературные связи // Труды отдела новой русской литературы (Пушкинский Дом). Т. 1. Л., 1957. 268 с.
8. *Lozinskij G.* Le prince Antioche Cantemir, poète français // *Revue des études slaves.* 1925. Т. 5. Fascicule 3-4. P. 238–243.
9. *Élite de poésies fugitives. 1764. Т. 3. 313 p.*
10. *Копанев Н.А.* О первых изданиях сатир А. Кантемира // XVIII век. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 140–154.
11. *Гершкович З.И.* От составителя // Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 431–437.
12. *Article L.* Nouvelles littéraires. Angleterre. De Londres // *Mémoires pour l'Histoire des Sciences et des Beaux-Arts.* 1750. P. 928–932.
13. *Васильева Е.Н.* Братья Гуаско и франкоязычные издания «Сатир» Кантемира // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3. С. 93–98.
14. *L'Abeille du Parnasse. 1750. 444 p.*
15. *Satyres du Prince Cantemir, Traduites du Russe en Français, avec l'Histoire de la Vie // Le Journal des Sçavans. Mai. 1751. P. 283–289.*
16. *Cantemir // Dictionnaire portatif des beaux-arts. 1752. P. 127–128.*
17. *Spectacles Sinave et Trouvove. Tragédie Russe en Vers par M. Soumarokoff // Journal étranger. 1755. Avril. P. 114–156.*
18. *Chapin C.* Le journal est un théâtre ouvert (les débats sur le théâtre dans la presse russe des lumières et leur contexte européen) : thèse de doctorat en littérature française et comparée. 2015. 397 p.
19. *Babioles littéraires et critiques en prose et en vers. Т. 2. 1761. 166 p.*
20. *Élite de poésies fugitives. Т. 2. 1764. 312 p.*

21. *Élite de poésies fugitives*. T. 2. 1769. 327 p.
22. *Le Nouveau trésor du Parnasse ou Élite de poésies fugitives*. T. 2. 1772. 321 p.
23. *Encyclopédie poétique*. T. 5. 1778. 480 p.
24. *Encyclopédie poétique*. T. 4. 1778. 480 p.
25. Dupre de Saint-Maure, P.J.E. *Anthologie russe, suivie de poésies originales*. Paris : Chez C.J. Trouve, 1823. XXX + 264 p.
26. Завгородний А.М. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» во французской критической рецепции 1840–1880-х гг. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 8, ч. 1. С. 26–34.

References

1. Voltaire. (1880) *Œuvres complètes de Voltaire. Nouvelle édition*. T. 35–3. Paris: Garnier frères.
2. Maykov, L.N. (1903) *Materialy dlya biografii A.D. Kantemira* [Materials for the biography of A.D. Cantemir]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
3. Montesquieu. (1767) *Lettres familières du Président de Montesquieu à divers amis d'Italie*. S.l.: [s.n.].
4. Cantemir, A.D. (1956) *Sobranie stikhotvoreniy* [Collection of poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
5. Montesquieu. (1799) *Œuvres complètes de Montesquieu*. Nouvelle édition. T. 8. Basel: Chez J. Decker, imprimeur-libraire.
6. Cantemir, A. (1749) *Satyres de Monsieur Le Prince Cantemir. Avec l'Histoire de Sa Vie*. S.l.: [s.n.].
7. Priyma, F.Ya. (1957) Antioch Kantemir i ego frantsuzskie literaturnye svyazi [Antiochus Cantemir and His French Literary Connections]. In: *Trudy otdela novoy russkoy literatury (Pushkinskiy dom)* [Proceedings of the Department of New Russian Literature (Pushkin House)]. Vol. 1. Leningrad: USSR AS.
8. Lozinskiy, G. (1925) Le prince Antioche Cantemir, poète français. *Revue des études slaves*. T. 5. Fascicule 3-4. pp. 238–243.
9. Anon. (1764) *Élite de poésies fugitives*. T. 3. A Londres.
10. Kopanev, N.A. (1986) O pervykh izdaniyakh satir A. Kantemira [On the first editions of satires by A. Cantemir]. In: XVIII vek [18th century]. Vol. 15. Leningrad: Nauka. pp. 140–154.
11. Gershkovich, Z.I. (1956) Ot sostavitelya [From the compiler]. In: Cantemir, A.D. *Sobranie stikhotvoreniy* [Collection of poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'. pp. 431–437.
12. Anon. (1750) Article L. Nouvelles littéraires. Angleterre. De Londres. In: *Mémoires pour l'Histoire des Sciences et des Beaux-Arts*. Trevoux: Impr. de S.A.S. pp. 928–932.
13. Vasil'eva, E.N. (2017) Di Guasco brothers and French editions of “Satyres” by Antioch Cantemir. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 93–98. (In Russian).
14. Anon. (1750) *L'Abeille du Parnasse*. Bourdeaux.
15. Cantemir, A. (1751) Satyres du Prince Cantemir, Traduites du Russe en Français, avec l'Histoire de la Vie. *Le Journal des Sçavans*. Mai. pp. 283–289.
16. Anon. (1752) Cantemir. In: *Dictionnaire portatif des beaux-arts*. Paris: La veuve Estienne & fils [etc.]. pp. 127–128.
17. *Journal étranger*. (1755) Spectacles Sinave et Trouvore. Tragédie Russe en Vers par M. Soumarokoff. Avril. pp. 114–156.
18. Chapin, C. (2015) *Le journal est un théâtre ouvert (les débats sur le théâtre dans la presse russe des lumières et leur contexte européen)*: thèse de doctorat en littérature française et comparée. Université Sorbonne Paris Cité.
19. Anon. (1761) *Babioles littéraires et critiques en prose et en vers*. T. II. S.l.: [s.n.].
20. Anon. (1764) *Élite de poésies fugitives*. T. 1. A Londres.

21. Anon. (1769) *Élite de poésies fugitives*. T. 2. A Londres.
22. Anon. (1772) *Le Nouveau trésor du Parnasse ou Élite de poésies fugitives*. T. 2. Chez Bassompierre, Imprimeur-Libraire.
23. Anon. (1778) *Encyclopédie poétique*. T. 5. Marot, Malherbe, & c.
24. Anon. (1778) *Encyclopédie poétique*. T. 4. Marot, Malherbe, & c.
25. Dupre de Saint-Maure, P.J.E. (1823) *Anthologie russe, suivie de poesies originales*. Paris: Chez C.J. Trouve.
26. Zavgorodniy, A.M. (2016) N.V. Gogol's poem "Dead Souls" in the French critical reception of the 1840s–1880s. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 8 (1). pp. 26–34. (In Russian).

Информация об авторе:

Завгородний А.М. – канд. филол. наук, доцент кафедры романской филологии им. В.Г. Гака Московского педагогического государственного университета (Москва, Россия). E-mail: almzav@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.M. Zavgorodnii, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: almzav@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.07.2021;
одобрена после рецензирования 24.04.2022; принята к публикации 18.07.2022.*

*The article was submitted 02.07.2021;
approved after reviewing 24.04.2022; accepted for publication 18.07.2022.*

Научная статья

УДК 82

doi: 10.17223/19986645/78/8

Метасюжет и интертекст в поэтике романа Е.Г. Водолазкина «Авиатор»

Евгения Александровна Московкина

*Алтайский государственный институт культуры, Барнаул, Россия,
evgenya.moskovkina@yandex.ru*

Аннотация. Предпринята попытка структурно-семиотического разбора романа Е.Г. Водолазкина «Авиатор» с точки зрения архетипической сюжетологии (метасюжет) и интертекстуальной комбинаторики: проанализированы оригинальные реминисцентные приемы писателя. Выявлены литературные и кинематографические претексты, определены геопозитические акценты в организации хронотопа: «канонизированные» в историческом дискурсе русской литературы топонимы; жанровые паттерны мировой литературы, ключевые мотивы и символы произведения.

Ключевые слова: метасюжет, интертекст, мотив, символ, жанр, миф, поэтика, хронотоп, сюжет, Е. Водолазкин

Для цитирования: Московкина Е.А. Метасюжет и интертекст в поэтике романа Е.Г. Водолазкина «Авиатор» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 77. С. 137–153. doi: 10.17223/19986645/78/8

Original article

doi: 10.17223/19986645/78/8

Meta-plot and intertext in the poetics of Eugene Vodolazkin's novel *The Aviator*

Evgenia A. Moskovkina

*Altai State Institute of Culture, Barnaul, Russian Federation,
evgenya.moskovkina@yandex.ru*

Abstract. *The Aviator*, a novel by Eugene Vodolazkin, is imbued with plots, techniques, mythologems of a rich artistic heritage. This feature gives grounds for studying the work from the standpoint of a structural-semiotic approach. The novel's literary subtext is also complemented by an extensive cinematic background: *Hibernatus* by Édouard Molinaro starring Louis de Funès (Italy, France, 1969), *Sleeper* by Woody Allen (USA, 1973), *Encino Man* by Les Mayfield (USA, 1992), *The Aviator* by Martin Charles Scorsese starring Leonardo DiCaprio (USA, 2004). The intricate chronotope of *The Aviator* gives the novel the ability to unite the meta-plots of Russian and world literature. The means of stylistic and poetic design of the

meta-plot are original intertextual maneuvers. A special place as the geopoetic emphasis in the context of the chronotope of the novel is occupied by toponyms “canonized” in the historical discourse of Russian literature: St. Petersburg, Solovki. Probably, because of the fantastic longevity of the central character, Vodolazkin’s *The Aviator*, written in the 21st century, concentrates meta-plots characteristic of the literary process and the two preceding centuries. Trickster and Faustian mega-plots in the modifications “war and penal servitude”, “superfluous and superman”, “misalliance” refer to the literary tradition of the 19th century. “Incest” and “flight into the profession” are meta-plots reflected mainly in the poetic space of the 20th century. “Lost home”, “lost child”, “happy love” are “serial” macro-plots of the latest fiction. The intrigue of Vodolazkin’s novel is supported by a number of plots and genre patterns of world literature. The reminiscence field of *The Aviator* is drawn to the works of Shakespeare, Pushkin, Wells, Andreev, Mayakovsky, Bulgakov, and others. The intertextual paradigm of the novel also includes a symbolic complex designed to solve diverse ideological and aesthetic problems. The key symbols of the work are the aviator, Themis, sausage, and the island. The novel contains genre signs of mystical, gothic, detective, fantastic, satirical, romantic, epistolary prose, elements of utopia and dystopia. The projection into eternity is carried out in the novel mainly by referring to Old Testament, evangelical and apocryphal motifs: the wandering Jew, Lazarus arisen from the dead, the parable of the prodigal son, the prophecy of the Second Coming, Resurrection, etc. Thus, the combinatorics of plots, symbols, “cult” texts “in the conditional structural model of the meeting of epochs forms the complex architectonics of the novel and brings the major issues of *The Aviator* into the infinite space of culture. The historical, axiological, aesthetic anthropological memory of culture is embedded in the mythologems of meta-plots. With their help, Vodolazkin creates optimal conditions for a scrupulous study of a human in the categories of ethics, literature, science, and art.

Keywords: meta-plot, intertext, motif, symbol, genre, myth, poetics, chronotope, plot, Eugene Vodolazkin

For citation: Moskovkina, E.A. (2022) Meta-plot and intertext in the poetics of Eugene Vodolazkin’s novel *The Aviator*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 137–153. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/8

Уснуть без снов и, любопытства ради,
Проснуться лет через сто.

Саша Черный

Роман Е.Г. Водолазкина «Авиатор» (2015) разделяет бремя всякого новейшего культурного феномена: прорастает сквозь толщу традиций, напитков сюжетами, приемами, мифологемами художественного наследия предшествующих поколений.

Автор романа признает «центонный характер современного текста», который, однако, «не подразумевает дословного воспроизведения предшествующих произведений», но и не пренебрегает «аллюзиями, цитатами, пересказом и т.д.» [1. С. 301]. Водолазкин-медиевист подчеркивает, что отмеченный еще К. Крумбахом «литературный коммунизм» [1. С. 301] Средневековья находит отклик в современном литературном процессе, однако не в качестве идейно-методологической парадигмы, но как трюк, технология, выполняющая иные эстетические задачи.

Вслед за В.В. Набоковым, Р. Бартом, У. Эко [2. С. 23–29; 3. С. 384–391; 4. С. 418–424] и др. Водолазкин осознает высокую степень участия читателя в литературном процессе: «Произведение – это текст в восприятии читателя» [1. С. 267]; «Любая книга только наполовину создается автором, другая половина создается читателем» [1. С. 276]. В связи с этим разбор интертекстуального плана «Авиатора» представляется не только закономерным, но и вполне оправданным позицией автора произведения: «Меня не пугают даже самые странные интерпретации моих книг: значит, и это было заложено в моем тексте» [1. С. 276].

Совмещение в фабуле романа нескольких исторических времен сообщает ему способность объединения метасюжетов литературы XIX, XX, XXI столетий: рождение и детство героя приходится на рубеж XIX–XX вв., его «воскресение» – на рубеж XX–XXI вв.¹ В «циклической» плоскости пространственно-временной организации романа воссоздана обширная галерея метасюжетов, обобщенных Д.Л. Быковым [6]. Трикстерский и фаустианский метасюжеты представляют нарративный фундамент литературы XIX–XX вв. и развернуты в следующих модификациях: *война и каторга, лишний и сверхчеловек, мезальянс* – основные сюжеты литературной традиции XIX в.; *инцест* (намеком на инцест является потенциально-нереализованное прародительство Платонова по отношению к Насте: «Если бы история не была так крошечна, то сейчас Настя была бы нашей общей с Анастасией внучкой» [5. С. 226]), *бегство в профессию* (профессия – аналог совести: в «Авиаторе» возвращение героя в профессию – его путь к себе прежнему) – метасюжеты литературы XX в. Метасюжеты новейшей беллетристики, выявленные Быковым, реализуются в романе в таких вариациях, как *утраченный дом* (в «Авиаторе» хронема *дом* приравнивается к категориям семьи, времени), *потерянный ребенок* (этот сериально-кинематографический сюжет встраивается в романе в концепцию экзистенциального одиночества), *счастливая любовь* как сублимация любви к «утраченной» Родине. Средствами стилистического и поэтического оформления метасюжета служат оригинальные интертекстуальные маневры, придающие роману свойства архаической плотности и вневременной актуальности.

Сюжет романа Водолазкина опирается на ряд фабул и жанровых паттернов мировой литературы. На литературный фон собственной судьбы указывает непосредственно главный герой, заново знакомясь с самим собой: «Иннокентий Петрович Платонов. Респектабельно. Немного, может быть, литературно» [5. С. 12]. Литературность биографии героя, выведенной в романе, подчеркивает и другая деталь: вывеска книжного магазина «Жизнь», на которую выходят окна комнаты Платонова.

---

¹ Подчеркнутая «рубежность» формирует принципиальное для понимания произведения представление о времени, соотносимое с вечером: «зыбкое переходное время» [5. С. 106].

Наиболее узнаваемый содержательный пласт «Авиатора» отсылает к традициям русской классики. Эта культурная опора, маркером которой могут служить, например, упоминания об А.П. Чехове и К.С. Станиславском, романе Л.Н. Толстого «Война и мир», «Ревизоре» Н.В. Гоголя и «Выстреле» А.С. Пушкина на разных страницах романа, очевидна и для автора и для читателя. Задача реконструкции «пропущенных» героем десятилетий во всей полноте и разнообразии придает роману качество энциклопедичности, свойственное, реалистической традиции (к которой относит себя Водолазкин, невзирая на декларацию некоторых принципов неоструктурализма и постмодернизма) в целом и «Евгению Онегину» Пушкина в частности (Пушкинский претекст занимает особое место в романе и достоин отдельного исследования [7. С. 1952–1957]).

Уже на первых страницах «Авиатора» выплывает фантазмагорический призрак Петербурга («Я ведь любил Петербург бесконечно» [5. С. 31]) – локус сумрачных драм Пушкина («Медный всадник»), Гоголя («Шинель»), Ф.М. Достоевского («Преступление и наказание»), А. Белого («Петербург») и др. На значение «петербургского текста» в романе Водолазкина указывает Н.Д. Стрельникова: «Роман “Авиатор” представляет собой классический “петербургский текст”, главный герой которого – человек Серебряного века» [8. С. 267]. В литературной традиции золотого и серебряного века, как справедливо отмечает Стрельникова, берет начало и комплекс антропонимов романа: Анастасия (героини с тем же именем фигурируют в романах и повестях Достоевского «Идиот», «Белые ночи», «Преступление и наказание»), Иннокентий (поэт Иннокентий Анненский), Зарецкий (герой «Евгения Онегина» Пушкина), Платонов (писатель Андрей Платонов) и т.п. [8. С. 267].

Особенно внятно сквозь текст «Авиатора» проступает сюжет «Преступления и наказания». Герой романа как некто «право имеющий» касается весов Фемиды с целью избавить мир от отвратительного предателя («мокрицы», «унылой рептилии», приравненной к «твари дрожащей» раскольниковской теории), однако вслед за преступлением неизменно приходит раскаяние-наказание. Есть в романе Водолазкина и более прямая отсылка к одной из ключевых деталей «Преступления и наказания»: «Пока шел до Ждановки, ощупывал статуэтку за пазухой, и была она холодной, как *топор*» [5. С. 405] (курсив наш. – Е.М.). Между тем в романе Водолазкина известная сюжетная схема существенно видоизменяется. В «Преступлении и наказании» старуха-процентщица остается «служебным» персонажем – скорее нарративным звеном, нежели характером. В интерпретации Водолазкина наряду с образом убийцы-философа Платонова / Раскольникова выводится характер жертвы / Иуды, вновь обращающий читателя к проблематике произведения Л. Андреева «Иуда Искариот».

Грех стяжательства, по причине которого в глазах Раскольникова старуха-процентщица заслуживает смерти, ничтожен по сравнению с грехом предательства, за который Платонов карает Зарецкого. При этом «праведный гнев» первого на фоне обезоруживающей доверчивости последнего

делает героев Водолазкина не просто лишенными однозначности, но и взаимообусловленными.

Отморозком называет Гейгер убийцу Зарецкого в эпизоде реконструкции сцены убийства, *мерзавцем* считает Платонов главного своего мучителя Воронина, так же именуют Воронина Гейгер и Настя, усугубляющая степень своего отвращения к однофамильцу образным параллелизмом: «Ветер был, почти ураган – в такую погоду хорошо к разным мерзавцам входить» [5. С. 361]. Очевидно, что слова *мерзавец* и *отморозок* семантически связаны с глаголами *мерзнуть*, *замерзать*.

Сама идея замороженности как центральная тема романа [9. С. 160–167] отсылает к картине Дантева ада: предатели, вмерзшие в ледяное озеро Коцит, обретаются в девятом круге ада, у самой его сердцевины, в непосредственной близости от пасти Люцифера¹. Убив Зарецкого, Платонов принимает его грех, проходит путь предателя – сначала в качестве заключенного на острове в окружении Белого моря – «ледяного озера» – на Соловках: «...остров, мучения, холод. Особенно холод – космический, непреодолимый» [5. С. 131]; «...лагерь – ад не столько из-за телесных мучений, сколько из-за расчеловечивания многих, туда попавших» [5. С. 163], потом – в качестве подопытного в «Лаборатории по замораживанию и регенерации» [5. С. 207].

Усложнение фабулы происходит и за счет введения Водолазкинским образа «сообщника» преступления. Анастасия – любовь всей жизни Платонова – в финале романа превращается в Леди Макбет, подтолкнувшую возлюбленного к нравственной пропасти. Сообщницей же Платонова становится и Настя, знающая о самочинной расправе над Зарецким бабкиного жениха: она продолжает нести крест преступления рода. Эта деталь ломает всю схему сюжета Достоевского. Платонов, в отличие от Раскольникова, совершает преступление не из философских убеждений, не ради справедливости или в целях доказательства антигуманной теории, но ослепленный любовью. Вот почему *мерзавец* Воронин и безупречная в глазах героя Анастасия – однофамильцы. В человеческой природе не только от любви до ненависти, но и от святости к падению – один шаг. Вот почему Иннокентий – «невинный», а Анастасия – «воскресшая» [8. С. 266–271]. Путь душевного исцеления, нравственного очищения через смирение и прощение – тот самый непостижимый духовный опыт-подвиг, на котором зиждется «эйдос»² русской классической литературы.

Менее очевидный классический текст, «подсвечивающий» сюжет «Авиатора», – «Живой труп» Л.Н. Толстого. В фабульном отношении в романе Водолазкина, как и в пьесе Толстого, фигурирует тема мнимой смерти (оба центральных героя считаются умершими, но при определенных обстоятельствах «воскресают»); кроме того, известно, что сюжет пьесы

---

¹ Вероятно, в соответствии с этой параллелью жгучий холод испытывает Иуда в повести Л. Андреева «Иуда Искариот»: «Искариот бормотал жалобно и хрипло: “– Как холодно! Боже мой, как холодно!”» [10. С. 139].

² С точки зрения Водолазкина, литература «призвана открывать эйдос» [1. С. 266].

Толстого основан на громком бракоразводном процессе с инсценировкой смерти [11. С. 26]). Важно, что пьеса написана в 1900 г. и является «ровесником века», как и главный герой «Авиатора». Однако в остальном «Живой труп» влетает в художественную канву «Авиатора» скорее как метафора. Платонов сам ощущает себя не вполне живым: «...я ведь и сам явление почти архивное» [5. С. 307]; в таком же состоянии – между жизнью и смертью – застает он Анастасию; в стилистическом контрапункте толстовского оксюморона даются гамлетовские размышления героя на кладбище (образ черепа Терентия Осиповича Добросклонова не оставляет сомнений в аллюзии к «бедному Йорику» [5. С. 325–326]); чудовищная материализация метафоры всплывает в воспоминаниях героя о ставшей привычной на Соловках картине сваленных в кучу трупов: «Ужаснулся я лишь однажды – когда один из трупов зашевелился. Именно так: один из голых разлагающихся трупов. Глядя на его копошение, я не допускал даже мысли, что он живой. Ничто в этом человеке не напоминало живого» [5. С. 302]; эстетическая ее версия находит воплощение в образе «Умиряющего раба» Микеланджело [5. С. 295], в котором также обнаруживается отклик на биографию героя; наконец, с живым трупом ассоциируется и «посмертный вид Воронина», вызывающий у Платонова «что-то вроде солидарности» [5. С. 364]. По версии Платонова, живой еще Воронин много лет уже, как и замороженный эзка, пребывает в состоянии, напоминающем летаргию, когда «...нет уже ни злости, ни раскаяния. Душа погружается в сон» [5. С. 364].

Произведения русской классики, как и роман Водолазкина, имеют мощный символический подтекст, особенно когда центральный символ выносится в заголовок: «Шинель», «Вишневый сад», «Гранатовый браслет» и т.п. [12. С. 82–91].

Авиатор, коррелирующий с «платоническим» именем героя, в романе Водолазкина – несомненный символ, отсылающий к сфере детских фантазий – открытости миру, поэтической мечтательности, чистоты и непорочности («будьте как дети» (Мф. 18, 3)). Решившись на преступление, Платонов «бестрепетно» предаёт себя прежнего, лишает мечтательного ребенка-«авиатора» (внутреннего «маленького принца») будущего, переступает через нравственный кодекс, возвышающий человека над иллюзиями самости. Образ авиатора отвечает пограничному состоянию души и тела героя – между дольным и горним мирами. В финале романа герой оказывается в самолете, который, по всей вероятности, уже не совершит посадку, – «в холодном небе», где «пустынно и одиноко» [5. С. 25]. Авиатор – символ вечного странствия души покаянной и неприкаянной.

Фемида – аллегория правосудия в миниатюре также становится сквозной деталью романа. И скромные размеры статуэтки Фемиды – орудия преступления Платонова – и ее дефективность¹ (отломанные весы), и пыт-

¹ Идея «ущербности» Фемиды в «Авиаторе» Водолазкина может быть связана с аналогичной релевантной деталью из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев», в

ливый интерес неискушенного Платонова-ребенка к ее «парализованным» весам – все это развенчивает представление о справедливости в его примитивной юридической или архаичной языческой и даже ветхозаветной трактовке как антитезу христианской провиденциальности. В конце романа поднимается проблема высшей справедливости – непостижимой с точки зрения житейской логики.

Колбаса – не менее важный символ, ставший в России 1990-х мерилom благосостояния народа. Одна из первых «картинок», возникающих в воображении Платонова после «разморозки», – «фантазмагория: кому-то дают по голове куском колбасы» [5. С. 11]. Колбаса – жизнеутверждающий фаллический маркер (Зарецкий прячет ее в штанах), отсылающий к кипящей энергии Гаргантюа и аппетитным натюрмортам малых голландцев, – актуализирует вечную антитезу телесного и духовного, обнаруживает слабость и потребности человеческой плоти, очевидные и для вовсе не «бесплотного» Платонова¹. Смысл образа колбасы как символа, возникшего на рисунке Платонова, точно трактуется Гейгером: «...колбаса – так, суровая необходимость. Потребность тела» [5. С. 385].

Остров – еще один многозначный символ романа и ключевой его мотив. Остров – и место жительства Платонова в Петербурге, и место каторги героя, и изолированное от всех житейских бурь пространство детской, в которой ребенку читают «Необитаемый остров» Д. Дефо (эту же книгу читает взрослый Платонов у постели больной Анастасии). Необитаемый остров Робинзона Крузо – антитеза Соловкам: тропический эдем, противопоставленный ледяному аду забытых Богом изгнанников. «Робинзон Крузо», не единожды упоминаемый в романе, – это тоже символ, символ культуры, цивилизации, семейного очага и в то же время – метафора авантюры, трикстера – символ *выживания и созидания*; это своего рода образ памяти культуры – спасательный круг, на котором зиждется траченная принудительным забвением память Платонова: «Те, что создали соловецкий ад, лишили людей человеческого, а Робинзон – он ведь, наоборот, очеловечил всю окружающую его природу, сделал ее продолжением себя. Они разрушали всякую память о цивилизации, а он из ничего цивилизацию создавал. По памяти» [5. С. 192]. Тема памяти – спасения мира от «забвения» – связана в романе с поэтикой одиночества – имплицитной проекцией «Ста лет одиночества» Маркеса: «Одиночество – это ведь не всегда плохо. Находясь на острове, я только и мечтал, что об одиночестве» [5. С. 191]. Переосмыс-

---

котором, напротив, педалируется качество целостности (сохранности) статуэтки («– Фигура, изображающая правосудие! – провозгласил аукционист. – Бронзовая. *В полном порядке*. Пять рублей» [13. С. 206] (курсив наш. – Е.М.)), но при этом присутствует намек на ее многоликость или фрагментарность («Фигура, изображающая правосудие. Кажется, парная к только что купленной» [13. С. 206]) как ирония над утопическим эталоном «иметь «Правосудие» в полном составе» [13. С. 206].

¹ Вероятно, с целью подчеркнуть витальность своего героя Водолазкин вводит в роман характерные для современной прозы эротические сцены.

ление проблемы одиночества – шаг на пути приятия Платоновым Зарецкого, опровергающий ничтожество последнего. До вынужденной робинзонады на Соловках размышления об одиночестве применительно к фигуре Зарецкого отличались откровенной критичностью: «Можно было бы сказать, что Зарецкий одинок, если бы это слово передавало происходящее с нашим соседом. Одинок ли в стволе древесный червь?» [5. С. 64–65]. К финалу романа противопоставление «высокого» и «низкого» одиночества нивелируется – последний образ романа – «Робинзон Крузо».

«Робинзона Крузо» принято связывать с просветительской идеей «естественного» человека, однако трактовка «естественного» человека в романе Водолазкина тоже неоднозначна. Особенно подчеркнута эта прихотливость смыслов в рассуждениях Насти об одном из «естественных» человеческих желаний: «Не знаю, какие чувства вызовет в Платоше известие о Воронине. Вариантов много – вплоть до желания убить. Страшно произнести: естественного желания» [5. С. 355]. Характерно, что последняя фраза о танатологических инстинктах человека завершает дневниковую заметку Насти, которая начинается цитатой из Покаянного канона: «*Бог идеже хоцет, побеждается естества чин*» [5. С. 354]. Такое соотношение усиливает впечатление полисемии концептуальных акцентов романа. Платонов и Воронин, по разным причинам оказавшись на одном из Соловецких островов, с переменным успехом преодолевают «естественное» желание убить.

Как через полемику с концепцией «естественного человека», так и через философско-религиозную парадигму вневременности и неотмирности намечается выход хронотопа «Авиатора» в пространство утопии и антиутопии [14. С. 76–91]. Не случайно в единый образ как опыт жизни и смерти, преступления и наказания, пребывания в аду и раю сливаются все острова Платонова в одном из его кошмаров: «Услышав мой крик, в палату вбежала сестра Валентина. <...> – Приснилось что-то страшное? <...> – Приснилось. А может быть – вспомнилось. – Что вспомнилось? <...> – Остров. Тяжелое ощущение. – Какой остров? <...> – Необитаемый. Не му-чай меня» [5. С. 63].

Помимо обширного реминисцентного поля сюжетов мировой литературы роман Водолазкина интересен также жанровой многоплановостью. Полифония психологического романа в лучших традициях русской классики опирается у Водолазкина на неоднородный жанровый каркас мировой беллетристики.

Событийный ряд романа окружает тонкий флер мистического претекста в духе Э. По: смерть – воскресение – летаргия – эксгумация – переселение душ и т.п., в котором особое место занимает тема творческого экстаза – отклик на «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда.

Портрет Зарецкого становится мистическим выходом Платонова из нравственного тупика. В портрете – и покаяние-исповедь Платонова, и оправдание-воскрешение Зарецкого. Первый объект изображения Платонова-художника после «*ледяного сна*» – фигурка Фемиды – орудие пре-

ступления, следующий шаг – Зарецкий-жертва. Возвращение к творчеству проходит параллельно с физическим угасанием героя: его нравственное очищение и физическое разрушение взаимообусловлены, как оппозиция обратной детерминации Дориана Грея и портрета, воплотившего его душу, в романе Уайльда. Эстетический манифест Уайльда прирастает в романе Водолазкина новой этической импликацией. Отождествляясь с Зарецким, экзистенциальная тоска Платонова «перетекает» в портрет, ставший в романе метафорой спасения обоих преступников – жертв собственной нравственной неадекватности: «Рисунок глубоко трагичен <...> Сидящий оплакивает нечто (может быть, свою жизнь)... Черты лица тонки <...> облик его возвышен <...> Фокус его взгляда где-то за пределами... видимого мира вообще <...> Этот рисунок... освобождает Зарецкого. Избавляет его от страшной роли быть мокрицей <...> Этот рисунок – та соломинка, за которую можно уцепиться Иннокентию и нам с Настей», – пишет о рисунке в дневнике Гейгер [5. С. 385]. Для Насти иконизация Зарецкого открывает путь к прощению: «...еще вчера я Зарецкого ненавидела, а после этого портрета – простила» [5. С. 386]. «Каждый из нас носит в себе ад и небо» [15. С. 127], – сентенция Дориана Грея объясняет механизм притягательности подлинного произведения искусства, обнажающего человеческую сущность. В этом, собственно, и состоит причина «гениальности» рисунка Платонова.

Эстетический пласт романа, связанный с темой избранности художника, спасительной силы творчества, способствует развитию детективной линии сюжета. Расследуя обстоятельства собственной жизни, герой приходит к раскрытию совершенного им преступления. Объединяя жанровые приемы психологического и детективного романа, Водолазкин добивается интересного беллетристического эффекта.

В детективной проекции «Авиатора» читатель не сразу подключается к прямой версии расследования, поскольку исходит из презумпции невиновности героя, вытекающей из значения имени последнего: Иннокентий – «невинный». В отличие от Достоевского, намеренно отступающего от классического детектива, отдавая предпочтение тончайшей нюансировке психологического портрета Раскольников (автор преследует цель раскрыть душу преступника, а не само преступление), у Водолазкина интрига сохраняется до конца – в лучших традициях детективного жанра.

С другой стороны, «Авиатор» примыкает к корпусу мировой беллетристики в качестве одной из жанровых модификаций фантастического романа. Прямая отсылка к фантастике есть уже в начале «Авиатора». Платонов знаком с творчеством Г. Уэллса и соотносит его литературные пророчества с достижениями современной науки: «По совету Гейгера читаю статью «Клонирование» – что-то в духе Герберта Уэллса» [5. С. 53].

Проблематика научного дерзновения и неудачного медицинского эксперимента в мировой фантастике берет начало на границе с готическим романом: «Франкенштейн» М. Шелли (1818), «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» Р. Стивенсона (1886), а затем осваивает терри-

торию собственно научной фантастики: «Человек-невидимка» (1897) и, особенно, «Когда спящий проснется» (1899) (этот роман с «Авиатором» сближает тема летаргии) Уэллса; «Голова профессора Доуэля» (1924), «Человек-амфибия» (1928) и, конечно, «Ариэль» (1941) А. Беляева (тема левитации, разработанная Беляевым в «Ариэле», соотносится с мотивом полета, парения – одним из центральных в «Авиаторе»), «Цветы для Элджернона» (1959) Д. Киза и др. Эти произведения объединяет мессианское предназначение центрального героя – жертвы научных амбиций, превращающих недобого в недочеловека. В фантастической прозе такого типа герой, наделенный сверхчеловеческими способностями, приносит себя в жертву человечеству (науке, прогрессу) и проч., выполняя прометееву функцию просвещения, божественного вмешательства, небесного послания миру.

Другая модификация фантастики, реализованная в «Авиаторе», – политический памфлет, пародия. Так, на предыдущий паттерн (медицинский эксперимент) нанизывается сюжет повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» (1925). Центральная идея повести – расчеловечивание («Наука пока еще не знает способа превращать зверей в людей» [16. С. 315]) – предельно внятно сформулирована и в «Авиаторе»: «Я открыл, что человек превращается в скотину невероятно быстро» [5. С. 190]. Торжество Шариковых регистрируется «новорожденным» Платоновым во время просмотра ток-шоу конца 1990-х: «Все друг друга перебивают. Интонации склочные и малокультурные, пошлость невыносимая. Неужели это мои новые современники?» [5. С. 84].

Профессор Гейгер определенно ассоциируется с профессором Преображенским. Здравомыслие, практичность и критичность обеих персонажей противопоставляются идеологической, эмоциональной, религиозной, физической нестабильности остальных героев. «Диктатура сменилась хаосом. Воруют, как никогда прежде. У власти – человек, злоупотребляющий алко-голем» – вкратце дает характеристику политической обстановке в России Гейгер [5. С. 57]. В той же тональности звучат сентенции профессора Преображенского в повести Булгакова: «Террор совершенно парализует нервную систему» [16. С. 193]; «...разруха сидит не в клозетах, а в головах!» [16. С. 217]; «Не говорите за обедом о большевизме и о медицине. И, боже вас сохрани, не читайте до обеда советских газет!» [16. С. 213]. Как будто из «Собачьего сердца» Гейгер наряду с научным авантюризмом Преображенского наследует черты его ассистента – доктора Борменталья: преданность профессии, порядочность и благородство. Бездетный Преображенский «усыновляет» и Борменталья и Шарикова, профессор Гейгер так же по-отечески печется о судьбе Платонова: «Только ведь Иннокентий для меня не пациент... он мне стал чем-то вроде сына» [5. С. 311]. Возвращение блудного сына – еще один евангельский нарратив, усиливающий драматизм и «Собачьего сердца», и «Авиатора». Если в интерпретации притчи о блудном сыне «Собачьего сердца» воплощены и грешник (Шариков), и праведник (Борменталь), то в романе Водолазкина тот и другой сливаются

в образе согрешившего, изгнанного и вернувшегося в некое пространство силы после изнурительных мытарств Платонова.

Время операции над Шариком в повести Булгакова совпадает с периодом реанимирования Платонова – начало года накануне Рождества. Этот прием актуализирует евангельский код обоих произведений, который, однако, в каждом случае подвергается инверсии. Рождественский претекст трансформируется здесь по-разному: в повести Булгакова в соответствии с сатирической программой из тела безродного пса рождается «Антихрист»; в романе Водолазкина согласно логике интертекстуальной интриги из тела замороженного зэка выходит «ветхозаветный» человек (следующий заповеди «око за око»), которому предстоит пройти собственный «крестный путь» через терния пошлости измелъчавшего, циничного, до абсурда толерантного, «бестрепетного» постхристианского мира на пороге нового тысячелетия.

С сатирой Булгакова сближает «Авиатора» и пресловутый «квартирный вопрос» («...все слеплены на тесном пространстве» [5. С. 390]): одно из последних «воспоминаний» в дневнике-хронометре, автором которого, по всей вероятности, является Гейгер, – день рождения в панельном доме. Этот эпизод – явная антитеза заморозке: в квартире невозможно жарко: «Питерская жара влажная, липкая. В панельном доме полная духовка, и проветрить невозможно» [5. С. 390]. Пьяный шабаш, происходящий в советской «панельке», ассоциируется с чертовщиной в булгаковской «нехорошей» квартире. Еще один релевантный кольцевой контрапункт, возвращение к теме рождения и смерти, открывающей роман, – описание праздника в честь дня *рождения* завершается «справкой» о *смерти* от аспирации рвотных масс¹. Захлебнуться «блевотиной», кстати, рискует некто Серый – человек, чье имя совпадает с именем Сергея Никифоровича Воронины – профессора Духовной академии. Совпадение имен при несовпадении сущностей наводит Платонова на мысль о многоликости, неоднородности природы человека: «Всегда удивлялся тому, что имя способно обозначать столь разные сущности» [5. С. 360]. Рождение и смерть – то, что сглаживает всякие противоречия: выводит человека в предназначенное ему пространство и время, а затем уводит в вечность.

Еще более очевидная «сатирическая» интертекстуальная параллель сюжета «Авиатора», невзирая на драматический пафос романа², возникает с

---

¹ С этим эпизодом соотносится сцена рыданий Анастасии после ареста отца: «Она говорила, и слова выходили из нее с рыданием, одно за другим, как толчки рвоты» [5. С. 106]. Вероятно, следствием этих самых «рвотных» рыданий становится приговор Зарецкому, оформленный Анастасией в недвусмысленной фразе, адресованной Платонову: «Не убивайте его. Слышите. Не убивайте» [5. С. 106]. «Трудно было, – как справедливо отмечает в своем дневнике спустя много лет Настя, – этой просьбы не понять» [5. С. 404].

² Градус этического напряжения романа несколько снижается за счет элемента пародийного отрицания, как будто просочившегося в метамодернизм Водолазкина сквозь постмодернизм. Ирония Водолазкина далека от постмодернистского гэгэ, но вносит в

комедией В.В. Маяковского «Клоп» (1929). Герои «Клопа», наряду с персонажами «Собачьего сердца», – современники Платонова. Центральный герой комедии спустя полвека после исчезновения найден замороженным и реанимирован, как и Платонов. Присыпкина в качестве объекта публичного интереса помещают в клетку зоопарка, Платонова демонстрируют широкой общественности на экранах телевизоров: на телевидении он дает интервью, участвует в пресс-конференциях, рекламирует замороженные продукты, оправдывая худшие опасения Насти, становится «экспонатом Кунсткамеры» [5. С. 229].

Ключевые характеристики Зарецкого (лейтмотивом романа является «колбасное» уединение последнего) как будто взяты из реплики одного из второстепенных персонажей комедии Маяковского – слесаря общежития: «Это только работать одному скучно, а курицу есть одному веселее», здесь же, возможно, намечен позорный конец доносчика, перекочевавший в сюжет романа Водолазкина: «Из окопов тоже такие устраиваться бегали, только мы их шлепали» [17. Т. 2. С. 556].

Степень деградации Присыпкина превосходит собачью сущность Шарикова. Герой по уровню развития уподобляется клопу, совместно с которым первый благополучно пережил естественную заморозку. В романе Водолазкина тема насекомых также связана с идеей разложения. Проблема физического распада поднимается в картине дачного августовского декаданса. Платонов вспоминает о «судьбе» роскошного астраханского арбуза, глянцево-корки которого вскоре сморщились и стали отвратительны, облепленные мухами: «Я понял тогда: красота вянет очень быстро» [5. С. 66]. Проблема распада духовного связана главным образом с фигурой Зарецкого, неотделимой от моральной трагедии Платонова; в размышлениях Насти философский вопрос расплаты за преступление материализуется в образе комара: «Прихлопнешь его на руке – и по коже размазывается кровь... за преступлением должно следовать наказание. На том же месте и в тот же час. Так сказать, искупление кровью» [5. С. 350], Платоновым отмечается вампирическая «склонность к кровососанию» [5. С. 360] Воронина; Зарецкий тоже ассоциируется с насекомыми – *мокрица, гнида, червь*: «А ведь было в нем что-то от червя. Гибкость, мягкость. Способность принимать температуру окружающей среды...» [5. С. 65]; и даже последний муж Анастасии – энтомолог, оказавшийся «человеком мелким», – по версии Платонова, должен был получить прозвище насекомого. В коротком эпизоде встречи Платонова и Воронина (тоже «гниды») фигурирует муха: «У оконного стекла жужжит муха» [5. С. 363]. Кстати, сцена расправы над мухой

многослойный трагедийный конфликт элемент гамлетовского скепсиса. В изобразительной палитре романа с целью введения свойственной времени иронии используются символы массмедиа. Платонову предстоит сниматься в рекламе. Отношение Гейгера к этой ситуации определяет неизбежность при всей неуместности трагедии в современной культуре: «С одной стороны, забавно. А с другой – это снижает трагизм жизни Иннокентия... Какая все-таки пошлятина» [5. С. 243].

являет собой схему казни Платоновым Зарецкого. Ср.: «Чистов... коротким точным движением ловит муху в ладонь. ... – Когда подводишь руку сзади, она не видит» [5. С. 363]; ср.: «Зарецкий упал не поворачиваясь. Не увидев меня» [5. С. 406].

Явные пересечения с комедией Маяковского наблюдаются и в антропонимах «Авиатора»: Пьер Скрипкин – центральный герой пьесы – соотносится с образом Гейгера, имя которого в переводе с немецкого означает «скрипач» [5. С. 298]; супруга Скрипкина Эльзевира Ренессанс – корреспондирует со «священным» именем Анастасии («воскресшая») как его телесная антитеза в аспекте, соответственно, «Vita Nova» Возрождения и христианского Воскресения; Зоя Березкина – ассистент профессора, которая снабжает Присыпкина литературой, носит, по сути, то же имя, что и книжный магазин напротив квартиры Платонова: Зоя – в переводе с греческого – «жизнь».

Литературный претекст романа дополняется обширным кинематографическим фоном. Наиболее очевидная параллель в связи с темой крионики обнаруживается с фильмом «Замороженный» Э. Молинарo с Луи де Фюнесом в главной роли (Италия–Франция, 1969). В этом фильме, как и в романе Водолазкина, наблюдается эскалация инцестуозного метасюжета: «Замороженный» считает матерью внучку; герой Водолазкина питает нежные чувства к внучке невесты; герой Молинарo – к невесте правнука.

С целью пощадить психику «замороженного» герои Водолазкина, как и герои Молинарo, «разыгрывают» в соответствующих декорациях прошлый век. Однако профессор Гейгер и его «медсестра» – менее удачливые актеры по сравнению с персонажами французской комедии. Едва пришедший в себя Платонов чувствует фальшь в окружающей его обстановке и поведении «персонала»: «...оба выглядят старорежимно. Гейгер если не в халате, то обязательно в тройке. Напоминает Чехова... Еще и пенсне носит... в лечашей меня паре есть какая-то театральность. Валентина – вылитая сестра милосердия военного времени. 1914-й» [5. С. 18].

Другая кинематографическая ассоциация с романом Водолазкина – фильм В. Аллена «Спящий» (1973), в основу которого положен роман Уэллса «Когда спящий проснется» (1899). Комедия Аллена вступает в интертекстуальные отношения и с многочисленными литературными антиутопиями (например, в части изображения подпольной коммуны), и с русской классикой (наиболее очевидная аллюзия – почти «гоголевский» Нос правителя-диктатора). Помимо темы крионики «Авиатора» сближают с комедией несколько злободневных эпизодов, например реклама замороженных овощей, героем которой выступает Платонов в романе, переключается со сценой похищения и поедания героем Аллена (Майлзом Монро) и его партнершей (Луной) гигантских овощей – по всей вероятности, продуктов ГМО.

Есть и некоторые идейные переключки французской комедии и современного русского романа. Категории *власть*, *народ*, *государство* отвергнуты Платоновым с безапелляционностью нигилиста-Монро (он не верит ни в

науку, ни в политику, ни в Бога): «Страна – не моя мера, и даже народ – не моя. Хотел сказать: человек – вот мера, но это звучит как *фраза*» [5. С. 78].

Галерею фильмов о крионике продолжает «Парень из Энсино» («Замороженный калифорниец») Л. Мэйфилда (1992). Героем этого фильма становится размороженный пещерный человек. Аллюзией к американской киноленте в романе могут быть статьи об экспериментах над приматами (Гейгер приносит Платонову подборку материалов о криогенике), а также книга «одного *американца* о замораживании умерших для последующего воскрешения» [5. С. 109] (курсив мой. – Е.М.). Впоследствии Платонов ассоциирует себя с представителем раннего этапа антропогенеза: «Произношу короткие фразы и сам себя стыжусь: так мог бы отвечать размороженный бабуин, но не человек Серебряного века» [5. С. 131].

Вне всяких сомнений, и кинематографическая проекция на роман знаменитого «Авиатора» М. Скорсезе (2004): герой киноленты – ровесник Платонова; действие картины разворачивается в начале XX в.; сюжет первого фильма, который снимает центральный герой Скорсезе, – «эпическая картина про войну» «Ангелы ада» (что вполне соответствует историческому и этическому пафосу романа); приступы ипохондрии Говарда Хьюза находят отражение в слабом здоровье героя Водолазкина (перекликаются и так называемые «детские» сцены, связанные с темой болезни); наконец, концепция «широкого обзора» авиатора, обнаруживающая масштабность культурной панорамы как картины, так и книги, – далеко не полный перечень их нарративных пересечений.

Романтическая линия «Авиатора» равным образом соотносится одновременно с несколькими литературными мифологемами. Отношения Иннокентия и Анастасии – отчетливое эхо «Ромео и Джульетты» с растянутой на десятилетия кульминацией, связанной с мнимой смертью и подлинным уходом в мир иной одного из возлюбленных: Ромео-Иннокентий засыпает и пробуждается через 67 лет, у него на руках умирает постаревшая и ввапшая в беспамятство Джульетта-Анастасия (аналогичная встреча, спустя 50 лет после мнимой смерти размороженного Присыпкина и его застрелившейся возлюбленной Зои Березкиной, происходит в «Клопе» Маяковского). Прямая отсылка к бессмертной трагедии на страницах романа связана с гораздо более зловещим по сравнению с роковой ошибкой шекспировских влюбленных «соловецким» эпизодом: «В концлагерь доставляли партии заключенных женщин, которых тут же насильовала охрана. Когда у несчастных появлялись признаки беременности, их отправляли на Заяцкий остров – *остров джульетт*. Это было место наказания за *половую распущенность*, которая в лагере строго каралась. На абсолютно голом, вечно продуваемом острове условия были ужасными. Многие не выживали» [5. С. 250–251].

Авантюрная проекция романа через «*обзор*» авиатора, «*аромат странствий*» Робинзона Крузо подключают любовную линию к драматургии «Одиссеи»: Улисс-Иннокентий утешает и провожает в последний путьждавшуюся его Пенелопу-Анастасию, верность возлюбленному которой

передается по наследству Насте – новой Сольвейг, осветившей короткое возвращение героя. Не случайно в образе Насти подчеркивается «свечение»: «Ты вся светишься» [5. С. 321].

В качестве интертекстуального кода целесообразно рассматривать и эпистолярный фон романа. Многие исследователи подчеркивают значение актуальной для современной литературы эпистолярной традиции (ср., например, «Письмовник» М.П. Шишкина) [18; 19. С. 216–232]. В эпистолярной манере созданы некоторые из упомянутых выше фантастических произведений: «Франкенштейн» Шелли, «Цветы для Эдджернона» Киза и др.; посмертное письмо появляется в кульминации романа Стivenсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда». Роман Водолазкина – полифония дневников. Посредством дневников здесь осмысливается проблема эсхатологии и цикличности. Пренебрежение датами – стилистическое средство приобщения к вечности: «Линейное время – историческое, а циклическое замкнуто на себе. Вовсе и не время даже. Можно сказать, вечность» [5. С. 229].

Любопытно, что ближе к финалу романа из дневниковых записей исчезают ссылки на авторов, а затем и все остальные маркеры-ориентиры. Мнимое отсутствие авторства – медиевистская реплика Водолазкина-ученого – так соблюдается этический кодекс Средневековья в отношении к автору: имя автора несущественно, рукой автора водит Господь. Чем ближе к вечности центральный герой романа, тем более абстрактными, свободными от времени, конкретики, адресности становятся записки всех, заинтересованных в судьбе последнего.

Проекция в вечность осуществляется в романе преимущественно посредством обращения к ветхозаветным, евангельским и апокрифическим мотивам: легенда об Агасфере, воскрешение Лазаря, притча о блудном сыне, пророчество о Втором пришествии, чудо Воскресения и проч.

Действие романа завершается, по всей вероятности, в конце 1999 г. – на рубеже тысячелетий. Платонов оставляет бранный мир, возносясь в неправом самолете в вечность в возрасте Христа: герой был подвергнут эксперименту в 32 года и около года прожил после реанимации – значит, фактически за пределами «ледяного сна» его возраст составляет 33 года. Заключительным аккордом произведения, таким образом, становится христологический прототекст, восходящий к еще более древней архетипической схеме – принесение бога в жертву [20. С. 256].

Из приведенного разбора следует вывод, что комбинаторика сюжетов, символов, «культовых» текстов в условной структурной модели встречи эпох формирует сложную, асимметричную архитеконику «Авиатора» и выводит проблематику романа в бесконечное пространство культуры – вместилище исторической, аксиологической, эстетической антропологической памяти, живущей в мифологемах надвременных метасюжетов, посредством которых Водолазкин создает оптимальные условия для скрупулезного разглядывания человека в категориях этики, литературы, науки, искусства.

Список источников

1. Водлазкин Е.Г. Идти бестрепетно: между литературой и жизнью. М., 2020. 409 с.
2. Набоков В. О хороших читателях и хороших писателях // Набоков В. Лекции по зарубежной литературе. М., 1998. 512 с.
3. Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.
4. Эко У. Роль читателя. М., 2016. 640 с.
5. Водлазкин Е.Г. Авиатор. М., 2017. 410 с.
6. Кононенко Е. Дмитрий Быков – о том, зачем и как читать русскую литературу XIX, XX и XXI веков. URL: <https://weekend.rambler.ru/other/42283989-dmitriy-bykov-o-tom-zachem-i-kak-chitat-russkuyu-literaturu-xix-xx-i-xxi-vekov/> (дата обращения: 20.02.2021).
7. Стрельникова Н.Д. Пушкинские реминисценции в романе Е. Водлазкина «Авиатор» // Русское слово в многоязычном мире : материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ. СПб., 2019. С. 1952–1957.
8. Стрельникова Н.Д. Семантика антропонимов в романе Е. Водлазкина «Авиатор» // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования : сб. науч. ст. Витебск, 2018. С. 266–271.
9. Кузнецов И.В. Мотив замерзания / заморозки в новейшей русской литературе // Сюжетология и сюжетология. 2018. № 1. С. 160–167.
10. Андреев Л.Н. Иуда Искариот. М., 2018. С. 81–162.
11. Ларина А.М. Незабываемое. М., 1989. 365 с.
12. Николина Н.А., Петрова З.Ю. Семантика заглавия романа Е. Водлазкина «Авиатор» // Русская речь. 2019. № 6. С. 82–91.
13. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. М., 2016. 414 с.
14. Ковтун Н.В. Ухрония как структурообразующий прием в романе Евгения Водлазкина «Авиатор» // LITERATURA. 2018. № 2. С. 76–91.
15. Уайльд О. Портрет Дориана Грея // Избранное. М., 1990. С. 5–178.
16. Булгаков М.А. Собачье сердце : повести. М., 2020. С. 175–316.
17. Маяковский В.В. Клоп // Соч. : в 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 548–583.
18. Логунова Н.В. Русская эпистолярная проза XX – начала XXI веков: эволюция жанра и художественного дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 447 с.
19. Прохорова Т.Г. «Новая сентиментальность» в романах М. Шишкина «Письмовник» и Е. Водлазкина «Авиатор» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 59. С. 216–232.
20. Борхес Х.Л. Четыре цикла // Сочинения : в 3 т. М., 1997. Т. 2. С. 255–256.

References

1. Vodolazkin, E.G. (2020) *Idti bestrepetno: mezhdru literaturoy i zhizn'yu* [Walk fearlessly: Between literature and life]. Moscow: Redaktsiya Eleny Shubinoy.
2. Nabokov, V. (1998) *Lektsii po zarubezhnoy literature* [Lectures on literature]. Translated from English. Moscow: Nezavisimaya Gazeta.
3. Barthes, R. (1994) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress. pp. 384–391.
4. Eco, U. (2016) *Rol' chitatelya* [The role of the reader]. Moscow: Izdatel'stvo AST: CORPUS.
5. Vodolazkin, E.G. (2017) *Aviator* [The Aviator]. Moscow: [s.n.].
6. Kononenko, E. (2021) *Dmitriy Bykov – o tom, zachem i kak chitat' russkuyu literaturu XIX, XX i XXI vekov* [Dmitry Bykov about why and how to read Russian literature of the 19th, 20th and 21st centuries]. [Online] Available from: <https://weekend.rambler.ru/other/>

42283989-dmitriy-bykov-o-tom-zachem-i-kak-chitat-russkuyu-literaturu-xix-xx-i-xxi-vekov/ (Accessed: 20.02.2021).

7. Strel'nikova, N.D. (2019) [Pushkin's reminiscences in E. Vodolazkin's novel "The Aviator"]. *Russkoe slovo v mnogoyazychnom mire* [Russian word in a multilingual world]. Proceedings of the XIV Congress of MAPRYAL. St. Petersburg. pp. 1952–1957. (In Russian).

8. Strel'nikova, N.D. (2018) Semantika antroponimov v romane E. Vodolazkina "Авиатор" [Semantics of anthroponyms in E. Vodolazkin's novel "The Aviator"]. In: *Regional'naya onomastika: problemy i perspektivy issledovaniya* [Regional onomastics: problems and prospects of research]. Vitebsk: Vitebsk State University. pp. 266–271.

9. Kuznetsov, I.V. (2018) Motiv zamerzaniya / zamorozki v noveyshey russkoy literature [The motif of freezing in the latest Russian literature]. *Syuzhetologika i syuzhetografiya*. 1. pp. 160–167.

10. Andreev, L.N. (2018) Iuda Iskariot [Judas Iscariot]. Moscow: AST. pp. 81–162.

11. Larina, A.M. (1989) *Nezabyvaemoe* [The Unforgettable]. Moscow: APN.

12. Nikolina, N.A. & Petrova, Z.Yu. (2019) Semantika zaglaviya romana E. Vodolazkina "Авиатор" [Semantics of the title of the novel "The Aviator" by E. Vodolazkin]. *Russkaya rech'*. 6. pp. 82–91.

13. И'ф, И. & Петров, Е. (2016) *Dvenadtsat'stul'ev* [Twelve chairs]. Moscow: Tekst.

14. Kovtun, N.V. (2018) Uchronia as a structure-forming technique in Eugene Vodolazkin's novel "The Aviator". *LITERATURA*. 2. pp. 76–91. (In Russian).

15. Wilde, O. (1990) *Izbrannoe* [Selected works]. Translated from English. Moscow: Prosveshchenie. pp. 5–178.

16. Bulgakov, M.A. (2020) *Sobach'e serdtse. Povesti* [Dog's heart. Tales]. Moscow: AST. pp. 175–316.

17. Mayakovskiy, V.V. (1988) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Pravda. pp. 548–583.

18. Logunova, N.V. (2011) *Russkaya epistolyarnaya proza XX – nachala XXI vekov: evolyutsiya zhanra i khudozhestvennogo diskursa* [Russian epistolary prose of the 20th – early 21st centuries: the evolution of genre and artistic discourse]. Philology Dr. Diss. Moscow.

19. Prokhorova, T.G. (2019) "New Sentimentality" in the Novels Pismovnik by Mikhail Shishkin and the Aviator by Eugene Vodolazkin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 59. pp. 216–232. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/59/13

20. Borges, J.L. (1997) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Translated from Spanish. Vol. 2. Moscow: Polyaris. pp. 255–256.

Информация об авторе:

Московкина Е.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры филологии и сценической речи Алтайского государственного института культуры (Барнаул, Россия). E-mail: evgenya.moskovkina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Moskovkina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Altai State Institute of Culture (Barnaul, Russian Federation). E-mail: evgenya.moskovkina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.12.2021;
одобрена после рецензирования 07.04.2022; принята к публикации 18.07.2022.

The article was submitted 13.12.2021;
approved after reviewing 07.04.2022; accepted for publication 18.07.2022.

Научная статья
УДК 82-14; 2 – 234
doi: 10.17223/19986645/78/9

Стихотворение Марины Цветаевой «Эмигрант» в переводе Кристофера Уайта. Ритмический аспект

Марина Владимировна Цветкова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Россия, mtsvetkova@hse.ru*

Аннотация. Рассматриваются подходы к ритмике поэтического текста; обозначены проблемы, связанные с передачей ритмики как смыслопорождающего элемента поэзии при переводе. Представлен сравнительный анализ стихотворения М. Цветаевой «Эмигрант» и выполненный К. Уайтом перевод этого текста на английский язык. Показано, какие трансформации произошли при переводе на уровне содержания и как они коррелируют с изменениями на уровне ритмики, приводящими к кардинальному изменению смысла оригинала.

Ключевые слова: ритм, ритмика, поэтический перевод, М. Цветаева, К. Уайт, «Эмигрант»

Для цитирования: Цветкова М.В. Стихотворение Марины Цветаевой «Эмигрант» в переводе Кристофера Уайта. Ритмический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 154–165. doi: 10.17223/19986645/78/9

Original article
doi: 10.17223/19986645/78/9

The rhythmic structure of a poetic text as an issue of translation studies. Illustrated by the English translation of Marina Tsvetaeva's poem "Emigrant" by Christopher Whyte

Marina V. Tsvetkova

*National Research University Higher School of Economics, Nizhny Novgorod,
Russian Federation, mtsvetkova@hse.ru*

Abstract. The article is focused on the issue of rhythm in poetic text and its rendering in translation. The matter of rhythm in poetry has not been solved by theoreticians so far. They are unanimous only in the persuasion that rhythm is closely connected with the content. In the article, Efim Edkind's list of the elements constituting poetic rhythm become the theoretical basis for the research. The author of the article proceeds on the assumption that the rhythmic pattern of a poetic work is the thing most often neglected by poetry translators. Even if it is not, the effect of

rhythmic devices used to create a specific impact might be different in different cultures and depend on the national poetic tradition. Eventually, how to convey the rhythm of a poetic text is one of the major issues for translation studies. The research is based on a comparative analysis of Marina Tsvetaeva's poem "Emigrant" and its translation into English by Christopher Whyte with a special emphasis on how the transformations on the level of the content correlate with the changes on the level of the rhythm. Tsvetaeva's poem is selected as an illustration for the theoretical point because she was one of those authors whose rhythmic patterns were diverse and semantically coloured. Using the technique of close reading, the author comes to the conclusions described below. Tsvetaeva in her poem uses the word "emigrant" metaphorically to speak about a poet's destiny to be an alien among common people (a modification of the theme "poet and crowd" popular in the Russian poetic tradition). She supports the content on the level of the poem's rhythm with a number of devices to create the intonation very similar to the one used by Mayakovsky in his poems meant to be the slap in the face of petty bourgeois. In the translation, the word "emigrant" is used in its direct sense. The poem tells about the hardships of an emigrant who is doomed to stay alien to the people native to the country. The rhythm of the poem is also changed to create a less sharp, more balanced, meditative intonation which makes the poem sound very much like T. S. Eliot's "The Love Song of Alfred Prufrock". Some of the rhythmic devices used by Tsvetaeva are omitted by the translator because they are foreign to contemporary English readers of poetry: rhymes, specific pattern of endings (which creates in the original the sensation of alternate acceleration and slowing down). Other devices, even though they are reproduced in translation, acquire different semantics within the frames of the new culture, i.e. the abundance of enjambements which do not look as innovatively as they did in Tsvetaeva's poetry.

Keywords: rhythm, poetry translation, Marina Tsvetaeva, Christopher Whyte, "Emigrant"

For citation: Tsvetkova, M.V. (2022) The rhythmic structure of a poetic text as an issue of translation studies. Illustrated by the English translation of Marina Tsvetaeva's poem "Emigrant" by Christopher Whyte. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 154–165. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/9

Вопрос о том, что следует понимать под ритмом в поэзии, пока до конца не решен теоретиками, к нему обращавшимися. Ритмика стихотворного произведения изучается давно и в самых разных аспектах. Серьезный вклад в исследование этого вопроса в 1920-е гг. внесли С.Д. Балухатый, С.М. Бонди, В.М. Жирмунский, Б.В. Томашевский, Б.М. Эйхенбаум, а позднее М.М. Гиршман, Л.М. Гаспаров, В.В. Кожинов, Ю.М. Лотман, Е.Г. Эткинд.

Расходясь в других аспектах, все перечисленные ученые сходятся во мнении, что ритм, как всякий элемент поэтической формы, участвует в конструировании содержания. Он одновременно задает художественную концепцию произведения и обусловлен ею. Соотношения элементов ритмических структур заменяют в поэзии логические формы взаимосвязи, характерные для прозы, актуализируют семантику слова, раскрывая глубинный поэтический смысл, а следовательно, играют ключевую роль и в развитии лирического сюжета, и в понимании общей идеи произведения.

Наиболее емко определил ритм Е.Г. Эткинд, который охарактеризовал его как «регулярные, композиционно значимые повторы словесно-звукового материала» [1. С.12]. Он же предложил «лестницу поэтических ритмов» – иерархию таких повторов в поэтическом произведении. В дальнейшем исследователи, опираясь на классификацию Е.Г. Эткинда, развивали и детализировали перечень элементов, имеющих отношение к ритмической структуре стихотворного текста. Обобщив их, можно сказать, что на создание ритмического рисунка стихотворения оказывают влияние, прежде всего, размер; количество слогов в строке; количество стоп; распределение ударных / безударных слогов; цезура внутри и в конце стихотворных строк; концевая рифма; внутренняя рифма; каталектика; синтаксическое строение текста (случай, когда предложение охватывает два и более стиха, повторы синтаксических конструкций в пределах одной или нескольких соотносимых стиховых строк, enjambement и т.п.); деление на строфы, семантические повторы (образов, мотивов). Ясно, что не в каждом стихотворении будут задействованы все перечисленные способы создания ритмики. Они подбираются автором (как правило, интуитивно) в соответствии с замыслом произведения.

Сами поэты неоднократно подчеркивали ключевое значение ритма для своих произведений. Так, Маяковский утверждал, что «ритм – это основная сила, основная энергия стиха» [2. С. 101]. С ним были солидарны многие авторы конца XIX – начала XX в., когда поэты становятся особенно чуткими к ритмике: В. Иванов, А. Белый, Н. Гумилев, О. Мандельштам, Б. Пастернак, В. Хлебников, хотя каждый из них понимал ритм по-своему.

По-видимому, ритм можно трактовать как ключевой элемент поэтической формы вообще. Интересную мысль высказывает Н.В. Шутёмова в статье «К проблеме ритма в поэтическом переводе». Исследовательница предлагает, учитывая доказанное учеными участие правого полушария в порождении и восприятии ритмов, «рассматривать ритм не только как формальную характеристику поэтического текста, но и как характеристику поэтического мышления» [3. С. 56]. С ее точки зрения, раз поэтическое мышление ритмично, то ритмическим по своему характеру можно считать само смыслообразование в поэзии. На эту особенность поэтических текстов указывал и Ю.М. Лотман, который отмечал, что «ритмический рисунок в сознании поэта (читателя) может жить в виде самостоятельного и значимого художественного элемента» [4. С 58], причем иногда для впечатления от стихотворного текста ритм может оказаться важнее, чем словесное наполнение.

Если для автора ритм поэтического текста «задан» [5. С. 25], то для читателя он является тем, что следует разгадать, чтобы постичь смысл произведения во всей его полноте, и только читатель, укорененный в поэтической традиции, в рамках которой создан текст, способен уловить все его ритмические обертоны. На глубокую специфичность ритма для каждого языка указывает один из крупнейших теоретиков перевода А.В. Федоров, который, правда, ограничивает эту специфичность фонетическими и синтаксическими

закономерностями языка [6. С. 280], не затрагивая вопросов, связанных с национальной поэтической традицией. Фактически же особенности ритмической организации поэтического произведения трудно поддаются переводу по причинам как языкового, так и культурного характера.

Ритм редко становится предметом специального интереса переводчиков, а если и становится, то им не всегда удается отыскать удачные решения для его передачи. Из-за национальной специфичности ритмику нельзя просто копировать – требуется найти функциональные замены, рождающие у читателя принимающей культуры ассоциации, сходные с ассоциациями носителей передающей культуры.

В художественном мире М. Цветаевой, которую И. Бродский называл «одним из самых ритмически разнообразных поэтов. Ритмически богатых, щедрых» [7. С. 45], ритм играет важнейшую роль. В своих воспоминаниях Цветаева указывает на непреодолимое отвращение ко всякому равномерному звуку, выросшее из смешанной со страхом ненависти перед метрономом – непременным спутником ее занятий музыкой в детстве. «Как только я под его методический шелк *подпала* (курсив мой. – М.Ц.), я его стала ненавидеть и бояться до сердцебиения, до обмирания, до похолодания, как сейчас боюсь по ночам будильника, всякого равномерного, в ночи, звука. Точно по мою душу идет этот звук! Кто-то стоит над твоей душой, и тебя торопит, и тебя удерживает, не дает тебе нидохнуть, ни глотнуть...» [8. С. 20]. Вероятно, именно это внутреннее неприятие всякой размеренности и служило причиной стремления Цветаевой к прихотливой ритмической организации стиха, которая особенно ярко проявила себя в ее творчестве 1920–1930-х гг.

Именно ритмический аспект поэзии Цветаевой всегда вызывает наибольшую сложность у ее англоязычных переводчиков. Особенно ярко и глубоко осветил эту проблему Робин Кемболл в примечаниях к своему переводу сборника «Лебединый стан» [9. Р. 195]. Он отмечает, что английская поэтическая традиция претерпела с конца XIX в. кардинальные перемены, которые коснулись главным образом рифмы, ритма и строфики, в результате чего традиционные формы стали здесь скорее исключением, чем правилом. Русская поэзия, несмотря на все преобразования, происшедшие под влиянием новаторских течений рубежа XIX–XX вв., в целом осталась в рамках силлабо-тонической системы с ее упорядоченным чередованием ударных и безударных слогов (даже в таких «раскрепощенных» модификациях, как дольник или тактовик), равенством длины строк, делением на строфы и строгой рифмовкой.

В результате английская и русская поэтические системы оказались, по выражению Кемболла, на разных полюсах ("pole apart"). Потому большинство современных переводчиков предпочитают отказаться от воспроизведения метрико-ритмической стороны русских стихов как от «безнадежно устаревшей и *a priori* не способной дать того, что для современного английского уха будет хотя бы отдаленно напоминать „поэзию“» [9. Р. 195]. Всякие переводы, сохраняющие упорядоченность метра и рифмы, отвергаются ими как школярские или «попахивающие» XIX в.

В настоящей статье на примере стихотворения Марины Цветаевой «Эмигрант» и его англоязычной версии, предложенной Кристофером Уайтом, будет продемонстрировано, какие трансформации происходят с ритмической структурой стихотворения при переводе и как эти трансформации связаны с изменением центральной идеи оригинала.

Стихотворение датировано 9 февраля 1923 г. В это время Цветаева находилась в Чехословакии в эмиграции, и, зная подробности жизни поэта в это время, естественно предположить, что оно посвящено горькой судьбе эмигранта, оказавшегося вдали от Родины. Однако внимательное прочтение стихотворения не оставляет сомнений, что название имеет непрямой смысл. Речь в нем идет о поэте как «эмигранте» в мире людей, пришельце из других миров.

Центральная оппозиция стихотворения выстроена по модели, вполне типичной для художественного мира Цветаевой: поэт – мир обывателей. Причем поэт представлен как существо, выбивающееся из общего ряда: он не может стерпеться, «слюбиться с толпой», которая погрязла в пошлости быта, потому что «стерпится-слюбится» – девиз мещанской мудрости; он не стаден («не сбившись с вами»), потому что гений исключителен; он владеет тайной, которая возносит его над обыденностью: «Неким Шуманом пронося под полой весну: / Выше! Из виду!» (здесь и далее все цитаты из стихотворения «Эмигрант» [10. С. 163]). Образ поэта соединяется в стихотворении также и с образом Христа, по ошибке оказавшегося среди сброды («Заблудившийся между грыж и глыб / Бог в блудилище»), и крестных мук («...ибо взяв на дыб – / Ноги лижете!»).

Поэт охарактеризован как «лишний» (тоже очень типичный для цветавской трактовки поэта образ; ср.: «Есть в мире лишние, добавочные, / Не вписанные в окоём» [10. С. 185]), как бросивший миру обывателей вызов и сам являющийся ему вызовом; он – «вышний», пришелец из других миров («Веги выходец»), не забывший о своем небесном отечестве («ввысь не отвыкший...»).

«Там» этого небесного отечества противопоставлено «здесь», под которым (совершенно в духе, характерном для русской поэзии начала столетия) подразумевается мир сытого мещанства, определяемый в стихотворении через характерные для Цветаевой образы, воплощающие обыденность и пошлость. Во фразах «в рвани валют и виз»; «меж вами: домами, деньгами, дымами, / Дамами, Думами» зашифрованы, и быт, и светские приличия, и политическое балаганство, и бюрократические условности. Это «блудилище» – вместилище порока, в котором меж «грыж и глыб» заблудился выходец из иных миров – поэт. Сами же обыватели косвенно охарактеризованы как стадо (или стая), с которыми поэт «не сбился».

В Великобритании активно переводить Цветаеву начали в 1970-е гг. К настоящему моменту отчетливо оформились два подхода к переводу ее поэзии, которые, используя терминологию, укоренившуюся в англоязычном переводоведении, можно обозначить, как: «отчуждение» (foreignizing), предполагающее сохранение инокультурной специфики подлинника и

«одомашнивание» (domestication), направленное на адаптацию переводимого текста к горизонту ожидания национального читателя (подробнее об этом: [11. С. 115–116]).

Наиболее значимыми среди существующих сегодня переводов принято считать переводы Элейн Файнстайн (1930–2019), явившуюся также автором беллетризованной биографии Цветаевой на английском языке. В 1971 г. она опубликовала сборник избранных стихотворений «*Marina Tsvetaeva. Selected Poems*» [12], который с тех пор неоднократно дополнялся и переиздавался, Последняя его редакция появилась в 2011 г. под названием «*The Bride of Ice. New Selected Poems*» [13]. Файнстайн пошла по пути «адаптирования» цветаевской поэзии к вкусу современного британского читателя, отвыкшего от классической силлабо-тоники с ее ритмической регулярностью, обязательной рифмовкой клаузул, заглавными буквами в начале каждого стиха. Тот факт, что ее переводы выдержали шесть изданий, лучше всего свидетельствует об успехе избранной переводчицей тактики у читателей.

В 1987 г. (2-е издание вышло в 1991 г.) появилась альтернативная версия переводов избранных стихотворений Цветаевой, предложенная Дэвидом МакДаффом (1945 г.р.) [14], которая имела гораздо меньший успех, поскольку переводчик сделал осознанную установку на сохранение специфики поэтической формы оригинала, хотя, по мнению Оксфордского справочника литературы, переведенной на английский язык, переводы МакДаффа гораздо точнее передают и смысл оригинала, и особенности цветаевского стиха [15. P. 603].

Если переводы МакДаффа представляют собой яркий пример «отчуждающего» перевода, то переводы Файнстайн – «одомашнивающего». Кристофер Уайт (1952 г.р.), чья переводческая тактика близка к тактике Файнстайн, представляет новое поколение переводчиков Цветаевой в Англии. К настоящему моменту он опубликовал четыре сборника переводов русского поэта [16, 17, 18, 19]. От прочих переводчиков Цветаевой на английский язык его отличает то, что он последовательно переводит цветаевскую лирику по десятилетиям, начиная с предреволюционных лет. Он первым из британских переводчиков обратился к стихотворению «Эмигрант».

Уайт сам является писателем и поэтом, владеет русским языком (ему принадлежат также переводы на английский язык стихотворений А. Ахматовой). Будучи литературоведом и критиком, он прекрасно осведомлен о жизни и творчестве Цветаевой и написанных о ней работах. Что касается его переводческого кредо – оно противоречиво. Сам он говорит о «преображающей» функции перевода, смысл которого видится ему в том, чтобы не быть идентичным оригиналу [20. P. 352]. Особенно оправданным такой подход он считает к «экспериментальным» произведениям Цветаевой, которую «сложно понимать даже тем, для кого русский язык родной [21. С. 252]». В то же время опубликованная им статья, посвященная поэме Цветаевой «Новогоднее», где целый раздел отведен трудностям, с которыми переводчик столкнулся, и предложенным им переводческим решениям

[22], убедительно демонстрирует, насколько точно стремится Уайт воссоздать специфические особенности языка русского поэта, как тщательно подыскивает им функциональные замены в английском языке.

Сравнивая оригинал и перевод, нельзя не отметить, насколько близко следует переводчик за подлинником, подбирая английские эквиваленты русским словам. Тем не менее смысл стихотворения «Эмигрант» оказался полностью изменен. Характерное для оригинала противопоставление поэта миру мещанства уступает в переводе место оппозиции: мир обычных людей – «я» лирического героя. Причем этот лирический герой вовсе не поэт, ощущающий себя инопланетным эмигрантом среди людей, а эмигрант в прямом смысле этого слова.

Подобное «одомашнивание» цветаевского стихотворения явилось следствием убеждений переводчика, который предпочитает в своих работах представлять Цветаеву как поэта вне времен и наций, делая акцент на универсальности ее переживаний. Размышляя о лирической героине стихотворения «Госка по Родине, давно...» (тоже посвященном судьбе эмигранта), он утверждает, что ее монолог вполне мог бы быть вложен в уста какой-нибудь «мусульманской женщины в современном Париже» [20. Р. 355].

Эти радикальные изменения на уровне содержания, несмотря на внешнее почти буквальное следование за оригиналом, усиливаются изменениями, произведенными на уровне формы. Как уже было сказано, стихотворение написано в 1923 г., когда творчество Цветаевой все больше склоняется к авангардистскому эксперименту, потому ритмический рисунок стихотворения невероятно прихотлив.

Повторы синтаксических конструкций, хотя и присутствуют в стихотворении Цветаевой («Неким – Шуманом <...> Некий – избранный.»; «Не отвыкший... <...> Не принявший...»), причем подчеркнутые единообразием пунктуационного оформления, не являются здесь, как в некоторых произведениях поэтессы, сквозным приемом. Рифма, чаще бывающая в цветаевской поэзии богатой и точной, обретает здесь куда большую свободу и напоминает по своему характеру рифму Маяковского. Рифмовка анализируемого стихотворения очень разнообразна и включает разные виды рифм: от точных, но бедных (дыма́ми – с вами; весну – на весу; виселиц – выходец) до неточных (дума́ми – Шуманом); приблизительных (ввысь – виз) и составных приблизительных (из виду – избранный; ноги лижете – в блудилище).

Если говорить о каталектике, то относительно традиционное для русской поэзии чередование женской и мужской рифм в первой строфе сменяется в последующих двух строфах чередованием мужской рифмы с более многосложной – дактилической, что «раскачивает» ритм стиха, то замедляя, то ускоряя его. На тот же эффект работает чередование одно- и двусложных слов, которыми в основном написано стихотворение, с трех- и более сложными, к тому же удлиняемыми в ощущении за счет использования шипящих и сонорных («слюбившись», «боязливейший», «блудилище», «соловьиным» и т.п.).

Разнообразит Цветаева и строфический ритм, сливая первые два четверостишия в восьмистишие за счет весьма необычного анжамбемана: она «упрятывает» слово (выделено пунктиром), которое рифмуется с клаузулой второго стиха (выделена пунктиром) и должно находиться в конце третьего стиха, – в начало четвертого, а перед ним вставляет грамматически не обусловленное тире (любимый цветаевский прием; Е. Айзенштейн, посвятившая целую книгу изучению звуковой стороны стиха Цветаевой, констатирует, что нетрадиционное тире встречается во всех сборниках и, кроме «Вечернего Альбома» (71.2%), составляет более 90% случаев употребления этого знака [23. С. 216]). Такое тире задает удвоенную по длительности цезуру, передающую высоту эмоционального напряжения:

Здесь, меж вами: домами, деньгами, дымами
Дамами, *Думами*,
Не слюбившись с вами, не сбившись с вами,
Неким –
Шуманом пронося под полой весну.

Это с первых строк задает ощущение раскручивания и нагнетания поэтического смысла, который к концу первого восьмистишия достигает своего пика в том самом месте, где Цветаева запараллеливает образы Шумана и соловьиного тремоло, и на той же высокой эмоциональной ноте получает разрешение в последних двух катренах.

Самые же интересные явления происходят в ритмике цветаевского текста из-за обилия синтаксических переносов (8 на 16 строчек!), в результате чего возникают цезуры, создающие ощущение, что стихотворение движется рваными «толчками» с неравными отрезками. Этот эффект усиливается приемом парцелляции («Выше! Из виду!»), не всегда оправданными грамматически тире и паронимической аттракцией («домами, деньгами, дымами, дамами, думами»). В результате стихотворение начинает звучать как вызов: в нем отчетливо слышится маяковское «Нате!» – имеется в виду даже не само стихотворение под таким названием, а характерный для Маяковского ритм поэтического текста (резкий, как «нате!»).

Цветаева как будто бросает вызов обывателям самим ритмом, самой интонацией (которые теснейшим образом связаны друг с другом, на что обращал внимание еще А. Белый, утверждавший, что ритмическое построение поэтической речи способно навеки вписать в текст интонацию [24. С. 33], а позднее развивал и обосновал Н.И. Жинкин [25]), дублируя, таким образом, уровень содержания.

Переводчик настолько точно воссоздает деление стихотворения на строки, насколько это позволяет специфика материала английского языка. Что касается строфики, то он предпочитает разбить стихотворение на две равные строфы, каждая из которых включает по восемь строк, соединенных между собой и разделенных на две строфы совершенно произвольно.

Это делает эмоциональный тон стихотворения более ровным, сбалансированным, придавая ритму скорее медитативный характер, снимая инто-

нацию вызова – того самого «нате!», о котором мы говорили. Тем более что переводчик игнорирует паронимическую аттракцию и, сосредоточившись на передаче смысла слов, упускает из виду программную цветаевскую игру корневых созвучий, в результате чего нагнетание эмоции, заданное в оригинале уже первой строчкой, сменяется повествовательным: «with houses, money, smoke, fine ladies, parliaments» [18. С. 91]. Интонационно переводное стихотворение напоминает «Любовную песнь Альфреда Пруфрока»:

Let us go then, you and I,
When the evening is spread out against the sky
Like a patient etherized upon a table;
Let us go, through certain half-deserted streets,
The muttering retreats
Of restless nights in one-night cheap hotels
And sawdust restaurants with oyster-shells:
Streets that follow like a tedious argument
Of insidious intent
To lead you to an overwhelming question [26. P. 9].

Все синтаксические переносы оригинала сохранены, однако в рамках современной англоязычной поэтической традиции они прочитываются совсем не так «экспериментально», как в контексте русской поэтической традиции, чрезвычайно чувствительной к смещениям цезуры, и работают на общую повествовательность, даже прозаичность переводного текста. Это впечатление еще более усиливается оттого, что рифмовку (в духе современной англоязычной поэтической традиции, где не принято рифмовать серьезную поэзию) К. Уайт опускает.

В целом перевод отличает бóльшая многословность, чем оригинал (дамы переведены как «fine ladies», с вами – как «anyone of you», выше – как «higher still» и т.д.), что тоже существенно сглаживает «рваный» ритм цветаевского текста.

Несмотря на то, что цветаевские знаки препинания (многочисленные тире, многоточия и восклицательные знаки) сохранены (причем в одном случае восклицание даже и добавлено), что нетипично для британских переводов Цветаевой, которые имеют тенденцию снижать эмоциональный накал ее стихотворений, общий ритмический рисунок переводного стихотворения создает в сравнении с оригиналом ощущение сглаженности эмоционального тона.

Таким образом, в переводе К. Уайта, ритмические трансформации происходят в полном соответствии с изменениями, которые претерпевает в его переложении основная идея подлинника. Тема избранности и непонятости поэта, чье положение на Земле сродни положению инопланетянина, вместе с характерной для нее оппозицией поэт – обыватели, уступает место теме судьбы эмигранта, который незаслуженно оказывается человеком второго сорта на чужбине, с новой оппозицией: свой – чужой.

В соответствии с этим нивелируется и программный для стихотворения эффект «нате!», поскольку он утрачивает свою актуальность в новой трактовке стихотворения.

Список источников

1. *Эткинд Е.* Ритм поэтического произведения как фактор содержания // Форма как содержание: (Избранные статьи). Würzburg : Ial-verlag, 1977. С. 11–29.
2. *Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1961. Т. 12. 716 с.
3. *Шутёмова Н.В.* К проблеме ритма в поэтическом переводе // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 2. С. 56–61.
4. *Лотман Ю.М.* Анализ поэтического текста. Л. : Просвещение, 1972. 271 с.
5. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М. : Наука, 1977. 574 с.
6. *Федоров А.В.* Введение в теорию перевода. М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1953. 335 с.
7. *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. М. : Независимая газета, 1998. 328 с.
8. *Цветаева М.* Мать и музыка // Собр. соч. : в 7 т. Т. 5, кн. 1. М. : Терра – Терра, Книжная лавка – РТР, 1997. 330 с.
9. *Kemball R.* Translator's Note // Marina Tsvetaeva. The Demesne of the Swans / ed. and transl. by Robin Kemball. Ann Arbor : Ardis, 1980. 211 p.
10. *Цветаева М.* Собрание сочинений : в 7 т. М. : Терра – Терра, Кн. лавка – РТР, 1997. Т. 2. 591 с.
11. *Цветкова М.В.* Английские лики Марины Цветаевой // Вопросы литературы. 2003. № 5. С. 100–134.
12. *Tsvetaeva M.* Selected Poems / transl. by E. Feinstein. London ; New York : Oxford University Press, 1971. 103 p.
13. *Tsvetaeva M.* The Bride of Ice. New Selected Poems / transl. by E. Feinstein. Manchester : Carcanet, 2011. 186 p.
14. *Tsvetaeva M.* Selected Poems / transl. by D. McDuff. Newcastle upon Tyne : Bloodaxe books, 1991. 160 p.
15. *The Oxford Guide to Literature in Translation.* Oxford ; New York : Oxford University Press, 2000. 656 p.
16. *Tsvetaeva M.* Moscow in the Plague Year. Poems / transl. by Ch. Whyte. New York : Archipelago, 2014. 180 p.
17. *Tsvetaeva M.* Milestones / transl. by Ch. Whyte. Bristol : Shearsman Books, 2015. 30 p.
18. *Tsvetaeva M.* After Russia. The First Notebook / transl. by Ch. Whyte. Bristol : Shearsman Books, 2017. 141 p.
19. *Tsvetaeva M.* After Russia. The Second Notebook / transl. by Ch. Whyte. Bristol : Shearsman Books, 2018. 122 p.
20. *Birgin T., Tsvetkova M., Whyte Ch.* Looking for / Longing for / Sick for Home: Marina Tsvetaeva in English Translation // Translation and Literature. 2014. Autumn. Vol. 23, pt 3. P. 336–363.
21. *Цветкова М.В.* Стихотворение Марины Цветаевой «Тоска по Родине, давно...» и три его перевода на английский язык // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 250–261.
22. *Whyte Ch.* The English for an Anti-Elegy: Translating Tsvetaeva on Rilke // Translation and Literature. 2012. Vol. 21, pt 2. P. 196–212.
23. *Айзенштейн Е.О.* Построен на созвучьях мир... Звуковая стихия М. Цветаевой. СПб. : Журнал «Нева» ; ИТД «Летний сад», 2000. 280 с.
24. *Белый А.* Ритм как диалектика и «Медный всадник». М. : Федерация, 1929. 279 с.

25. Жинкин Н.И. Механизмы регулирования сегментных и просодических компонентов языка и речи // Poetics. Поэтика. Поэтика. Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. С. 81–82.

26. Eliot T.S. The Waste Land and Other Poems. Faber and Faber, Lnd. 1975. 79 p.

References

1. Etkind, E. (1977) Ritm poeticheskogo proizvedeniya kak faktor sodержaniya [The Rhythm of a Poetic Work as the Factor of Its Content]. In: *Forma kak sodержaniye (Izbrannyye stat'i)* [Form as Content (Selected Essays)]. Würzburg: Ial-verlag. pp. 11–29.

2. Mayakovskiy, V.V. (1961). *Collected Works in 13 vol.* Vol. 12. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. (In Russian).

3. Shut'omova, N.V. (2009) K probleme ritma v poeticheskom perevode. [On the Issue of Rhythm in Poetry Translation]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 2. pp. 56–61.

4. Lotman, Yu.M. (1972) *Analiz poeticheskogo teksta* [The Analysis of Poetic Text]. Leningrad: Prosveshcheniye.

5. Tynyanov, Yu.N. (1977) *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of Literature. Cinema] Moscow: Nauka.

6. Fedorov, A.V. (1953) *Vvedeniye v teoriyu perevoda* [Introduction into the Theory of Translation]. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh.

7. Volkov, S. (1998) *Dialogi s Iosifom Brodskim* [Dialogues with Joseph Brodsky]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.

8. Tsvetaeva, M. (1997) *Mat' i muzyka* [The Mother and the Music]. In: *Collected Works in 7 Vols.* Vol. 5. Book 1. Moscow: “Terra” – “Terra”; “Knizhnaya lavka – RTR”.

9. Kemball, R. (1980) Translator's Note. In: Kemball, R. (ed. and transl.) *Marina Tsvetaeva. The Demesne of the Swans*. Ann Arbor: Ardis.

10. Tsvetaeva, M. (1997) *Sobraniye sochineniy v semi tomakh*. [Collected Works in 7 vols]. Vol. 2. Moscow: “Terra” – “Terra”; “Knizhnaya lavka – RTR”.

11. Tsvetkova, M. (2003) Angliyskie liki Mariny Tsvetaevoy [English Masks of Marina Tsvetaeva]. *Voprosy literatury*. 5. pp.100–134.

12. Tsvetaeva, M. (1971) *Selected Poems*. Translated from Russian by E. Feinstein. London; New York: Oxford University Press.

13. Tsvetaeva, M. (2001) *The Bride of Ice. New Selected Poems*. Translated from Russian by E. Feinstein. Manchester: Carcanet.

14. Tsvetaeva, M. (1991) *Selected Poems*. Translated from Russian by D. McDuff. Newcastle upon Tyne: Bloodaxe Books.

15. France, P. (ed.) (2000) *The Oxford Guide to Literature in Translation*. Oxford; New York: Oxford University Press.

16. Tsvetaeva, M. (2014) *Moscow in the Plague Year. Poems*. Translated from Russian by Ch. Whyte. New York: Archipelago. 2014.

17. Tsvetaeva, M. (2015) *Milestones*. Translated from Russian by Ch. Whyte. Bristol: Shearsman Books.

18. Tsvetaeva, M. (2017) *After Russia. The First Notebook*. Translated from Russian by Ch. Whyte. Bristol: Shearsman Books.

19. Tsvetaeva, M. (2018) *After Russia. The Second Notebook*. Translated from Russian by Ch. Whyte. Bristol Shearsman Books.

20. Birgin, T., Tsvetkova, M. & Whyte, Ch. (2014) Looking for / Longing for / Sick for Home: Marina Tsvetaeva in English Translation. *Translation and Literature*. 23. Part 3. pp. 336–363.

21. Tsvetkova, M.V. (2019) Stikhotvoreniye Mariny Tsvetayevoy “Toska po Rodine, davno...” i tri ego perevoda na angliyskiy yazyk [Marina Tsvetaeva's Poem “Longing for Motherland” and Its Three Translations into English]. *Novyy filologicheskiy vestnik*. 1 (48). pp. 250–261.

22. Whyte Ch. (2012) The English for an Anti-Elegy: Translating Tsvetaeva on Rilke. *Translation and Literature*. 21. Part 2. pp. 196–212.

23. Ayzenshteyn, E.O. (2000) *Postroyen na sozvuch'yakh mir... Zvukovaya stikhiya M. Tsvetaeyevoy*. [The Universe Is Based on Harmonies ... The Element of Sound in Marina Tsvetaeva's World]. St Petersburg: Zhurnal "Neva", ITD "Letniy sad".

24. Belyy, A. (1929) *Ritm kak dialektika i "Mednyy vsadnik"* [Rhythm as Dialectics and "The Bronze Horseman"]. Moscow: Federatsiya.

25. Zhinkin, N.I. (1961) *Mekhanizmy regulirovaniya segmentnykh i prosodicheskikh komponentov yazyka i rechi* [The Mechanisms of Segment and Prosodic Components Regulation in Language and Speech]. In: *Poetics. Poetyka. Poetika*. Warszawa: Panstwowe Wydawnictwo Naukowe pp. 81–82.

26. Eliot, T.S. (1975) *The Waste Land and Other Poems*. London: Faber and Faber.

Информация об авторе:

Цветкова М.В. – д-р филол. наук, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Нижний Новгород, Россия). E-mail: mtsvetkova@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.V. Tsvetkova, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research University Higher School of Economics (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: mtsvetkova@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.02.2020;
одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 18.07.2022.*

*The article was submitted 18.02.2020;
approved after reviewing 11.05.2022; accepted for publication 18.07.2022.*

Научная статья

УДК 82.091

doi: 10.17223/19986645/78/10

Рецепции идей и мифообразности Даниила Андреева в творчестве современных прозаиков (Юрий Арабов и Виктор Пелевин)

Игорь Викторович Чиндин

*Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
Москва, Россия, chindin@inbox.ru*

Аннотация. Рассматриваются заимствования идей и мифических «образов» Д.Л. Андреева в творчестве русских писателей конца XX – начала XXI в. Выявляются интертекстуальные отсылки, характерные как для модернистской эстетики, так и постмодернистской; дается их краткое описание. Выделяются современные писатели, в творчестве которых андреевские идеи и «образы» представлены открыто и отчетливо (Ю.Н. Арабов, В.О. Пелевин). Поднимается вопрос о деконструкции андреевского мифомира в зрелом творчестве Пелевина, а также о его карнавальном отыгрывании.

Ключевые слова: интертекст, Даниил Андреев, Виктор Пелевин, метареализм, Юрий Арабов, трансгрессия, деконструкция, эзотерическое ученичество, Роза Мира

Для цитирования: Чиндин И.В. Рецепции идей и мифообразности Даниила Андреева в творчестве современных прозаиков (Юрий Арабов и Виктор Пелевин) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 166–182. doi: 10.17223/19986645/78/10

Original article

doi: 10.17223/19986645/78/10

Daniil Andreyev's ideas and mythical images: Reception in works by contemporary prose writers (Yuri Arabov and Viktor Pelevin)

Igor V. Chindin

*Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation,
chindin@inbox.ru*

Abstract. The present article examines intertextual references of contemporary Russian authors (1980–2020) to the late works of Daniil Andreyev (1906–1959), above all, to *The Rose of the World* (1950–1959). An attempt is made to show the multilevel character of Andreyev's intertext: some modern authors consider the text of *The Rose of the World* as an example of spiritual and mystical literature and refer in their works to the “late” Andreyev as an authoritative Russian “visionary”. This

strategy is designated in the article as esoteric apprenticeship and fits into the aesthetic attitudes of modernism. The author of the article discovers an intertext of this level in Vladimir Sorokin (b. 1955), Yuri Arabov (b. 1954), Konstantin Kedrov (b. 1942) and partly in Viktor Pelevin (b. 1962). At the same time, the apologetisation of *The Rose of the World* in the late works of Oleg Lukyanov (1937–1998), a Soviet science fiction writer, is not considered by the author of the article as an artistic intertext. The second level of Andreyev's intertext is found in the works of Pelevin. This level is characterized by the consideration of *The Rose of the World* not only as an authoritative spiritual and mystical teaching, but also as an object of deconstruction. Postmodern aesthetic attitudes can be found in this strategy. In the opinion of the author of the article, deconstruction arises due to the fact that Andreyevs "images" (newest mythical creatures) are removed by Pelevin from the sacred context of Andreyev's newest myth about the Rose of the World and placed in an aesthetic context. In this way, the postmodern aesthetic playing of the sacred "images" of *The Rose of the World* takes place. Pelevin applies this strategy in *Generation P* (1999). In the story "Burning Bush" from the collection *Pineapple Water for the Fair Lady* (2010), Pelevin adds elements of destruction to the deconstruction of the sacred "images" of the Rose of the World (in particular, the demon Gagtungr) by placing them in the context of an ironic narrative about "spiritual growth" of the main character (Semyon Levitan). Irony, grotesque, hyperbole not only destroy the sacredness of Andreyev's demonic "image", but also introduce carnival laughter into it. As a result of this, the monstrousness of the "image" is also subject to destruction. At the end of the article, the author comes to the conclusion that Andreyev's intertext in Russian literature of the late 20th – early 21st centuries can be interpreted in the modernist tradition of esoteric apprenticeship and in the aspect of postmodern deconstruction. While the modernist tradition is aimed, in general, at rehabilitating of the name of the writer repressed in the middle of the 20th century and creating an esoteric aura of a spiritual "mentor" and "teacher" around him, the postmodern deconstruction is aimed at returning the phenomena of his work to the world of artistic imagery. Postmodern "enactment" causes a precedent of reversed transgression to Andreyev's mythical world: from the latest myth into literature. The mythical creatures of Andreyev's "transphysics", falling into the literary context, become artistic images. The author of the article considers this fact of recurrent transgression as a positive cultural assimilation of Andreyev's newest myth by the artistic culture of the 21st century. The poet and writer who disappeared from imaginative literature due to socio-political repressions gains his "metahistorical" life in it.

Keywords: intertext, Daniil Andreyev, Viktor Pelevin, metarealism, Yuri Arabov, transgression, deconstruction, esoteric apprenticeship, Rose of the World

For citation: Chindin, I.V. (2022) Daniil Andreyev's ideas and mythical images: Reception in works by contemporary prose writers (Yuri Arabov and Viktor Pelevin). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 166–182. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/10

1. Модернистский способ заимствований

Характеристика и контекст. Ссылки писателя современности на представителя культуры старшего поколения с ориентацией на его духовно-мистический опыт могут быть осмыслены в рамках общемодернистской традиции эзотерического ученичества. Яркими примерами здесь являются

образцы транспонирования мистико-философских смыслов из антропософии Р. Штайнера в зрелое творчество А. Белого или элементов эзотерического учения П. Успенского в эстетику кубофутуризма и др. «Художники подпадали под влияние тех или иных оккультных и восточных наставников или их текстов, заимствовали идеи и средства из их инструментария, использовали их для своих творческих целей и шли дальше. Эта модель сохранялась на протяжении всего XX века» [1. С. 30].

Если принять во внимание тот факт, что публикации «Розы Мира» Д.Л. Андреева (1906–1959) в 1970-х гг. осуществлялись тем же способом «самиздата», что и текстов соцартовцев, концептуалистов, метареалистов и ранних постмодернистов, то вполне можно допустить, что общий «антисоветский» пафос позволял в свое время молодым представителям советского андеграунда воспринимать автора «Розы Мира» если не как гуру и духовного лидера, то, по крайней мере, как «своего», близкого по духу писателя старшего поколения. Эпитет «антисоветский» здесь следует понимать в первую очередь не в сугубо политическом смысле, а в мировоззренческом – в качестве отсутствия веры в ценностные ориентиры коммунистической идеологии, критического отношения к материализму, увлечения вопросами религии и мистицизма.

В 1983 г. М.Н. Эпштейн провозглашает манифесты «нового сознания». В качестве его важнейшей характеристики он выделяет универсализм, ссылаясь при этом на «Розу Мира» [2. С. 379]. Название обозначаемого им нового «стилевого течения» русской литературы 1970–1980-х гг. М. Эпштейн перенимает в 1982 г. у Андреева – *метареализм*. И хотя речь здесь идет не о заимствовании поэтики и структуры художественного текста, тем не менее искусствовед указывает на некоторую содержательную сопричастность творчества метареалистов тому, что в 1930–1950-х гг. можно было обнаружить у Андреева. «Поэзия самого Даниила Андреева может служить образцом перехода от символизма начала XX века к “метареализму” его конца» [2. С. 172]. Помимо М. Эпштейна над обоснованием метареализма как поэтического направления работает с конца 1970-х гг. К.А. Кедров, вводя в литературный оборот термин «метаметафора». К. Кедров в конце 1991 г. был в России первым рецензентом первого издания «Розы Мира» (издательство «Прометей»), опубликовавшим свою небольшую статью в «Известиях», которая заканчивалась восторженной кодой: «Ни один серьезный мыслитель, думающий о жизни, смерти и бессмертии человека, не сможет обойти стороной „Розу Мира“ Даниила Андреева <...> Как апостол Павел, он прошел сквозь стены сталинской тюрьмы, ведомый ангелом вдохновения. Вышел сам и нам указал дорогу, к настоящей свободе» [3].

Образы и идеи Даниила Андреева в прозе Юрия Арабова. В творчестве одного из ярких представителей метареализма «второго призыва» – Ю.Н. Арабова – модернистская установка ориентации художника на духовный авторитет «наставника» обнаруживается очевидно. В выступлении на конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Д.Л. Андреева

(2016 г., ИМЛИ РАН), Ю.Н. Арабов, вспоминая 1970-е гг. и период хождения рукописных версий «Розы Мира» в неофициальных литературных кругах, сказал, что следствием этого хождения самосшитых страниц рукописи была «целая генерация людей, которые пытались что-то сделать и делали в поэзии то, что назвалось метареализмом» [4]. Безусловно, частное высказывание одного из представителей литературного направления следует рассматривать в контексте общей тематики конференции. В беседе с автором этой статьи во время перерыва между сессиями конференции Юрий Николаевич подтвердил предположение о большом влиянии на поэтику метареалистов творчества О. Мандельштама и Б. Пастернака. Тем не менее привлечение внимания в годы «застоя» к иным, нежели материальная, реальностям, пристальный интерес к вопросам взаимодействия этих реальностей, реабилитация философско-религиозных тем в поле сознания советского человека и, наконец, «поиск Бога в обезбоженном постмодернистском мире» [5] – подобная тематика, отсылающая к рукописям «Розы Мира», могла влиять на формирование метареализма. Количественно андреевских заимствований у Ю. Арабова можно обнаружить, пожалуй, больше, чем у других писателей современности. Это и прямые цитаты («Механика судеб» (1997), глава-приложение «О том, чего нет», описание видения во сне), и аллюзии / реминисценции («Орлеан» (2011) – карнавальное опрокинутая Олирна как вершина метакультуры у Андреева; «Столкновение с бабочкой» (2014) – в главе 11 упоминание о роли демона государственности в правлении династии Романовых и др.), и непосредственно личные высказывания о высоком признании опыта богопознания Д. Андреева в интервью («Как только я найду Бога – умру, но для меня это будет счастьем» [6]).

Самый экзальтированный и радикальный в плане модернистского освоения андреевского учения текст 37-летнего на тот момент писателя-метареалиста – это статья «Августовский переворот глазами метаисторика» [7], которую Ю. Арабов написал в конце 1991 г. и опубликовал в 1992 г. По пафосу статья выходит за пределы простого увлечения современного писателя мистическим опытом «духовидца» и позволяет рассматривать его как верного ученика и исповедника «идей» Д. Андреева. Августовские события 1991 г. Ю. Арабов трактует через призму андреевской «метаистории» и «трансфизики», полагая, что в фигурах лидеров ГКЧП был инспирирован демон государственности (уицраор), а в фигурах Горбачева и Ельцина – светлая божественная инстанция (демиург России). В конце статьи ее автор пытается пророчить о будущем России (как и всего мира) XXI в. Статья может предстать читателю, знакомому с наследием Д. Андреева, как своеобразное *дописание* «Розы Мира» «метаисторией» последних десятилетий XX в.

Сегодня эта статья, на наш взгляд, интересна в качестве примера того, до каких границ и пределов могут быть освоены представителями модернистского и неомодернистского искусства различного рода религиозно-философские концепции (стоит заметить, что метареализм Арабова, по его

словам, «не является частью постмодернистской культуры» [5]). Текст статьи позволяет увидеть, как хронологически зеркально и полярно внутри XX в. отражается усвоение мессианско-эсхатологических смыслов молодыми художниками. В первом десятилетии XX в. молодой поэт А. Белый (периода «арго») вслед за своим духовным учителем В. Соловьевым провидит за событиями земной жизни поступь божественной Софии, а в последнем десятилетии XX в. поэт (старше по возрасту) Ю. Арабов вслед за своим духовным учителем Д. Андреевым прозревает за историческими событиями поступь Звенты-Свентаны. И Белый и Арабов, проходя через религиозно-философские учения, наследуют из них определенные духовные ориентиры, посвящают им часть своей творческой жизни, но потом идут своим путем художника и писателя. Смыслы и ценности религиозно-философского учения впоследствии проявляют себя в их литературном творчестве как разного рода интертекст (цитаты, аллюзии, реминисценции и т.п.). Для сравнения обратимся к иному примеру преемственности эсхатологии Д. Андреева.

Преемственность эсхатологического пафоса «Розы Мира» у «позднего» Олега Лукьянова – книга «Миф о планетарном космосе: “Роза Мира” Даниила Андреева» [8]. Советский писатель-фантаст О.М. Лукьянов (1937–1998), начав писательскую деятельность в 1975 г. с рассказа «Пробуждение», с 1979 по 1989 г. опубликовал три сборника научно-фантастических рассказов и повестей («Вся мощь вселенной» (1979), «Человек из пробырки» (1987), «Покушение на планету» (1989)). Однако ознакомившись в 1991 г. с «Розой Мира», Лукьянов оставляет писательство и последние семь лет своей жизни (с 1991 по 1998 г.) посвящает осмыслению книги Д. Андреева как «одной из великих вершин мировой философской мысли» [8. С. 122]. Заимствования у Лукьянова приобретают вид отсылок к высказываниям духовного учителя и современного пророка. В «Мифе о планетарном космосе» автор доказывает истинность учения Андреева о вселенной: «По силе, яркости и ценности полученных им откровений духовный опыт Андреева вряд ли уступает аналогичному опыту ветхозаветных пророков, а может быть, и превосходит его» [8. С. 336]. Причиной, подтолкнувшей советского интеллигента к обращению в адепта «Розы Мира», явилось крушение коммунистической идеологии и разочарование в ее мессианском потенциале, а также разочарование в «перестройке» и последующих социальных переменах 1990-х гг. На фоне крушения социально-политической системы СССР в общественном сознании всплывают темы спасения как индивидуального, так и коллективного вплоть до мирового. Постсоветская сотериология не ограничивается лишь реабилитацией ее христианского извода. На протяжении шести глав монографии Лукьянов, вслед за Андреевым, проводит мысль о борьбе темных и светлых сил за род человеческий, о возможном и необходимом объединении мира под эгидой божественного («провиденциального») начала. Лишь в седьмой, последней, главе автор «Мифа о планетарном космосе» пытается проблематизировать андреевскую эсхатологию и, оценивая содержание

предыдущих шести глав своей книги, откреститься от апологетизации «Розы Мира». Однако мессианская ментальность советского интеллигента, в основании которой лежит убеждение, что творческий труд человека и борьба с мировым злом могут спасти не только его душу, но и породить в истории прекрасное «тысячелетнее царство на земле», не позволяют Лукьянову критически взглянуть на андреевский «миф». Его «критика» андреевской эсхатологии имеет тот же, что и у самого Андреева, сотериологический характер и направлена на полемику вокруг того же вопроса спасения мира от демонического зла; критика не выходит за рамки андреевской «метафилософии» и не поднимается на качественно иной уровень рефлексии. «Совершенно невероятно, чтобы демонические силы не попытались внести искажения в опаснейшую для них книгу. Можно ли поручиться за то, что к потоку информации, которую Андреев получал из высших миров, – и вербальной (“голоса”), и чувственной (“видения”) – не подмешивались незаметно для самого творца демонические “добавления”? Тут вполне уместна аналогия с помехами при приёме далёкой радиостанции» [8. С. 583].

Трансгрессивность по отношению к художественному творчеству, которую мы можем наблюдать у «позднего» Андреева, под влиянием эсхатологических и мессианских интуиций передается Лукьянову. Писатель-фантаст подпадает под влияние андреевского откровения, наследует его мессианско-сотериологический пафос, принимает хиротонию в проповедники откровения, реализует проповедь Розы Мира, но при этом, к сожалению, утрачивает свое художественное дарование. Андреевский интертекст у «позднего» Лукьянова не принадлежит к способу художественного освоения культуры, нельзя назвать художественным произведением и саму последнюю книгу советского писателя-фантаста. Потому интертекст Д. Андреева в «Мифе о планетарном космосе» не может быть отнесен к модернистской традиции эзотерического ученичества. Жанр научной фантастики в творчестве О.М. Лукьянова не устоял перед магией новейшего мифа и ассимилировался, уподобился самому мифу. В данном случае не фантастика освоила новейший миф, а миф освоил советскую фантастику.

Рецензии андреевской модернистской эсхатологии русскими постмодернистами. При первом приближении смысловые и текстовые заимствования представителей нового русского искусства 1970–1980-х гг. из «позднего» Андреева можно рассматривать в качестве апелляции к авторитету духовного наставника, гуру, с характерной для них *увлеченностью* эзотерическими концепциями, при *неучастии* в их апологетизации. Советский андеграунд 1970–1980-х гг. ищет духовную поддержку у предшествующих поколений в противостоянии соцреализму, материализму и находит ее в том числе у Д. Андреева – репрессированного духовидца. Если в Европе постмодернистский дискурс возникает на основе полемики с модернизмом, отталкивания от него, оппозиции ему, то, как пишет М.Н. Липовецкий, «в русской культуре роль модернизма занял соцреализм, а также близкий к нему дискурс социального или идеологического реализма» [9. С. 458]. В связи с этим «эзотерическое» модернистское твор-

чество Андреева до начала 2000-х гг. получает дополнительные охранительные резервы от постмодернистской деконструкции.

Дискредитатор и разоблачитель любого авторитетного дискурса В.Г. Сорокин в одном из своих очерков («Пуще неволи» в сб. «Нормальная история», 2019) со скрытым одобрением ссылается на высказывания Андреева об охоте. Той же позиции *увлечения / неучастия* придерживается и В.О. Пелевин; вот высказывание в одном из его редких интервью: «Что такое город? Это место, где люди живут по той причине, что раньше их там много умерло. Еще это фабрика денег. Вот только на кого эта фабрика работает? Даниил Андреев согласился бы, что вряд ли на людей» [10].

Духовный авторитет Андреева сохраняется у Пелевина по сей день. В «Искусстве легких касаний» (2019) автор-повествователь, вводя читателя в смыслы «ноосферного импринтинга» и творчески интерпретируемого образа химеры, считает должным сослаться на знаменитого шведского духовидца Э. Сведенборга (его высказывания о «духе времени») и Д. Андреева. Точно сказать, какие именно высказывания последнего о многочисленных «духовных» феноменах мировой истории здесь имеет в виду автор «Искусства легких касаний», трудно (исходя из общего смысла повествования, речь может идти об андреевских «эгрегорах», однако может быть и другой феномен, описанный в «Розе Мира»), но сам факт ссылки на «трансфизику» Андреева с параллельной ссылкой на учение Сведенборга говорит о высоком «духовном рейтинге» русского визионера у Пелевина.

Отметим, что «Роза Мира» Андреева не единственное учение в горизонте признаваемого духовного опыта у Пелевина. Общеизвестен факт буддийской направленности его миросозерцания («Мировоззрение автора соотносится с общей концепцией буддизма, согласно которой мир – это плен» [11. С. 5]. «Буддийский код» становится для писателя инструментом познания действительности», – пишет Я. Мэйпин [11. С. 17]). Значительное влияние на Пелевина (особенно до 2000-х гг.) оказало творчество К. Кастанеды [12].

Таким образом, если допустить, что в русской культуре советского периода существуют немногие ее представители, о которых позднее русские писатели *пост- (анти-) советского толка* высказывались нейтрально или с уважением, то «поздний» Андреев окажется из их числа. Однако андреевские рецепции у Пелевина одной модернистской установкой на эзотерическое ученичество не исчерпываются. Если обратиться к анализу образной системы и поэтике некоторых произведений Пелевина, то обнаруживаются характерные для постмодернизма элементы деконструкции андреевских «образов».

2. Постмодернистский способ заимствований-деконструкции

Рецепция андреевской мифообразности в романе Виктора Пелевина «Generation “П”». Хронологически первым опытом включения андреевского «образа» в художественную ткань произведения Пелевина можно назвать использование «образа» Навны в «Generation “П”» (1999). Соглас-

но сюжету главный герой романа – Вавилен Татарский – проходит ряд последовательных посвящений в тайну вавилонского культа богини Иштар. Земным аналогом продвижения вверх по ступеням символического зиккурата становится карьера Татарского в качестве специалиста по созданию маркетинговых, а затем социально-политических иллюзий, необходимых для манипулирования сознанием постсоветского гражданина. На одной из таких ступеней герой (став «кризйтором» и сотрудником одного из «агентств») знакомится с неким продавцом ЛСД Григорием, в диалоге с которым метафорически обрисовывается духовная ситуация России 1990-х гг. Продавец ЛСД рассказывает Татарскому о своем «видении», в котором использован андреевский «образ» «Души России» – Навны. В частности, Григорий говорит, что в его инсайте «русскую Душу» жестко насилует, одновременно подсаживая на наркотики, монструозно-демонический негр. Апелляция к андреевскому «образу» позволяет на языке символов сказать о том, какие тяжелые трансформации претерпевала русская духовность в начале 1990-х гг.

Постмодернистская деконструкция здесь обнаруживается не в иронии и разоблачении смыслов чужого (андреевского) текста, а в перенесении смысла из одного вида дискурса в качественно иной и во включении этого смысла в иные семантические связи. Если деконструкция советского звездно-космического проекта в романе Пелевина «Омон Ра» сводилась к тотальной дискредитации исторического проекта (метафорическое захоронение: герой летит не к звездам, а вглубь тоннелей московской подземки), то по отношению к андреевской «мифопоэтической образности» (несмотря на «жесткость» сцены насилия), к «образу» Навны мы дискредитации не наблюдаем. Пелевин не развенчивает андреевскую «трансфизику» и «метаисторию».

Десять лет спустя после своих «манифестов» М. Эпштейн, педантично разобрав на элементы «метаисторию» Андреева, указал на несостоятельность его «утопии» и, поместив ее в контекст русской религиозной философии, обратил внимание на слепоту Андреева к противоречиям хилиазма [13]. В художественной рефлексии Пелевина при обращении к андреевскому «образу» разоблачительного пафоса не обнаруживается. Напротив, Пелевин следует сюжетно-«образной» логике Андреева: у последнего «Душа России» подвергалась репрессии в виде пленения демоническими силами и заточения в темницу-«цитадель» («О, русский стих! О пленной Навне // Тоскуй и плач!» [14. Т. 1. С. 210]), у писателя постсоветской эпохи репрессия и становятся грубым половым насилием.

Нравственный вектор погружения в «пустоту» бездуховности и отсутствия ценностных ориентиров можно обнаружить в общей атмосфере романа: жизненный путь Вавилена начинается в мире симулякров советской идеологии, повзрослев, не в мир реальности, а в мир еще более изощренной симуляции – в ельцинскую Россию («из огня да в полымя»). «Наши родители должны были выбирать из одного полумертвого, но настоящего Брежнева, а мы выбираем из десяти разных галлюцинаций, не зная, что за

этим стоит» [15]. Если бы не «тайные доктрины Вавилона», то Татарский со своего рождения был бы обделен истинным бытием; имя его возводилось не к древнему городу, а к Владимиру Ленину. Герой стремится прорваться к реальности, «задает вопросы» (в этом он отличается от других персонажей, к примеру от Морковина, который себя «больно щипает», когда хочет «задать вопрос»), но его желание «докопаться до истины» оборачивается бессмысленным блужданием слепого в темноте. Татарский, казалось бы, хочет помочь Богу, но помощь выходит нелепой и лишеной онтологической сути: вместо того, чтобы очистить свое сознание от ложных представлений, он самому Богу предлагает создать «эффективный» рекламный образ, полагая, что, погрузив Его в симулятивную реальность, он Ему сможет помочь.

Цель *непроизвольной* деконструкции андреевского «образа» Навны состоит в следующем. Персонажи позднего творчества Д. Андреева суть не художественные образы и не продукты поэтического вымысла. Навна для автора «Розы Мира» – это реальное *существо*, а не продукт поэтического воображения. Навна – это конкретная нуминозная сущность той *наиреальнейшей* для Андреева реальности, которая явлена в его позднем творчестве. Это мифическое существо. Под словом «миф» мы понимаем не мир симулякров, созданный *социальной мифологией*, а божественный мир, лишенный несовершенства земного бытия, к этому высшему миру восходит просветленное сознание духовидца. Мифическая реальность Андреева («трансфизика») – это высшая целостная (идеал-материальная) реальность, в которой обитает божественная сущность – Навна.

В строгом смысле слова для адептов андреевского мифа *поэтизировать* сакральную персону, помещать ее в художественный контекст запрещено – это приведет к профанации (обмирщению) священной персоны. Изымая же Навну из сакрального «контекста» андреевского «триптиха» («Роза Мира», «Русские боги», «Железная мистерия») и инкорпорируя ее в контекст художественного произведения, Пелевин, с одной стороны, деконструирует сакральный «образ». Деконструкция связана не столько с жесткостью сцены насилия Навны, а с изъятием «образа» из одного (мифического, сакрального) контекста в иной контекст – художественный. Точнее: изъятия из *новейшего мифического жизне-текста* и помещения в *художественный контекст*. С другой стороны, можно указать на смелую попытку писателя размыть грань между литературной образностью и жизнью, приближаясь к постмодернистскому подобию андреевскому жизне-тексту. Пелевинский текст фантазмагоричен и одновременно реалистичен. Он втягивает в себя историческую реальность, представляя читателю правдоподобно выписанных двойников живущих и действующих в конце 1990-х гг. известнейших политических персон (президента Ельцина, ученого и олигарха Березовского, террориста Радуева – на момент публикации романа они были живы), вследствие чего создается эффект стирания границы между вымыслом и явью, которое не уничтожает самой природы художественного текста. Произведение Пелевина – это роман, в котором плодо-

творно используются приемы и методы постмодернизма; игра жизненной реальности с художественным вымыслом здесь укладывается в рамки постмодернистской эстетики. Творение же Андреева – это целостный *жизне-текст* новейшего мифа понятия игры художественного вымысла, полета фантазии к этому *жизне-тексту* не должны быть приложимы: «Может быть, читающий эту книгу, – находим в «Розе Мира», – упрекнёт меня в недостатке воображения <...> Но ведь именно игру воображения я стремлюсь изгнать с этих страниц, и чем беднее они фантазией – тем лучше» [14. Т. 3. С. 146]. Поэтому мы говорим о заимствовании Пелевиным у Андреева «образа» Навны в структуре романа «Generation “П”» именно как о *непроизвольной деконструкции*, а не как о типичной для постмодернистской поэтики интертекстуальности. Заимствуя в художественных целях какой-либо элемент из *жизне-текста* и помещая его в новый *художественный контекст*, современный писатель осуществляет непроизвольную деконструкцию этого элемента (в данном случае *существо* Навны деконструируется и превращается в *образ* Навны).

У Андреева переход *текста* в *жизнь* осуществился в 1950-х гг. не в игровом ключе, он повлек за собой дальнейшее их объединение и восхождение автора «метаисторического трактата» [17] в мир мифической целостности бытия.

Рецепции андреевской мифообразности в повести Виктора Пелевина «Burning Bush». Следующим и более глубоким опытом включения андреевского «образа» в художественную ткань произведения Пелевина можно назвать использование «образа» Гагтунгра в повести «Burning Bush» сборника «Ананасовая вода для прекрасной дамы» (2010). В повести, как и в рассмотренном романе, заимствования андреевской образности можно отнести в разряд деконструкции и последующей интертекстуальности; деконструкция также понимается здесь как семантическая пересборка, перевод из одного вида дискурса в другой, изъятие из мифического *жизне-текста* и помещение в художественный *контекст*. «Деконструкция предполагает, что любой элемент художественного языка может быть свободно перенесен в другой исторический, социальный, политический, культурный контекст, либо процитирован вообще вне всякого контекста» [18]. Однако в рассматриваемом варианте семантической симультанной разборки и сборки андреевского «образа» обнаруживаются характерные для постмодернизма установки на *деструкцию* логоцентрических моделей текста.

Общий иронический пафос, которым сопровождается описание противостояния разведслужб России и США, передается описанию инструментов их борьбы. Включение андреевского «образа» в контекст фантазмагорических операций ГРУ и ЦРУ задает соответствующий тон прочтения и самому «образу». Симулятивный характер «Духа Синайской пустыни», который формируется в повести описанием фантастических манипуляций с зубом Дж. Буша, навязывает симулятивное же восприятие и андреевского «образа» – демона Гагтунгра. В первом случае во время фантазмагорических сеансов связи с Дж. Бушем симулируется голос Бога, звучащий в го-

лове американского президента; во втором случае за счет создания волшебного «трона Гагтунгра» в тайной гранитной комнате Кремля симулируется «место силы» (демонической) для общения Сталина с демоном (по Андрееву, Сталин периодически впадал в демонический транс под названием «хохха» и получал в нем заряды темной энергии, а также ценные указания от темных сил для поддержания своей власти).

Главный герой, Семен Левитан, согласно сюжету повести, благодаря своему дару имитировать «божественные» голоса сначала оказывается втянут в мытарства секретной операции российской разведки. После завершения операции российского ГРУ (в которой герой симулировал сначала голос Бога, а затем дьявола) Семен чудом выпутывается из интриги руководства, остается жив, но насильно перевербовывается ЦРУ, где начинает выполнять аналогичные функции. Сюжет повести представляет собой картину блуждания героя в хитростях и обманах, изобретаемых государственно-идеологическими машинами в ходе их скрытого противостояния друг другу. Поэтому изъятие «образа» Гагтунгра из мифического *жизне-текста* Андреева и помещение его в художественно-фантазийный контекст манипуляций со сферой сакрального, в контекст симулятивной сакральности (ГРУ симулирует голос Бога, ЦРУ симулирует голос демона) не только деконструирует андреевский «образ», но и в определенной мере разрушает (разрушает) его. Однако однозначно сказать, что в «*Burning Bush*» писатель пытается иронически разоблачить андреевскую «инфрафизику» (как и миф Андреева о «метаистории») нельзя.

Безусловно, Пелевин в этой повести позволяет себе «игривый» тон по отношению к *жизне-тексту* Андреева, позволяет себе «разыграть» сакральную сущность мифа Андреева в традициях постмодернистской эстетики. Позволяет себе значительно исказить творческие и биографические факты: согласно сюжету повести Сталин знакомится с черновиком рукописи «Розы Мира» в 1949 г., хотя работу над этим произведением андреев начал только в декабре 1950 г. Помимо этого, во Владимирской тюрьме (как и после освобождения) Андреев создавал свои *жизне-тексты* тайно и никто (за исключением, пожалуй, А.А. Андреевой) с ними знаком быть не мог (тем более «темный пастырь» Страны Советов). Отчасти «игривый» тон наррации связан с тем, что на излете первого десятилетия 2000-х гг. пародированию и деконструкции в творчестве Пелевина подлежат не только советская идеологическая утопия и массовая культура (как в первой половине 1990-х гг., в период «бури и натиска» российского постмодернизма) [2. С. 9], но и модернизм вкупе с самим постмодернизмом. Однако стоит отметить, что разыгрывание андреевской «инфрафизической» (демонической) «образности», в определенной мере разрушающее ее, имеет свои особенности.

Параллельно с темой противостояния двух порождающих симулятивную реальность идеологических систем (ГРУ – ЦРУ) в повести развивается тема духовных трансформаций главного героя. Семен Левитан – «маленький еврей», как заявлено в эпитафии, способен «написать Библию».

«Маленький человек», «еврейский лузер», *узнает* Бога и даже «превращается» в Него, но «понарошку», иронически, *карнавально*.

Семантика «превращения» как «преображения» присутствует в жизненных перипетиях главного героя, что позволяет в «игре дискурсов» найти элементы средневекового жития. Заимствование Пелевиным жанровой семантики жития (жизнь как восхождение к Богу) позволяет увидеть в повести постмодернистский аналог – «Житие святого Семена-иудея». Семантика открытия в человеке божественного начала здесь имеет латентный характер; она проглядывает из-под слоя идеологических и политических манипуляций и появляется в качестве их побочного эффекта. Собственных волевых, молитвенных усилий для преобразования «маленький еврей» Семен не прикладывает. Иерофания «Духа Синайской пустыни» происходит не благодаря его желанию стяжать божественное откровение, а независимо от его личных устремлений. В конце произведения герой-повествователь говорит, что в своих трансперсональных трипах он начал принимать форму «горящего куста» для многих встречающихся с ним «на перекрестках миров». Но и данная метаморфоза за-квашенного «эйдоса» героя в «горящий куст» осуществляется лишь в трансперсональном мире, в который герой попадает «игровым» способом (погружаясь в депривационную камеру и употребив дозу наркотических препаратов – «квасок Добросвета»).

В целом сюжетный пласт, связанный с духовным «развитием» героя, предстает как, во-первых, «карнавальное житие» (житие «маленького человека» с перевернутой вверх тормашками ценностной шкалой координат) – сначала герой преобразуется из «еврея-лузера» в Бога, а затем «падение» «преображает» в Сатану; во-вторых, как описанный М. Бубером (имя которого упоминается в повести) внутренний диалог-спор человека (иудея) с Богом, компромиссным разрешением которого является последняя строка повести: «...всей душой, всем своим пробитым навывлет сердцем я верую, что Господь меня простит – как я прощаю Его» [19. С. 145].

К карнавальным элементам повести можно отнести также врожденный талант героя-повествователя, без жизненной реализации которого он остался бы «лузером». Способность имитировать чужие (авторитетные, вплоть до божественных и загробных) голоса восходит к подражательной традиции героя-пересмешника и шута. Стандартный механизм социальной адаптации – работа по «обычной» профессии преподавателем английского языка – ни к каким духовным результатам героя не приводит (после прогнозов на последующие 20 лет у героя возникают мысли о никчемности своего существования и о самоубийстве). Лишь после того, как у Семена неожиданно оказывается востребованным его уникальный дар имитации голосов, т.е. лишь после раскрытия его карнавального «я», для него открывается путь «духовного роста» и исполнения своей жизненной миссии.

В дополнение к сказанному в образе главного героя Семена Левитана можно разглядеть карнавальные аллюзии на самого Андреева, который до попадания во Владимирский централ был кулуарным, «подпольным», непечатающимся и малоизвестным поэтом. Имя Даниила Андреева стало

известно широкой публике после публикации «поздних» произведений, написанных им в местах лишения свободы. Герой Пелевина, как и Андреев, попадает в место ограничения (лишения) свободы, где усиливается его связь с духовной сферой: ему открываются как божественный мир, так и демонический. Главное влияние на судьбу героя оказывают его карнавальный «духовник» Добросвет (демиург Ярсвет у Андреева) и представитель «воинствующей государственности» генерал Шмыга (уицраор Жругр у Андреева).

Карнавальная семантика главного героя распространяется и на андреевскую «образность». Помещая сакральный «образ» в художественную реальность, где царят манипулирование сакральной сферой и ее симуляция, Пелевин дискредитирует сакральность андреевского «образа», иронизирует. С другой стороны, гиперболизируя воздействие этого «образа» на советскую власть в лице всех ее лидеров (по сюжету на троне Гагтунгра после Сталина стали сидеть все правители СССР и в дальнейшем – России), вводя элементы гротеска в описание приобщения Семена Левитана к смыслам андреевской «инфрафизики»: предварительный укол в высунутую из люка цистерны ягодицу); сеансы связи российского правителя с демоном (голосом демона говорит майор Егор Лаптев, который раньше был певчим в церковном хоре и которого Берия взял на довольствие из-за могучего баса); после сеансов связи постсталинских советских вождей с Гагтунгром-Лаптевым у последних случалось недержание мочи, в связи с чем в капище устроен гранитный туалет. Пелевин десакрализирует нуминозное существо новейшего мифа и этим ограничивает его бытие в качестве священного субъекта поклонения, но за счет карнавального разыгрывания он открывает ему двери в новое бытие – в бытие художественной образности, в мир художественной культуры. Пелевин андреевский миф превращает в литературный образ, а не в *жизне-текст*. Но если так, то элементы нового текста должны подчиняться уже законам литературной игры, а не законам апологетизации.

Как этически оценить этот культурный жест современного писателя? Адепты-андреееды, по всей видимости, усмотрят в олитературивании образного мира их духовного учителя профанацию андреевской мистики и духовности. Однако ассимиляция русской культурой непростого наследия художника, совершившего выход из художественной образности и шагнувшего в мир «цельного знания», немислима без допущения некоторого рода *относительности* его высказываний о мироздании.

Травма, трансгрессия и карнавальная поэтизация. Роза Мира как глобальный проект переустройства бытия, с одной стороны, вырастает из *гипер*-нарративов модернизма. Прав И.И. Евлампиев [20. С. 44], назвавший «Розу Мира» «последним великим романом Серебряного века»; сошлёмся на М.Н. Эпштейна, предложившего увидеть во внутреннем движении любого модернистского *гипер*-нарратива неизбежную «ироническую диалектику» перехода от «супер» к «псевдо». «Модернизм – это “супер”, поиск абсолютной и чистой реальности. Постмодернизм – это “псевдо”, осозна-

ние условного, знакового, симулятивного характера этой реальности. *Этот переход от “супер” к “псевдо”, от экстатических иллюзий чистой реальности к ироническому осознанию этой реальности как чистой иллюзии составляет историческое движение западной и российской культуры XX века* [2. С. 42].

С другой стороны, осмысление Розы Мира как модернистского гипер-проекта немислимо без признания *травматичности* того опыта, который пришлось пережить художнику вследствие ареста его самого, репрессий людей, его окружавших (по делу Д. Андреева проходило около ста человек), вследствие уничтожения его романа («Странники ночи») и большинства рукописных поэтических тетрадей. Не случись подобной травмы с поэтом-писателем, трансгрессии художественного творчества в мифическое не состоялось бы. Об этом свидетельствует и сам Андреев, благодаря репрессию и тюремное заключение за мощнейшую интенсификацию его «метаисторического» опыта, за прорыв его мистического чувства в область идеал-материального единства и рождение мифа о грядущем «всечеловеческом Братстве» [14. Т. 3. С. 9].

Об этом также свидетельствует и меняющееся отношение творца новейшего мифического хронотопа к Розе Мира спустя короткое время после его освобождения из тюрьмы. Будучи в заключении, Андреев был твердо уверен, что Роза Мира воцарится (этой уверенностью заканчивается «Железная мистерия» и XI Книга «Розы Мира»); пожив какое-то время на свободе, он начинает сомневаться в ближайшем наступлении этой «*belle époque*» (сомнениями начинается XII Книга). Более того, из содержания этой XII – последней – Книги видно, что Роза Мира если и наступит, то навеки утвердиться на исторической арене не сможет. Окончанием мировой истории окажется не Роза Мира. Позднее творчество Андреева, помимо всего прочего, можно назвать иллюстрацией того болезненно пережитого антропологического опыта, отраженного в явлениях культурного порядка, который принято обозначать культурной травмой. В творчестве русская культура подошла к онтологической границе и преобразилась, упраздняя свои оппозиции. Как последующая культурная эпоха может реагировать на такой травматический опыт? «Отечественный литературный постмодернизм <...> может предложить только такие стратегии ее (травмы. – И.Ч.) выживания, которые принадлежат карнавальному отыгрыванию и, следовательно, признанию», – пишет О.В. Мороз [21. С. 20].

Освоение пограничного трансгрессивного опыта культуры немислимо без допущения его карнавальной поэтизации. Акцент ставится не на осмеянии с целью дискредитации – пафос Пелевина по отношению к творчеству Андреева лишен иронии и сарказма. Здесь постмодернистский принцип релевантности всего устойчивого и догматически неоспоримого раблезиански обновляет космос Андреева, косвенно возвращая трансгрессивные феномены его мифотворчества в мир художественной образности. Как враг всего вторичного, симулятивного и ведущего к стагнации, Пелевин не дает превратиться «трансфизике» Андреева в застывший монумент ок-

культурных наук, а его «метаистории» – в неоспоримую догму новейшего хилиазма, лишенную возможности диалогического существования в культуре.

Выводы

Рецепции наследия Д. Андреева в русской литературе конца XX – начала XXI в. могут быть осмыслены в модернистской традиции эзотерического ученичества и в аспекте постмодернистской деконструкции. И если модернистская традиция нацелена на реабилитацию имени Андреева и на создание вокруг него эзотерической ауры духовного «наставника» и «учителя», то постмодернистская деконструкция нацелена на возвращение феноменов его творчества в мир художественной образности. Постмодернистское «разыгрывание» создает прецедент возвратной трансгрессии космосу Андреева: из мифа – в литературу. Олитературивание космоса Андреева в постмодернизме может происходить при его карнавализации, иронизации, гротесковом смещении, гиперболизации. Вследствие этого *мифические существа* андреевской «трансфизики», попадая в литературный контекст, становятся *художественными образами*.

Пелевин интертекстуально (не посягая на однозначность и серьезность) обыгрывает и переводит андреевскую *мифичность* в *образность*. В этой возвратной трансгрессии мы видим положительное освоение андреевского мифа искусством XXI в. Вышедший за границы художественной презентации действительности поэт и писатель вновь обретает в русской литературе свою «метаисторическую» жизнь.

Список источников

1. Фаликов Б. Величина качества. Окультизм, религии Востока и искусство XX века. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 256 с.
2. Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. М. : Высшая школа, 2005. 495 с.
3. Кедров К. Даниил Андреев – тайновидец XX века // Известия. № 295. 12 декабря 1991 г. URL: <http://metapoetry.narod.ru/stat/stat44.htm>
4. Арабов Ю.Н. Даниил Андреев: освобождение Бога от ответственности за зло. URL: https://www.youtube.com/watch?v=P88_1qgGdBE
5. Арабов Ю.Н. Метареализм: Краткий курс. URL: <http://www.marpl.com/rus/metarealisty/arabov.html>
6. Арабов Ю.Н. Как только я найду Бога – умру, но для меня это будет счастьем. URL: <https://www.pravmir.ru/yuriy-arabov-kak-tolko-ya-naydu-boga-umru-no-dlya-menya-eto-budet-schastem/>
7. Арабов Ю.Н. Августовский переворот глазами метаисторика // Искусство кино. 1992. № 4. URL: <http://kinocenter.rsuh.ru/article.html?id=662161>
8. Лукьянов О.М. Миф о планетарном космосе: «Роза Мира» Даниила Андреева. М. : МАКС Пресс, 2010. 616 с.
9. Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 848 с.
10. Кочеткова Н. Писатель Виктор Пелевин: «Вампир в России больше чем вампир». URL: <https://iz.ru/news/318686>

11. Мэйтин Я. Восточные мотивы в произведениях Виктора Пелевина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2019. 28 с.
12. Тойшин Д. Интервью со звездой. URL: <http://viperson.ru/articles/danila-toyshin-intervyu-so-zvezdoy>
13. Эпштейн М.Н. Роза мира и царство Антихриста: о парадоксах русской эсхатологии // Даниил Андреев: proetcontra. СПб. : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. С. 419–475.
14. Андреев Д.Л. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Русский путь, 2006.
15. Пелевин В. Виктор Пелевин спрашивает PРов. URL: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-ankt/1.html>
16. Чиндин И.В. Литература и миф: опыт трансгрессии. М. : Прометей, 2020. 352 с.
17. Андреев Д.Л. Просьба к лицу, которое обнаружит рукопись. URL: <https://tozamira.org/t/906/#lg=post-8484&slide=0>
18. Маньковская И.Б. Деконструкция // Новая философская энциклопедия. Электронная библиотека ИФ РАН ДЕКОНСТРУКЦИЯ. URL: iphlib.ru
19. Пелевин В.О. Ананасовая вода для прекрасной дамы. М. : Эксмо, 2010. 352 с.
20. Евлампиев И.И. «Роза Мира» – последний великий роман Серебряного века // Феномен Даниила Андреева. М. : Канон+, 2015. С. 44–91.
21. Мороз О.В. Культурная травма в российском литературном дискурсе XX века (Виктор Ерофеев, Владимир Сорокин, Виктор Пелевин) : автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2012. 27 с.

References

1. Falikov, B. (2017) *Velichina kachestva. Okkul'tizm, religii Vostoka i iskusstvo XX veka* [The value of quality. Occultism, religions of the East and art of the 20th century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
2. Epshteyn, M.N. (2005) Postmodern v russkoy literature [Postmodern in Russian literature]. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Kedrov, K. (1991) Daniil Andreev – taynovidets XX veka [Daniil Andreyev – a psychic of the 20th century]. *Izvestiya*. 295. 12 December 1991. [Online] Available from: <http://metapoetry.narod.ru/stat/stat44.htm>
4. Arabov, Yu.N. (2016) *Daniil Andreev: osvobozhdenie Boga ot otvetstvennosti za zlo* [Daniil Andreyev: Liberation of God from responsibility for evil]. [Video]. [Online] Available from: https://www.youtube.com/watch?v=P88_1qGdBE
5. Arabov, Yu.N. (n.d.) Metarealizm. Kratkiy kurs [Metarealism. A short course]. [Online] Available from: <http://www.marpl.com/rus/metarealisty/arabov.html>
6. Arabov, Yu.N. (n.d.) *Kak tol'ko ya naydu Boga – umru, no dlya menya eto budet schast'em* [As soon as I find God, I will die, but for me it will be happiness]. [Online] Available from: <https://www.pravmir.ru/yuriy-arabov-kak-tolko-ya-naydu-boga-umru-no-dlya-menya-eto-budet-schastem/>
7. Arabov, Yu.N. (1992) Avgustovskiy perevorot glazami metaistorika [The August coup through the eyes of a metahistorian]. *Iskusstvo kino*. 4. [Online] Available from: <http://kinocenter.rshu.ru/article.html?id=662161>
8. Luk'yanov, O.M. (2010) Mif o planetarnom kosmose: “Roza Mira” Daniila Andreeva [The myth of the planetary space: “Rose of the World” by Daniil Andreyev]. Moscow: MAKS Press.
9. Lipovetskiy, M. (2008) *Paralogii: Transformatsii (post)modernistskogo diskursa v russkoy kul'ture 1920–2000-kh godov* [Paralogies: Transformations of (post)modernist discourse in Russian culture in the 1920s–2000s]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Kochetkova, N. (2006) *Pisatel' Viktor Pelevin: “Vampir v Rossii bol'she chem vampir”* [N. The writer Viktor Pelevin: “A vampire in Russia is more than a vampire.”]. [Online] Available from: <https://iz.ru/news/318686>

11. Meypin, Ya. (2019) *Vostochnye motivy v proizvedeniyakh Viktora Pelevina* [Oriental motifs in Viktor Pelevin's works]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
12. Toyshin, D. (2008) *Interv'yu so zvezдой* [Interview with a star]. [Online] Available from: <http://viperson.ru/articles/danila-toyshin-intervyu-so-zvezдой>
13. Epshteyn, M.N. (2010) *Roza mira i tsarstvo Antikhrista: o paradoksakh russkoy eskhatologii* [The Rose of the World and the Kingdom of the Antichrist: On the Paradoxes of Russian Eschatology]. In: Sadikov-Lansere, G. *Daniil Andreev: proetcontra* [Daniil Andreev: pro et contra]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy. pp. 419–475.
14. Andreev, D.L. (2006) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols]. Moscow: Russkiy put'.
15. Pelevin, V. (n.d.) *Viktor Pelevin sprashivaet P ROV* [Victor Pelevin asks PR experts]. [Online] Available from: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-ankt/1.html>
16. Chindin, I.V. (2020) *Literatura i mif: opyt transgressii* [Literature and myth: An experience of transgression]. Moscow: Prometej.
17. Andreev, D.L. (1958) *Pros'ba k litsu, kotoroe obnaruzhit rukopis'* [Request to the person who discovers the manuscript]. [Online] Available from: <https://rozamira.org/t/906/#lg=post-8484&slide=0>
18. Man'kovskaya, I.B. (2000–2001) *Dekonstruksiya* [Deconstruction]. In: Stepin, V.S. (ed.) *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. [Online] Available from: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about>
19. Pelevin, V.O. (2010) *Ananasovaya voda dlya prekrasnoy damy* [Pineapple water for the fair lady]. Moscow: Eksmo, 2010. 352 s.
20. Evlampiev, I.I. (2015) “Roza Mira” – posledniy velikiy roman Serebryanogo veka [“The Rose of the World” – the last great novel of the Silver Age]. In: *Fenomen Daniila Andreeva* [The Phenomenon of Daniil Andreev]. Moscow: Kanon+. pp. 44–91.
21. Moroz, O.V. (2012) *Kul'turnaya travma v rossiyskom literaturnom diskurse XX veka (Viktor Erofeev, Vladimir Sorokin, Viktor Pelevin)* [Cultural Trauma in Russian Literary Discourse of the 20th Century (Viktor Erofeev, Vladimir Sorokin, Viktor Pelevin)]. Abstract of Culture Studies Cand. Diss. Moscow.

Информация об авторе:

Чиндин И.В. – канд. филос. наук, доцент кафедры философии, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) (Москва, Россия). E-mail: chindin@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Chindin, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Moscow Aviation Institute (National Research University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: chindin@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.09.2021;
одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 18.07.2022.*

*The article was submitted 28.09.2021;
approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 18.07.2022.*

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья
УДК 316.775.4
doi: 10.17223/19986645/78/11

Особенности отношения молодежной аудитории к освещению в СМИ пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19)

Дмитрий Николаевич Баринов

Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, smolsociocenter@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования отношения студенческой молодежи Смоленска к особенностям освещения пандемии COVID-19 в СМИ. Выявлены наиболее популярные источники информации о пандемии, определен уровень доверия к ним, охарактеризована оценка студентами Смоленска влияния информации в СМИ о коронавирусе на население, степени объективности освещения СМИ пандемии, показана специфика эмоционального компонента восприятия информации в СМИ о пандемии COVID-19, отношения студентов к общественным ролям журналиста, реализуемым в процессе освещения пандемии.

Ключевые слова: коронавирус, COVID-19, пандемия, СМИ, социальные медиа, новости, страхи, молодежь

Для цитирования: Баринов Д.Н. Особенности отношения молодежной аудитории к освещению в СМИ пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19)// Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 183–199. doi: 10.17223/19986645/78/11

Original article
doi: 10.17223/19986645/78/11

Features of the young audience's attitude to the media coverage of the coronavirus (COVID-19) pandemic

Dmitry N. Barinov

Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation, smolsociocenter@mail.ru

Abstract. The article presents the results of an empirical study of the attitude of the student youth of Smolensk to the media coverage of the COVID-19 pandemic. The objectives of the study were: to identify the most popular sources of information about the pandemic, to determine the level of confidence in them; to assess the impact of media information about the coronavirus on the population, the degree of objectivity of media coverage of the pandemic; to establish the specificity of the emotional component of the media's perception of information about the COVID-19

pandemic, the attitude to the public roles of the journalist realized when reporting the pandemic. The study used a two-stage sampling. At the first stage, specific intermediate units – 5 institutions of higher education – were selected through a simple random, no-second selection procedure. In the second phase, a quota sample was selected. The sample size was 400. The quota sample included university affiliation and form of study (full-time, part-time (evening) and correspondence). Quota topics were related. The method of collecting empirical data was a personal interview. The field phase of the study took place in December 2020. The resulting data set was processed by MS Excel. The study found that the most sought-after sources of information about the coronavirus pandemic in the student population are Internet resources, reflecting the specificity of the development of the media sphere, in the structure of which new media (Internet portals, social networks) rank the second most popular news source after television. The study also found that traditional media, such as television, are as trustworthy as they are. The study determined that student youth have some skepticism and distrust of official media information about the coronavirus. The study shows that the choice of sources of information and the level of confidence in information about the pandemic among young people reflect the general trend in the perception of such information by Russians, which is due to the lack of precise information about its origin at the beginning of the pandemic, the course of the disease, the means of ensuring safety, as well as the contradictory information circulating in the mass media about the infection. The analysis found that in assessing the role of journalists in reporting the pandemic, student youth lacked information about the disease. Students' perception of publications in the media about the coronavirus is accompanied by negative emotions (fear, anxiety, uncertainty, frustration), which may be due to both the content of the publications and the way the news material is presented. In the structure of the most memorable news about the coronavirus for students there are topics capable of generating negative emotional states – the number of cases, the origin of the disease, its symptoms, methods of prevention and treatment, coronavirus mortality, the development of a vaccine.

Keywords: coronavirus, COVID-19, pandemic, media, social media, news, fears, youth

For citation: Barinov, D.N. (2022) Features of the young audience's attitude to the media coverage of the coronavirus (COVID-19) pandemic. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 183–199. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/11

Введение

Пандемия коронавирусной инфекции, объявленная ВОЗ в марте 2020 г., повлекла за собой ряд негативных явлений в различных сферах общественной жизни, прежде всего в социально-экономической сфере, нарушение привычного уклада повседневной жизни людей. Так, например, переход на новые, дистанционные, формы деятельности стал для многих россиян испытанием, источником стресса. Согласно данным ВЦИОМ 61% россиян отрицательно оценили практику перехода на дистанционные формы работы [1].

На фоне пандемии в первой половине 2020 г. в мировой экономике отмечались спад, сокращение ВВП, производства и потребления, снижение

биржевых котировок, деловой активности [2, 3]. Негативные процессы в экономике в условиях пандемии привели к увольнениям и сокращениям работников, росту цен, падению доходов. Ухудшение социально-экономической обстановки в условиях пандемии сказалось на самочувствии населения. В 2020 г. в репертуаре тревожащих россиян проблемой появилась пандемия, занявшая верхние позиции рейтинга угроз. На фоне пандемии усилился рост негативного эмоционального фона, снизилось число тех, кто позитивно оценивал экономическое положение страны, и тех, кто испытывал уверенность в завтрашнем дне [4. С. 61–63]. При этом, как выяснилось в ходе исследований, наиболее уязвимой, подверженной паническим настроениям, страху и депрессии группой в условиях пандемии оказалась молодежь, которая, по мнению представителя ВЦИОМ С. Львова, впервые столкнулась с глобальными проблемами подобного рода, оказавшими влияние на все стороны привычной жизни. Если в периоды предыдущих кризисов молодежь была защищена от последствий взрослыми, то в случае с пандемией она столкнулась с кризисом лицом к лицу [5].

Эти данные подтверждаются и другими исследованиями самочувствия молодежи, которые показали, что нарушение привычного хода жизни молодых людей, их взаимодействия и общения, фрустрация потребностей в ситуации пандемии и введения мер по борьбе с распространением инфекции стали источником страха, тревоги, агрессии, раздражительности [6. С. 169].

Помимо изменений объективных условий жизнедеятельности людей, на самочувствие оказывает влияние информация, тиражируемая средствами массовой информации. Начало пандемии в 2020 г. сопровождалось ростом публикаций в СМИ и социальных сетях о коронавирусе. Согласно данным системы СКАН в марте 2020 г. среднее число упоминаний коронавируса в российских СМИ составило 114 тысяч раз в сутки [7]. В социальных сетях в январе 2020 г. было зафиксировано 1,2 тыс. сообщений, а в марте – уже 733,2 тыс. сообщений [8].

С одной стороны, подобная динамика публикаций о коронавирусе отвечает возникающей в кризисных или чрезвычайных ситуациях потребности населения в получении достоверной, объективной информации о причинах их возникновения, последствиях, а главное, перспективах развития, которые могут носить угрожающий характер. Подобного рода информация должна способствовать снижению панических настроений и принятию правильных решений, снижающих риск негативного воздействия последствий кризиса или чрезвычайной ситуации [9]. Однако СМИ могут как уменьшать негативные социально-психологические последствия кризисных явлений в общественной жизни, так и обострять их, нарушая баланс репрезентации угрозы жизни и здоровью и способов ее предотвращения, недооценивать опасность заболевания либо, напротив, акцентировать внимание аудитории на угрозах и рисках, уменьшая при этом объем своего внимания к вопросам профилактики заболевания, преодоления вероятного негативного воздействия человека и общество [10–12]. Такого рода ин-

формация может носить травмирующий характер, выступать источником негативных эмоциональных состояний.

В этой связи актуальным представляется изучение отношения населения и, прежде всего, оказавшейся чувствительной к последствиям пандемии молодежи к освещению распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) в СМИ. Данное эмпирическое исследование было проведено в декабре 2020 г. в Смоленске. В исследовании ставились задачи выявить наиболее популярные источники информации о пандемии, определить уровень доверия к ним, оценку студентами Смоленска влияния информации в СМИ о коронавирусе на население, степени объективности освещения СМИ пандемии, установить специфику эмоционального компонента восприятия информации в СМИ о пандемии COVID-19, отношения к общественным ролям журналиста, реализуемым в процессе освещения пандемии.

Методика исследования

Для построения выборки использовались данные о количестве вузов в Смоленске, численности студентов, их распределении по формам обучения, представленные в «Мониторинге эффективности деятельности организаций высшего образования», подготовленном Департаментом координации деятельности организаций высшего образования за 2020 г. [13]. В исследовании использовалась двухступенчатая комбинированная выборка. На первой ступени осуществлялся отбор конкретных промежуточных единиц наблюдения (вузов). На основании сведений «Мониторинга эффективности деятельности организаций высшего образования» был составлен список всех единиц наблюдения первой ступени – 16 вузов, в том числе 10 филиалов. Посредством процедуры простого случайного бесповторного отбора были отобраны следующие единицы наблюдения: ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» (всего 4 807 студентов), ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ» в г. Смоленске (всего 1 972 студентов), ОГБОУ ВО «Смоленский государственный институт искусств» (всего 544 студентов), Смоленский институт экономики – филиал ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики» (всего 844 студентов), Смоленский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (всего 1 009 студентов). Общая численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в отобранных вузах составила 9 176 человек (табл. 1).

На втором этапе была сформирована квотная выборка ($N = 400$), учитывающая такие параметры, как принадлежность к вузу и форма обучения (очная, очно-заочная (вечерняя), заочная). В соответствии с этими параметрами производился отбор пропорционально доле каждой формы обучения определенного вуза в общей численности генеральной совокупности. Квотные признаки были сопряженными (табл. 2).

Т а б л и ц а 1

Общая численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, чел.

Вуз	Всего	Очная форма обучения	Очно-заочная (вечерняя) форма обучения	Заочная форма обучения
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»	4 807	2 626	69	2 112
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ» в г. Смоленске	1 972	1 379		593
ОГБОУ ВО «Смоленский государственный институт искусств»	544	180	46	318
Смоленский институт экономики – филиал ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»	844	65		779
Смоленский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»	1 009	256	135	618
Итого	9 176	4 506	250	4 420

Т а б л и ц а 2

Структура выборочной совокупности, чел.

Вуз	Всего	Очная форма обучения	Очно-заочная (вечерняя) форма обучения	Заочная форма обучения
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»	210	114	3	92
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ» в г. Смоленске	86	60	0	26
ОГБОУ ВО «Смоленский государственный институт искусств»	24	8	2	14
Смоленский институт экономики – филиал ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики»	37	3	0	34
Смоленский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»	44	11	6	27
Итого	400	196	11	193

Полевой этап проходил в декабре 2020 г. Метод сбора эмпирических данных – анкетирование с использованием программированной анкеты на онлайн-платформе «Google Forms». Для проведения опроса анкеты использовали соответствующую онлайн-ссылку. Применение данного метода обеспечивало соблюдение протокола безопасности в условиях пандемии. Подбор респондентов осуществлялся методом «снежного кома». Каждому анкетеру было выдано квотное задание – опросить конкретное число лиц с определенными квотными признаками. Предусматривались вопросы-фильтры, позволяющие оценить степень соответствия человека необходимым квотным параметрам и целесообразности дальнейшего участия в опросе. По итогам полевого этапа был сформирован массив данных, который обрабатывался с помощью программы MS Excel.

Результаты исследования

Проведенное исследование показало, что регулярно следят за новостями о коронавирусе лишь 10,0% респондентов, большинство опрошенных (62,4%) знакомится с новостями о коронавирусе от случая к случаю, а чуть более четверти (26,1%) не проявляют интереса к коронавирусной тематике в СМИ. 1,5% затруднились ответить. Самым популярным источником новостной информации о коронавирусе у студентов Смоленска являются социальные сети («ВКонтакте», «Facebook», «Instagram», «Одноклассники» и т.д.). Их упомянули 40,2% опрошенных (табл. 3). Второе по популярности место занимают новостные агрегаторы «Яндекс. Новости» и «Google News» (14,6%). На третьем месте – каналы межличностной коммуникации. От друзей, знакомых, родственников новости о коронавирусной инфекции узнают 13,0%. Топ-3 источников информации по уровню доверия отличается от рейтинга популярности. Это социальные сети (29,9%), российское государственное телевидение (25,1%) и новости на сайтах Яндекс и Google (22,0%).

В ходе исследования респондентам было предложено ответить на вопросы о роли журналиста в процессе освещения пандемии. Набор общественных ролей был заимствован нами из исследования группы ЦИРКОН «Образ журналистов в массовом сознании россиян» [14] и включал девять позиций: трибуна общественного мнения, информатор, комментатор, организатор, контролер, помощник, идеолог, просветитель, шоумен. В исследовании предполагалось выявить степень различия между желаемым (идеальным) образом журналиста и реализуемыми в практике освещения пандемии общественными функциями. Как показал проведенный опрос, в число наиболее предпочтительных общественных ролей компонентом образа «идеального» журналиста, освещающего пандемию коронавирусной инфекции, вошли: информатор (51,2%), просветитель (33,0%) и контролер (29,4%). На практике же, по оценкам респондентов, в ходе репрезентации пандемии журналисты реализуют, прежде всего, такие функции, как информатор (32,3%), идеолог (31,3%) и трибуна общественного мнения (25,4%).

Таблица 3

Распределение ответов на вопросы «Из каких источников Вы чаще всего получаете информацию о коронавирусе?» и «Каким источникам информации о коронавирусе Вы больше всего доверяете?»

Источник информации	Из каких источников Вы чаще всего получаете информацию о коронавирусе? (любое количество ответов), % от числа всех ответов	Каким источникам информации о коронавирусе Вы больше всего доверяете? (любое количество ответов), % от числа всех ответов
Российское государственное телевидение	7,4	25,1
Российские частные (негосударственные) СМИ («Дождь», «Эхо Москвы» и т.д.)	1,8	10,7
Радио	2	4,1
Газеты, журналы	0,0	5,6
Зарубежные СМИ	1,5	8,4
Видео с YouTube	4,6	13,6
Новости в поисковых системах (в «Яндекс Новостях», Google News)	14,6	22,0
Социальные сети («ВКонтакте», «Facebook», «Instagram», «Одноклассники» и т.д.)	40,2	29,9
Друзья, знакомые, родственники	13	14,3
Telegram-каналы	6,1	12,3
Затрудняюсь ответить	5,1	24,8

Наибольшее расхождение между «идеалом» и «действительностью» обнаружено в оценке таких общественных функций, как контролирующая деятельность власти (29,4% заявили о том, что она желательна, и лишь 6,4% – о том, что она реализуется), просветительская (33,0 и 13,3% соответственно), информационная (51,2 и 32,3% соответственно). Напротив, по мнению респондентов, в практике освещения пандемии COVID-19 доминируют такие роли, как идеолог и трибуна общественного мнения. В первом случае 10,0% заявили о необходимости такой роли при освещении пандемии и 31,3% – о том, что она реализуется на практике. Во втором случае – 9,2 и 25,4% соответственно (табл. 4).

47,6% выразили недоверие информации в СМИ о количестве заболевших COVID-19, так как считают их заниженными; 6,4% респондентов уверены, что эти данные завышены; 17,9% заявили, что не следят за подобной информацией; 16,4% затруднились ответить. Лишь 11,8% выразили доверие информации СМИ о числе заболевших коронавирусной инфекцией. Оценивая влияние информации в СМИ о коронавирусе на население почти треть представителей молодого поколения (31,7%) выразила мнение, что при освещении эпидемии коронавируса журналисты негативно влияют на жителей России. В положительном воздействии информации в СМИ о

пандемии уверены 20,7% респондентов; 17,1% не заметили какого-то существенного влияния СМИ на население; 30,4% затруднились ответить.

Т а б л и ц а 4

**Распределение ответов о профессиональных ролях журналистов
в условиях пандемии COVID-19**

Варианты ответов	Профессиональные роли журналиста	Что, по-вашему, должны делать журналисты при освещении пандемии коронавируса? (любое количество ответов), % от числа всех ответов	Как Вы считаете, что в первую очередь делают журналисты, когда рассказывают о пандемии коронавируса? (любое количество ответов), % от числа всех ответов
Распространять мнения отдельных людей по вопросам пандемии	Трибуна общественного мнения	9,2	25,4
Фиксировать происходящие события, сообщать факты, информировать о пандемии коронавируса	Информатор	51,2	32,3
Комментировать события, давать объяснение, толкование, оценку фактам, событиям	Комментатор	20,7	23,6
Побуждать и организовывать активные общественные действия, направленные на борьбу с коронавирусом	Организатор	16,6	9,7
Осуществлять проверку деятельности властей, расследовать, критиковать неверные действия властей в сфере борьбы с коронавирусом	Контролер	29,4	6,4
Оказывать помощь людям в конкретных ситуациях, связанных с коронавирусом	Помощник	16,4	3,3
Формировать у людей определенные взгляды, отношение к пандемии	Идеолог	10,0	31,3

Варианты ответов	Профессиональные роли журналиста	Что, по-вашему, должны делать журналисты при освещении пандемии коронавируса? (любое количество ответов), % от числа всех ответов	Как Вы считаете, что в первую очередь делают журналисты, когда рассказывают о пандемии коронавируса? (любое количество ответов), % от числа всех ответов
Просвещать людей, рассказывать о причинах, последствиях коронавируса, мерах профилактики	Просветитель	33,0	13,3
Развлекать, давать возможность весело провести время, отвлекать от проблем с коронавирусом	Шоумен	6,4	4,1
Затрудняюсь ответить		14,3	23,3
Другое		0,6	1,2

44,0% оказались не в состоянии охарактеризовать степень объективности освещения СМИ пандемии и дать информационной кампании о пандемии оценку. О том, что СМИ дают объективную информацию о пандемии, сказали 14,8%. Практически поровну разделились те, кто считает, что СМИ преуменьшают опасность коронавируса (21,2%) и те, кто уверен в том, что СМИ преувеличивают опасность (19,9%). При этом обращает на себя внимание тот факт, что 41,1% (сумма ответивших, что СМИ преуменьшают опасность, и ответивших, что СМИ преувеличивают опасность) полагают, что СМИ искажают информацию о пандемии и освещают ее необъективно.

При знакомстве с новостями о коронавирусе у 42,2% респондентов часто складывалось ощущение, что СМИ дают ложную, непроверенную информацию или пытаются навязать определенную точку зрения. Треть опрошенных заявили, что подобное чувство возникает у них редко; 18,7% затруднились ответить. Лишь у 4,3% молодых людей не возникает ощущения неправдивости информации в СМИ о коронавирусе.

При этом большинство (71,9%) представителей обучающейся в вузах Смоленска молодежи заявили о недопустимости искажения или сокрытия информации о коронавирусе в СМИ в интересах общества, государства. Противоположного мнения придерживаются лишь 15,6%; затруднились ответить 12,5%.

В некоторых исследованиях показано, что публикации о пандемии в СМИ носили устрашающий характер, способствующий возбуждению страха и тревоги перед коронавирусом [15]. Анализ эмоционального компонента восприятия информации в СМИ о пандемии COVID-19 показал, что 33,6% (7,0% – полностью согласен; 26,6% – скорее согласен) согласны с тем, что СМИ сознательно нагнетают страх перед коронавирусом.

Не согласны с таким мнением 42,0% (8,9% – полностью не согласен, 33,1% – скорее не согласен). И почти треть студентов (28,6%) затруднились определиться с ответом. При этом лидирующими эмоциями и чувствами при восприятии новостей о коронавирусе у студентов Смоленска являются негативные. Почти треть респондентов отметили именно этим эмоции в качестве преобладающих. Это, прежде всего, тревога (30,9%) и сопутствующая ей неуверенность (30,4%). А с учетом того, что освещение пандемии в СМИ осуществлялось на протяжении года, объяснимо накопление усталости от такой информации у 26,3% опрошенных. Среди позитивных эмоций в топ-3 входят надежда (12,3%), спокойствие (5,4%) и уверенность в завтрашнем дне (2,6%). При этом мы видим, что доля респондентов, отметивших позитивные эмоциональные состояния, крайне незначительна и за исключением надежды (12,3%) не превышает десятой части опрошенных (табл. 5).

Таблица 5

Какие чувства, эмоции возникают у Вас при просмотре / чтении новостных информационных материалов о коронавирусе? (любое число ответов)

Варианты ответов	% от числа всех ответов
Тревога	30,9
Неуверенность	30,4
Усталость, безразличие	26,3
Разочарование	23,8
Страх	22,3
Интерес	20,7
Обман	18,9
Возмущение	17,1
Раздражение	16,1
Беззащитность	14,8
Растерянность	14,3
Надежда	12,3
Отчаяние	11,3
Беспомощность	10,2
Отвращение	6,6
Стыд	5,6
Спокойствие	5,4
Одиночество	3,3
Уверенность	2,6
Доверие	2,6
Унижение	2,6
Удовлетворенность	2,6
Защищенность	2,3
Гордость	2
Зависть	2
Радость	1
Бодность	0,8
Затрудняюсь ответить	2,1

Согласно полученным в ходе опроса данным, по критерию запоминаемости новостей о коронавирусной инфекции в тройку лидеров (табл. 6) вошла информация о количестве заболевших (17,8%), о происхождении болезни, ее симптоматике, способах профилактики и лечения (6,8%), информация о разработке вакцины и о смертности от ковида (по 3,6%).

Т а б л и ц а 6

Какой информационный материал средств массовой информации о пандемии коронавирусной инфекции Вас заинтересовал, Вам запомнился? Опишите его
(% от числа респондентов)

Количество заболевших	«Когда в новостях сказали о рекордном числе заболевших с начала пандемии». «Количество заражённых в области». «За три месяца количество зараженных в день увеличилось с шести до почти тридцати тысяч». «Большое количество заболевших». «Когда сказали, что заболевших уже больше пятнадцати тысяч». «Огромное число заразившихся за сутки»	17,8
Происхождение болезни, симптомы, способы профилактики и лечения	«Мыть руки, избегать большого скопления людей». «Способы соблюдения социальной ответственности для профилактики распространения болезни». «Симптомы». «Материал о вирусе, инкубационный период, средства защиты. «Про профилактику коронавируса, нужно принимать витамин D и препараты цинка». «Последствия ковид». «Коронавирус может протекать бессимптомно». «Коронавирус не передается через поверхности»	6,8
Информация о разработке вакцины	«Новость о том, что была разработана вакцина». «О вакцине и ее тестировании, чтобы показать, что она полностью готова и действует». «Новость об успехах компании Pfizer». «У российской вакцины эффективность выше, чем у американской». «Бесплатная вакцинация будет сделана любому с симптоматикой короны». «Когда сообщили о том, что изобрели вакцину». «Постоянные уведомления о готовности вакцины и что осталось потерпеть совсем недолго»	3,6
Смертность от ковида	«Большая смертность среди пожилых». «Как показывали кучи трупов, в больницах, погибших от коронавируса». «В Смоленске умер дома мужчина от COVID-19». «Что в моргах некуда было складывать тела». «Количество погибших людей»	3,6
Введение ограничительных мер для борьбы с пандемией	«Об ограничительных мерах в новогодние праздники». «Перевод на дистанционную форму обучения студентов» «О том, как не хотели закрывать Санкт-Петербургский горный университет». «Закрытие общественных мест». «О штрафах за не ношение маски». «Сюжет о закрытии границ в новостях»	2,9
Теории заговора	«О том, что ковида не существует». «Не надо делать прививки». «О том, что его нет». «Материал из ТВ о том, что ковид – это биологическое оружие, когда в действительности было доказано обратное происхождение данного вируса и его мутаций»	2,4

Распространение вируса в зарубежных странах	«Вспышка вируса в Италии». «Про коронавирус в Китае». «О новой мутации в Великобритании». «Введение локдауна в Германии»	1,9
Информация о начале пандемии и последующих волнах	«В самом начале пандемии, когда по России не было выявлено ни одного случая заражения». «Начало коронавирусной инфекции, об этом говорили буквально все». «Больше всего запомнился репортаж о первом заболевшем коронавирусом в России»	1,9
Выступления экспертов (ученых, медиков), медийных личностей	«Мясников». «Высказывание Елены Малышевой о коронавирусе». «Мнение Е. Понасенкова о том, что коронавирус «собран» из множества геномов других вирусов»	1,7
Деятельность представителей власти	«Обращение президента». «Путин прошёл вакцинацию». «Речь Собянина о том, что в Москве побороли коронавирус»	1,2
Затрудняюсь ответить		56,0

Обращает на себя внимание эмоциональность характеристик, данных респондентами запомнившимся публикациям в СМИ («рекордное число заболевших», «большое количество заболевших», «огромное число заразившихся», «большая смертность», «кучи трупов»). Эти характеристики указывают на страховоопасный характер информации в СМИ о масштабах распространения инфекции.

Дискуссия и выводы

Исследование показало, что в качестве источников информации о коронавирусной инфекции молодежь предпочитает интернет-ресурсы. Такие традиционные СМИ, как радио и газеты, журналы, практически не востребованы у студентов в качестве источников актуальной информации о пандемии. Выбор студенческой аудиторией источников информации о коронавирусе отражает общую тенденцию развития СМИ – рост популярности социальных сетей и интернет-порталов как источников новостной информации о событиях в стране и в мире [16, 17].

При этом уровень доверия к интернет-ресурсам, в частности к социальным сетям, сопоставим с уровнем доверия к российскому государственному телевидению. Это также отвечает тенденциям развития современных российских СМИ: на фоне некоторого уменьшения телевизионной аудитории телевидение для россиян пока остается тем СМИ, которому доверяют в наибольшей степени [18. С. 143; 19].

В ходе исследования установлено, что среди студенческой молодежи распространено довольно скептическое отношение к циркулирующей в медиaprостранстве информации о коронавирусной инфекции. На примере оценки роли журналистов в освещении пандемии в СМИ заметно, что студенческое сообщество испытывает потребность в реализации таких функций журналиста, как контроль за действиями властей и просветительская

функция, что указывает на дефицит информации о коронавирусной инфекции и способах обеспечения безопасности. А превалирование, по мнению респондентов, идеологической функции наряду с информационной можно рассматривать как дополнительный фактор формирования «шума» (в терминах теории К. Шеннона), ограничивающего возможности осмысления полезных сведений о распространении заболевания.

В то же время следует отметить, что скепсис и недоверие по отношению к информации о пандемии в СМИ в данном случае не являются характерной особенностью молодежной аудитории. Как показывают общероссийские исследования, в марте–апреле 2020 г. более половины россиян не доверяло официальной информации в СМИ о коронавирусе. По данным Левада-центра, в марте 2020 г. 59% россиян не доверяло («доверяю лишь отчасти» – 34% и «совершенно не доверяю» – 24%) распространяемой через СМИ официальной информации о коронавирусе [20].

Недоверие к информации в СМИ о коронавирусе могут вызывать отсутствие на начальной стадии пандемии точной информации о масштабах распространения инфекции, противоречивая информация о причинах, симптомах, путях инфицирования и способах профилактики, характерная для публикаций в СМИ о пандемии, особенно на начальной ее стадии. Недостаток информации и ее противоречивый характер порождают информационную энтропию, которая провоцирует возникновение сомнений, озабоченности, растерянности, страхов и тревог [21]. Отсюда возникает и противоречивость оценок информационной кампании в СМИ о пандемии. Согласно данным «Центра социального проектирования «Платформа» 29% россиян не доверяло официальной информации, в связи с тем, что занижается число заболевших и преуменьшается опасность ситуации; 27%, напротив, связали недоверие с нагнетанием ситуации и преувеличением опасности [22]. Подобная противоречивость оценок применительно к объективности информации СМИ о коронавирусе была зафиксирована и в настоящем исследовании.

Преобладание негативных эмоций при восприятии информации в медиа о распространении коронавирусной инфекции, на наш взгляд, может быть связано с как ростом числа публикаций о пандемии, ее последствиях и мерах борьбы с ней, так и с устрашающим характером медиаконтента о пандемии. Полученные данные сопоставимы с аналогичными исследованиями, которые показывают, что доминирование в медиaprостранстве информации о каком-либо заболевании способствует росту не только интереса к этому явлению, но и тревожности общества [23].

В то же время следует сказать, что публикации СМИ о пандемии могут испытывать на себе действие свойственной новостным материалам драматизации событий [24. С. 290], порождающей эффект запугивания. Так, исследования прошлых лет показывают, что новости провоцируют возникновение таких эмоциональных проявлений, как тревога, страх, неуверенность, разочарование, обман, раздражение [25. С. 31; 26. С. 584].

Распространение коронавирусной инфекции и активизация деятельности властей, направленной на борьбу с ней, сопровождались появлением различных конспирологических теорий, которые тиражировались в интернете, главным образом в социальных сетях. По данным группы «Мониторинга актуального фольклора», на социальную сеть «Одноклассники» пришлось 35,5% упоминаний о тех или иных конспирологических теориях и связанных с коронавирусом слухах, «ВКонтакте» – 30,5%, «Facebook» – 15,6% [27]. Несмотря на то, что студенческая среда характеризуется высокой вовлеченностью в пространство новых медиа, степень погруженности студентов в те или иные теории заговора невелика. Лишь 2,4% респондентов отметили, что им запомнились материалы, так или иначе относящиеся к теориям заговора. И что важно, в числе конспирологических теорий, которые были упомянуты студентами, отсутствует ряд популярных в соцсетях версий: вакцинация как способ чипирования населения; излучение от вышек 5G как источник коронавируса; связь COVID-19 с бактерией Синтией (искусственно выведенная бактерия) [28]. Иными словами, опрошенные студенты, опираясь преимущественно на социальные сети как средство актуальной информации о пандемии COVID-19, проявляют рациональность в осмыслении коронавирусной инфекции, источников ее возникновения и последствий.

Настоящее исследование не показывает взаимосвязи между содержанием публикаций СМИ о пандемии COVID-19, самочувствием молодежи и ее отношением к освещению пандемии в СМИ. Однако анализ открытых вопросов позволяет предположить, что такая взаимосвязь существует, но ее исследование уже выходит за рамки пандемии и охватывающих репрезентацию в СМИ иных чрезвычайных ситуаций.

Список источников

1. *Современные* тренды и их влияние на управленческие практики работодателей: опыт мониторинга рынка труда. Москва, HR-Expo 2020. URL: https://wciom.ru/file-admin/file/reports_conferences/2020/2020-09-29_Abramov.pdf
2. Курюкин А.Н. COVID-19 как вызов экономике, социуму, политике // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. Т. 11. № 3. С. 250–265.
3. Звонова Е.А. Трансформация мировой экономики и пандемия // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13 (4). С. 6–19. doi: 10.26794 / 1999-849X-2020-13-4-6-19
4. Фадеева Е.В., Великая Н.М., Белова Н.И. Социальное самочувствие россиян в период распространения коронавирусной инфекции // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2021. № 2. С. 58–71. doi: 10.28995/2073-6401-2021-2-58-71
5. *Эксперт* ВЦИОМ Степан Львов: Страна выглядит веселой, но напуганной. URL: <https://www.kp.ru/daily/27130/4216684/>
6. Лобза О.В., Короткова В.О. Эмоциональные переживания и чувства студенческой молодежи России в период пандемии // II Международная конференция по консультативной психологии и психотерапии, посвященная памяти Федора Ефимовича Василюка : сборник материалов. М., 2020. С. 167–169.
7. *Каждая* третья новость в российских СМИ рассказывает о коронавирусе. URL: <https://www.interfax.ru/russia/700150>

8. *Коронавирус «заразил» соцсети и СМИ.* URL: https://www.mlg.ru/blog/viral_smm/7268/
9. *Папкин А.И.* Личная безопасность сотрудников органов внутренних дел. М. : Академия МВД России, 1996. 260 с.
10. *Allan S., Anderson A., Petersen A.* Framing Risk: Nanotechnologies in the News // *Journal of Risk Research.* 2010. Vol. 13, № 1. P. 29–44. <https://doi.org/10.1080/13669870903135847>.
11. *Laing A.* The H1N1 crisis: Roles played by government communicators, the public and the media // *Journal of Professional Communication.* 2011. Vol. 1, № 1. P. 123–149. doi: 10.15173/jpc.v1i1.88
12. *Klemma C., Das E., Hartmann T.* Swine flu and hype: a systematic review of media dramatization of the H1N1 influenza pandemic // *Journal of Risk Research.* 2014. Vol. 9, № 1. P. 1–20. <http://dx.doi.org/10.1080/13669877.2014.923029>
13. *Мониторинг* эффективности деятельности организаций высшего образования. URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2020/_уро/material.php?type=2&id=10311
14. *Образ журналистов в массовом сознании россиян: Аналитический отчет по результатам массового опроса населения РФ.* URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/b0d/Obraz_zhurnalistov-2018_otchet.pdf
15. *Кутина Н.А.* Пандемия коронавируса: метафорическая диагностика тревожной реальности в текстах СМИ // *Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры.* 2020. Т. 26. № 3 (199). С. 5–13. <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.3.044>
16. *Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, интернет.* 17.06.2014. URL: <https://www.levada.ru/2014/06/17/rossijskij-media-landshaft-televidenie-pressa-internet/>
17. *Российский медиаландшафт – 2017.* 22.08.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/08/22/16440/>
18. *Волков Д., Гончаров С.* Российский медиаландшафт – 2020. Телевидение, интернет, социальные сети и мессенджеры // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии.* 2020. № 1–2 (130). С. 141–147.
19. *Источники новостей и доверие СМИ.* 27.02.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/02/27/istochniki-novostej-i-doverie-smi/>
20. *Пандемия коронавируса.* 26.03.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/26/pandemiya-koronavirusa/>
21. *Баринов Д.Н.* Медиавирус страха: особенности репрезентации российскими СМИ пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) в период первой волны (январь–июнь 2020 года) // *Социодинамика.* 2021. № 2. С. 73–86. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35066 doi: 10.25136/2409-7144.2021.2.35066
22. *Более половины россиян заявили о недоверии официальным новостям о вирусе.* URL: <https://www.rbc.ru/society/17/04/2020/5e998b669a794768d09da79e>
23. *Towers Sh. et al.* Mass Media and the Contagion of Fear: The Case of Ebola in America // *PLoS One.* 2015. Vol. 10, № 6. e0129179. doi: 10.1371/journal.pone.0129179
24. *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М. : Праксис, 2013. 639 с.
25. *Хлопьев А.Т.* Кривые толки России // *Социологические исследования.* 1995. № 1. С. 21–33.
26. *Баринов Д.Н.* Воздействие медиановостей на эмоциональное самочувствие региональной аудитории СМИ // *Психология и психотехника.* 2016. С. 582–586. doi: 10.7256/2070-8955.2016.7.20637
27. *Фейки о коронавирусе и лжеврачебные советы: как они появляются и кто их распространяет.* URL: <https://tass.ru/obschestvo/10281883>
28. *Инфодемия в эпоху коронавируса.* URL: <https://yandex.ru/company/researches/2021/covid-fakes>

References

1. VCIOM. (2020) *Modern trends and their impact on the management practices of employers: the experience of monitoring the labor market*. Moscow, HR-Expo 2020. [Online] Available from: https://wciom.ru/file-admin/file/reports_conferences/2020/2020-09-29_Abramov.pdf (In Russian).
2. Kuryukin, A.N. (2020) COVID-19 as a challenge to the economy, society, politics. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie) – MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 1 1 (3). pp. 250–265. (In Russian).
3. Zvonova, E.A. (2020) Transformation of the world economy and the pandemic. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. 13 (4). pp. 6–19. (In Russian). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-4-6-19
4. Fadeeva, E.V., Velikaya, N.M. & Belova, N.I. (2021) Social well-being of Russians during the spread of coronavirus infection. *Vestnik RGGU Seriya "Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie" – RGGU/RSUH Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Criticism*. 2. pp. 58–71. (In Russian). DOI: 10.28995/2073-6401-2021-2-58-71
5. L'vov, S. (2020) *VTsIOM expert Stepan Lvov: The country looks cheerful, but frightened*. [Online] Available from: <https://www.kp.ru/daily/27130/4216684/> (In Russian).
6. Lobza, O.V. & Korotkova, V.O. (2020) [Emotional experiences and feelings of student youth in Russia during the pandemic]. *Proceedings of the II International Conference on Counseling Psychology and Psychotherapy, dedicated to the memory of Fedor Efimovich Vasilyuk*. Moscow: Psychological Institute of the Russian Academy of Education. pp. 167–169. (In Russian).
7. INTERFAX. (2022) *Every third piece of news in the Russian media is about the coronavirus*. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/russia/700150> (In Russian).
8. Mlg.ru. (2020) *Koronavirus "zarazil" sotsseti i SMI* [Coronavirus "infected" social networks and the media]. [Online] Available from: https://www.mlg.ru/blog/viral_smm/7268/ (In Russian).
9. Papkin, A.I. (1996) *Lichnaya bezopasnost' sotrudnikov organov vnutrennikh del* [Personal safety of law enforcement officers]. Moscow: Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
10. Allan, S., Anderson, A. & Petersen, A. (2010) Framing Risk: Nanotechnologies in the News. *Journal of Risk Research*. 13 (1). pp. 29–44. DOI: 10.1080/13669870903135847
11. Laing, A. (2011) The H1N1 crisis: Roles played by government communicators, the public and the media. *Journal of Professional Communication*. 1 (1). pp. 123–149. DOI: 10.15173/jpc.v1i1.88
12. Klemma, C., Das, E. & Hartmann, T. (2014) Swine flu and hype: a systematic review of media dramatization of the H1N1 influenza pandemic. *Journal of Risk Research*. 9 (1). pp. 1–20. DOI: 10.1080/13669877.2014.923029
13. Monitoring.miccedu.ru. (2020) Monitoring the performance of higher education organizations. [Online] Available from: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2020/_vpo/material.php?type=2&id=10311 (In Russian).
14. Zirkon.ru. (2018) *The image of journalists in the mass consciousness of Russians: Analytical report on the results of a mass survey of the population of the Russian Federation*. [Online] Available from: http://www.zirkon.ru/upload/iblock/b0d/Obraz_zhurnalistov-2018_otchet.pdf (In Russian).
15. Kupina, N.A. (2020) Coronavirus pandemic: Metaphoric diagnostics of anxious reality in the media texts. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. 26:3 (199). pp. 5–13. (In Russian). <https://doi.org/10.15826/izv1.2020.26.3.044>

16. Levada.ru. (2014) *Russian media landscape: television, press, internet*. 17 June 2014. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2014/06/17/rossijskij-media-landshaft-televizionie-prensa-internet/> (In Russian).
17. Levada.ru. (2017) *Russian media landscape–2017*. 22 August 2017. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2017/08/22/16440/> (In Russian).
18. Volkov, D. & Goncharov, S. (2020) Russian media landscape–2020. Television, Internet, social networks and instant messengers *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Damye. Analiz. Diskussii*. 1-2 (130). pp. 141–147. (In Russian).
19. Levada.ru. (2020) *News sources and media credibility*. 27 February 2020. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2020/02/27/istochniki-novostej-i-doverie-smi/> (In Russian).
20. Levada.ru. (2020) *Coronavirus pandemic*. 26 March 2020. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2020/03/26/pandemiya-koronavirusa/> (In Russian).
21. Barinov, D.N. (2021) Media virus of fear: The peculiarities of representation of COVID-19 pandemic by the Russian media during the first wave (January – June 2020). *Sotsiodinamika*. 2. pp. 73–86. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.2.35066
22. RBC. (2020) *More than half of Russians said they did not trust official news about the virus*. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/society/17/04/2020/5e998b669a794768d09da79e> (In Russian).
23. Towers, Sh. et al. (2015) Mass Media and the Contagion of Fear: The Case of Ebola in America. *PLoS One*. 10 (6). e0129179. DOI: 10.1371/journal.pone.0129179
24. Alexander, J. (2013) *Smysly sotsial'noy zhizni: Kul'tursotsiologiya* [The meanings of social life: A cultural sociology]. Translated from English. Moscow: Praksis.
25. Khlop'ev, A.T. (1995) Krivye tolki Rossii [Russia's false rumors]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 1. pp. 21–33.
26. Barinov, D.N. (2016) Vozdeystvie medianovostey na emotsional'noe samochuvstvie regional'noy auditorii SMI [The impact of media news on the emotional well-being of the regional media audience]. *Psikhologiya i psikhotehnika*. pp. 582–586. DOI: 10.7256/2070-8955.2016.7.20637
27. TASS. (2021) *Fake news about coronavirus and false medical advice: how they appear and who spreads them*. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/10281883> (In Russian).
28. Yandex. (2021) *Infodemic in the era of coronavirus*. [Online] Available from: <https://yandex.ru/company/researches/2021/covid-fakes> (In Russian).

Информация об авторе:

Баринов Д.Н. – д-р филос. наук, профессор кафедры философии, социологии и работы с молодежью Смоленского государственного университета, директор ООО «Смоленский социологический центр» (Смоленск, Россия). E-mail: smolsociocenter@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.N. Barinov, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation). E-mail: smolsociocenter@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.01.2022;
одобрена после рецензирования 03.05.2022; принята к публикации 18.07.2022.*

*The article was submitted 12.01.2022;
approved after reviewing 03.05.2022; accepted for publication 18.07.2022.*

Научная статья

УДК 004.55

doi: 10.17223/19986645/78/12

Медиа и социализация: первичная, вторичная или самосоциализация? Опыт изучения медиапотребления «цифровой молодежи» России

Денис Владимирович Дунас

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, denisdunas@gmail.com

Аннотация. Исследуется вопрос медиасоциализации как процесса усвоения представителями молодежной аудитории медиа социокультурных норм и ценностей, принятых в обществе. Автор предпринимает попытку разложить его на три элемента в зависимости от преобладания той или иной роли медиа. Так, медиа могут выступать агентом вторичной социализации, агентом самосоциализации и агентом первичной социализации. Все три типа медиасоциализации проходят эмпирическую верификацию методом дискурс-анализа глубинных интервью.

Ключевые слова: медиа, медиапотребление, «цифровая молодежь», поколение Z, социальные сети, социализация, медиасоциализация

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Дунас Д.В. Медиа и социализация: первичная, вторичная или самосоциализация?: Опыт изучения медиапотребления «цифровой молодежи» России // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 200–224. doi: 10.17223/19986645/78/12

Original article

doi: 10.17223/19986645/78/12

Media and socialization: Primary, secondary, or self-socialization? Experience in studying media consumption of “digital youth” in Russia

Denis V. Dunas

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, denisdunas@gmail.com

Abstract. The article examines the issue of media socialization as a process of assimilation by representatives of the media audience of sociocultural norms and values dominating in society. The author attempts to consider media socialization as a complex and heterogeneous process that can be decomposed into three elements depending on the predominance of a media usage model. Thus, within the framework of media socialization, the role of the media can be considered at three levels. (1) The

media act as an agent of secondary socialization, which corresponds to the basic normative understanding of media functioning in society. With this understanding, the media cannot form the basic values of a young audience, since they are not able to compete with “significant others”: parents, peers, schoolteachers, who are traditionally assigned the role of the most influential agents of primary socialization. However, the media can further correct the audience’s perceptions and influence selectively, but this influence will be differentiated and will not crowd out the existing social experience. (2) The media can act as an agent of self-socialization, that is, participate in the independent choice of media channels and media resources to develop the diversified interests of the audience. (3) The media can act as an agent of primary socialization and displace the influence of “significant others”. All three types of media socialization are discussed theoretically and undergo empirical verification. The methods of empirical research were the discourse analysis of in-depth interviews with representatives of the Russian “digital youth” conducted in three Russian cities: Moscow, Nizhny Novgorod, and Rostov-on-Don. The analysis made it possible to classify the respondents’ answers into three types of media socialization. The result of the study was the recognition of the simultaneity of the implementation of all types of media socialization among respondents in general, the impossibility of strictly distinguishing one element from another, and at the same time, a pronounced predominance of any type of media socialization among certain respondents. At the conceptual level, it means the primacy of a person’s life course in understanding media impact, and not belonging to an age cohort, social group, or type of media audience. Media socialization occurs with varying degrees of dynamics, intensity and effectiveness, and is determined by the uniqueness of the stage of a person’s life course, even within the same social group or age cohort. At the same time, media socialization as a process is characterized by irreversibility and omnipresence.

Keywords: media, media consumption, “digital youth”, Generation Z, social networks, socialization, media socialization

Financial Support: The study was carried out within the framework of Moscow University’s Preservation of the World Cultural and Historical Heritage Interdisciplinary Scientific and Educational School.

For citation: Dunas, D.V. (2022) Media and socialization: Primary, secondary, or self-socialization? Experience in studying media consumption of “digital youth” in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 200–224. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/12

Введение

«Цифровая молодежь», «цифровые аборигены», «сетевые подростки», «поколение Z» – современным представителям детей, подростков и молодежи дается много имен, эпитетов, ярлыков. Эти понятия, не все из которых являются строгими научными определениями, по сравнению с предыдущими периодами, подсвечивают особые обстоятельства, при которых происходит становление и развитие молодых людей сегодня. Таким ключевым обстоятельством является все более распространяющееся влияние цифровых медиакоммуникаций на современную жизнь. Это первые пред-

ставители детей и молодежи в истории Земли, которые выросли в мире большого разнообразия мобильных и цифровых медиакоммуникационных технологий, ставших для них само собой разумеющейся частью повседневной жизни [1–7].

Однако доступ к цифровым ресурсам в планетарном масштабе по-прежнему остается неравномерно распределенным, и в разных частях мира наблюдаются значительные различия в использовании цифровых медиа разными поколениями [8–10]. Вопросы глобализации медиа имеют долгую теоретическую историю как на уровне глобализации медиакapитала (медиакорпорации, платформы, глобальный рекламный рынок, медиатехнологии), так и на уровне глобализации смыслов, идей и ценностей. И казалось бы, в эпоху цифровых медиа вопрос о глобализации снят с повестки дня академических исследований, но в реальности положение дел не является таким очевидным. Цифровой мир и проникновение Интернета не только не исправили некоторые виды цифрового разрыва, но даже усугубили их. Глобальное по-прежнему – это в основном произведенное на богатом глобальном Севере и Западе, а локальное – на бедном Юге и Востоке. Особенно верно это в отношении убеждений и верований людей. Вопросы новой этики и новой нормальности противостоят традиционным мировоззренческим системам, фактически вступая в конфликт с государственными идеологическими системами стран незападного мира. Даже в условиях инфраструктурно развитых регионов мира сильны традиционные агенты социализации молодой личности, не имеющие отношения к институтам медиа [11].

В этом смысле обращение ко всем представителям нынешнего поколения молодых людей в термине «цифровой молодежи» несколько проблематично и ограничивает данное исследование в широкой экстраполяции выводов, однако мало кто осмелится подвергать сомнению центральную роль цифровых медиа в процессе социализации личности в современных обществах в целом.

Медиа стали для молодежи не только средой современной массовой культуры, но и культурой повседневности. Предпочитаемые молодыми людьми способы опосредованного общения и взаимодействия со своими сверстниками стали доминирующими типами социальных отношений в обществе, что, в свою очередь, меняет многие «социальные» представления о мире и социальной реальности.

Таким образом, продолжающееся развитие цифровых медиакоммуникационных технологий и недавнее по меркам общественного развития распространение социальных медиа и сетей способствовали возрождению научного интереса к современной медиасреде как к сфере социализации современного человека [12–15]. Цифровые медиа привнесли новые акценты в понимание социализации и осмысление роли медиа в этом процессе и даже позволили пересмотреть некоторые, казалось бы, фундаментальные постулаты [16–18].

Социализация и медиа: теоретические контексты и интерпретации

Под социализацией понимается процесс, благодаря которому члены общества наследуют социальные нормы, обретают понимание ценностей, господствующих в обществе, идентифицируют себя как самость в системе социальных процессов [19].

Теоретическая рамка социализации развивалась от понимания ее как процесса, в соответствии с которым люди формируются по четким, заранее определенным траекториям, к пониманию социализации как сложного и разновекторного процесса, требующего активного участия как субъектов социализации, так и агентов, выполняющих соответствующие функции [18–21].

На смену концептуализации современного человека как «сверхсоциализированного» пришли подходы, ограничивающие влияние социализации [22–25]. Социализация, основанная на независимости, индивидуализации и самовыражении, более напоминает самоактуализацию [26. Р. 519; 27. Р. 7].

Медиа всегда рассматривались как важный инструмент социализации личности, однако в рамках процесса вторичной социализации, т.е. преимущественно во взрослой жизни. Если первичная и наиболее устойчивая социализация происходит в детском и раннем подростковом возрасте, то вторичную социализацию необходимо понимать как процесс, который продолжается на протяжении всей жизни и принимает различные формы по мере того, как люди вступают в новые социальные и коммуникативные условия [18. Р. 14; 28; 29].

Агентами первичной социализации в базовой нормативной социологической теории выступают семья, сверстники, школа. Медиа, как правило, не рассматриваются социологами как агенты первичной социализации, поскольку их воздействие в таком случае должно быть настолько значительно, что фактически означает неконтролируемость со стороны общества и взрослых, что в большей степени характерно для детей из неблагополучных семей [30]. Поэтому теоретические представления о роли медиа как агента вторичной социализации доминируют над представлениями о медиа как агента первичной социализации [18. С. 14].

Вторичная социализация посредством медиа имеет сложную структуру, что связано с особенностями медиа как полисубъектной среды, в которой задействованы участники различной природы, способные оказать разное воздействие на аудиторию [31], а также с особенностями самой аудитории, которая в процессе медиапотребления декодирует сообщения неоднородным и не всегда прогнозируемым образом. В первую очередь можно говорить о потенциальном формировании средствами массовой информации мнений, установок, оценок аудитории, т.е. способности медиа выступать агентом социализации [32].

Важно отметить способность цифровых социальных медиа конструировать среду по типу социальной системы, которая выступает не столько агентом социализации, сколько средой социализации благодаря сетевым

способам взаимодействия – чатам, блогам, мессенджерам и др. Таким образом, медиа как среда социализации – это важная характеристика современной природы цифровой медиакommunikационной среды.

Медиапотребление – это процесс осознанного волеизъявления человека, осуществляется им относительно свободно и в вопросе выбора, и контроля, и интерпретации медиасодержания [33, 35]. Тот факт, что медиапотребление становится распространенной социальной практикой в современных обществах, конкурирующей по времязатратам с трудом, сном и практически полностью интегрированной в свободное время, побудил ученых рассматривать их как среду, которая особенно способствует не столько социализации, сколько самосоциализации [16, 25]. Самосоциализация с помощью медиа изначально рассматривалась как процесс, который в большей степени характерен для взрослых [16], однако распространение цифровых медиа и социальных сетей все же позволяет говорить о «зарождении взрослости» уже в детстве [34].

По сути, понятие самосоциализации предполагает, что индивиды играют гораздо более активную роль во многих аспектах социализации, фактически сами принимают решения, кто будет выступать агентами социализации, реализуя тем самым процесс самосоциализации. В такой ситуации полезно рассматривать самосоциализацию как сопряжение одновременно индивидуализации, т.е. процесса развития уникальной личности, с одной стороны, и социальной интеграции – с другой [36. Р. 107]. Такой подход ни в коей мере не дискредитирует основную функцию социализации – трансмиссию социальных ценностей и формирование минимального уровня культуры. Социализация в современных условиях – это активный синхронный процесс личностного развития и приобретения базовых ценностей [25; 36. Р. 07; 37. Р. 151]. Индивиды используют свою собственную свободу воли для выбора наилучших социальных условий, для поддержки своего развития, что этот процесс является как продуктом, так и вкладом в индивидуальное развитие [38. Р. 524; 39].

Давление на людей, заставляющее их выбирать и определять направление своей жизни, возможно, никогда не было таким сильным, как в переходный период становящейся взрослой жизни [34, 40]. Эта фаза отмечается исследованием идентичности, нестабильностью, сосредоточенностью на себе и представлениями, основанными не столько на социальном опыте, сколько на переживаниях индивида [41].

Медиакommunikационная среда и практики активных аудиторных групп в ней приводят к формированию новых типов социальной жизни. Медиапотребление, став социальной практикой, воспроизводит и трансформирует социальную структуру [42, 43]. Медиагизация социальной жизни, отношений, взаимодействий стала неотъемлемой характеристикой современного общества. Очевидно, что цифровая медиасреда конкурирует за первенство наряду со средой социальной реальности. Социальные процессы, через которые новые члены общества обретают понимание социальных норм и ценностей и достигают отчетливого чувства самости, соци-

ализация, происходят в условиях не только социальной реальности, но и медиареальности. Это особенно верно для представителей «цифровой молодежи». Социализация традиционно связывается с усвоением личностью навыков и умений, соответствующих культуре общества. Если же говорить о медиа как агенте первичной социализации, то речь идет о медиакультуре, формируемой в результате полисубъектных отношений различных игроков медиaprостранства, но прежде всего активной аудиторией медиа в результате взаимодействий с другими ее представителями в интернет-сообществах.

Сегодня медиа (в дополнение к участию в процессах вторичной социализации и самосоциализации) становятся агентом первичной социализации личности и конкурируют наравне с семьей, сверстниками и школой за это право. Медиа сегодня – это не просто тексты, которые могут влиять на мнения, установки, способы поведения. Главная особенность современной природы медиа – это их сетевая структура и коммуникационная инфраструктура, предоставляющая возможность организовывать виртуальные взаимодействия при помощи чатов, блогов, постов, комментариев по принципу реальных интеракций в обществе в дополнение к возможности реализации информационных, развлекательных, образовательных потребностей аудитории.

Ключевой особенностью социализации в медиа является то, что в результате нее не только передаются социальные нормы и ценности, но формируются новые – адекватные медиасреде [44, 45]. Виртуальная среда, таким образом, способна порождать другие этические стандарты, культурные нормы, что воспроизводит в процессе взаимодействий особый тип культуры – цифровую медиакультуру [46].

В результате изучения теоретической литературы предлагаем сформулировать четкие критерии, на основании которых возможно оценивать ту или иную медиапрактику как признак вторичной социализации, самосоциализации или первичной социализации (таблица).

Критерии выделения различных типов медиасоциализации

Тип медиасоциализации		
Медиа как агент вторичной социализации	Медиа как агент самосоциализации	Медиа как агент первичной социализации
Понимание базовых социальных законов и норм из реальной жизни, способность соотносить с медиаопытом	Индивидуальные эффекты медиавоздействия, в том числе субъективные интерпретации медиасообщений	Компонент социального опыта получен не из социальной среды, а из медиасреды
Участие «значимых других» (взрослых, сверстников) в процессе медиапотребления или обсуждения медиасодержания	Самостоятельный, свободный и осознанный выбор медиаканала и медиасодержания	Виртуальные взаимодействия и онлайн-коммуникация сосуществует наряду с реальными
Медиапотребление и развитие медианавыков на протяжении жизненного пути	Медиапотребление с целью саморазвития, удовлетворения различных интересов	Членство в интернет-сообществах, группах, пабликах и др.

Тип медиасоциализации		
Медиа как агент вторичной социализации	Медиа как агент самосоциализации	Медиа как агент первичной социализации
Изменение медиапредпочтений на протяжении жизненного пути	Эксперименты с идентичностью, динамика формирования самости в онлайн-среде	Формирование первичной идентичности и самости в условиях интернет-среды
Формирование вторичных идентичностей в медиасреде (профессиональных, романтических и др.)	Самореализация в онлайн-среде за счет производства творческого контента	Наличие медиатизированного опыта «полного цикла» (без апробации в реальной жизни)

Источник: составлено автором, 2022.

Конструируя теоретическую рамку исследования, мы обнаружили, что медиасоциализация понимается исследователями в рамках определенного подхода, детерминированного научной школой, которую представляет исследователь. Всего выявлено три подхода: медиа как агент вторичной социализации (базовый нормативный подход), медиа как агент самосоциализации (получивший наибольшее распространение в западноевропейском контексте) и медиа как агент первичной социализации (медиацентричный подход). Пробел в исследовательском поле составляет понимание медиасоциализации как интегративного процесса, который может иметь признаки одновременно всех трех типов медиасоциализации; дифференциация типов медиасоциализации по наиболее характерным признакам, а также эмпирическая верификация методами качественного исследования предложенных типов.

Эмпирическая верификация: медиапрактики «цифровой молодежи» в России

Основным материалом эмпирического исследования стали 24 глубинных интервью, в котором участвовали дети, подростки и молодежь из трех городов России: Москвы, Ростова-на-Дону и Нижнего Новгорода. Эти интервью были проведены под руководством и при непосредственном участии автора статьи в рамках проекта «Медиапотребление “цифровой молодежи” в России: современные особенности и факторы мотивации» (при поддержке РНФ, 2018–2021 гг.).

В выборку исследования были включены школьники средних классов – возрастная группа 10–15 лет (родились с 2003 по 2008 г.); школьники старших классов – 16–17 лет (родились с 2002 по 2003 г.); студенты вузов – 17–19 лет (родились с 1999 по 2001 г.). Для интервью был разработан сценарий (топик-гайд), состоящий из 13 блоков: приоритеты платформы; телесмотрение; обращение к радио; востребованность подкастов; потребление новостей в Интернете; тип контента, потребляемого в Интернете; чтение печатной прессы; востребованность мобильных приложений; тип контента, потребляемого с мобильных устройств; востребованность соцсе-

тей, мотивы обращения к ним; востребованность мессенджеров, мотивы обращения к ним; востребованность различных медиаплатформ. В анкету глубинного интервью вошли открытые вопросы. Формирование выборочной совокупности осуществлялось методом реализации процедуры случайно-вероятностного отбора с соблюдением гендерного баланса. Каждое интервью представляло собой индивидуальную беседу с респондентом продолжительностью 1–1,5 ч. Глубинные интервью предполагали получение от респондента развернутых ответов на вопросы. У интервьюеров был общий план ведения беседы, хотя на деле порядок вопросов и их формулировки могли существенно меняться в зависимости от того, как отвечал респондент. Беседа фиксировалась на аудионоситель. Каждая запись была впоследствии расшифрована. Тексты расшифрованных интервью стали материалами исследования, целью которого было ответить на следующие вопросы:

ИБ1: Какие признаки вторичной социализации возможно наблюдать у респондентов в процессе медиапотребления?

ИБ2: Какие признаки самосоциализации возможно наблюдать у респондентов в процессе медиапотребления?

ИБ3: Какие признаки первичной социализации возможно наблюдать у респондентов в процессе медиапотребления?

Для ответа на эти вопросы был проведен дискурс-анализ текстов глубинных интервью, обнаружены признаки вторичной социализации, самосоциализации и первичной социализации, которые были впоследствии классифицированы и осмыслены.

Медиа как агент вторичной социализации. При таком типе медиасоциализации медиа отводится значимая, но все же не первоочередная роль. Наиболее сильными агентами социализации личности выступают «значимые другие» фигуры из пространства социальной реальности (родители, сверстники, учителя). Медиа же выступают информационным аналогом социального мира, подкрепляющим знания об этом мире медийными репрезентациями, или средой социализации личности, прежде всего, за счет реализации потребности в общении со «значимыми другими».

Так, медиапотребление поддерживает существующий, сформированный ранее, круг общественно-политических интересов. Медиа продолжают в таком случае выступать инструментом вторичной социализации в рамках подтверждения реальности социального мира, а не его дискредитации: *Например, если Англия выйдет из Евросоюза, то я обязательно про это прочитаю. Возможно, про выборы на Украине. На уровне общего интереса* (ГМ18М4).

Родители участвуют в интерпретации медиасодержания, что косвенно или прямо может влиять на решение его дальнейшего медипотребления. Родители выступают в классической роли «значимых других»: *Да, год назад я очень активно смотрел. Всякие сериалы, потом мне мама сказала, что они тупые, в итоге я это и сам понял и перестал смотреть* (ДМ12М2).

Совпадение медиавкусов детей и родителей указывает на сильное влияние родителей на формирование медиaprактик, медиапаттернов и модели медиапотребления. «Значимые другие» родители при совместном с детьми медиапотреблении участвуют в интерпретации медиасодержания, передавая от поколения к поколению социальный опыт и выступая своеобразным фильтром по усвоению норм и ценностей в русле господствующей мировоззренческой системы или той культуры, носителями которой они являются. Потенциальная возможность медиа воздействовать негативно или незапланированно при такой модели снижается, что соответствует модели безопасного медиапотребления. Вместе с тем нельзя исключать и вероятность развития таких негативных эффектов, как формирование конформизма аудитории, неспособность критически мыслить и высказывать самостоятельные суждения и проч.: *Чаще всего у меня совпадают вкусы с родителями, с папой вообще одинаковые. Даже песни, например, современные, у папы есть в машине (НЖ17Р4); Вчера мы с папой ехали к нему на работу, и там была радиопередача. Обсуждалась ситуация в стране, в мире (КМ13Р8); После работы каждый день у меня папа смотрит новости. Если у нас, например, ужин, у нас всегда есть новости. У нас выбирает папа. У него в машине тоже всегда есть новости (КЖ17Н8).*

Вторичная социализация посредством медиа предполагает, что представитель аудитории обладает возможностью соотнести социальный опыт с медиарепрезентациями событий, обладая широким выбором медиаканалов. При этом речь идет не об активности медиапотребления, а о возможности использовать несколько источников информации: *Имея множество разных источников информации, я могу услышать об одном и том же событии по-разному, что помогает мне сформировать более объективное представление о ситуации (КЖ16М7).*

Контент, который потребляет аудитория, не всегда основан на личном пользовательском выборе, как и не основан на выборе институциональных агентов социализации. «Значимые другие», роли которых выполняют друзья, влияют на мотивации выбора контента: *Чаще всего я ищу информацию в Google. Там я, наверное, пойду искать YouTube и, может быть, буду смотреть свои же видео с канала. Могу смотреть видео своих друзей. У них немного подписчиков и просмотров, так что смотрю их, чтобы подбодрить. Обычно я целенаправленно ищу что-то, что мне конкретно нужно. Рекомендациями YouTube я не пользуюсь (МЖ12М5).*

Примером наследования социального опыта с помощью медиа может стать обсуждение медиасодержания не только с родителями и друзьями, но и со школьными учителями. Использование медиа в образовательных целях позволяет осмыслить функции медиа как института современного общества, встроенного в общественный организм и участвующего в его жизнеобеспечении и поддержании баланса: *Новости мы иногда обсуждаем с учителем истории. Потому что она просит, чтобы мы посмотрели новости (АЖ11Н2).*

Не только получение информации общественно-политического характера, но и потребление развлекательного контента с последующим обсуждением способствует социализации личности: *Как правило, разговор идет о сериальчиках, которые на платных подписных каналах встречаются* (СМ19Р7).

Кроме того, социальный опыт друзей может быть медиатизирован и усвоен как опосредованный опыт существующего в реальности человека: *Мне интересно, если кто-то съездил куда-нибудь, в какую-нибудь страну отдохнуть и он повествует о том, что там произошло, то мне это достаточно интересно, если я в этой стране не был, я хочу узнать мнение лично этого человека, если я его хорошо знаю, то я мог бы и прислушаться* (ГМ17Р6).

Наличие аккаунтов, подтверждающих присутствие одновременно во многих социальных сетях и на многих платформах, не означает активности аудитории. Речь может идти о совершенно формальном медиаприсутствии, которое не станет свидетельством первичной социализации, но подтвердит потенциальную роль медиа в возможности формирования картины мира, скорее, в том ее аспекте, при котором медиа станут агентом вторичной социализации: *Зарегистрирован на YouTube, зарегистрирован в Instagram¹, но ими я не пользуюсь, потому что ну как-то не привлекло. В Twitter я иногда могу зайти посмотреть что-нибудь, но это бывает очень редко. В Facebook² я вообще не помню, когда зарегистрировался, когда я заходил, я тоже не вспомню, это было очень давно. В общем, зарегистрирован везде, но нигде не сижу* (НМ16Р1).

Признаком вторичной социализации может стать пример обсуждения модной тенденции или какого-либо места / события, соответствующих кругу интересов участников сетевой коммуникации, информация о которых найдена в онлайн-пространстве и которая происходит в условиях онлайн-среды. Однако если при этом предмету обсуждения даются оценки, основанные на имеющемся сформированном социальном опыте, а также в случае, если предполагается переход медиатизированного опыта в реальную жизнь, то он не может считаться признаком первичной социализации, а только вторичной: *Если кто-то нашел новый тренд, например, цветочная футболка или еще что-то, мы обсудим, нравится – не нравится. Или если кто-то прочитал об открытии нового кафе, кофейни или выставки в музее, тоже поделимся, может быть сходим вместе. Это объединяет в какой-то мере* (АЖ16М1).

Мы можем наблюдать, как коммуникация в онлайн-среде становится инструментом поддержания уже сформированных взаимодействий при невозможности их развития в реальной жизни. Вместе с тем приоритет отдается реальному опыту, а медиатизированные взаимодействия характеризуются как некомфортные и вынужденные: *У меня есть подруга, с*

---

¹ Instagram – соцсеть, признанная в России экстремистской.

² Facebook – соцсеть, признанная в России экстремистской.

которой сейчас я стала намного реже общаться, потому что нет общих точек, в которых мы можем видеться, а все равно без визуального контакта для меня общение сложно поддерживать. То есть виртуально для меня очень сложно, получается. И с ней мы обмениваемся какими-то постами, ссылками, это может быть смешное видео или фотография, пост. Это же объединяет (АЖ16М1).

Осознанное желание иметь круг общения вне пространства социальных сетей свидетельствует о доминировании физической реальности над виртуальной для группы респондентов в рамках процесса вторичной социализации: *Но сейчас я хочу, чтобы мой доверенный круг людей находил мое личное общение со мной чаще, чем в соцсетях (НЖ18М3).*

Медиасреда создает условия для поддержания связей – иногда они не осуществляются активно, скорее, создают потенциальную возможность коммуникации, но не ее саму: *Большинство этих друзей – это такие, с которыми я когда-то пересекался, например, был на одном потоке в лагере. Мы просто друг друга подбавляли в друзья и не общаемся (НМ16Р1).*

Интернет-коммуникация не только замещает реальное общение в случае невозможности встретиться лично, но дополняет живое общение, например в вечернее время, когда друзья, одноклассники, однокурсники не могут проводить время вместе: *У меня во «ВКонтакте» чат со школьными друзьями, есть люди, которых я каждый день встречаю, а вечером уже начинаю писать, мы опять продолжаем общаться в Интернете (ЭМ17М6).*

Социальный опыт – приоритетный в случае вторичной социализации посредством медиа. Так, в круг общения могут войти незнакомые лично персоны, но представление о которых изначально сформировано на основе личного опыта: *Но вот знаете, сейчас мода пошла, что 6-е и 5-е классы добавляются к старшеклассникам. Ну зачем? Я ж с ними не общаюсь, ну просто для галочки (КЖ16М7).*

Медиа воспроизводят социальный опыт не только за счет контента, произведённого институциональными игроками, но и представителями аудитории. Отзывы и рекомендации пользователей каких-либо товаров и услуг – это пример медиатизированного социального опыта: *Когда я сейчас выбираю себе телефон, я первым делом читаю отзывы. Потому что надо же знать, что за товар (АЖ16Р2).*

Фоновое медиапотребление – характерная медиапрактика в рамках вторичной социализации, не требующая активности аудитории и предполагающая выполнение действий, где физическое пространство остается перво-степенным: *«Весь день проходит в музыке. Я что-то делаю, я могу или телевизор включить, или музыку. Или может у меня телевизор будет включен в другой комнате, а я буду на кухне, на кухне будет музыка. Ну, весь день проходит так (АЖ15Р3); Просто бывали такие ситуации, что даже завтракать, когда приходила, телевизор фоном шёл, там свои мысли в голове, че-то отвлекалась, смотрела. Что такое происходит? Санкции новые? (АЖ19Р5).*

Медиа как агент самосоциализации. Самостоятельное, осознанное, вдумчивое использование медиа в различных целях, которые соответствуют разносторонним запросам аудитории, служат удовлетворению самых разных ее потребностей и позволяют ее представителям саморазвиваться, самореализовываться, в том числе творчески, при этом быть интегрированными в социальные отношения, включёнными в общественные процессы – есть признаки протекания такого процесса, как самосоциализация посредством медиа.

О формировании вторичной идентичности, связанной с определением круга жизненных интересов, свидетельствует скрупулезное отношение к ведению своего аккаунта: *Я отношусь к ведению своей страницы как именно делением частичкой своей жизни и того, что ты любишь, а не того, что другие хотят видеть в тебе* (АЖ16М1).

Самостоятельное решение представителем медиааудитории такого базового экзистенциального вопроса человека, как одиночество, с помощью медиа также можно отнести к процессу самосоциализации: *Чтобы одиноко не было. Это происходило в те моменты, когда я оставался один, и чтобы был дополнительный шум, как будто бы жизнь кипит, я включал телевизор* (ДМ12М2).

Получение общественно-политической информации из различных источников, сравнение способов подачи информации, использование медиа в учебных целях, безусловно, способствует развитию аудитории, вектор которому задает каждый ее представитель самостоятельно: *Еще я люблю сравнивать информацию, особенно по учебе, смотреть информацию на разных сайтах. Так я получаю более полную картину* (НЖ18М3).

Информационная повестка дня общественно-политического характера волнует многих представителей молодой аудитории, однако именно готовность интересоваться ею в формате длинных текстов указывает на самосоциализацию: *Я чаще всего смотрю, что происходит в других странах либо же что происходит в России, в Украине. Да вот про ту же Корею. Там бывают новости какие-то. Я с радостью читаю, на два листа хоть будет* (АЖ16Р2).

Медиа могут удовлетворять личные интересы аудитории, связанные с досуговой активностью и хобби, молодежной субкультурой, музыкальными предпочтениями и проч.: *Иногда читаю новости рэпа. Во «ВКонтакте» есть паблик «Рифмы и панчи», 3-4 млн подписчиков у него, туда загружают новые треки рэп-исполнителей, новые альбомы российских и зарубежных исполнителей* (ГМ18М4); *Какие-то бьюти-журналы, несколько штук, я их читаю, мне интересно становится, ну, потом какие-то вырезки делаю, куда-то их кладу себе, если мне нравится* (АЖ15Р3).

Медиа становятся площадкой для апробации мыслей и чувств, а также вопросов аудитории, которые не всегда можно задать учителю: *Мне, например, не понравилась «Война и мир» Толстого. И мне было бы интересно посмотреть передачу с анализом произведения, чтобы понять, что я упустил* (ГМ18М4). В этом случае созданная медиа публичная среда с

множеством мнений позволяет находить ответы на вопросы, которые конкурируют с мнением «значимых других» социальной жизни, например учителей.

Другой важный аспект медиапотребления в русле самосоциализации – удовлетворение информационных запросов, связанных с возрастными особенностями личности, и одновременно общение и рекреация: *Смотрю какие-то видеоролики, необязательно это должно быть видео с какой-то нагрузкой смысловой, а чтобы просто чтобы скоротать час. Чтобы узнать какие-то новости, которые происходят в поп-культуре, посмотреть фильмы, сериалы, послушать музыку. Но, прежде всего, общение с друзьями* (НМ16Р1).

Цифровые медиакоммуникационные технологии позволяют активной медиааудитории производить единицы контента не только спорадически, но системно продюсировать творческие медиапроекты: *У меня литературный канал «Литературный кот». Мы вместе с моей сестрой рассказываем о лучших или, наоборот, не самых лучших, на наш взгляд, книгах. Нам очень приятно, что кто-то нас смотрит и кому-то нравится наш канал* (МЖ12М5).

Производство цифровых текстов – будь то небольшие текстовые записи, мысли и рассуждения, впечатления от культурных мероприятий или даже создание визуального медиатекста, каковым является видео или фотография, предлагают авторам цифрового контента всесторонние возможности для реализации в цифровой медиакоммуникационной среде и получение от этого удовольствия: *Просто нравится. Нравится обрабатывать, например, фотографии какие-нибудь, делать их красивыми, эстетичными, и показывать это людям* (ФЖ15Н5).

Понимание всего спектра образовательных возможностей Интернета позволяет молодым пользователям не только решать прагматические вопросы, связанные с выполнением домашних заданий и общей успеваемостью, но в целом использовать развивающий потенциал Интернета, что говорит о сформированном цифровом интеллекте и цифровом капитале современного учащегося, позволяющего ему стать и цифровым гражданином: *Использую в основном для учебы (чтение дополнительных материалов, создание презентаций, написание эссе, т.д.), иногда для развлечений (рисование с помощью графического планшета, просмотр фильмов, чтение книг). По большей части Интернет мне нужен для учебы. Помимо сайтов с учебной тематикой, наиболее часто я посещаю litres.com (интернет-книги)* (КЖ16М7).

Достижение личностных целей, связанных с постановкой и решением задач, самодисциплиной, работой над собой, стремлением к развитию положительных сторон личности, можно отнести к процессу саморазвития личности, который сегодня осуществляется как с помощью, так и в рамках медиасреды: *Такой блог, он больше идет на саморазвитие. То есть она не дает тебе прямо информации какой-то «надо делать так», она дает какие-то приложения, которые... там плайнеры... ты потом их скачива-*

ешь, на компьютере отпечатываешь, у тебя потом привычки. Ты пишешь свои привычки. То есть она дает какие-то такие советы, которые могут помочь тебе реализоваться (НЖ17Р4).

Религиозные поиски, обретение веры также могут быть свидетельством самосоциализации личности – даже ребенка: *Иногда бывает, не каждый вечер, я слушаю духовную передачу (КМ10Н7).*

Молодая аудитория может демонстрировать весьма высокий, практически профессиональный уровень критического мышления в процессе медиапотребления. Фактически это может означать, что медиа создают условия для формирования профессиональной ориентации и социализации личности, а также служат источником интеллектуализации общества, предоставляя аудитории структурированные знания о мире: *Я бы с гигантским, просто невероятным, удовольствием купил бы Times или Guardian. В Forbes политологи и экономисты иногда тоже очень интересные вещи выдают. Статьи по поводу войны в Сирии в российском аспекте, войны в Сирии в турецком аспекте. И по поводу всех последних договоров насчет ядерного оружия и экономических вещей между Америкой и Китаем. Вот там вот действительно уровень (СМ19Р7).*

На использование медиатехнологий осознанно, с четким пониманием последовательности выполняемых с их помощью действий, контролем продолжительности медиаактивности и органичной встроенностью в структуру дня указывает следующая модель медиапотребления, присущая подросткам: *Первый раз могу на YouTube зайти, посмотреть какие-либо видео, клипы. Второй раз могу в какую-либо социальную сеть зайти. Посмотреть фотографии, пообщаться с кем-нибудь. Третий, когда еду в каком-нибудь общественном транспорте, тоже в социальную сеть захожу. Могу зайти в Яндекс, почитать темы, которые он предлагает, почитать. Ну а пятый, вечером, наверное, перед сном могу зайти, проверить сообщения, положить телефон и спокойно заснуть (КМ13Р8).*

Понимание онлайн-среды как конфликтной среды, в которой следует избегать потенциальных конфликтов и противоречий, характерно для медиапотребления в русле самосоциализации: *Я человек, который особо не любит вдаваться в комментарии, потому что найдется тот, кто мыслит полностью противоположно тебе, даже если он будет не прав, он все равно будет доказывать. Поэтому я просто это обхожу. Если уж впрямь человек настолько тупой и не может понять, объяснить ему стоит 30 секунд. Буквально два предложения я напишу, что так просто неправильно (КМ17Н6).*

Медиа как агент первичной социализации. Рассматривая медиа как первичного агента социализации, необходимо прежде всего понимать такую их важную атрибутивную характеристику, как способность передавать аудитории уникальный опыт, сформированный в условиях медиасреды. Этот опыт может быть результатом отношений субъектов внутри медиакоммуникационного пространства и оказывать различное влияние на социальную жизнь, в том числе отсутствовать вовсе, поскольку будет яв-

ляться не фактом действительности, а сущностью исключительно медиасреды.

Тесное взаимодействие в структуре повседневности человека социальной «природы» современной жизни и медийной – свершившийся факт, который не позволяет порой провести четкие демаркационные линии между ними. При этом наиболее мощное воздействие на человека медиакommunikации могут оказать в рамках первичной социализации, и этот теоретический, скорее даже философский, вопрос требует предпринять попытку практических измерений.

Одним из наиболее распространенных аспектов первичной социализации в медиа является опыт узнавания другой личности на основе профиля социальных сетей: *Это знакомая моей подруги. Она выкладывала фотографии, я думала: какая она идеальная, везде успевает, в музеи ходит, и на фильмы ходит, и такие посты умные пишет, и в курсе всего-всего-всего. Когда мы с ней встретились и что-то начали обсуждать, я поняла, что это вообще другой человек, возможно, для себя она самореализовалась, но другие-то видят* (АЖ16М1). Такой опыт позволяет получить представление о человеке, которое впоследствии оказывается ложным. Реальный социальный опыт способен заменить медийный опыт.

Представление о личности может быть сформировано на основе виртуального профиля, даже если пользователь не ставит такую задачу, а сам профиль не содержит большого объема информации. Это возможно в условиях медиатизации действительности и неспособности отделить «медийное» от «социального»: *Если человек скрывает свое лицо, это глупо. Допустим, выкладывает какое-то аниме вместо своей фотки, а его фотографии нет, или какие-нибудь дурацкие приколы. Если он выкладывает позорные фотографии, значит, он не следит за собой. Это в принципе настолько же важно, насколько он ведет себя в реальной жизни* (ДМ12М2).

Морально-этические нормы медиасреды заимствуются из социальной жизни, однако респонденты понимают, что они приобретают определенное своеобразие: *Некоторых людей очень раздражает, когда человек не отвечает. Иногда обидно, что ли. Когда тебе очень срочно что-то нужно, думаешь: «Настя точно знает ответ на этот вопрос. Но не отвечает». Потом успокаиваешься и думаешь: «Может, она на тренировку спешит?»* (МЖ12М5). Поскольку медиасреда представляет собой среду обитания современного молодого человека, то не только морально-этические нормы, но и способы поведения в целом заимствуются из социальных норм: *Могут начать напisyвать что-нибудь, надоедать как-то, когда человеку, знаете, говоришь «не надо, я не хочу». Просто был случай, когда мне предложили общаться, я типа «нет, не хочу», а человек очень навязчивый был. И пришлось заблокировать* (КЖ16М7). Выстраивание личных границ внутри медиасреды по типу социального пространства, попытка организовать правила и нормы по типу социальной системы – проявление доминирования медийной формы социализации человека: *Если мне напи-*

шет незнакомый человек я ему, конечно же, не выдам сразу, где я живу, что я делаю, а если я с другом переписываюсь, то да, я могу сказать «пошли вон туда гулять» или «я вот сейчас здесь (ФЖ15Н5); Да. Много людей каких-нибудь странных пишут, и просто иногда приходится блокировать их (ГМ17Р6).

Практически все опрошенные респонденты указывали на присутствие в социальных сетях «друзей», с которыми они никогда не встречались в реальной жизни: *У меня несколько виртуальных друзей, с которыми я общаюсь, человек 40 из 200, с которыми я никогда не виделся, но они у меня есть. У меня есть очень много друзей, с которыми я общаюсь на расстоянии. Они живут даже не в моем городе, и мы очень редко пересекаемся. Я с ними поддерживаю общение (НМ16Р1); Да, есть такие. У моих одноклассников тоже есть такие друзья. Например, у меня есть подруга которая ходит на плавание, у нее есть подруга, она вместе и с ней ходит на плавание. И они вместе друг на друга подписаны во «ВКонтакте», но я на нее тоже могу подписаться, хотя я ее в лицо не знаю (АЖ11Н2); Есть виртуальные друзья, с которыми я общаюсь, потому что они из других стран, а лично я знаю человек 70-80. Ну если он хочет пообщаться, то добавлю, не раскрываю никаких своих данных, где я живу, место, телефон (КМ13Р8).*

При этом виртуальные друзья, отношения с которыми имеют перспективу выхода в социальное пространство, могут стать с течением времени реальными друзьями: *Чаще всего, когда я знакомлюсь, то я понимаю, что через время мы встретимся. У меня есть такие друзья, с которыми я встретилась. Мы ездим в Москву, Питер. Они ко мне приезжают, я к ним езжу. И мы общаемся (НЖ17Р4).*

Знакомства в Интернете, которые впоследствии перерастают в социальные взаимодействия и отношения в реальной жизни, характерный пример медиа как агента первичной социализации. Однако если «жизненный цикл» знакомства начинается и заканчивается в Интернете, этот опыт так и остаётся исключительно медийным: *Есть люди, которых не знаю. Мы познакомились в Интернете. Нашёл, написал, познакомились, супер (ЭМ17М6).*

Примером первичной социализации посредством медиа может стать случай, при котором медиа интегрируются в повседневную жизнь личности на раннем этапе вне ее воли и решения, но оказывают влияние на формирование взглядов или вкусов, в том числе музыкальных: *Я очень много времени проводила в деревне с мамой и братом. И мама была категорически против телевизора. И единственное, что у нас было, это радио. Там ловила единственная радиостанция – «Радио шансон». И теперь я знаю всех этих исполнителей (НЖ18М3); Ну, скажем, шансон играет из-за того, что радио не ловит в горах, и у папы до фига дисков шансона. И он включает их, и мы едем, слушаем. Первое время было очень тяжело осознать это, а потом привыкаешь (АЖ16Р2).*

Социальные сети становятся социальной средой существования личностей. Выстраиваются социальные взаимодействия, отношения, формируется цифровая медиакультура, которая в совокупности представляет собой не столько аналог реальной социальной системы, сколько саму социальную систему, в которой реализуется целый комплекс потребностей современного человека: *Для меня это отдых, развлечение, эмоциональная разгрузка, общение с друзьями. Кто-то в какой-то части города живет, поэтому общаемся в беседе и скидываем друг другу вот эти дурацкие картинки и смеемся. Сама вот так разгружаюсь, еду в автобусе смотрю, а что еще делать, в автобусе не разговаривать же с пассажиром соседним. Зачем мне это надо* (АЖ19Н4).

Формируемая медиакоммуникационными технологиями социальная система настолько влиятельная, что ее с трудом можно чем-то заменить: *Интернет можно заменить... Не знаю, пока такого не придумали, живым общением, может быть, не знаю* (КЖ17Н8).

Такие реалии, безусловно, формируют зависимость от медиапотребления: *Честно говоря, несмотря на то, что я вроде не считаю себя зависимой от соцсетей, я не знаю, чем бы я заменила соцсети, и даже если бы я придумала чем, меня бы этот вариант скорее всего не устроил бы* (КЖ16М7).

Усвоение сложного социального, при этом медиатизированного, опыта происходит благодаря медиа в некоторых случаях ранее, чем из социальной среды: *Я подписалась на девушку, которая, болела раком, и она просто рассказывала о своей жизни, как она борется с этой болезнью. Мне стало интересно, я подписалась* (АЖ15Р3); *Девочка рассталась с парнем, довела себя до анорексии, у нее родители не понимали. Смотришь, читаешь: ну ты молодец, что поднялась, нашла сил, уверенности в себе* (АЖ19Р5).

Получение первичного опыта из медиа может преобладать даже в повседневных делах и практиках, при этом приведение в пример медийного опыта происходит как отсылка к коллективному опыту и поэтому авторитетному, нивелирующему даже личный опыт – свой или «значимых друзей» подруг: *Я сразу смотрю, что об этом в Интернете пишут, на каких форумах это пишут. А потом уже говорю своим подругам, если они не правы или я прочитала что-то другое, и мы это обсуждаем* (АЖ15Р3).

Наиболее ярким примером реализации медиа возможностей первичной социализации выступает блогосфера. Блогер – это классический лидер мнений, агент влияния, инфлюэнсер, «значимый другой», влияние которого по степени присутствия в жизни представителя молодой аудитории сопоставимо с потенциалом воздействия, оказываемого родителями и друзьями: *Они не далеко ушли от моего возраста, ну конечно же старше, и они все-таки являются каким-то примером, потому что если телевидение затрагивать, то популярный там кто, кто уже из начально популярен. Это такие же люди как и я, просто поднялись каким-то своим талантом и харизмой, вот это вот цепляет в наше время, люди становятся попу-*

лярными, просто потому что, они такие, какие они есть. Они делают свое дело, свою музыку, свои клипы, свои фотографии (АЖ19Н4). Цифровые медиакоммуникационные технологии используются молодой аудиторией в качестве инструментов решения прагматичных задач в целях создания комфортной коммуникационной среды: *Интернет объективно понятно объясняет, как пройти, а люди объясняют, показывают так... у каждого бывают разные маршруты, я не доверяю всем людям незнакомым* (ГМ17Р6).

Технологически детерминированная среда порой способна оказаться даже более комфортной, чем реальная, поскольку в реальности люди не всегда способны создать комфортные условия для взаимодействий: *Соцсети к душе лежат, у меня была такая ситуация, что я пошёл гулять с человеком, я его плохо знал на самом деле, он просил пойти погулять. Я говорю ладно, пойду с тобой, лишь бы отстал от меня. В итоге мы замолчали, и мне пришлось зайти и просто листать ленту, потому что мне было некомфортно с этим человеком молчать* (ГМ17Р6).

В современных исследованиях медиасоциализации происходит явное недооценивание роли музыки в первичной социализации. Однако фактически музыка – это не просто медиатекст, созданный сверстниками или лидерами мнений, чьи взгляды, ценности и эстетические вкусы разделяются, т.е. фактически воспроизводится определённая медиакультура, но это и тот тип медиаконтента, который сложнее всего поддается пониманию старшими – как родителями, так и учителями. К тому же количество времени, приводимое с музыкой, – не знает границ, так как прослушивание может осуществляться в фоновом режиме: *Да. Есть такое, каждый день это происходит. Потому что много чего интересного. Сегодня также слушал музыку. Музыка у меня это 99% времени в Интернете. Чтобы я не делал, всегда играет музыка* (КМ17Н6).

Выводы

Отвечая на поставленные исследовательские вопросы, можно с уверенностью заключить: все выявленные в теоретическом обзоре признаки медиасоциализации, составившие основу выделения соответствующих критериев по типам медиасоциализации (см. таблицу), в эмпирическом исследовании подтвердились.

Наиболее характерными и частыми наблюдаемыми признаками медиа как агента вторичной социализации стали медиапрактики, направленные на поддержание сформированной в условиях социальной реальности картины мира. В такой модели было подтверждено доминирование родителей и друзей, в меньшей степени – школьных учителей и других лидеров мнений – как «значимых других» фигур, участвующих в интерпретации медиасодержания. Мы отчетливо наблюдали, как коммуникация в онлайн-среде при таком типе медиасоциализации становится инструментом поддержания уже сформированных в реальности взаимодействий. Аккаунты в

социальных медиа становились не продолжением личности, а инструментом планирования публикационной активности в прагматичных целях. Доминирование физической реальности над виртуальной для группы респондентов стало подтверждением вторичной роли медиа в процессе социализации личности.

Самосоциализация посредством медиа проявила себя в стремлении респондентов сформировать вторичную идентичность, связанную с кругом жизненных интересов, самостоятельно решить ряд экзистенциальных вопросов, апробировать мысли и чувства, удовлетворить одновременно совокупность потребностей – от информационных запросов, связанных с возрастными особенностями личности, до тяги к общению и рекреации. Производство цифровых текстов в рамках самосоциализации связано с необходимостью самовыражения, творческого акта и получением удовольствия. Выявлены признаки саморазвития посредством медиа и даже духовные поиски молодой личности.

К обнаруженным признакам первичной социализации можно отнести опыт узнавания другой личности на основе профиля социальных сетей, доминирование виртуального общения на реальном, присутствие виртуальных друзей наравне с реальными. Другими значимыми признаками стали попытки респондентов придать медиасреде контуры социального мира за счет экстраполяции морально-этических норм, заимствованных из социального мира, выстраивания личных границ внутри медиасреды по типу социального пространства, т.е. в целом попытка организовать правила и нормы взаимодействия в онлайн-среде по типу социальной системы. Результатом такой медиасоциализации становится незаменимость медиа и зависимость от них. Наконец, наиболее характерным признаком первичности медиа в процессе социализации является восприятие блогера как «значимого другого», выдерживающего конкуренцию как со сверстниками, так и с родителями.

Изучение процесса медиапотребления даже такой понятной возрастной когорты, как «поколение Z», чьи паттерны, практики и мотивации объясняются временными совпадениями в жизни значимых событий, все же не дает однозначного понимания «формулы» медиасоциализации. Медиасоциализация как процесс освоения социального мира посредством медиакommunikационных технологий и попытка представить ее как комплекс трех элементов одного процесса с разной ролью и интенсивностью воздействия медиа в них вынуждает заключить: влияние медиа на социализацию личности нельзя свести к универсальной модели. На протяжении различных этапов жизни и даже в рамках одного жизненного этапа, какими могут быть детство, отрочество и юность, одна и та же личность сталкивается с различными формами медиасоциализации.

Для респондентов проведенного исследования медиа могли быть одновременно агентами как вторичной социализации, так и самосоциализации и первичной социализации. Это не зависит от возраста, пола, места проживания, уровня образования. Это зависит исключительно от индивидуаль-

ных особенностей личности в данный момент ее жизненного пути. Жизненный путь человека применительно к процессу медиасоциализации – это континуум, который не всегда имеет четко очерченные границы и продолжительность, отдельные стадии, детерминированные биологическими или социальными моделями жизненного цикла, но он всегда динамичен и уникален. Глубинные интервью представителей «цифровой молодежи» России позволили обнаружить, как схоже и одновременно по-разному переживается и усваивается опыт медиапотребления.

Разграничение трех элементов процесса медиасоциализации может вызывать определенный обоснованный скепсис, поскольку медиасоциализация не представляет собой строго измеряемый процесс, элементы которого могут быть механически отделены друг от друга. Тем не менее такой подход правомерен, поскольку позволяет увидеть неоднородность и диверсифицированность медиавоздействия даже на уровне одной личности. Кроме того, эмпирическая верификация подтвердила возможность наблюдения и констатации признаков каждого из элементов процесса.

Три типа медиасоциализации личности пересекаются с господствующими в медиаисследованиях теоретическими представлениями об аудитории медиа. Положения о массовой аудитории и безграничном воздействии медиа могут быть отнесены к влиянию медиа как агента первичной социализации. Постулаты об ограниченном воздействии медиа и преобладании индивидуальных когнитивных особенностей в процессе интерпретации медиасообщений отсылают к воздействию медиа как агента вторичной социализации. Наконец, подходы к аудитории как к «активной», не только самостоятельно создающей смыслы транслируемых медиасообщений, но и активно производящей собственные единицы контента, связаны с ролью медиа в процессе самосоциализации личности.

Существенным отличием в данной теоретической методологии будет признание влияния медиа на аудиторию не применительно к типу аудитории, а в пространственно-временном аспекте – в континууме жизненного пути. То есть не то, к какому типу аудитории относится тот или иной представитель медиааудитории, будет определять воздействие медиа на личность и вектор медиасоциализации, а уникальность жизненного пути, на котором находится личность.

Проведённое эмпирическое исследование было качественным, а не количественным, тем не менее можно было увидеть, что некоторым респондентам на конкретном этапе их жизненного пути в большей степени были свойственны определенные элементы процесса медиасоциализации, а не все три в равной степени.

Список источников

1. *Bobkowski P.S. Faith in the Digital Age: Emerging Adults' Religious Mosaics and Media Practices // Emerging Adults' Religiousness and Spirituality / ed. by Carolyn McNamara Barry, Mona M. Abo-Zena. Oxford : Oxford University Press, 2014. P. 93–108.*

2. *Vittadini N., Siibak A., Reifova I., Bilandzic H.* Generations and Media: The Social Construction of Generational Identity and Differences // Audience Transformations. Shifting Audience Positions in Late Modernity / ed. by Nico Carpentier, Kim Christian Schröder, Lawrie Hallett. New York : Routledge, 2013. P. 65–81.
3. *Вартанова Е.Л.* Теория медиа: отечественный дискурс. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2019. 224 с.
4. *Вьюгина Д.М.* Интернет в ежедневном медиапотреблении цифрового поколения России // Медиаскоп (электронный журнал). 2018. № 3.
5. *Медиапотребление* цифровой молодежи в России / под ред. Д.В. Дунаса. М. : Изд-во МГУ, 2021. 406 с.
6. *Еришов Ю.М.* Цифровой мир сетевых подростков и их зрительские практики // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 2. С. 355–372. doi: 10.17150/2308-6203.2019.8(2).355-372
7. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестук Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М. : Смысл, 2017. 375 с.
8. *Bolton R.N., Parasuraman A., Hoefnagels A., Migshels N., Kabadayi S., Gruber T., Komariva Loureiro Y., Solnet D.* Understanding Generation Y and Their Use of Social Media: A Review and Research Agenda // Journal of Service Management. 2013. № 24 (3). P. 245–267. doi: 10.1108/09564231311326987
9. *Gladkova A., Ragnedda M.* Exploring digital inequalities in Russia: An interregional comparative analysis // Online Information Review. 2020. Vol. 44, № 4. P. 767–786.
10. *Jones C., Ramanau R., Cross S., Healing G.* Net Generation or Digital Natives: Is There a Distinct New Generation Entering University? // Computers & Education. 2010. № 54 (3). P. 722–732. doi: 10.1016/j.compedu.2009.09.022
11. *Давлетшина М.И.* Медиапрактики современных детей младшего школьного возраста // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 5. С. 3–26.
12. *Вартанова Е.Л.* Развивая понимание медиа: от технологий к социальному пространству // Меди@льманах. 2020. № 5 (100). С. 24.
13. *Дунас Д.В.* Социализация и самореализация как ключевые мотивы медиапотребления (опыт исследования поколения Z в России) // Меди@льманах. 2020. № 5 (100). С. 25–35.
14. *Dubow E.F., Huesmann L.R. and Greenwood D.* Media and Youth Socialization: Underlying Processes and Moderators of Effects // Handbook of Socialization: Theory and Research / ed. by Joan E. Crusec, Paul D. Hastings. New York : The Guilford Press, 2007. P. 404–430.
15. *Davignon P.* The Effects of R-Rated Movies on Adolescent and Young Adult Religiosity: Media as Self-Socialization // Review of Religious Research. 2013. № 55 (4). P. 615–628. doi: 10.1007/s13644-013-0124-3
16. *Arnett J.J.* Adolescents' Uses of Media for Self-Socialization // Journal of Youth and Adolescence. 1995. № 24 (5). P. 519–533. doi: 10.1007/BF01537054
17. *Arnett J.J.* Emerging Adulthood: A Theory of Development from the Late Teens through the Twenties // American Psychologist. 2000. № 55 (5). P. 469–480. doi: 10.1037/0003-066X.55.5.469
18. *Maccoby E.E.* Historical Overview of Socialization Research and Theory // Handbook of Socialization: Theory and Research / ed. by Joan E. Crusec, Paul D. Hastings. New York : The Guilford Press, 2015. P. 13–41.
19. *Giddens A., Sutton P.W.* Essential Concepts in Sociology. Cambridge : Polity Press, 2017.
20. *Moberg M., Sjö S.* Mass-Mediated Popular Culture and Religious Socialisation // Religion, Media, and Social Change / ed. by Kennet Granholm, Marcus Moberg, Sofia Sjö. New York : Routledge, 2015. P. 91–109.

21. Moberg M., Sjö S., Kwaku Golo B-W., Gökçe H.E., Hart R.F., Cardenas S.C., Benyah F., Villacrez J. M.J. From socialization to self-socialization? Exploring the role of digital media in the religious lives of young adults in Ghana, Turkey, and Peru // *Religion*. 2019. № 49:2. P. 240–261. doi: 10.1080/0048721X.2019.1584353
22. Wrong D.H. The Oversocialized Conception of Man in Modern Sociology // *American Sociological Review*. 1961. № 26 (2). P. 183–193. doi: 10.2307/2089854
23. Klingenberg M., Sjö S. Theorizing Religious Socialization: A Critical Assessment // *Religion*. 2019. № 49 (2). P. 163–178. doi: 10.1080/0048721X.2019.1584349
24. Anderson L., McCabe D.B. A Coconstructed World: Adolescent Self-Socialization on the Internet // *Journal of Public Policy & Marketing*. 2012. № 31 (2). P. 240–253. doi: 10.1509/jppm.08.043
25. Kühle L. In the Faith of Our Fathers? Religious Minority Socialization in Pluralistic Societies // *Nordic Journal of Religion and Society*. 2012. № 25 (2). P. 113–130.
26. Arnett J.J., Taber S. Adolescence Terminable and Interminable: When Does Adolescence End? // *Journal of Youth and Adolescence*. 1994. № 23 (5). P. 517–537. doi: 10.1007/BF01537734
27. Adams M. *Self and Social Change*. London : Sage, 2007. 208 p.
28. Захаркин П.А., Аргылов Н.А. Инфлюенсеры как медиазначимые другие: современные тренды вторичной социализации // *Власть*. 2021. Т. 29, № 6. С. 27–37. doi: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8674>
29. Heinz W.R. Self-Socialization and Post-Traditional Society // *Advances in Life Course Research*. 2002. № 7. P. 41–64. doi: 10.1006/jvbe.2001.1865
30. Nelissen S., Kuczynski L., Coenen L., Van den Bulck J. Bidirectional socialization: An actor-partner interdependence model of Internet self-efficacy and digital media influence between parents and children // *Communication Research*. 2019. № 46 (8). P. 1145–1170. <https://doi.org/10.1177/0093650219852857>
31. Вартанова Е.Л. Меняющаяся архитектура медиа и цифровые платформы // *Меди@льманах*. 2022. № 1(108). С. 8–13.
32. Фуко М. *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. М. : Прогресс, 1977. 488 с.
33. Hoover S.M. *Religion in the Media Age*. London : Routledge, 2006. 352 p.
34. Arnett J.J. Socialization in Emerging Adulthood: From the Family to the Wider World, from Socialization to Self-Socialization // *Handbook of Socialization: Theory and Research* / ed. by Joan E. Crusec, Paul D. Hastings.. New York : The Guilford Press, 2007. P. 208–230.
35. Knobloch S., Callison C., Chen L., Frizsche A., Zillmann D. Children’s Sex-Stereotyped Self-Socialization through Selective Exposure to Entertainment: Cross-Cultural Experiments in Germany, China, and the United States // *Journal of Communication*. 2005. № 55. P. 122–138. doi: 10.1111/j.1460-2466.2005.tb02662.x
36. Vermeer P. Religious Education and Socialization // *Religious Education*. 2010. № 105 (1). P. 103–116.
37. Lövhelm M. Religious Socialization in a Media Age // *Nordic Journal of Religion and Society*. 2012. № 25 (2). P. 151–168.
38. Newman P.R., Newman B.M. Self-Socialization: A Case of a Parachute Child // *Adolescence*. 2009. № 44 (175). P. 523–537.
39. Facio A., Resett S., Micocci F., Mistrorigo C. Emerging Adulthood in Argentina: An Age of Diversity and Possibilities // *Child Development Perspectives*. 2007. № 1 (2). P. 115–118. doi: 10.1111/j.1750-8606.2007.00025.x
40. Arnett J.J. *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens through the Twenties*. Oxford : Oxford University Press, 2004.
41. Arnett J.J., Arnett L.J. A Congregation of One: Individualized Religious Beliefs Among Emerging Adults // *Journal of Adolescent Research*. 2002. № 17 (5). P. 451–467. doi: 10.1177/0743558402175002

42. Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis. Berkeley : University of California Press, 1979. 294 p.

43. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики : сб. ст. / сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб. : Алетейя, 2005. 576 с.

44. Mayer A., Puller S. The Old Boy (and Girl) Network: Social Network Formation on University Campuses // Journal of Public Economics. 2008. № 92. P. 329–347.

45. Ploug T. Ethics in cyberspace: how cyberspace may influence interpersonal interaction. Dordrecht : Springer Publication, 2009. 223 p. doi: <https://doi.org/10.1007/978-90-481-2370-4>

46. Pluckrose H., Lindsay J. Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity-and Why This Harms Everybody. Durham, N.C. : Pitchstone Publishing, 2020. 352 p.

References

1. Bobkowski, P.S. (2014) Faith in the Digital Age: Emerging Adults' Religious Mosaics and Media Practices. In: McNamara Barry, C. & Abo-Zena, M.M. (eds) *Emerging Adults' Religiousness and Spirituality*. Oxford: Oxford University Press. pp. 93–108.

2. Vittadini, N. et al. (2013) Generations and Media: The Social Construction of Generational Identity and Differences. In: Carpentier, N., Schröder, K.C., Hallett, L. (eds) *Audience Transformations. Shifting Audience Positions in Late Modernity*. New York: Routledge. pp. 65–81.

3. Vartanova, E.L. (2019) *Teoriya media: otechestvennyy diskurs* [Media Theory: Domestic Discourse]. Moscow: Moscow State University.

4. V'yugina, D.M. (2018) Internet in the daily media consumption of the Russian digital generation. *Mediascope – Mediascope*. 3.

5. Dunas, D.V. (ed.) (2021) *Mediapotreblenie tsifrovoy molodezhi v Rossii* [Media consumption of digital youth in Russia]. Moscow: Moscow State University.

6. Ershov, Yu.M. (2019) Digital world of networked teens and their visual practices. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*. 8 (2). pp. 355–372. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(2).355-372

7. Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. & Nestik, T.A. (2017) *Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost' i bezopasnost'* [Digital generation of Russia: competence and security]. Moscow: Smysl.

8. Bolton, R.N. et al. (2013) Understanding Generation Y and Their Use of Social Media: A Review and Research Agenda. *Journal of Service Management*. 24 (3). pp. 245–267. DOI: 10.1108/09564231311326987

9. Gladkova, A. & Ragnedda, M. (2020) Exploring digital inequalities in Russia: An interregional comparative analysis. *Online Information Review*. 44 (4). pp. 767–786.

10. Jones, C. et al. (2010) Net Generation or Digital Natives: Is There a Distinct New Generation Entering University? *Computers & Education*. 54 (3). pp. 722–732. DOI: 10.1016/j.compedu.2009.09.022

11. Davletshina, M.I. (2021) Media practices of modern primary school-aged children. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 5. pp. 3–26.

12. Vartanova, E.L. (2020) Razvivaya ponimanie media: ot tekhnologiy k sotsial'nomu prostranstvu [Developing understanding of media: from technology to social space]. *Medi@l'manakh*. 5 (100). p. 24.

13. Dunas, D.V. (2020) Sotsializatsiya i samorealizatsiya kak klyuchevye motivy mediapotrebleniya (opyt issledovaniya pokoleniya Z v Rossii) [Socialization and self-realization as key motives for media consumption (experience of researching Generation Z in Russia)]. *Medi@l'manakh*. 5 (100). pp. 25–35.

14. Dubow, E.F., Huesmann, L.R. & Greenwood, D. (2007) Media and Youth Socialization: Underlying Processes and Moderators of Effects. In: Crusec, J.E. & Hastings,

P.D. (eds) *Handbook of Socialization: Theory and Research*. New York : The Guilford Press. pp. 404–430.

15. Davignon, P. (2013) The Effects of R-Rated Movies on Adolescent and Young Adult Religiosity: Media as Self-Socialization. *Review of Religious Research*. 55 (4). pp. 615–628. DOI: 10.1007/s13644-013-0124-3

16. Arnett, J.J. (1995) Adolescents' Uses of Media for Self-Socialization. *Journal of Youth and Adolescence*. 24 (5). pp. 519–533. DOI: 10.1007/BF01537054

17. Arnett, J.J. (2000) Emerging Adulthood: A Theory of Development from the Late Teens through the Twenties. *American Psychologist*. 55 (5). pp. 469–480. DOI: 10.1037/0003-066X.55.5.469

18. Maccoby, E.E. (2015) Historical Overview of Socialization Research and Theory. In: Crusec, J.E. & Hastings, P.D. (eds) *Handbook of Socialization: Theory and Research*. New York : The Guilford Press. pp. 13–41.

19. Giddens, A. & Sutton, P.W. (2017) *Essential Concepts in Sociology*. Cambridge: Polity Press.

20. Moberg, M. & Sjö, S. (2015) Mass-Mediated Popular Culture and Religious Socialisation. In: Granholm, K., Moberg, M. & Sjö, S. (eds) *Religion, Media, and Social Change*. New York: Routledge. pp. 91–109.

21. Moberg, M. et al. (2019) From socialization to self-socialization? Exploring the role of digital media in the religious lives of young adults in Ghana, Turkey, and Peru. *Religion*. 49:2. pp. 240–261. DOI: 10.1080/0048721X.2019.1584353

22. Wrong, D.H. (1961) The Oversocialized Conception of Man in Modern Sociology. *American Sociological Review*. 26 (2). pp. 183–193. doi: 10.2307/2089854

23. Klingenberg, M. & Sjö, S. (2019) Theorizing Religious Socialization: A Critical Assessment. *Religion*. 49 (2). pp. 163–178. DOI: 10.1080/0048721X.2019.1584349

24. Anderson, L. & McCabe, D.B. (2012) A Coconstructed World: Adolescent Self-Socialization on the Internet. *Journal of Public Policy & Marketing*. 31 (2). pp. 240–253. DOI: 10.1509/jppm.08.043

25. Kühle, L. (2012) In the Faith of Our Fathers? Religious Minority Socialization in Pluralistic Societies. *Nordic Journal of Religion and Society*. 25 (2). pp. 113–130.

26. Arnett, J.J. & Taber, S. (1994) Adolescence Terminable and Interminable: When Does Adolescence End? *Journal of Youth and Adolescence*. 23 (5). pp. 517–537. DOI: 10.1007/BF01537734

27. Adams, M. (2007) *Self and Social Change*. London: Sage.

28. Zakharkin, R.A. & Argylov, N.A. (2021) Influencers as media significant others: Modern trends of secondary socialization. *Vlast'*. 29 (6). pp. 27–37. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8674>

29. Heinz, W.R. (2002) Self-Socialization and Post-Traditional Society. *Advances in Life Course Research*. 7. pp. 41–64. DOI: 10.1006/jvbe.2001.1865

30. Nelissen, S. et al. (2019) Bidirectional socialization: An actor-partner interdependence model of Internet self-efficacy and digital media influence between parents and children. *Communication Research*. 46 (8). pp. 1145–1170. <https://doi.org/10.1177/0093650219852857>

31. Vartanova, E.L. (2022) Menyayushchayasya arkhitektura media i tsifrovye platformy [Changing Media Architecture and Digital Platforms]. *Medi@l'manakh*. 1(108). pp. 8–13.

32. Foucault, M. (1977) Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk [Words and things. Archeology of the Humanities]. Translated from French. Moscow: Progress.

33. Hoover, S.M. (2006) *Religion in the Media Age*. London: Routledge.

34. Arnett, J.J. (2007) Socialization in Emerging Adulthood: From the Family to the Wider World, from Socialization to Self-Socialization. In: Crusec, J.E. & Hastings, P.D. (eds) *Handbook of Socialization: Theory and Research*. New York: The Guilford Press. pp. 208–230.

35. Knobloch, S. et al. (2005) Children's Sex-Stereotyped Self-Socialization through Selective Exposure to Entertainment: Cross-Cultural Experiments in Germany, China, and the

United States. *Journal of Communication*. 55. pp. 122–138. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2005.tb02662.x

36. Vermeer, P. (2010) Religious Education and Socialization. *Religious Education*. 105 (1). pp. 103–116.

37. Lövheim, M. (2012) Religious Socialization in a Media Age. *Nordic Journal of Religion and Society*. 25 (2). pp. 151–168.

38. Newman, P.R. & Newman, B.M. (2009) Self-Socialization: A Case of a Parachute Child. *Adolescence*. 44 (175). pp. 523–537.

39. Facio, A., Resett, S., Micocci, F. & Mistrorigo, C. (2007) Emerging Adulthood in Argentina: An Age of Diversity and Possibilities. *Child Development Perspectives*. 1 (2). pp. 115–118. DOI: 10.1111/j.1750-8606.2007.00025.x

40. Arnett, J.J. (2004) *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens through the Twenties*. Oxford: Oxford University Press.

41. Arnett, J.J. & Arnett, L.J. (2002) A Congregation of One: Individualized Religious Beliefs Among Emerging Adults. *Journal of Adolescent Research*. 17 (5). pp. 451–467. DOI: 10.1177/0743558402175002.

42. Giddens, A. (1979) *Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*. Berkeley: University of California Press.

43. Bourdieu, P. (2005) *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices]. Translated from French. St. Petersburg: Aleteyya.

44. Mayer, A. & Puller, S. (2008) The Old Boy (and Girl) Network: Social Network Formation on University Campuses. *Journal of Public Economics*. 92. pp. 329–347.

45. Ploug, T. (2009) *Ethics in cyberspace: how cyberspace may influence interpersonal interaction*. Dordrecht: Springer Publication. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-90-481-2370-4>.

46. Pluckrose, H. & Lindsay, J. (2020) *Cynical Theories: How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender, and Identity—and Why This Harms Everybody*. Durham, N.C.: Pitchstone Publishing.

Информация об авторе:

Дунас Д.В. – канд. филол. наук, доцент РАО, ведущий научный сотрудник факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: denisdunas@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

D.V. Dunas, Cand. Sci. (Philology), Docent of the Russian Academy of Education, leading researcher, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: denisdunas@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.03.2022;
одобрена после рецензирования 04.05.2022; принята к публикации 18.07.2022.*

*The article was submitted 14.03.2022;
approved after reviewing 04.05.2022; accepted for publication 18.07.2022.*

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензия

УДК 821.161.1:070:008

doi: 10.17223/19986645/78/13

**«Великая задача поддержания и блюдения русской культуры»:
новая монография о литературе и периодике
предреволюционной России.**

**Рецензия на книгу: Русская литература и журналистика
в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия
и методология анализа: коллективная монография / отв. ред.
и сост. А.А. Холиков, при участии Е.И. Орловой. –
М. : ИМЛИ РАН, 2021. – 768 с.**

Олег Ефимович Осовский¹, Светлана Анатольевна Дубровская²

¹ *Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева,
Саранск, Россия, osovskiy_oleg@mail.ru*

² *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва, Саранск, Россия, S.Dubrovskaya@bk.ru*

Аннотация. Рецензируется коллективная монография «Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа» – второй выпуск новой научной серии, посвященной изучению форм взаимодействия русской литературы и журналистики в кризисную эпоху начала XX в. Основные авторы – участники проекта РНФ (№ 20-18-00003), а также специально приглашенные ученые, эксперты в данной области. Издание рассчитано на филологов и представителей других гуманитарных дисциплин, интересующихся таким сложным, рассредоточенным, диффузным и полижанровым явлением, как русская периодическая печать предреволюционной эпохи.

Ключевые слова: русская литература, журналистика, газеты, русская революция, методология

Для цитирования: Осовский О.Е., Дубровская С.А. «Великая задача поддержания и блюдения русской культуры»: новая монография о литературе и периодике предреволюционной России : Рецензия на книгу: Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / отв. ред. и сост. А.А. Холиков, при участии Е.И. Орловой. – М. : ИМЛИ РАН, 2021. – 768 с. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 225–238. doi: 10.17223/19986645/78/13

Review

doi: 10.17223/19986645/78/13

Book review: Kholikov, A.A. & Orlova, E.I. (eds) (2021) *Russkaya literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnuyu epokhu: formy vzaimodeistviya i metodologiya analiza: kollektivnaya monografiya* [Russian literature and journalism in the pre-revolutionary era: Forms of interaction and methodology of analysis: A collective monograph]. Moscow: IWL RAS.

Oleg E. Osovsky¹, Svetlana A. Dubrovskaya²

¹ *Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseev, Saransk, Russian Federation, osovskiy_oleg@mail.ru*

² *National Research Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, S.Dubrovskaya@bk.ru*

Abstract. The review offers a detailed analysis of a collective monograph on the interaction between literature and journalism in Russia in the pre-revolutionary period. According to the reviewers, the main merit of the book lies in the fact that it offers a new interpretation of literature and journalism at the turn of the century as a whole and provides new approaches that have broadened the problem field and added to the circle of writers' names and newspaper and magazine titles. The authors show that journalism of this time both created and destroyed writers' reputations, explained to the reader the underlying meanings of literary works, and acted as an intermediary between the creative elite and the mass audience. The complex, multidimensional, "diffuse" (as the monograph editor, Professor A. Kholikov, formulates it) state of the literary process of the pre-revolutionary era required the authors of the monograph to implement an interdisciplinary approach. As a result, the history of Russian literature and the theory and history of journalism were integrated with the political and social history of Russia, which, in turn, was accompanied by the search for new methods and techniques, including those oriented towards Western experience of working with media texts of various levels and content. Accordingly, the book successfully combines the approaches and methods of traditional academic humanities and innovative technologies, above all in the digitalization of archival material. In the course of the analysis, the newspaper and magazine text, thus acquiring a new spatial and temporal dimension, was transformed into a metatext, the presentation of which made it possible to reconstruct a qualitatively new picture of the state of literary and journal life in Russia in the pre-revolutionary era. The monograph was not limited to the "writer in a newspaper – magazine – almanac" plot and tried to show as convincingly as possible the relationship between author and publication in all its complexity and contradiction, above all as a projection of a kind of dialogue between literature and journalism at a particular historical stage, in the conditions of a perennial political, ideological, social and cultural crisis. Thus, magazines and newspapers reflect the whole spectrum of problems of literature and literary life, literary reputations, the psychology of writerly creation, on the one hand, and the mechanisms of writer's subordination/contradiction to the conveyor belt of newspaper-magazine work, on the other. As the reviewers point out, the reliability and representativeness of the conclusions in the analytical part of the monograph are ensured by the extensive use of material from metropolitan and provincial newspapers and magazines (*Russkoye Slovo, Narodnaya Gazeta, Novoe Vremya, Ogonyok,*

Finlyandskaya Gazeta, Il'men', Yuzhnyy Krai, etc.), writers' archives, editorial correspondence and documents. Of undoubted value is the publication in the second and third sections of the book of materials of correspondence between A. Izmailov and I. Yasinsky, D. Filosofov and K. Chukovsky, a selection of texts by I. Babel in the newspaper *Novaya Zhizn'*, a bibliographical list of the magazine *Bohema*, newspaper *Nov'* and others.

Keywords: Russian literature, journalism, newspapers, Russian revolution, methodology

For citation: Osovsky, O.E. & Dubrovskaya, S.A. (2022) Book Review: Kholikov, A.A. & Orlova, E.I. (eds) (2021) *Russkaya literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnyuyu epokhu: formy vzaimodeistviya i metodologiya analiza: kollektivnaya monografiya* [Russian literature and journalism in the pre-revolutionary era: Forms of interaction and methodology of analysis: A collective monograph]. Moscow: IWL RAS. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 225–238. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/13

Литературный процесс в России рубежа XIX–XX столетий к настоящему времени изучен достаточно основательно. Любой исследователь без труда перечислит важнейшие работы по этой проблеме: начиная от классических трудов В.Е. Евгеньева-Максимова, Б.А. Бялика, К.Д. Муратовой, Л.А. Смирновой до хорошо известных публикаций А.В. Лаврова, Н.А. Богомолова, О.А. Коростелева, Л.С. Флейшмана, О.А. Клинга, В.Н. Крылова, Д.Д. Николаева и др. Думается, каждый из них без труда согласился бы с фразой о «великой задаче поддержания и блюдения», вынесенной в заголовки нашей рецензии. Именно так выдающийся российский мыслитель и общественный деятель, философ и публицист П.Б. Струве определял миссию отечественных журналов [1. С. 55].

Основная заслуга рецензируемой монографии заключается в том, что ее авторы не только предложили новый взгляд на взаимоотношения литературы и журналистики в предреволюционную эпоху, но и аргументировали новые подходы, позволившие расширить проблемное поле и дополнить круг писательских имен и названий газетно-журнальной периодики. Как справедливо отмечает во введении ответственный редактор издания известный специалист по творчеству Д.С. Мережковского и русской литературе Серебряного века А.А. Холиков, «на рубеже веков журналистика как никогда активно участвовала в создании и разрушении писательских репутаций, адаптировала для широкого читателя смыслы,

содержавшиеся в произведениях словесного искусства. Многоаспектному рассмотрению этих процессов посвящена предлагаемая книга» [1. С. 12].

Сложное, многоаспектное, «диффузное», по выражению ответственного редактора, состояние литературного процесса предреволюционной эпохи потребовало от авторов междисциплинарного подхода. История отечественной литературы, теория и история журналистики соединились с политической и социальной историей России, сопровождалась поисками новых методов и приемов, в том числе и ориентированных на опыт западных коллег, чья работа с медиатекстами различного уровня и наполнения сегодня привлекает достаточное внимание. Пожалуй, одна из самых сильных сторон теоретико-методологической составляющей книги заключается именно в разумном и взвешенном сочетании подходов и методов традиционной академической гуманитаристики и по-настоящему новых технологий (прежде всего – в сфере дигитализации архивного материала), и в этом еще одна заслуга А.А. Холикова и его соредатора Е.И. Орловой.

Тем самым был выработан новый алгоритм работы с газетным и журнальным текстом или их совокупностью, образующей газетно-журнальный метатекст. При этом монография не ограничивается реконструкцией сюжета «писатель в газете / журнале / альманахе». Общая цель была куда более амбициозной: воссоздать картину сложных и противоречивых взаимоотношений автора и издания как проекцию своеобразного диалога между литературой и журналистикой на определенном историческом этапе, в условиях многолетнего политического, идеологического, социального и культурного кризиса. Журнал и газета здесь становятся своего рода зеркалом, в котором отражается весь спектр проблем литературы и литературной жизни, литературных репутаций, психологии писательского творчества, с одной стороны, и механизмов подчинения / противостояния писателя конвейеру газетно-журнальной работы – с другой.

Из сказанного вытекает синтетичность реализуемых в книге подходов. Историки литературы и журналистики, теоретики медиакommunikаций, историки культуры объединили усилия, чтобы дать максимально точное представление о том, как литературная жизнь предреволюционной России находит себя в журнально-газетном измерении. Возможно, попытка теоретического осмысления проблемы сквозь призму того, как ее видит теория журналистики, оказалась не до конца удачной, однако то, что первый раздел монографии («Исследования») открывает глава «Теоретико-методологические аспекты», более чем оправданно. Особый интерес в ней вызывает раздел Е.И. Орловой «О “срочной словесности” и ее трансформациях в начале XX века». Предложенная автором формула – история литературы сквозь призму истории журналистики – позволяет исчерпывающе определить характер взаимоотношений литературы, представленной прежде всего литературной критикой, и всего массива журнально-газетной периодики, появляющейся в интересующую автора эпоху. Широкий контекст, глубина исторических обобщений, обращение к примерам не только из предшествующих предреволюционному периоду десятилетий, но и из

практики постреволюционной, в том числе и советской вплоть до перестроечной, позволяет исследовательнице делать масштабные обобщения и приходиться к убедительным выводам. Сама смена статуса литературной критики, остающейся частью филологии и одновременно превращающейся в важнейшую часть газетно-журнальной продукции, дает возможность говорить об особенностях эпохи в ее интеллектуальных проекциях, специфичности функционирования литературных жанров в их собственно литературном и массмедийном изводах. «Журналистика всегда была важнейшей составляющей литературного процесса <...> Целые жанры возникают и существуют на границе собственно литературы и журналистики (фельетон, очерк, эссе, портрет и т.д. – эта область огромна)» – констатирует исследовательница [1. С. 19]. С этой точки зрения профессиональные литературоведы, выступающие в качестве литературных критиков (от Н. Недоброво до Ю. Тынянова и Б. Эйхенбаума), – наглядный пример меняющегося представления о том, что происходит в мире литературном и как этот мир перетекает на страницы газет и журналов. Используя известное определение Н. Гумилева «люди книги» и «люди газеты», Орлова показывает, как литература, несмотря на все перемены и потрясения, сохраняет в периодике свое незаместимое место: «Законченное произведение при журнальной / газетной публикации попадает в особый контекст. Подчиняет ли он себе литературное произведение или можно говорить о взаимовлиянии того и другого, о некоем диалоге между ними? И есть ли общие законы такого взаимодействия – такие, которые бы помогали учитывать общее и не игнорировать каждый конкретный случай?» [1. С. 22].

Таким образом, мир литературы сквозь призму газетно-журнальной периодики обретает новые характеристики и особенности. Становится ли литература действительно «срочной литературой» на страницах газет и журналов, – это вопрос, на который стремятся ответить и другие авторы монографии, размышляющие над проблемами методологии. Так, Ю.Б. Балашова в разделе «Филологические практики в истории журналистики» стремится найти компромисс между традиционным филологическим прочтением авторского текста, в том числе и газетно-журнального, и поисками, ведущимися в этом направлении теорией журналистики: «В последние годы между филологией и журналистикой сложились отношения, которые без преувеличения можно назвать антагонистичными. Причем ярко выраженную противопоставленность проявляет одна сторона, а именно журналистика, сформировавшая оценочное определение “филологического флюса”, но при этом (главным образом, в контексте дискуссии о медиаобразовании) справедливо указывая на проблематичность учета при чисто филологическом подходе к современной медиареальности специфики медиапроизводства, медиапотребления и других характерных примет медиапродукта» [1. С. 32].

В этом контексте попытка предложить «особый путь» в интерпретации истории литературы и журналистики начала XX в. могла бы показаться вполне оправданной. Исследовательница справедливо полагает, что тради-

ционные форматы историко-литературного и выстроенного по аналогии с ними историко-журналистского описания явлений газетно-журнальной жизни явно недостаточны. Трудно спорить с утверждениями о необходимости включения в исследовательский процесс расширенного политического, социального и экономического контекстов, определения массмедийной составляющей редакционного и иных процессов. Но при этом удивляет одно обстоятельство: автору словно невдомек, что все эти вопросы решаются куда более продуктивно, если история журналистики, равно как и история литературной и любой другой творческой повседневности, встраивается в интеллектуальную историю эпохи. Именно под углом интеллектуальной истории самые разнообразные векторы анализируемых исторических в широком смысле событий сходятся в одной точке, а процесс научного поиска приобретает ту самую междисциплинарность, которая сегодня является обязательным условием гуманитарного исследования.

Эту мысль со всей очевидностью подтверждает раздел А.А. Гапоненкова и Ю.С. Ромайкиной «К методологии изучения журнального (альманажного) контекста». Опираясь на опыт собственных исследований, труды предшественников и современников, авторы настойчиво подчеркивают необходимость воссоздания самого широкого фона, на котором существует конкретный журнал или альманах: «Любому изданию присущ *внешний контекст*, который выражается, прежде всего, в оценках данного издания современниками (литературные критики, цензоры и т.д.), – поясняют они. – *Внутренний контекст* можно разделить на *текстовый*, включающий непосредственно авторские и редакторские тексты самого издания, и *внетекстовый* – в разнообразных перипетиях внутриредакционных отношений, диалога редакции и авторов. Оба контекста, в свою очередь, порождают *внутреннюю* и *внешнюю историю* печатного органа» [1. С. 42].

Конечно, кому-то может показаться, что речь здесь идет скорее не о методологии, а о методике и технике анализа, внутри- и внередакционной истории конкретного издания, а в целом справедливое требование учета всех факторов и обстоятельств воспринимается как почти утопия, особенно исходя из той неполноты архивных документов и исторических свидетельств, до нас дошедших. Это, однако, не отменяет справедливости высказанных авторами наблюдений, равно как и требования исчерпывающей по возможности полноты реконструкции контекстов в ходе создания истории журнала или альманаха.

Особый интерес представляют размышления исследователей о специфике «альманажного» контекста и его отличии от контекста журнального. На материале «Шиповника» в разделе показано, как «внутренняя идея» конкретного сборника явно или неявно определяет отбор публикуемых в нем произведений, выстраивает диалог между текстами разных авторов, формирует представление читателя и критики о самых насущных общественных проблемах. При этом очевидно существует и не акцентируемое А.А. Гапоненковым и Ю.С. Ромайкиной различие между «тематическими» и «нетематическими» типами альманахов и сборников, в немалой степени

зависящее от периодичности их выпуска. Сошлемся на опыт многочисленных сборников товарищества «Знание», где появление публикации конкретного автора в конкретном выпуске в немалой степени зависело от его настойчивости в переписке с М. Горьким, за которым очень часто оставалось последнее слово в спорах между писателями и К.П. Пятницким.

О том, насколько правы Гапоненков и Ромайкина в своем требовании «реконструкции контекстов», свидетельствует вторая глава «Периодические издания: от центра к окраине». На материале «Нового времени», «Русского слова», «Ильмена», «Финляндской газеты» и «Южного края» развернуто показана та роль, которую газета играет не только в общественной, но и в литературной жизни предреволюционной эпохи. Так, масштабный обзор истории суворинского «Нового времени», предложенный М.А. Фроловым, содержит исчерпывающую характеристику этого издания и его ведущих авторов. Примечательно подчеркнуто объективное отношение ученого к предмету своего исследования: консервативный популизм редактора и очевидные охранительные тенденции газеты не становятся препятствием для адекватной оценки масштаба издания и его значения для общественной, литературной и культурной жизни страны на рубеже веков. Как указывает Фролов, «стремление редакции и авторов “Нового времени” учитывать общественное мнение и апеллировать к самым разным слоям общества, информационная насыщенность, достигавшаяся благодаря связям сотрудников “Нового времени” в правительственных кругах и широкой корреспондентской сети, отражались во всех ее публикациях вне зависимости от объема и жанровой принадлежности» [1. С. 68].

Примечательна и «практическая часть» раздела, в основе которой – тщательная работа со всем корпусом номеров «Нового времени». Исследователем были определены писатели и критики «первого ряда», в число которых вошли В.П. Буренин, П.П. Перцов и В.В. Розанов, указаны самые громкие публикации, перечислены статьи, очерки и заметки мемуарного и историко-литературного характера. Склонность А.С. Суворина к использованию любых возможностей для увеличения тиража газеты и ее популярности у массовой аудитории сказалась на участии издания в многочисленных скандалах и спорах, в полемических выступлениях ее постоянных авторов и представителей других средств массовой информации. Чрезвычайно своеобразен был в «Новом времени» и жанр некролога, часто выходящий за рамки «последнего слова» и больше напоминавший развернутую статью с оценкой творчества или деятельности ушедшего.

Издание, структура и журналистский контекст «Русского слова» подробно проанализированы А.В. Филатовым, фактически предложившим историю этой газеты в 1900–1905 гг. Превращение издания, задуманного И.Д. Сытиным как «Народная газета», в одно из самых популярных и либеральных происходило благодаря усилиям ее редактора В.М. Дорошевича и собранного им коллектива. Последовательное изучение разнообразных материалов газеты, специфики рубрикации, важнейших проблемно-тематических составляющих, имен, жанров и жанровых предпочтений дает

убедительное основание для финального вывода: «Установка редакции во главе с Дорошевичем на объективное и всестороннее освещение фактов при одновременной ориентации на массового читателя приводит к тому, что литературные произведения начинают выполнять функции публицистики, а обсуждение актуальных событий берет на себя жанр фельетона, эксплуатирующий различные литературные формы. Взаимодействие литературы и журналистики в пространстве газеты происходит как имманентно, за счет сочетания элементов художественных и публицистических жанров в одном тексте, так и контекстуально, за счет влияния информационного поля газеты на тематику литературных произведений» [1. С. 102].

Несомненной удачей монографии стали разделы, посвященные провинциальной прессе. «Периферийный» акцент этих исследований только усиливает аргументированность общих выводов. Краткая по времени история новгородской частной газеты «Ильмень», начавшаяся в декабре 1906 г. и закончившаяся в следующем году, в интерпретации А.Л. Семеновой становится примером того, как заявлявшее о своих относительно умеренных политических взглядах издание достаточно быстро смещается влево. Этому способствует не только ухудшение политической обстановки, но и личностный фактор – появление в газете депутата Второй Государственной думы от крестьян Новгородской губернии социал-демократа П.Г. Измайлова. Цикл его писем-обращений к избирателю отмечен своего рода литературностью, проявляющейся в стилизации под народную речь, с обилием шуток, разговорных оборотов и т.п. «Сказовый формат» изложения происходящих в Государственной думе и вокруг нее событий, вне всякого сомнения, должен был усилить критическое отношение аудитории к действующей власти и пробудить в ней левые настроения. Острокритическая позиция газеты и отсутствие у нее материальных ресурсов (что было связано с минимальным количеством размещаемой рекламы), постоянное давление губернских властей стали причиной отказа местной типографии от сотрудничества и, как следствие, прекращения ее выхода.

Судьба русской газеты в национальном регионе и отдельные аспекты ее существования рассматриваются Е.А. Андрущенко в разделе «Литература и писатели в “Финляндской газете”» и Л.Ф. Луцевич в разделе «Русскоязычная периодика Финляндии в начале XX века: “Финляндская газета”». История этого периодического издания представлена в контексте российской политики в отношении Финляндии в XIX – начале XX в. на фоне многочисленных проектов информационных изданий для русского населения Великого княжества. Справедливо отмечая комплексность тех задач, которые стояли перед «Финляндской газетой», Луцевич подчеркивает, что важнейшей среди них была задача обеспечения русско-финского диалога, приобщения читателя к литературе и культуре, традициям местного населения, поиска баланса между продвижением интересов центральной власти и акцентированием финской национальной самобытности. Газета, с одной стороны, ориентированная на ведущие столичные издания, прежде всего на «Новое время», и перепечатавшая значительное число

«проверенных материалов» из надежных источников, пыталась до определенной степени сказать свое слово в сфере культуры и искусства. В то же время, как подчеркивает исследовательница, «появление русского печатного органа не вызвало энтузиазма с финской стороны» [1. С. 153]. А события русской революции, усиливающаяся реакция, курс на ограничение финской автономии так и не позволили этому печатному органу стать эффективным инструментом налаживания отношений между русскими и финнами. О том, по каким направлениям делались попытки наладить эти отношения, размышляет Андрущенко, анализируя то, как в «Финляндской газете» были представлены проблемы литературы и театра.

Примечательно появление в газете статей и материалов, посвященных финской словесности, начиная от ее исторических истоков, фольклорной традиции и др. и заканчивая анализом творчества современных писателей, в том числе и женщин. Одну из главных проблем издания исследовательница справедливо усматривает в том, что в нем «не было ни ярких критиков, ни квалифицированных историков литературы. Их статьи на историко-литературные темы имели компилятивный характер, опирались на чужие материалы, авторитетность которых подтверждалась публикацией в журналах и газетах «большой» России, т. е. уже прошедших и цензуру, и проверку мнением начальства и читателей. Эта особенность лишь подкрепляла общий казенный дух газеты, служившей пропаганде официальной точки зрения и освещению разных сторон общественной жизни» [1. С. 138]. В публикации художественных материалов газета ориентируется на наиболее популярные российские издания, и круг появляющихся в ней отечественных и зарубежных авторов вполне определен. Во главу угла здесь ставится развлекательность, которая призвана поддержать интерес читателя и к другим разделам.

Газете «Южный край» как масштабному явлению литературной и культурной истории юга России 1900–1905 гг. посвящено исследование Е.М. Захаровой. Среди поднимаемых автором проблем – определение места газеты в общественной и культурной жизни Харькова, литературная составляющая материалов издания, роль фельетона как структурообразующего ядра беллетристической части, место на страницах «Южного края» криминальной хроники и военных корреспонденций и др. Издание приобретало до определенной степени универсальный характер, а его стремление показать и объяснить читателю все стороны современной жизни вело к своего рода «энциклопедизму»: «Калейдоскоп из местных новостей, событий за пределами Харькова, фельетонов, литературно-критических очерков, театральных рецензий, зарубежных сведений и рекламных объявлений ежедневно предоставлял сформированный в нескольких планах образ дня» [1. С. 166]. Несмотря на то, что Захаровой избран относительно короткий отрезок времени, глубокое знание материала и самого широкого литературного и социокультурного контекстов позволяет говорить об убедительности и основательности нарисованной ею картины.

Оценивая содержание третьей главы «Стратегии и репутации», следует отметить, что ее центральная проблема отчасти затрагивалась в предшествующих главах, к примеру, в разговоре об авторах «первого ряда». Тема писательских / журналистских репутаций рассматривалась уже не раз, однако в рецензируемой монографии она обретает свой по преимуществу историко-литературный акцент и дополняется результатами новейших разысканий. Немалое внимание уделяется выявлению роли журналов в процессе «производства репутаций» целых литературных направлений и школ, а не только отдельных литераторов. Хотя о вкладе «Нового пути», «Золотого руна» и особенно «Весов» в оформлении представлений о символизме как единой школы писалось неоднократно, подробности, которые приводит Е.В. Иванова в разделе «Роль периодики в формировании символизма как направления» дают ей все основания констатировать: «Фактически история символизма 1900-х годов и есть история его периодики, которая помогает выявить его ключевые фигуры, а также проследить процесс присоединения к нему фигур подчас маргинальных, но игравших свою роль в истории символизма как направления» [1. С. 186].

Предметный анализ скандала и эпатажа как форм самопрезентации группы «Гилея» и в жизни, и в газетно-журнальном пространстве добавляет новые штрихи в литературный процесс, о чем убедительно пишет С.А. Казакова в разделе «Литературная репутация кубофутуристов в 1910-е годы». Еще одна страница предистории русского кубофутуризма воссоздается М. Бёмиг, рассматривающей творчество Н. Кульбина и альманах «Студия импрессионистов» как художественно-эстетический ответ угасанию символизма и поиск нового творческого языка. Именно здесь исследовательнице видится один из «мостиков» между модернизмом 1900-х и авангардом 1910-х гг.

Примечательно, что объектом исследования авторов монографии становятся не только реализованные, но и нереализованные литературные проекты. А.Ю. Сергеева-Клятис, опираясь на два обнаруженных в архиве письма С.П. Боброва, восстанавливает историю предполагавшегося издания журнала группы «Лирика», детали полемики, развернувшейся между поэтом и его оппонентами (С.Н. Дурылиным и Ю.П. Анисимовым) в связи с редакционной политикой задуманного издания. Бобров категорически возражал против присутствия в журнале известных авторов-символистов, предлагая опираться на «собственные силы», т.е. публикацию своих текстов и произведений Н.Н. Асеева и Б.Л. Пастернака.

Проблема индивидуальных литературных репутаций находит отражение в разделах, посвященных ключевым фигурам отечественной словесности этого периода – Ю.И. Айхенвальду и В.П. Буренину. Е.А. Тахо-Годи, обрисовав эстетическую программу и литературно-критические ориентиры Ю.И. Айхенвальда, указывает на достаточную близость его «импрессионистического метода» эстетике символизма, что объясняется некоторой общностью художественных предпочтений (А. Григорьев, Вл. Соловьев, О. Уайльд, Р. де Гурмон). Именно на этом фундаменте возникает «имма-

нентный метод» критика: «...через вчувствование в личность, в художественный текст его путь лежит к бессознательному творца и далее к самосознанию природы и – далее еще выше – к постижению единства жизни, к мировой гармонии всего живого в вечном космосе, к эстетическому универсализму» [1. С. 201].

Проблема репутации В.П. Буренина – литературного критика рассматривается О.В. Федунинной сквозь призму его работы в газете «Новое время». Как показывает исследовательница, установка критика на литературный скандал, превращение последнего в сознательную авторскую стратегию во многом определяли двойственность его репутации у читательской аудитории и одновременно поддерживали интерес к его публикациям. Способность к нестандартным поворотам, к отказу от, казалось бы, устоявшихся принципов в конкретной статье или очерке, неожиданность художественных решений и стилистических приемов делали Буренина одним из самых востребованных авторов, воспринимавшихся как совершенно одиозная фигура либеральной частью общества и высоко ценившихся «охранительной».

Неожиданную интерпретацию эстетических взглядов В.П. Буренина в сопоставлении с программой Пролеткульта предлагает К.А. Баршт. «Цинический реализм», исповедуемый Бурениным во второй половине XIX в., оказывается созвучен отдельным установкам идеологов новой пролетарской культуры начала 1920-х гг. Не утверждая наличие прямого влияния буренинских текстов, в частности его размышлений о «наглом реализме», на позицию Б. Арватова и его единомышленников, исследователь выявляет точки схождения. Собственно декларативное стремление самого Буренина максимально приблизиться к «простому читателю», отозваться на его страдания и чаяния, вполне созвучно пролеткультовской установке на решающее значение классового сознания пролетарского писателя, что и должно обеспечить возникновение и развитие новой литературы для нового общества.

О судьбоносном значении горьковских изданий для Е.И. Замятина размышляет С.Г. Коростелев. Само по себе появление имени автора «Уездного» на страницах «Летописи» и «Новой жизни» обеспечивало ему максимально широкую читательскую аудиторию, а поддержка Горького кардинально меняла его литературный статус. Как указывает исследователь, именно здесь Замятин, только что вернувшийся в Россию из Англии, начинает осмысливать тему дегуманизации личности в условиях агрессивного индустриального тоталитаризма, которая получит дальнейшее развитие в его знаменитом романе-антиутопии «Мы».

Сложным взаимоотношениям писателей и прессы, характеру презентаций образов журналистов в литературных произведениях и освещению писательской жизни на страницах периодики посвящена четвертая глава «Формы рецепции». М.В. Михайлова и А.В. Назарова в разделе «Журналисты – герои русской литературы рубежа XIX–XX веков» детально исследуют то, как представлены газетчики в произведениях М. Горького,

А. Эртеля, Е. Чирикова, А. Серафимовича, А. Куприна и др. Несмотря на то, что писатель достаточно часто выступал в роли журналиста, а журналист, в свою очередь, превращался в писателя, отчетливый антагонизм между этими профессиями на рубеже XIX–XX вв. ощущался достаточно остро. Развивался этот конфликт в более чем специфических условиях: «Необходимость обслуживать разнообразные вкусы и требования читающих масс сделала писательство “распространенным занятием, массовой профессией”, причем причастным к литературе теперь мог оказаться каждый, кто “не имел более определенных занятий”. Так стиралась грань между литературой и журналистикой» [1. С. 299].

И хотя репортеры остаются по преимуществу персонажами второго ряда, понимание их роли в литературной жизни России дает толчок к общим размышлениям о том, как должна и может быть представлена творческая личность в газете, где та тонкая грань между подробностями писательской жизни, открываемой читателю, и уже непосредственным вторжением в эту жизнь. Очевидно, что популярные литераторы не были готовы к тому, чтобы детали их повседневного бытия становились объектом изображения или замещались дешевым вымыслом, как это часто происходит в драматургии и прозе начала века. Отсюда – появление острых, порой гротескных фигур провинциальных журналистов, не останавливающихся ни перед чем в поисках сенсаций, легко идущих на подлог, не задумывающихся о том, что они тем самым разрушают человеческие судьбы.

Своеобразным продолжением темы становится раздел «Лев Толстой и литературная жизнь начала XX века в зеркале прессы». В.Н. Крылов анализирует формы презентации личности и деятельности Толстого. Необычайный интерес к фигуре «живого классика» реализовывался по-разному – от интервью, очерков и заметок до пародий и карикатур. В этом смысле Толстой, конечно, выделялся из общего числа русских и зарубежных писателей: внимание читательской аудитории к нему не имело аналогов и вызывало соответствующую реакцию в газетно-журнальном мире. При этом, как подчеркивает исследователь, и отношение самого писателя к периодике было неоднозначным: с одной стороны, он пытался игнорировать это назойливое внимание, с другой, по свидетельству современников, – не без интереса следил за тем, как прессой освещаются его мысли и дела. Наглядные примеры того, как жизнь Толстого представлялась в массовой периодике, исследователь обнаруживает в журнале «Огонёк», одном из самых популярных массовых изданий начала века.

Впрочем, мифы возникают не только в связи с фигурой Толстого. Как убедительно показывает С.А. Кибальник, примером мифотворчества может служить и история постановки чеховской «Чайки». Исследователь внимательно анализирует сохранившиеся рассказы непосредственных участников событий (от автора и постановщика до зрителей и репортеров) и приходит к выводу, что в реальности постановку «Чайки» в Александринке нельзя считать провалом: относительный неуспех премьерного спектакля не помешал ему остаться в театральном репертуаре, а версия

провала, отчасти сформулированная А.П. Чеховым еще до премьеры, активно муссировалась представителями МХАТа (В.И. Немирович-Данченко и др.) и со временем получила максимально широкое распространение. Определенную роль в этом сыграл и А.С. Суворин, прямую отсылку к гибели сына которого часть публики усмотрела в трагедии Треплева.

Роль визуализации и всего спектра изобразительных средств в формировании сатирического отношения к личности и творчеству литератора исследуется Е.С. Сониной в разделе «Образ писателя в журнальной карикатуре Серебряного века». Карикатуры и шаржи на Л. Толстого, М. Горького, Л. Андреева, А. Куприна и др. очень часто были непосредственно связаны с моментами их литературного успеха, иллюстрировали заметные события в их жизни и, конечно, отражали отношение карикатуриста и редакции к их творчеству. Как может показаться, из общего сюжета главы несколько выпадает раздел Е.Ю. Гордеевой «Формы взаимодействия с читателем на страницах дореволюционных специализированных журналов (по материалам библиографической периодики)». Впрочем, автор справедливо указывает на то, что оказавшиеся в центре ее внимания библиографические журналы далеко выходят за границы собственно библиографии, выполняя функцию журналов литературно-критических, историко-литературных и книговедческих. Различные формы взаимодействия редакции и читателей, в том числе и через переписку, публикацию объявлений и рекламы, «точечных» обзоров, позволяют дополнить уже обозначенный в главе контекст немаловажными деталями.

Несомненную ценность представляют материалы, публикуемые во втором разделе монографии. Это переписка А.А. Измайлова и И.И. Ясинского (А.С. Александров), Д. Философова и К. Чуковского (С.В. Федотова, А.Л. Соболев). Обращает на себя внимание подготовленная Е.И. Погорельской подборка текстов И. Бабеля в газете «Новая жизнь». Не менее значим и третий раздел, в котором представлены библиографические росписи журнала «Богема» (А.Л. Соболев) и газеты «Новь» с приложением «Утренний телефон» (Р.А. Поддубцев), а также роспись архивных материалов, посвященных газете «Русское слово» (О.И. Шапкина).

Конечно, можно посетовать на внутреннюю разногласию первой части, в чем-то больше напоминающей сборник статей, усомниться в уместности превращения приложений в третью часть монографии и удивиться, почему в разряд приложений не попал материал второй. Однако на фоне тех масштабных открытий, которые представлены в рецензируемой книге, исходя из логики составителя, подкрепляющего публикуемые исследования с их мощным теоретическим потенциалом различными формами «практики», приведенные выше замечания и сомнения проходят скорее по разряду технических и ни в коей мере не влияют на самую высокую оценку сделанного.

Не станем утверждать, что книга полностью меняет современное представление об истории литературы и журналистики предреволюционной эпохи. Однако ее авторы и не ставили перед собой подобной цели: опира-

ясь на исследования предшественников, максимально расширяя круг источников, вводя в оборот новые и возвращая забытые имена и названия, они пошли по пути уточнения и дополнения уже известного, разработки новых подходов, чтобы создать тот самый фундамент, на котором в будущем будет построена полномасштабная академическая история русской литературы и журналистики конца XIX – начала XX в.

Список источников

1. Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / отв. ред. и сост. А.А. Холиков, при участии Е.И. Орловой. М. : ИМЛИ РАН, 2021. 768 с.

References

1. Kholikov, A.A. & Orlova, E.I. (eds) (2021) *Russkaya literatura i zhurnalistika v predrevoliutsionnuyu epokhu: formy vzaimodeistviya i metodologiya analiza: kollektivnaya monografiya* [Russian literature and journalism in the pre-revolutionary era: Forms of interaction and methodology of analysis: A collective monograph]. Moscow: IWL RAS.

Информация об авторах:

Осовский О.Е. – д-р филол. наук, профессор, главный научный сотрудник Мордовского государственного педагогического университета им. М. Е. Евсевьева (Саранск, Россия). E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

Дубровская С.А. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.E. Osovsky, Dr. Sci. (Philology), professor, chief researcher, Mordovian State Pedagogical University named after M.E. Evseviev (Saransk, Russian Federation). E-mail: osovskiy_oleg@mail.ru

S.A. Dubrovskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: S.Dubrovskaya@bk.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.01.2022;
одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 18.07.2022.*

*The article was submitted 27.01.2022;
approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 18.07.2022.*

Рецензия
УДК 75.056-057 (091)
doi: 10.17223/19986645/78/14

**Рецензия на книгу: Ненашева Л.В. Рукописная книга
Русского Севера XV–XX вв. в собрании Государственного
музейного объединения «Художественная культура
Русского Севера»: Научный каталог. – М. : Северный паломник,
2019. – 392 с. : ил.**

Андрей Васильевич Петров

*Северный (Арктический) федеральный университета им. М.В. Ломоносова,
Архангельск, Россия, avpetrov@atknet.ru*

Аннотация. Рецензируется научный каталог рукописных книг Русского Севера XV–XX вв. из собрания музейного объединения Архангельска. В каталоге даются филигранологическая характеристика и палеографическое описание рукописей, расположенных в хронологическом порядке. Автор каталога отмечает северную специфику в оформлении книг. Полно раскрывается содержание каждой книги. Все представленные в каталоге рукописи созданы на Русском Севере, об этом свидетельствуют северные диалектные черты, отмеченные в текстах.

Ключевые слова: рукописная книга, атрибуция, филигрань, палеография, орнаментика

Для цитирования: Петров А.В. Рецензия на книгу: Ненашева Л.В. Рукописная книга Русского Севера XV–XX вв. в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера»: Научный каталог. – М. : Северный паломник, 2019. – 392 с. : ил. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 239–244. doi: 10.17223/19986645/78/14

Review
doi: 10.17223/19986645/78/14

Book review: Nenasheva, L.V. (2019) *Rukopisnaya kniga Russkogo Severa XV–XX vv. v sobranii Gosudarstvennogo muzeynogo ob"edineniya "Khudozhestvennaya kul'tura Russkogo Severa". Nauchnyy katalog [Handwritten book of the 15th–20th century Russian North in the collection of the Artistic Culture of the Russian North State Museum Association. Scientific catalog]. Moscow: Severnyy palomnik*

Andrey V. Petrov

*Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,
Arkhangelsk, Russian Federation, avpetrov@atknet.ru*

Abstract. The article is a review of the scientific catalogue of the 15th- to 20th-century Russian Northern manuscripts from the Arkhangelsk Museum Association.

That collection features memorials of traditional church literature, Old Believers' manuscripts and ledgers. The books are listed in chronological order with descriptions of filigree as well as paleographic descriptions. The authoress frequently titles the manuscripts herself basing her choices on their content. The catalogue is richly illustrated, it features high-quality reproductions of all the miniatures from the manuscripts. The authoress points out that the book design is very typical of the Russian North. There is some curious information on the records made by scribes. The content of every book is given in detail, "unconventional" books are compared with conventional ones. Most manuscripts deal with the 17th-century Church reform, they describe the relations between the official Church and the Old Believers. All the manuscripts mentioned in the catalogue were written in the Russian North, which is clear from the presence of Northern dialectal words and from the analysis of the paper used.

Keywords: manuscript, attribution, filigree, paleography, ornamental design

For citation: Petrov, A.V. (2022) Book review: Nenasheva, L.V. (2019) *Rukopisnaya kniga Russkogo Severa XV–XX vv. v sobranii Gosudarstvennogo muzeynogo ob'edineniya "Khudozhestvennaya kul'tura Russkogo Severa"*. *Nauchnyy katalog* [Handwritten book of the 15th–20th century Russian North in the collection of the Artistic Culture of the Russian North State Museum Association. Scientific catalog]. Moscow: Severnyy palomnik. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 78. pp. 239–244. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/78/14

Вышел в свет научный каталог рукописной книги Русского Севера XV–XX вв., подготовленный Л.В. Ненашевой, профессором кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, старшим научным сотрудником Архангельского государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера». В рецензируемом издании дается полное описание рукописных книг, хранящихся в коллекции музейного объединения, впервые вводящихся в научный оборот. До этого сведения о коллекции не публиковались, рукописные книги, в нее входящие, никем, кроме автора каталога, не исследовались. В составе собрания 69 памятников письменности (62 книги и 7 документов): от XV (1 книга) до XX века (5 книг). Больше всего памятников XVIII в. (20) и XIX в. (27).

Книги были собраны во время многочисленных музейных экспедиций по отдаленным районам Архангельской области в 1960–1970-е гг. При этом многие рукописи были спасены от неминуемой гибели. Немало памятников было приобретено у частных лиц.

В коллекции в основном представлены традиционные памятники церковной книжности (Пролог, Евангелие, Апостол, Псалтырь, Минея, Месяцеслов, Азбука, Часовник, Святцы, сборники для богослужебного пения и др.), старообрядческие рукописи (Поморские ответы Андрея Денисова, Увет духовный, разнообразные сборники), а также книги приходов и расхождений, рапорты о получении императорского указа, описи и ведомости.

Памятники в каталоге располагаются в хронологическом порядке – от наиболее ранних к более поздним. Используется сплошная нумерация описываемых памятников.

Описание каждой рукописи структурировано следующим образом: порядковый номер в каталоге, название, датировка, музейный шифр, сведения о поступлении рукописи в музей, формат и размер, объем в листах и сохранность текста, материал и тип письма, особенности почерка, описание переплета и украшений, информация об имеющихся записях, содержание книги, библиография.

Название дается в соответствии с общепринятым репертуаром наименований памятников письменности. Нередко автор каталога дает свои названия на основе анализа содержания рукописи. Так, например, 6. Сборник богослужебный; 22. Сборник слов, поучений и патериковых повестей; 49. Сборник слов, житий и поучений; 56. Сборник старообрядческий нравоучительного содержания (указаны порядковые номера по каталогу).

В каталоге указывается дата создания рукописи. При датировке, произведенной автором, учитывались показания бумажных водяных знаков, палеографические признаки, а также косвенные хронологические свидетельства: упоминание в рукописи исторических личностей, первая дата в пасхалии (для месяцесловов и святцев).

Некоторые рукописи имеют разновременные части, при их описании указывается дата каждой из частей в хронологическом порядке, в каталоге такие рукописи помещаются по наиболее ранней дате ее создания. Например: 7. Сборник (Азбука и Часовник) – печатный текст 1637 г. дополнен рукописными, написанными несколькими почерками (первый и второй – на бумаге первой половины XIX в., третий – конец XIX – начало XX в.) [1. С. 30–31].

Филигранологическая характеристика рукописей включает описание бумаги, атрибуцию водяных знаков на основе специализированных пособий-альбомов филиграней, а также штемпелей бумажных фабрик.

Дается подробное палеографическое описание исследуемых рукописей, характеризующее почерки и орнаментику. Указываются все листы с миниатюрами, заставками и концовками, более того, каталог богато иллюстрирован, в нем, в частности, помещены качественные репродукции всех имеющихся в рукописях миниатюр, которые можно подробно рассмотреть и изучить, а также примеры заставок, инициалов. Например: *На л. 141, 290, 365 заставки балканского стиля. Орнамент представлен в форме геометрического рисунка* (1. Пролог, сентябрь – февраль) [1. С. 10]; *Миниатюры текстовые (33) помещены в линейные рамки, выполнены в очерковой манере чернилами, в лист* (21. Страсти Христовы) [1. С. 121]; репродукции пронумерованы, помещены по четыре на странице [1. С. 124–131]. К Сборнику с порядковым номером 43 даны 84 цветные иллюстрации [1. С. 177–207], к Сборнику старообрядческому нравоучительного характера (порядковый номер 56) – 77 иллюстраций [1. С. 254–278], к Цветнику лицевому (порядковый номер 68) – 120 иллюстраций по четыре на странице [1. С. 333–363].

Автор каталога обращает внимание на северную специфику в оформлении книг, например: *Мотивы рисунка сочетаются с характерными при-*

родными элементами северного края: в стилизованные вазы помещены ягоды малины, в рисунке симметрично от центра расположены переплетенные побеги с широкими листьями, колонны обвивают спиралевидные побеги со смородиновыми листьями, в заставках присутствует изображение птиц, похожих на чаек, с длинными хвостами, с веточками ягод в клюве (39. Праздники на крюковых нотах) [1. С. 165].

Приведем пример описания переплета книги: *Переплет – доски, обтянутые кожей. На нижней переплетной крышке помещено пять металлических фигурной формы жуковин: четыре по углам в форме «сердечка», в центре ромбовидной формы. На верхней переплетной крышке сохранился один металлический пробой, на нижней переплетной крышке один кожаный ремешок* (4. Миняя служебная) [1. С. 19].

Большой интерес представляет информация о различных записях писцов, например о принадлежности книги монастырю или частному лицу, абсолютно все обнаруженные записи расшифрованы и помещены в каталоге: *На л. 14 отмечена надпись на нижнем поле: «Тогда»; на л. 21об – на внутреннем поле на вклейке запись чернилами: «присылаю ниською покълон». На л. 23об запись на наклейке: «Читаль и рассматриваль Иванъ Егоровъ 1931 года Поташовъ». На л. 24 на нижнем поле листа расчет годов карандашом. На л. 57–59, 64 на верхнем поле листов сохранилась потухшая запись фиолетовыми чернилами* (5. Златоуст постный) [1. С. 23]; *На последнем листе книги запись карандашом: «1656 г. Сия книга «Скрижаль патриарха Никона»* (8. Скрижаль духовная, или Откровение тайн церковных) [1. С. 37].

Довольно полно раскрывается содержание каждой книги, даже памятников устойчивого состава, в которых отмечается их отличие от традиционных, например: *л. 1–74. Евангелие от Матфея, без начала. На л. 1 текст начинается с пятой главы, зачало 12 со слов: «Егда убо твориши»* (2. Евангелие тетр) [1. С. 15]; *л. 1об. – 5. Выписки из Псалтири. Л. 10–10об. Название книги. Л. 11–26. Начало всенощнаго бдения великия вечерни (без начала), утрачен лист* (41. Обиходник на крюковых нотах) [1. С. 172].

При наличии самоназвания текста оно при описании сопровождается начальными словами, если самоназвания нет, вместо него даются начальные слова. Например: *л. 37–44. Чудо святого Варлаама о келаре Иосафе. Нач.: «Быс во обители святого спаса и чудотворца Варлаама старецъ, именем Иосафъ, келарь тоя обители»* (6. Сборник богослужебный) [1. С. 29]; *Л. 58. Помяни, Господи, святешихъ патриарх'* (13. Синодик литературный) [1. С. 56].

При необходимости указываются конечные слова сохранившегося текста, например: *Конец утрачен, до слов: «и плоды покаяния возрастити сподоби во вся»* (4. Миняя служебная) [1. С. 20].

В библиографии источники расположены по алфавиту, альбомы с филигранями помещены в конце списка. В качестве источников представлены научные и методические работы, так или иначе связанные с исследованием данного памятника, нередко автор каталога Л.В. Ненашева дает от-

ссылки к собственным исследованиям конкретных рукописей и коллекции в целом.

Рецензируемый каталог снабжен тремя алфавитными указателями: наименований рукописей; рукописей, имеющих украшения (миниатюры, заставки, заставки из печатных изданий); нотированных рукописей [1. С. 388–389].

Важно, что в рецензируемом каталоге дается подробное научное описание уникальной коллекции рукописных памятников, хранящихся в Архангельском музейном объединении. Большая часть рукописей связана с церковной реформой XVII в., в них отражаются взаимоотношения представителей официальной церкви и старообрядцев, их острая идейная борьба, которая особенно ярко проявлялась на Русском Севере. Так, здесь широко были распространены старообрядческие сборники религиозно-назидательного характера, тематика сборников охватывает все стороны человеческой жизни.

Все представленные в каталоге рукописи созданы на Русском Севере, об этом свидетельствуют северные диалектные черты, отмеченные в текстах, это подтверждают и данные бумаги, на которой были написаны книги. Автор каталога Л.В. Ненашева отмечает: «Северная рукописная книга является важной частью русской духовной литературы, она вобрала в себя лучшие образцы русской и византийской средневековой литературы и культуры» [2. С. 39].

Следует отметить большую научную ценность рецензируемого каталога, в научный оборот вводится уникальный материал, позволяющий дать более полное представление об эволюции книжного дела в России, о закономерностях развития русского национального языка.

Список источников

1. *Ненашева Л.В.* Рукописная книга Русского Севера XV–XX вв. в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера»: Научный каталог. М. : Северный паломник, 2019. 392 с. : ил.

2. *Ненашева Л.В.* Структура каталога «Рукописная книга Русского Севера XV–XX вв. в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера»» // Северный текст русской литературы. Вып. 5: Русский Север в системе точек зрения. Архангельск, 2020. С. 34–39.

References

1. Nenasheva, L.V. (2019) *Rukopisnaya kniga Russkogo Severa XV–XX vv. v sobranii Gosudarstvennogo muzeynogo ob"edineniya "Khudozhestvennaya kul'tura Russkogo Severa"*. *Nauchnyy katalog* [Handwritten book of the 15th–20th century Russian North in the collection of the Artistic Culture of the Russian North State Museum Association. Scientific catalog]. Moscow: Severnyy palomnik.

2. Nenasheva, L.V. (2020) *Struktura kataloga "Rukopisnaya kniga Russkogo Severa XV–XX vv. v sobranii Gosudarstvennogo muzeynogo ob"edineniya "Khudozhestvennaya kul'tura Russkogo Severa"»* [The structure of the catalog "Handwritten book of the 15th–20th century Russian North in the collection of the Artistic Culture of the Russian North State Museum Association"].

Association]. In: *Severnyyu tekst russkoy literatury* [Northern Text of Russian Literature]. Vol. 5. Arkhangelsk: NArFU. pp. 34–39.

Информация об авторе:

Петров А.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия). E-mail: avpetrov@atknet.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Petrov, Dr. Sci. (Philology), professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: avpetrov@atknet.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.05.2021;
одобрена после рецензирования 10.05.2022; принята к публикации 18.07.2022.*

*The article was submitted 13.05.2021;
approved after reviewing 10.05.2022; accepted for publication 18.07.2022.*

Памяти Дмитрия Анатольевича Катунина (21 июля 1973 – 8 августа 2022)

8 августа 2022 г. пришло тяжелое известие о том, что в 49 лет оборвалась жизнь нашего дорогого коллеги и друга Дмитрия Анатольевича Катунина.

Дмитрий Анатольевич был одаренным, оригинальным ученым. Его исследования, научные статьи касались интерпретации категории времени в русском языке, языкового законодательства в СССР, странах СНГ и Балканского полуострова и проводились на стыке языкознания, истории и права. Его доклады на научных конференциях всегда привлекали большое внимание коллег логичностью, яркостью, доказательностью. Он умел сложное представлять просто, понятно с нотками иронии.

Принципиальный и требовательный редактор, Дмитрий Анатольевич Катунин выполнил труднейшую роль первопроходца, выступив в середине 2000-х годов инициатором создания целого пула отраслевых научных СМИ (25 журналов, из них 20 в настоящее время индексируются в международных базах данных), учредителем которых стал Томский государственный университет (ТГУ). Сегодня эта научная периодика является неотъемлемым элементом университетской экосистемы.

Для каждого из 25 главных редакторов журналов ТГУ Дмитрий Анатольевич всегда находил время, консультировал, советовал, поддерживал как друг и как профессионал. Он беззаветно служил делу, которое им самим было определено как главное в его жизни. Все журналы ТГУ создавались и росли под чутким и заинтересованным взглядом Дмитрия Анатольевича – по новым, самым прогрессивным, стандартам издательского дела, на базе передовой цифровой платформы, выстроенной по рекомендациям АНРИ.

Крупные достижения в создании и продвижении научных СМИ (ТГУ и не только) в международных наукометрических базах данных снискали Дмитрию Анатольевичу известность и уважение далеко за пределами ТГУ и г. Томска. Равно как и его харизматичность, высокий интеллект и умение выстраивать и поддерживать отношения с коллегами.

Вся молодая энергия Дмитрия Анатольевича воплотилась в престиже и авторитете научных изданий Томска и России. А нас, его коллег и друзей, переполняет сегодня не только горькое чувство утраты, которое мы разделяем с его родными и близкими, но и благодарность Богу, судьбе за сопричастность к общему делу развития отечественной периодической научной печати, чему посвятил свою жизнь Дмитрий Анатольевич.

Проректор по информационной политике
и цифровым коммуникациям
Томского государственного университета

Ю.А. Эмер

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс – 44041 в объединенном каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://journals.tsu.ru/philology>

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Ответственный секретарь редакции журнала – М.М. Угрюмова.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ФИЛОЛОГИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2022. № 78

Редактор Т.В. Зелева
Редактор-переводчик В.В. Кашпур
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 30.08.2022 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 15,4; усл. печ. л. 20. Цена свободная.
Тираж 50 экз. Заказ № 5107.

Дата выхода в свет 14.09.2022 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru